ISSN 0131—6656

СМЕНА

ЛЕОНИД ГРОССМАН. ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ЖОРЖ СИМЕНОН. НОЧЬ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

ЛЕОНИД КЕРБЕР. ВОСПОМИНАНИЯ О ТУПОЛЕВЕ

ИВАН САВИН. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

9'91

(Читайте стр. 32.)

9'91

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВЯЧЕСЛАВ КОПЬЕВ
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление
АЛЕКСАНДРЫ ГУСЕВОЙ
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА
Технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 20.06.91.
Подписано к печати 16.07.91.
Формат 84×108½.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п.л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано 1 667 988 экз. (из общего тиража 1 868 000 экз.).
Заказ № 653. Цена 1 р. 65 к.
101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем.

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

9 (1523) СЕНТЯБРЬ

© Издательство «Правда». «Смена», 1991.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

16
ЖОРЖ СИМЕНОН. НОЧЬ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ
Детектив

186
ИВАН АЛЕКСЕЕВ. МАЛЬЧИК — ВЕК
Рассказ

238
ЛЕОНИД ГРОССМАН. ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ПОЭЗИЯ

12
АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4
СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА В МОСКВУ

98
ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ЦЕХ № 1, ИЛИ «ПОМОГИ ТУПОМУ УСТРОИТЬСЯ»

112
ЛЕОНИД КЕРБЕР. С ТУПОЛЕВЫМ В ТЮРЬМЕ И НА ВОЛЕ

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

80
ИВАН САВИН. «СЛОВА НА ЗАПЕКШЕЙСЯ ЛИРЕ...»

94
ВИТАЛИЙ КЛЕПИКОВ. КОЛЮЧИЕ БЛЮЗЫ

96
НАТАЛЬЯ РОДИОНОВА. ПАУЗА ОТ ДИОРА

196
ВАЛЕРИЙ ЩЕКОЛДИН. ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОЛПЫ

210
НИКОЛАЙ БЕРЕЗИН. ОТТАЯВШИЙ СМЕХ «ЛАДАМАНАЗА»

212
ЛЕОНИД ЛЕРНЕР. СОБСТВЕННЫЕ НЬЮТОНЫ

223
ИРИНА ТИМОФЕЕВА. НА УЛИЦЕ АРХИТЕКТОРОВ

На нашей обложке: фотоэтюд ВЛАДИМИРА ОГЛОБЛИНА.

225
ИГОРЬ ТАЛЬКОВ. МОНОЛОГ
Главы из книги

193, 193
ВАШИ ПИСЬМА

282
ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

АНОНС:

■ **Р. ЧАНДЛЕР.** «Глубокий сон»

Американский писатель Раймонд Чандлер давно и прочно вошел в классику детективного жанра, хотя на русский язык почти не переводился. Во всем мире широко известна серия книг о частном детективе Филипе Марлоу, человеке, чья мужественная борьба со злом может, по мнению его создателя, сделать наш мир безопасным и не слишком скучным благодаря личному обаянию героя и его чуть грубоватому юмору.

Предлагаем вашему вниманию первый роман из серии о Филипе Марлоу «Глубокий сон», написанный в 1939 году.

■ **НИКОЛАС УАЙЗМЕН.** «Фабиола»

Повесть «Фабиола» переносит нас в эпоху Древнего Рима, когда государством правил император Диоклетиан, мечтавший покончить с зарождающимся христианством.

Главная героиня повести Фабиола — молодая знатная римлянка, перед которой постепенно открывается истина Евангелия.

В основу публикуемой повести положен перевод Евгении Тур, приведенный в соответствие с современным литературным языком, а в качестве иллюстраций даны гравюры середины XIX века.

Путешествие из Екатеринбурга в Москву

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ

Мой друг Н. Н., человек весьма примечательных свойств, однажды по казенной надобности попал в Екатеринбург.

Как он и просил, гостиницу ему заказали неподалеку от института, в который Н. Н. был направлен по делам. Но она, гостиница, оказалась какой-то странной, и Н. Н. все короткое, но тревожное время, что бытовал в ней, не переставал удивляться...

Заказанный ему номер почему-то был отдан кому-то другому, и его как бы временно поселили в каменный пенал с умывальником и тумбочкой, на которой остались следы от ножек телевизора. Но сказали, чтобы завтра к часу дня он подошел к администратору: к тому времени компьютер (!) выдаст «наличие свободных мест». Однако на следующий день уже с утра дежурная по этажу потребовала от Н. Н., чтобы он немедленно оплатил номер за следующие сутки или «выселялся». Н. Н. спустился к администратору, где ему объяснили: «Вам же русским языком говорили, когда подходить!» В конце концов Н. Н., скрывшись от коридорной, провел некоторое время на нелегальном положении, а когда подошел в означенный час, то оказалось, что как раз в сию пору оне, администраторы, уходят откушать обед. После обеда же компьютер показал «отсутствие свободных мест», и Н. Н. предложили подойти завтра в то же время. Но наутро уже новая дежурная по этажу грохотала в двери Н. Н. и требовала «или продлять, или выселяться», потому что ей «надо сдавать отчет». И так повторялось три дня подряд!

Но и этого мало. В той странной гостинице вообще не было хоть какого-либо ларька по продаже газет, отсутствие которых Н. Н. всегда очень тяжело переживал.

Переговоры с домом он заказать не мог, потому что далекая барышня на телефонной станции требовала так называемые талоны, а их в гостинице не продавали. На каждом этаже висели междугородные телефоны-автоматы, но монет никто не менял. Словом, перечень прелестей подобного рода можно длить и длить, но главное, как мы все понимаем, было в голосах, в интонациях, в манерах, в той атмосфере, которая не оставляла сомнений: Н. Н. и ему подобные — никто-ничто-извать-никак и проживают здесь исключительно по милости персонала...

О нет, Н. Н. не с неба упал в нашу жизнь, он был вполне советский человек, знал и испытал все что положено. И понимал: если относиться серьезно, хватит инфаркт или сойдешь с ума. Потому он много смеялся и развлекался тем, что пытался объяснить служителям гостиницы, всем по очереди: это не мы существуем для вашего удобства, а, наоборот, это вы существуете для нашего комфорта и уюта, поймите, все наоборот, все наоборот! Служители взирали на его веселость с опаской и говорили, что у них гостиница третьего разряда,— так что взятки гладки. Но, понимая некоторую шаткость аргумента, тут же вводили в бой тяжелую артиллерию: «У нас в Свердловске уже полгода талоны на масло не отоваривают, жрать вообще нечего, вот мы и злые как собаки».

Тут уж Н. Н. не мог ничего возразить и начинал испытывать жгучий стыд за свой московский холодильник, где оно, масло, присутствует...

Так, более чем заметно, пролетели три дня, и вдруг оказалось, что Н. Н. все свои дела в городе

Рисунки АЛЕКСЕЯ МЕРИНОВА

завершил уже в среду. Но ведь обратный билет, который он еще в Москве заказал и который ему на дом принесли, на субботу! Неужто еще два с половиной дня жить в этой гостинице, испытывая чувство юмора? Конечно же, нет. И он, собрав вещи, но предусмотрительно оставив за собой номер, отправился в аэропорт Кольцово, что находится от города достаточно далеко. Наивный! В аэропорту таких, с билетами, можно было складывать штабелями вокруг, около и на дальних подступах. Быстро поняв ситуацию, Н. Н. отправился восвояси, настроив себя на юмористический лад. За сим занятием прозевал свою остановку и опомнился лишь на конечной, у железнодорожного вокзала, при виде которого его и осенила мысль: а почему не на поезде? Каких-то тридцать часов. В любом случае он будет дома раньше. Сказано — сделано. И он ринулся в людской водоворот у касс. Как добыл билет — отдельная история. Скажем коротко: повезло. Ему даже пообещали за час до отправления его драгоценную плацкарту переделать на купе. И, окончательно осмелев от удачи, Н. Н. тут же и спросил, где ему сдать авиабилет. На что услышал: нигде, только в аэропорту, поезжайте туда, это недалеко, час езды...

Это, конечно, было очень смешно: на таком железнодорожном узле, как Свердловск, не иметь самолетной кассы... право, очень смешно. Но впереди Н. Н. ждали еще большие неожиданности. В аэропорту полуторамиллионного города, лежавшего аккурат посреди великой, необъятной страны, на пересечении всех воздушных путей, работали всего две билетные кассы. Две. Не больше и не меньше.

Что там творилось — описать нельзя. То и дело взлетали самолеты, и диспетчеры объявляли, что в них есть свободные места, но тем, кто улетает сейчас, сегодня, пробиться к заветному окошку было невозможно... И при взгляде на этих несчастных людей у Н. Н. мелькнула и тут же пропала смутная мысль: почему они все это терпят? А тут еще он, которому, видите ли, надо не купить билет, а — сдать...

Опять же не буду рассказывать, как ему это удалось. И даже довольно быстро, потому что у него осталось время заехать в гостиницу, отдохнуть, и в полночь Н. Н. был на вокзале.

...Плацкарту ему на купе не переделали по причине отсутствия такового, но Н. Н. не переживал. Он купил в вокзальном буфете две булки и четыре крутых яйца. В последний момент вспомнил, что нужна соль, и стал сооружать из газеты кулечек, пересыпать в него соль из банки на столе. При этом буфетная посудомойка, убиравшая со стола тарелки, даже подвинула к нему баночку. Но когда Н. Н., сам не зная почему, сказал ей, что вот, мол, позаимствует у нее соли, она вскинула голову, раскрыла глаза и вдруг разразилась потоком ругательств, из которых можно было разобрать, что ходят тут всякие и после них клиентам соли не остается.

Н. Н. аж вздрогнул от неожиданности, но потом рассмеялся. Он сразу понял, в чем дело. Пока он пересыпал соль, уборщице и в голову не приходило что-нибудь сказать: во-первых, что ей соли жалко, а, во-вторых, кто знает, что он за человек, скажешь ему что-нибудь, а он в ответ тебя таким матом обложит — грузчики покраснеют. Но когда Н. Н. попросил позволения, она мгновенно, в долю секунды, поняла, что этот — из интеллигентов, на него

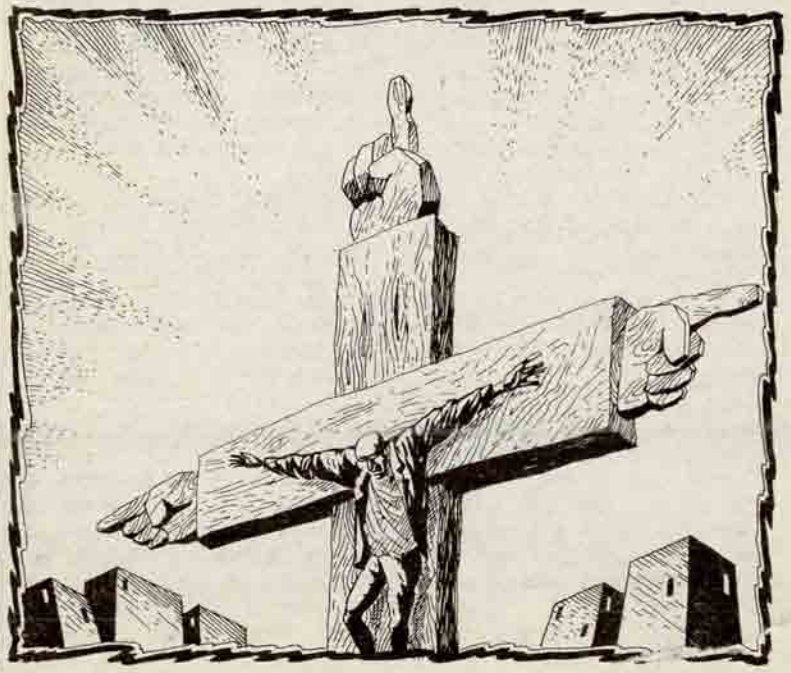
можно, и тут уж отвела душеньку, устроила себе праздник! Все понимал Н. Н. и потому усмехался, покачивал головой...

Объявили посадку, Н. Н. не спеша прошел на перрон и довольно долго добирался до своего тринадцатого вагона. Он был единственным пассажиром, но для проводниц его появление было подобно нашествию ворога, потому что они встретили его криками: «Перепродажа! Перепродажа! На третьей полке спать будешь!» «Почему же на третьей?» — удивился Н. Н. «Тебе же русским говорят: перепродажа! — взъярились проводницы.— Мест у нас нет!» Н. Н. ничего не понял. А тут еще ему на глаза попались две свободные боковые полки, заваленные какими-то мешками. «Вот же места...» — удивился он и вызвал своим нахальством уже самую настоящую истерику.

Повторюсь: Н. Н. не с неба упал в нашу жизнь, он не беспомощный и беззащитный человек, которого может пнуть всяк, кому не лень. Он такой же, как мы, с той лишь разницей, что мы начинаем кричать: «Сама хамка!» — еще до того, как нам нахамили, а Н. Н., как мы уже убедились, действительно примечательный человек, всежалельщик и всепрощенец, и ожесточается, дает отпор лишь в самых крайних случаях...

Но уж тогда-то не боится никого и ничего.

О, я хорошо знаю Н. Н. и отчетливо представляю, как вдруг стальным блеском засверкали очки ведущего в стране специалиста по лирике Афанасия Фета и как он, спокойно, тише, чем обычно, сказал: «Девочки, освободите, пожалуйста, мне эту полку»,— и, понятно, было в его изменившемся голосе и облике нечто, что пробило даже одну из проводниц

и та пошла на попятную: «Да освободи ты ему, не связывайся...» Но та, вторая, была этим уязвлена в самое сердце: «Он щас у меня на перроне очутится, такой умный!»

Сдерживая себя изо всех сил, Н. Н. попросил вернуть ему билет, пообещал, что проводниц в Советском Союзе больше нигде на работу не возьмут, и с тем вышел из вагона, направился к середине состава.

Кто-то ему сказал, что бригадир в седьмом, штабном, но в седьмой вагон его не пустили, сказали: бригадирша ушла во-он туда... Н. Н. пытался сказать, что он подождет бригадиршу здесь, но перед ним демонстративно захлопнули тяжелую дверь.

Время уходило. Поезд вот-вот тронется. Н. Н. бегом припустил вдоль состава и попытался войти в пятый и шестой вагоны, но на его пути стеной встала проводница, круглообразная, можно сказать, пушистая в зимних одеяниях. Но — с совершенно железобетонным лицом. Начался нелепый, жалкий, подлый разговор. «Так вы что, меня на перроне с билетом оставите, а поезд уйдет?!» — догадался наконец Н. Н. «А мне какое дело, — отвечала пушистая проводница.— Иди в свой вагон или в штабной, да вон, открыли штабной-то...»

Н. Н. уже ничего не видел сквозь запотевшие очки, но поверил и побежал. Однако штабной вагон был закрыт наглухо, и Н. Н. понял, что его просто-напросто обманули. Он вдруг осознал, что все правда: поезд сейчас уйдет, а он останется на заснеженном перроне и может потом хоть всю оставшуюся жизнь делать то, что в мерзкой нашей действительности обозначается таким же мерзким, блатным словосочетанием: качать права...

Н. Н. побежал, уже не думая ни о чем, и вдруг увидел открытые, никем не охраняемые двери вагона, влетел в них и не успел даже удивиться, как ему повезло. В том тамбуре женщина в железнодорожной форме, с твердым, значительным лицом, одним словом, бригадир поезда разговаривала с проводницей, и потому двери были не закрыты, не охранялись. Бригадир поняла Н. Н. с полуслова, взяла у него билет и повела за собой, и Н. Н., глядя ей в спину, подумал, что сейчас ему найдут свободную полку — и все, на том дело кончится. Гнев, жажда немедленного отмщения, тот вулкан, что взрывается вдруг в душе униженного, растоптанного советского человека,— все это закончится тем, что он получит свое законное боковое место — и все. И только! Ты можешь лопнуть, сгореть, но сделать нельзя ни-че-го. Чтобы хоть чего-то добиться, надо положить жизнь, да и что может искупить те минуты унижения и бессилия?

Бригадир провела его в шестой вагон к той самой круглообразной проводнице, распорядилась, и проводница быстро нашла ему место и даже начала стелить постель.

Поезд уже набирал ход, раскачивался на стрелках. Была глубокая ночь, все спали, и только Н. Н. стоял, упершись лбом в холодное ребро полки, и в голове его билась отчаянная, единственная, одна и та же мысль: в этой стране жить нельзя. И снова: в этой стране жить нельзя.

И в то же время Н. Н. прекрасно понимал, что никуда он уехать не сможет: и сил не хватит, и никому он там не нужен, и родные осины держат, друзья, а в его годы новых друзей не приобретают, у таких, как он, в этой стране нет ничего, кроме друзей.

И все-таки в этой стране жить нельзя.

Но как же тогда быть? Где выход?

Выход был, и Н. Н. знал его. Надо так организовать свое бытование, чтобы как можно меньше соприкасаться с этой хамской, грязной, подлой жизнью, с этим нашим так называемым народом. И обустраивается сие достаточно просто, тем более в его положении. Главное, не пороть отсебятины.

Вот в этот раз проявил инициативу, попросил гостиницу поближе к институту — и получил... И так во всем. Значит, надо держать себя под контролем, умерить вольности, экспромты и прочие хождения в жизнь, расстаться, наконец, с наивнодушием, или как там оно называется...

Но ведь это все равно что предательство — вот так осознанно строить свою отдельную жизнь! Самое настоящее предательство! И никак иначе. А если иначе, то разговор пойдет уже не о принципах, а о степени, до каких границ можно. Но тогда какая разница между ним и тем полузнакомым академиком-начальником, который, говорят, не знал, как покупать билеты в автобусе, когда вдруг разом заболели оба его шофера? Выходит, разница только в возможностях, и будь у него такие возможности, как у того начальника, они были бы духовные братья?

Тут надо пояснить. Н. Н. и немногие его друзья были, на мой взгляд, примечательные люди, потому что и в нынешние неразборчивые времена в их душах неведомо зачем и неведомо как трепыхал еще слабенький огонек, разожженный в России в шестидесятые годы прошлого века: здакая лам-

падка служения народу, чувство вины перед ним, перед народом, за свои чистые руки и университетское образование, исключительно книжный труд и профессорскую кафедру в сорок лет.

Нет, Н. Н. и его друзья были вполне современные люди, они понимали, что настоящий, непридуманный, некнижный народ — вот он, кругом, хамит вам на каждом шагу. Вот эти проводницы не что иное, как народ. И они, Н. Н. и его друзья, сами смеялись над своими обветшалыми взглядами, остатками иллюзий, даже ёрничали. Например, Е. С., ближайший товарищ Н. Н., был известен в их кругах как автор фразы: «Народа нет — есть население!» А сам Н. Н. как-то изрек еще более ёрническую максиму: «Стыдно ездить в такси, когда народ страдает!»

Но все же, все же... Что-то еще оставалось, какая-то ссадина в душе, некий огонек затухающий. И потому-то Н. Н. терзался, и не желал иметь ничего общего, соприкасаться с оскорбительной для человека действительностью, и в то же время считал такое стерильное обустройство отдельной жизни предательством по отношению к народу...

— Ты бы спал,— подошла к Н. Н. круглообразная проводница.— Чего не спишь-то?

— А ты знаешь, почему в Америке люди вежливые? — спросил Н. Н.

— Почему?

— Потому что там у многих оружие. И любой, прежде чем нахамить, тыщу раз подумает, а вдруг перед ним псих, нервный, который пальнет — и все дела.

— Значит, пальнул бы, если б пистолет был? — ужаснулась проводница.

— Кто ж знает... я ж себя не помнил, в таком состоянии человек на все способен.

— Ты гляди! — удивилась проводница.

— Подожди еще,— сказал ей Н. Н.— Когда-нибудь и где-нибудь с твоим сыном поступят так же, как вы со мной, вот тогда ты и вспомнишь меня.

— Да ладно тебе,— виновато сказала проводница.— Чего не бывает...

Подошла еще одна проводница, напарница той, круглообразной. Узнав, в чем дело, ахнула:

— Да не может такого быть! Она же и права не имела: с билетом на руках можно в любой вагон входить.

Н. Н. усмехнулся.

— Да не в том дело! — загорячилась напарница.— Она же у меня добрая душа, мухи не обидит! Конечно, и нас доводят, собачья ведь жизнь, скоро сами станем, как собаки. Но она не могла, добрая душа!

Н. Н. снова усмехнулся.

— Значит, из всех нас сделали мерзавцев. Значит, нам очень нравится власть показать, покуражиться, растоптать человека — вот вам и «добрая душа».

— Да ладно тебе,— сказала круглообразная.— Ложись спать, утром чай принесу...

Конечно, «мухи не обидит», конечно, «добрая душа», горько усмехался про себя Н. Н., ворочаясь на боковой полке. И уж конечно — д о в е л и. И ничего не скажешь. Так ведь и есть. Поезд-то новокузнецкий, значит, там она и живет, где-нибудь на окраине, в шахтерской слободке, в «шанхае» или в «копае», в халабуде, которая еще от отца осталась. Отец ждал квартиры всю жизнь — не дождался, теперь вот они двадцать лет ждут, да тоже не дождутся, муж точно не дождется, в пятьдесят лет уже в старика

превратился, все здоровье в забое оставил...

Конечно, при такой судьбине не до любви к ближнему.

Всех можно понять, пожалеть, оправдать.

Но вот жить с ними — невозможно и невыносимо.

А с другой стороны, как-то уж очень легко и быстро мы доводимся. Чуть ли не с готовностью, чуть ли не с радостью, что теперь с нас все взятки гладки — и стервенеем тут же, на собственных глазах, до истерики, до белых зрачков, до сладостной дрожи вожделенного хамства...

И ничто нас не в состоянии удержать, потому что там, в душе, в глубине, ничего уже нет?..

И на этом мы оставим Н. Н., потому что, когда интеллигент начинает рассуждать о народе, это всегда надолго. Заметим только, что некоторая стилизация нашего очерка под старину навеяна только и исключительно личностью самого Н. Н. и ничем больше, и потому само название очерка глубоко неверно.

Нет никакого Екатеринбурга, и, боюсь, уже не будет. Да и Москва... Словом, этот очерк нравов советских людей правильней будет назвать так: «Путешествие из областного города Свердловска в административный центр обновленного Союза ССР».

Пусть и длинновато, но зато абсолютно точно. Уж простите за буквализм. Как в старину говаривали, примите и прочая...

ДЛЯ ДЕЛОВЫХ И ДАЛЬНОВИДНЫХ!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЗАОЧНАЯ ШКОЛА НАЧИНАЮЩИХ БИЗНЕСМЕНОВ

объявляет очередной прием слушателей на 3-х месячный курс обучения.

ВЫ ПОЛУЧИТЕ ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ ЗНАНИЯ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ СОБСТВЕННОГО ДЕЛА!

В программе школы: основы экономики, банковского и биржевого дела, бухгалтерского учета, компьютерной грамоты, менеджмента, маркетинга, вопросы организации и регистрации предприятий.

Слушатели школы обеспечиваются учебными пособиями, образцами документов, нормативными материалами. По окончании школы выдается свидетельство. Начало занятий по мере комплектования групп.

Подробную информацию вы получите, обратившись по адресу: 197136, Ленинград, а/я 46, ЛЗШНБ. К письму приложите конверт со своим адресом.

ПУСТЬ БУДЕТ НИЧЬЯ

В. Липатову

Газеты уже прочтены
Вперед на сотни страниц.
А в мире разгар весны.
Давай послушаем птиц.

Послушаем шорох ручья
Среди оживающих трав.
Пусть будет пока ничья
Меж теми, кто прав и не прав.

Трудно живется нам
В стране ожиданий и зла.
И весь наш Верховный гам
Не стоит песни щегла.

Я вижу лик Сатаны
Среди одинаковых лиц.
А в мире разгар весны.
Давай послушаем птиц.

Давай возьмем выходной
От суеты и фраз.
Всё смертно, кроме одной
Природы, родившей нас.

Кто-то надеется жить
Долго... И дай-то Бог.
А мне бы лишь одолжить
У Времени малый срок.

Чтобы успеть сказать
Другу, что он мне мил.
Да еще показать
Внуку зеленый мир.

Да, может быть, повидать
Деревню Старый Погост,
Где юной была моя мать,
Где с травами шел я в рост.

Где батя учил добру,
Скворечник к стволу крепя.
Где я, как и он, умру
Вдали от себя.

Есть просьба еще одна...
Ах, если б помочь я мог,
Чтоб ожила страна,
Которую проклял Бог.

СТИХИ О ЛЕНИНГРАДЕ

Марине

Неповторим осенний Ленинград.
Неповторима Пушкинская осень.
Замешивает краски листопад
И медленно на землю их наносит.

Наверно, так же был неповторим
Осенний Петербург в былые годы.
И память, словно добрый пилигрим,
Ведет меня под каменные своды.
И вновь Адмиралтейская игла
На туче швы незримые сшивает,
Чтоб туча воду наземь не слила —
И без того в подтеках мостовая.

Неповторим осенний Ленинград,
Когда он юн, когда могуч иль болен.
Над страшной дамбой — тишина и смрад
Неповторимо борются с прибоем.
А небо всё в мозаике листвы...
Зеленый, алый, бронзовый и синий
Цвета перемешались... Но, увы,
К утру их обесцветит белый иней.

Неповторим осенний Ленинград.
Играют тени на углу фронтальном.
Ветвями перечеркнут Летний сад,
Где статуи, как узники, печальны.
Неповторима и моя любовь.
И эта боль с надеждой и мольбою,
Когда он в сердце оживает вновь —
«Великий город с областной судьбою...»

Историю вершит народ.
А пишут люди.
Но их игра с историей хитра.
И я не знаю, что с ней завтра будет,
Как мы не знали этого вчера.

И если кто-то преуспел во блуде,
История за все сполна осудит.
Забвению предаст или простит.
А мы всего лишь маленькие люди.
У нас к ней ни претензий, ни обид.

Мы в большинстве своем все безымянны.
Но там, где крупно пишется «НАРОД»,
Там мы как раз — Иваны да Оксаны.
Мы о себе всё знаем наперед.
И как бы нашу память ни кромсали,
И что бы ни случилось с нами впредь,
Мы остаемся, потому что сами
Решаем, как нам жить и умереть.

Историю вершит народ, а пишут люди.
Что им прикажут, то они строчат.
И чье-то имя поднесут на блюде.
А чье-то на кусочки измельчат.

═

Во мне живет парение орла.
Полет стрелы и детские печали.
Не верится, что жизнь почти прошла,
А кажется, что многое вначале.

Наш век не лучший из былых эпох.
Я был свидетель горестных событий,
Когда нам души заморозил «бог»,
Повелевая — «Бойтесь и любите!»

Я помню те кровавые года,
Пронизанные этим черным взглядом.
Страх и разлуки, горе и нужда
С надеждой детской уживались рядом.

═

Бывают же такие совпаденья!
Ваш образ воскресил в моей душе
Иной портрет и давнее смятенье.
Былую боль, прошедшую уже.

Смотрю на вас, как будто возвращаюсь
В забытый мир восторженной любви.
Смотрю на вас и мысленно прощаюсь
С той женщиной, что повторили вы.

Печаль меня охватывает снова.
Я ухожу во власть своей вины;
Но в благодарность вам я не скажу ни слова,
Поскольку языки разобщены.

Я вас прошу простить меня за смелость,
Что с каждым днем смотрю на вас нежней.
Мне просто нестерпимо захотелось
Побыть подольше с юностью своей.

Кассель, Германия

Какие лица у парижских женщин!
Покой мужчин при них на волоске.
И все же там красивых женщин меньше,
Чем в нашей замороченной Москве.

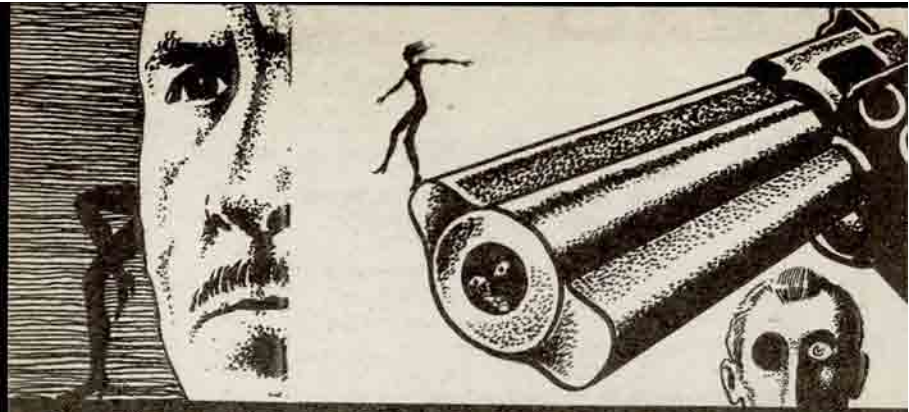
Да что Москва... У нас полно красавиц
По две, по три на каждую версту.
И весь Париж бы изошел на зависть,
Когда б увидел эту красоту.

Беда в другом, что их до срока старят
Наш образ жизни, горести и быт.
А веры нет, что жизнь иною станет,
Что в каждом доме каждый будет сыт.

Взглянуть бы мне на милых парижанок,
Когда их обрекут на много дней
В автобусную давку спозаранок,
В вечернюю тоску очередей.

Нет в их глазах привычного замота.
А в магазинах есть не только хлеб.
Парижских женщин украшает мода,
А наших унижает ширпотреб.

Мы в праздники встречаем их, лелеем.
Но в будни жизнь по-прежнему грустна.
Давайте их по-русски пожалеем,
Коли не хочет их жалеть страна.

ЖОРЖ СИМЕНОН

НОЧЬ НА ПО

I

ЧЕРНЫЙ МОНОКЛЬ

Прошло ровно семнадцать часов с тех пор, как начался допрос Карла Андерсена. Мегрэ, устало вздохнув, поднялся и подошел к окну. Туман окутывал Сену. Мигая зелеными и красными огнями, прошел последний буксир с тремя баржами. Последний автобус, последний поезд метро. Париж затихал.

Допрос продолжался. Каждые два часа Мегрэ нажимал на кнопку, и бригадир Люкас, спавший в соседней комнате, сменял комиссара, бросал взгляд на его записи и продолжал следствие. А Мегрэ, растянувшись на походной кровати, отдыхал, чтобы с новым запасом энергии возобновить допрос.

Молочный туман над Сеной постепенно начал бледнеть и рассеиваться, наступивший день осветил пустые набережные. В коридорах послышались шаги, зазвенели телефоны, захлопали двери. Уборщицы начали греметь своими швабрами.

Мегрэ, положив на стол свою перегревшуюся трубку, окинул мрачным взглядом арестованного.

Семнадцать часов непрерывного допроса. В течение всех этих часов арестованный стоял посреди комнаты. Град вопросов сыпался на него, как пули из пулемета.

«Тебе хочется пить?.. Ты хочешь есть?..»

Арестованного попросили сесть, затем снова подняться.

Их было двое, они могли подремать, потянуться, избавиться на какое-то время от постоянного монотонного допроса.

И все же именно они отступили первыми! Мегрэ пожал плечами и вытер взмокший лоб.

Возможно, больше всего его поразило не физическое и моральное

РЕКРЕСТКС

ное сопротивление человека, а волнующая элегантность, изысканность, которую тот сохранял до конца допроса.

Светский человек, оставшись после обыска без галстука и воротничка, проводит час в камере предварительного заключения абсолютно голый среди сотни злоумышленников; его таскают к фотоаппаратам и измерительным приборам, толкают, подвергают унизительным насмешкам, и после многих часов допроса ничто уже не отличает его от первого встречного бродяги.

Карл Андерсен не изменился. Несмотря на свой помятый костюм, он сохранил элегантность аристократа, ни с чем не сравнимую сдержанность, непреклонность и высокомерие, свойственное людям дипломатических кругов.

Он был выше Мегрэ, шире в плечах, но гибкий и тонкий. Его продолговатое лицо было бледно, а губы бесцветны. Он носил черный монокль. Когда ему приказали вынуть его, он повиновался, и тень улыбки промелькнула на его лице. Стеклянный глаз на молодом привлекательном лице производил тягостное впечатление, и Мегрэ проворчал:

— Можете снова вставить ваш монокль...

Андерсен ни разу не пожаловался, единственным признаком его усталости был темный глубокий круг под правым глазом.

— Вы подтверждаете все ваши показания?

— Подтверждаю.

— Вы отдаете себе отчет в том, что они неправдоподобны?

— Отдаю, но не могу лгать.

Андерсен был датчанином, но говорил почти без акцента.

Рисунки БОРИСА СОПКИНА

— Может быть, хотите, чтобы я прочел протокол допроса, прежде чем вы его подпишете?

Неопределенный жест светского человека, который отказывается от чашки чая.

— Тогда подведем итог. Вот уже три года, как вы вместе с вашей сестрой Эльзой прибыли во Францию. Месяц вы жили в Париже. Затем сняли загородный дом на главной магистрали, идущей от Парижа на Этамп, в трех километрах от Арпажона, на перекрестке Трех Вдов. Вы живете так уединенно, что соседи не видели вашей сестры и пяти раз. Вы купили машину «5 СУ» устаревшего типа, на которой сами ездите за покупками на рынок в Арпажон. Каждый месяц на этой же машине вы отправляетесь в Париж.

— Чтобы передать мои работы фирме «Дюма и Сын» на улице 4-го Сентября.

— Ваша работа заключается в изготовлении рисунков ткани для меблировки. За каждый рисунок вам платят по пятьсот франков. В среднем вы делаете четыре рисунка в месяц, итого две тысячи франков...

У вас нет друзей. Ваша сестра не имеет подруг. В субботу вечером вы легли спать и, как обычно, заперли сестру в ее комнате, соседней с вашей. Вы объясняете это тем, что она слишком пуглива... В воскресенье, в семь часов, мосье Мишоне, страховой агент, проживающий в особняке в ста метрах от вас, вошел в свой гараж и увидел, что его новая шестицилиндровая машина исчезла, а на ее месте стоит ваша колымага...

Андерсен, не двигаясь, сделал машинальный жест по направлению к пустому карману, в котором, должно быть, обычно находились сигареты.

— Мосье Мишоне, который в течение нескольких дней только и делал, что говорил о своей новой машине, подумал, что с ним сыграли злую шутку. Он пошел к вам, увидел, что ворота заперты, и полчаса спустя рассказал о своих злоключениях в жандармерии. Жандармерия направила агентов к вашему дому... Но там не было ни вас, ни вашей сестры... Более того, в гараже нашли машину мосье Мишоне, на переднем сиденье которой, склонившись на руль, лежал мертвый мужчина, убитый выстрелом в упор... Это был Исаак Гольдберг, ювелир из Анвера...

Жандармерия поспешила обратиться к служащим вокзала в Арпажоне, которые видели, как вы с сестрой садились в парижский поезд... На вокзале д'Орси вас обоих схватили... Вы все отрицаете...

— Я никого не убивал...

— Вы также отрицаете, что были знакомы с Исааком Гольдбергом...

— Я увидел его впервые в моем гараже, на руле машины, которая мне не принадлежит...

— И вместо того, чтобы позвонить в полицию, вы сбежали вместе с сестрой...

— Я испугался...

— Вам нечего добавить?

— Нечего!

— И вы утверждаете, что ничего не слышали в ночь с субботы на воскресенье?

— У меня крепкий сон.

Измученный Мегрэ нажал на кнопку звонка и бросил вошедшему бригадиру Люкасу:

— Я скоро вернусь.

Беседа между Мегрэ и судебным следователем Комелио длилась минут пятнадцать. Судья заранее отказался от участия в этом деле.

«Вы увидите, что это будет одно из тех дел, которые, к счастью, бывают раз в десять лет и до сути которых вы никогда не доберетесь. И это свалилось на меня!.. Посудите сами, все детали не вяжутся! Зачем понадобилась замена автомобилей?.. Почему Андерсен не воспользовался для бегства машиной?.. Что делал этот ювелир на перекрестке Трех Вдов?.. Поверьте, Мегрэ, для вас, как и для меня, начинается целая серия неприятностей! Откажитесь от этого дела... Возможно, вы правы, полагая, что из Андерсена ничего больше не вытянешь, если он смог сопротивляться в течение семнадцатичасового допроса».

В кабинете Люкас вяло наблюдал за арестованным, который терпеливо ждал, прислонившись лбом к стеклу.

— Вы свободны! — произнес Мегрэ с порога.

Андерсен сделал легкий жест, указывая на свою шею и расшнурованные ботинки.

— Вам вернут ваши вещи в канцелярии. Разумеется, вы остаетесь в распоряжении правосудия. Малейшая попытка к бегству, и я вас отправляю в тюрьму Санте.

— А моя сестра?

— Она дома...

Пересекая порог, датчанин, вероятно, почувствовал некоторое волнение, так как вынул монокль и провел рукой по стеклянному глазу.

— Благодарю вас, комиссар.

— Не за что!

— Даю вам честное слово, я невиновен...

— Я вас ни о чем не спрашиваю!

Андерсен поклонился и в сопровождении Люкаса прошел в канцелярию.

Человек, присутствовавший при этой сцене, вскочил в негодующем изумлении и устремился к Мегрэ.

— Как?.. Вы его отпустили?.. Но это невозможно, комиссар...

Мосье Мишоне, страховой агент и владелец шести новых цилиндров, самоуверенно вошел в кабинет и положил шляпу на стол.

— Прежде всего я пришел по поводу автомобиля.

Он говорил, вытягивая губы и тщательно подбирая слова.

Ведь он — пострадавший! Тот, кого правосудие должно защитить!

Префектура существует только для того, чтобы его слушать.

— Этой ночью я имел длинный разговор с мадам Мишоне. Надеюсь, вы скоро познакомитесь... Заметьте, ее отец был профессором лицея в Монтпелье, а мать давала уроки музыки... Если я вам это говорю... Короче... Необходимо, чтобы решение было принято быстро... Я купил новую машину в рассрочку... Подписал восемнадцать векселей... Заметьте, недвижимость... Короче...

Мегрэ не двигался и тяжело дышал.

— Я не могу обойтись без машины, она мне крайне необходима в силу моей профессии... Подумайте сами, мой район простирается на тридцать километров от Арпажона... Итак, мадам Мишоне такого же мнения... Мы не хотим больше иметь машину, в которой был убит человек... И правосудие должно сделать все необходимое, чтобы обеспечить нам новый автомобиль той же марки. Хотелось бы цвета бордо. Конечно, это никоим образом не отразится на цене. Обратите внимание, моя была обкатана, и я буду вынужден...

— Это все, что вы хотели мне сказать?

— Простите, комиссар! Конечно, я готов помочь всем, чем могу... Но крайне важно, чтобы автомобиль...

Мегрэ провел рукой по лбу.

— Ну хорошо, в скором времени я вас навещу.

— А как же автомобиль?..

— Как только следствие закончится, автомобиль будет вам возвращен...

— Я же вам сказал, что мадам Мишоне и я...

— Передайте мое почтение мадам Мишоне!.. Всего хорошего, мосье.

Мишоне очутился на площадке вместе с шляпой, которую ему сунули в руку со словами:

— Сюда, пожалуйста! Первая лестница налево... Дверь прямо...

Мегрэ закрыл дверь и повернул ключ два раза. Он поставил воду, чтобы сварить себе крепкий кофе.

Часом позже из Анвера пришла телеграмма следующего содержания:

«Исаак Гольдберг, 45 лет, довольно известный маклер по бриллиантам. Хорошие отзывы банков. Каждую неделю ездил в Амстердам, Лондон, Париж. Роскошная вилла в Боргеруте, улица Кампин. Женат. Отец двоих детей в возрасте восьми и двенадцати лет.

Мадам Гольдберг предупреждена, поездом выехала в Париж».

В одиннадцать часов утра в кабинете Мегрэ раздался телефонный звонок. Звонил Люкас.

— Алло! Я на перекрестке Трех Вдов. Звоню из гаража, находящегося в сотне метров от дома Андерсена... Датчанин вернулся к себе... Ворота снова заперты... Ничего особенного...

— Где сестра?

— Должно быть, там, но я ее не видел...

— Тело Гольдберга?..

— Отправлено в морг в Арпажон...

Мегрэ возвратился к себе домой на бульвар Ричард-Ленуар.

— У тебя усталый вид! — тихо сказала жена.

— Приготовь чемодан с парой белья и ботинками на смену.

— Надолго уезжаешь?..

— Не знаю.

— Далеко?

— Еще не знаю.

— Будь осторожен...

Но Мегрэ уже спускался по лестнице и, слегка повернувшись, помахал ей рукой. На бульваре он остановил такси.

— Вокзал д'Орси... Или лучше... Сколько будет стоить до Арпажона?.. Триста франков в оба конца?.. Тогда в дорогу!..

Это бывало с ним редко. Но он устал и едва отгонял сон, который еще больше овладел им в машине.

А может быть, он был немного взволнован? Нет, не из-за этой невероятной истории с украденным у Мишоне автомобилем.

Скорее всего его задел за живое датчанин.

«Семнадцать часов усиленного допроса,— думал Мегрэ.— Такого испытания не выдерживали даже самые закоренелые преступники».

Возможно, именно поэтому Мегрэ освободил Андерсена.

После Бург-ла-Рен он все-таки уснул. Шофер разбудил его в Арпажоне перед старым рынком, крытым соломенной крышей.

— В каком отеле вы остановитесь?

— Поезжайте до перекрестка Трех Вдов...

Перекресток Трех Вдов. Гараж с пятью бензоколонками, покрашенными в красный цвет. Налево стрелка, указывающая дорогу на Авренвиль. Вокруг бескрайние поля.

— Это здесь,— сказал шофер.

На перекрестке было только три дома. Гараж из гипсовой плитки, построенный наскоро, в котором механики ремонтировали маленький грузовик. Напротив особнячок с небольшим садом, окруженным решеткой двухметровой высоты. На медной доске надпись: «Эмиль Мишоне, страховой агент». Следующий дом располагался в двухстах метрах. Стены, окружавшие парк, позволяли видеть только первый этаж, шиферную крышу и несколько великолепных деревьев. Это был хороший загородный дом с крыльцом из пяти ступенек, украшенным по краям бронзовыми светильниками. Из трубы с лепным карнизом поднималась струйка дыма.

Вот и все. За полями — утес, крыши ферм, на опушке — пашни, брошенный плуг.

А по гладкой дороге мчались, гудели, встречались и обгоняли друг друга автомобили.

II

ДВИГАЮЩАЯСЯ ШТОРА

Внезапно со стороны дороги появился Люкас и подошел

к Мегрэ. Комиссар поставил чемодан на землю и протянул ему руку. В этот момент послышался пронзительный гудок, и машина на полной скорости пронеслась мимо полицейских настолько близко, что чемодан отбросило на три метра.

Мегрэ поморщился.

— И много здесь таких?

— Это первая... Могу поклясться, что она метила в нас.

В окне виллы Мишоне дрогнула занавеска.

— Можно ли здесь переночевать?

— В Арпажоне или в Авренвиле... Авренвиль ближе, но мы сможем найти там только деревенский постоялый двор.

— Отнеси туда мой чемодан и сними комнаты... Ничего не случилось?

— Ничего... За нами наблюдают из окна виллы. Это мадам Мишоне. Я ее только что посетил. Довольно объемистая брюнетка, у которой, должно быть, не очень покладистый характер...

— Тебе известно, почему это место называется перекрестком Трех Вдов?

— Я навел справки... Из-за дома Андерсена... Он существует со времен революции... Раньше на перекрестке стоял только этот дом. В последний раз, лет пятьдесят назад, в нем жили три вдовы: мать и две дочери. Матери, калеке, было девяносто лет, старшей из дочерей — 67, а младшей — 60. Три старые маньячки были настолько жадны, что не делали никаких покупок, а питались продуктами со своего огорода и птичьего двора... Ставни никогда не открывались. И порой неделями их никто не видел. Старшая дочь сломала ногу, так об этом узнали только тогда, когда она умерла... Странная история!.. Однажды довольно долго не было слышно ни малейшего шума, никакого движения в доме Трех Вдов... Люди начали судачить... Мэр Авренвиля решил посмотреть... Их нашли мертвыми, всех троих. Они пролежали не менее десяти дней!.. Мне сказали, что в то время газеты много писали об этом случае... Местный учитель, увлеченный таинственной историей, написал даже книжонку, в которой предполагал, что девица со сломанной ногой из ненависти к сестре, еще довольно бодрой, отравила ее, а заодно и мать... Вскоре же умерла и сама вблизи двух трупов: она не могла двигаться, чтобы себя накормить!..

Мегрэ внимательно посмотрел на дом, затем бросил взгляд на новую виллу Мишоне, на еще более новый гараж, на машины, мчавшиеся по центральной магистрали со скоростью восемьдесят километров в час.

— Сними комнаты... Потом возвращайся ко мне...

— Что вы собираетесь делать?

Комиссар пожал плечами и пошел к воротам дома Трех Вдов.

Широкая аллея открывала с одной стороны подъезд к крыльцу, с другой — к гаражу, устроенному в старой конюшне с черепичной крышей.

Никакого движения. Вечерело. Лошади пересекали дальнее поле, возвращаясь на ферму.

Мегрэ увидел невзрачного человека в фуражке и с трубкой в зубах, который прогуливался по дороге, засунув руки в карма-

ны фланелевых брюк. Как принято обычно в деревне между соседями, он запросто подошел к Мегрэ и заговорил:

— Вы ведете расследование? Я хозяин гаража на перекрестке... Я вас издали заметил...

«Наверняка старый боксер»,— подумал Мегрэ, глядя на разбитый нос и следы от ударов кулаков на лице. Голос был хриплым, вульгарным, протяжным, но самоуверенным.

— Что вы скажете об этой истории с автомобилями?..

Хозяин гаража засмеялся, обнажив золотые зубы.

— Если бы не было покойничка, я нашел бы это приключение уморительным... Вам этого не понять!.. Вы не знаете типа напротив, Муссю Мишоне, как мы его зовем... Господин, который не любит фамильярностей, носит высокий пристяжной воротничок и лакированные ботинки... А мадам Мишоне!.. Вы ее еще не видели? Гм!.. Эти люди требуют чего надо и не надо; приводят жандармов, потому что автомобили производят много шума, когда останавливаются у моих бензоколонок...

Мегрэ смотрел на своего собеседника спокойно, не ободряя, но и не обескураживая его.

Проехал автомобиль булочника, и человек в домашних туфлях крикнул:

— Привет, Клемент!.. Твой гудок починен!.. Тебе остается только взять его у Жожо!..

Он снова повернулся к Мегрэ и предложил ему сигареты:

— Несколько месяцев он только и говорил, что собирается купить себе новую колымагу, надоел всем торговцам автомобилями, в том числе и мне!.. Он требовал скидки... Заключал с нами сделки... Кузов автомобиля был для него либо слишком темным, либо слишком светлым... Он хотел бордо, но не слишком бордо, и все-таки оставалось бордо... Короче, кончилось тем, что он купил автомобиль у одного коллеги в Арпажоне... Согласитесь, ведь можно подохнуть от смеха, найдя его несколькими днями позже в гараже Трех Вдов!.. Я бы дорого заплатил, чтобы посмотреть на нашего голубчика, когда утром он увидел эту старую развалину на месте шести цилиндров!.. Жаль, покойник портит все!.. Послушайте, когда будете проходить мимо, может, зайдете к нам выпить стаканчик? На перекрестке нет бистро. Со временем будет! Я подыскал одного славного парня и финансировал его...

Он протянул руку Мегрэ, произнес: «До скорого свидания...» — и удалился тем же шагом. Потом остановился, чтобы поговорить с крестьянином, проезжавшим мимо на двуколке.

Мегрэ подошел к особняку Трех Вдов и дернул за шнур, висевший справа от калитки. Низкие резонансы бронзы завибрировали в саду, но за ними последовало довольно продолжительное молчание. Дверь подъезда не открывалась, хотя позади дома под ногами заскрипел гравий. Наконец Карл Андерсен подошел к воротам, открыл входную дверь и наклонил голову.

— Я сомневался, что вы придете... Я полагал, что вы захотите осмотреть гараж...

На нем был все тот же костюм, что и на набережной Орфевр: элегантный, но уже лоснящийся...

— Ваша сестра здесь?..

— Да...

— Мне бы хотелось повидать ее.

Легкое замешательство.

— Соблаговолите следовать за мной. Вы позволите показать вам дорогу?

Андерсен толкнул стеклянную дверь, и Мегрэ последовал за ним в большую гостиную, погруженную в полумрак.

— Я позову сестру...— произнес Андерсен, не зажигая света. Казалось, он даже не заметил, что наступил вечер. Мегрэ, оставшись один, медленно прохаживался по комнате. Он остановился перед мольбертом, на котором лежал кусок ткани. Это был эскиз, странный, но смелый рисунок в стиле модерн.

Сумерки сгущались. В доме было очень тихо.

В дверях остановился Карл Андерсен. Он молчал, лишь белые руки выдавали его волнение и нервозность.

Легкое скольжение по лестнице.

— Моя сестра Эльза...— наконец произнес он.

Она приближалась. Ее контуры были неясны в полутьме. Она шла, как героиня фильма или лучше, как идеальная женщина из юношеской мечты.

Ее платье, было ли оно из черного бархата? Было ли оно более темным, чем все остальное, чтобы подчеркнуть контраст, глубокий и прекрасный? Еще немного рассеянного света сконцентрировалось на ее светлых и легких волосах, на матовом лице.

— Мне сказали, что вы желаете поговорить со мной, комиссар...

Акцент чувствовался больше, чем у Карла. Певучий голос понижался на последних слогах.

Брат держался возле нее, как раб около своего господина, которого он обязан защищать.

— Сигарету!..— сказала она, поворачиваясь к брату.

Он поспешил, взволнованный, неловкий. Она взяла со столика зажигалку, чиркнула, и на мгновение красное пламя сразилось с темной голубизной ее глаз.

После этого мрак сделался еще более чувствительным, настолько чувствительным, что комиссару стало не по себе, и он начал искать выключатель, но, не найдя, пробормотал:

— Могу я попросить вас зажечь свет?

Сцена носила слишком театральный характер. Театральный? Скорее слишком таинственный, как запах духов, который наполнил комнату с появлением Эльзы.

Этот акцент... Безукоризненная корректность Карла и его черный монокль... Омерзительная смесь роскоши с обветшалостью... Вплоть до платья Эльзы, которое не было предназначено ни для улицы, ни для театра, ни для выхода в свет. Покрой был простым. Ткань облегала фигуру, закрывала шею, оставляя открытыми только лицо и руки...

Андерсен наклонился над столом, снял стекло с одной из трех старых керосиновых ламп. В углу гостиной появился легкий свет.

Эльза стояла у одного из кресел в стиле ампир и курила.

— Ваш брат, мадемуазель, утверждает, что он ничего особенного не слышал в ночь с субботы на воскресенье... Кажется, у него очень крепкий сон...

— Очень...— подтвердила она, выпуская струйку дыма.

— Вы тоже ничего не слышали?

— Нет, ничего особенного! Наш дом расположен на главной магистрали. Движение не прекращается даже ночью. Ежедневно с восьми часов вечера грузовики направляются к рынкам, и от них много шума... К тому же в субботу проезжали туристы, направлявшиеся к берегам Луары и Солонь... Наш сон был прерван шумом моторов, скрипом тормозов и криками...

Тон, полный неги, слишком сладострастный. Однако Эльза не вела себя вызывающе, она оставалась простой в своих жестах и в поведении. Но эта простота не та, которую требовала данная обстановка.

Комиссару понятнее были три старухи и их чудовищные страсти.

— Позвольте мне осмотреть дом?

Никаких колебаний ни у Карла, ни у Эльзы. Он поднял лампу, а она уселась в кресло.

— Если желаете, следуйте за мной...

— Я полагаю, что в основном вы проводите время в этой гостиной?

— Да... Здесь я работаю...

— У вас нет прислуги?

— Вы знаете, сколько я зарабатываю. Слишком мало, чтобы позволить себе держать прислугу...

— Кто готовит пищу?

— Я...

Это было сказано просто, без стеснения. Двое мужчин достигли коридора, Андерсен толкнул дверь, протянул лампу по направлению к кухне и сказал едва слышно:

— Извините за беспорядок...

Здесь был больше чем беспорядок. Здесь была грязь. Спиртовка залита закипевшим молоком; на столе, покрытом куском клеенки, соус и жир, куски хлеба. Остатки эскалопа на сковородке, стоявшей тут же на столе, в раковине — грязная посуда.

Когда они снова вышли в коридор, Мегрэ бросил взгляд в темную гостиную, где все еще мерцала сигарета Эльзы.

— Мы не пользуемся ни столовой, ни маленьким салоном. Они находятся в передней части дома... Хотите посмотреть?..

Лампа осветила довольно красивый паркет, сложенную в кучу мебель, сваленную на пол картошку. Ставни были закрыты.

— Наши комнаты наверху.

Под ногами заскрипели ступеньки. Запах духов становился все сильнее.

— Вот моя комната...

Простой волосяной матрац, положенный на пол, изображал диван. Простенький туалетный столик. Большой гардероб в стиле Людовика XV. Пепельница, полная окурков.

— Вы много курите?

— По утрам в кровати, когда читаю... Возможно, до тридцати сигарет.

Перед дверью напротив он остановился и быстро произнес:

— Комната моей сестры...

Повернув ручку, Мегрэ толкнул дверь. Запах духов в комнате был настолько сильным, что защипало в горле.

Андерсен нахмурился, но не вошел, а продолжал держать лампу перед открытой дверью.

Комиссар почувствовал себя будто в теплом и нежном оазисе. Паркет устлан шкурами животных, великолепная шкура тигра служила ковриком у кровати. Кровать из черного дерева покрыта черным бархатом. На бархате — смятое шелковое белье.

Незаметно Андерсен с лампой удалился в глубь коридора, и Мегрэ последовал за ним.

— Есть еще три небольшие комнаты...

— Но только комната вашей сестры выходит на дорогу...

Карл не ответил, указывая на узкую лестницу.

— Служебная лестница... Мы ею не пользуемся... Если хотите посмотреть гараж...

Они спустились в гостиную и увидели растянувшуюся в кресле Эльзу. Она с безразличным видом посмотрела на мужчин.

— Карл, вы не предложили чай комиссару.

— Спасибо, я никогда не пью чай...

— Я сама хочу! Вам виски? Ну же... Карл! Я прошу вас...

Смущенный и взволнованный, Карл поставил лампу и зажег маленький нагревательный прибор, который находился под серебряным чайником. Мегрэ никак не мог объяснить появившееся у него чувство тревоги. Атмосфера в целом была интимной и беспорядочной. Огромные цветы с фиолетовыми лепестками распускались на мольберте.

— В общем,— заговорил он,— кто-то сначала украл машину Мишоне. Гольдберг был убит в этой машине, затем ее пригнали в ваш гараж, а ваш автомобиль был препровожден в гараж страхового агента...

— Это невероятно, не правда ли? Мой брат утверждал, что нас обвинят в преступлении, потому что убитый был обнаружен в нашем гараже... Он решил бежать... Лично я не хотела... Если бы мы в самом деле убили, у нас не было бы ни малейшего интереса к...

Она остановилась, ища глазами Карла, который рылся в углу.

— Ну что же вы ничего не предлагаете комиссару?

— Простите... я... я обнаружил, что больше нет

— Вы, право, все такой же! Ни о чем не думаете... Придется вам извинить нас, мосье...

— Мегрэ.

— Мосье Мегрэ... Мы редко употребляем алкогольные напитки...

В парке послышались приближающиеся шаги, и Мегрэ узнал бригадира Люкаса.

III

НОЧЬ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

— Что случилось, Люкас?

Мегрэ стоял перед стеклянной дверью.

— Ничего, комиссар, я пришел за вами...

Несколько смущенный, Люкас попытался через плечо комиссара заглянуть внутрь.

— Ты снял комнату?

— Да... Для вас есть телеграмма... Мадам Гольдберг приезжает сегодня ночью...

Мегрэ обернулся: Андерсен ждал, наклонив голову, Эльза курила, нетерпеливо покачивая ногой.

— Ну что ж, я вернусь завтра, чтобы снова допросить вас,— объявил он.— Мое почтение, мадемуазель...

Она снисходительно поклонилась.

Карл проводил полицейских до ворот.

— Вы не хотите посмотреть гараж?

— Завтра...

— Послушайте, комиссар, возможно, мой поступок покажется вам подозрительным... Но если я могу оказать вам в чем-то помощь... Конечно, я иностранец, к тому же именно надо мной нависло самое тяжкое обвинение... Тем более я должен сделать все, чтобы виновный был найден... Не сердитесь за мою неловкость...

Мегрэ посмотрел ему прямо в глаза. Карл медленно отвел взгляд в сторону. Он закрыл ворота и вернулся в дом.

— Что с тобой стряслось, Люкас?

— Я беспокоился... Не знаю почему, но этот перекресток произвел на меня отвратительное впечатление...

Они шли по обочине дороги. Машины проезжали редко.

— Я пытался восстановить события, связанные с преступлением,— продолжал Люкас.— Чем больше о нем думаешь, тем оно выглядит невероятнее.

Они поравнялись с виллой Мишоне.

Между гаражом и виллой сорок метров. Между ними и домом Андерсенов сто метров.

Их соединяла ровная и гладкая дорога, обрамленная высокими деревьями.

— Прежде всего,— продолжал Люкас,— надо было, чтобы Гольдберг добрался сюда. Вы видели труп в морге? Нет?.. Это мужчина сорока пяти лет резко выраженного еврейского типа... Маленький солидный человек с твердой челюстью и упрямым лбом, обрамленным вьющимися, как у барана, волосами... Роскошный костюм... Тонкое белье с собственными вензелями... Персонаж, который привык жить на широкую ногу, приказывать, тратить не считая... Ни грязи, ни пыли на его лакированных ботинках... Словом, если даже он приехал в Арпажон поездом, то не проделал пешком трех километров, отделяющих нас от города.

Я полагаю, он приехал на автомобиле. Врач утверждает, что пищеварительный процесс в желудке закончился в момент смерти, которая наступила мгновенно... Зато в желудке у него нашли довольно большое количество шампанского и жареный миндаль.

В Арпажоне ни один трактирщик не продал шампанского в ночь с субботы на воскресенье, и, ручаюсь, во всем городе вы не найдете жареного миндаля...

Посмотрите на гараж Мипоне, комиссар. Всего год как страховой агент владеет машиной. Его первый автомобиль был старой жестянкой, и он довольствовался для ее укрытия ангаром из досок, который выходит на дорогу и закрывается висячим замком. С тех пор у него не хватило времени построить себе другой гараж. Стало быть, это сюда пришли за шестью новыми цилиндрами. Надо было отвезти машину в дом Трех Вдов, открыть ворота, проникнуть в гараж, вытащить оттуда старую колымагу Андерсена, поставить на ее место автомобиль Мипоне, пристроить Гольдберга у руля и убить его выстрелом в упор... Никто ничего не видел, никто ничего не слышал!.. Ни у кого нет алиби!.. Возвращаясь ночью из Авренвиля, я почувствовал себя выбитым из колеи...

Я дошел до ворот дома Трех Вдов... Фасад не был освещен, но я заметил в саду желтоватый свет...

Это идиотизм, я хорошо понимаю, но мне стало страшно за вас. Вы не возвращались довольно долго... Эта мадам Мипоне сидит в засаде за своими занавесками...

Я, конечно, ошибаюсь. Однако могу поклясться, что половина проезжающих здесь водителей наблюдает за нами...

Мегрэ обвел взглядом треугольник домов, начал медленно прохаживаться и остановился перед гаражом, где в резком свете полукруглой лампы механик в спецовке менял на машине колесо.

Это скорее была ремонтная мастерская, чем гараж. В ней находилось с десяток машин, все старые, вышедшие из моды, и одна из них без колес, без мотора, лишь каркас висел на блоке, привязанный цепями.

— Пойдем обедать! В котором часу должна приехать мадам Гольдберг?

— Я не знаю... Вечером...

Постоялый двор в Авренвиле был пуст. Одна стойка, несколько бутылок, огромная печь, бильярд в миниатюре, лавки, твердые как камень, дырявые простыни, собака и кошка, спящие рядом...

Хозяин накрывал на стол, а жена его жарила на кухне эскалоп.

— Как зовут хозяина гаража на перекрестке? — спросил Мегрэ, глотая сардину вместо закуски.

— Мосье Оскар...

— Он давно в этих краях?

— Лет восемь... Может быть, десять... Лично у меня двуколка и лошадь... Вот так...

— А мосье Мишоне?

— Это страховой агент... Вы будете пить белое или красное?

Хозяин долго возился, пытаясь вытащить кусок пробки, упавшей в бутылку, и кончил тем, что перелил вино.

— А люди из дома Трех Вдов?

— По правде говоря, я их никогда не видел... Во всяком случае, даму, кажется, там есть одна дама... Центральная трасса — это уже не Авренвиль.

— Хорошо прожарить? — крикнула из кухни жена.

Мегрэ и Люкас замолчали, поглощенные своими мыслями.

В девять часов они вышли на дорогу и направились к перекрестку.

— Она не приехала.

— Мне было бы любопытно узнать, зачем приезжал Гольдберг в эти места... В карманах у него нашли бриллианты?

— Нет... Ничего, кроме двух тысяч и нескольких франков в бумажнике...

Мегрэ заметил, что дом мосье Оскара стоял не у края, а позади мастерской, поэтому окон не было видно.

Механик в комбинезоне ел, сидя на ступеньке одной из машин. Неожиданно в нескольких шагах от полицейских вынырнул из темноты сам мосье Оскар.

— Добрый вечер, господа!

— Добрый вечер! — проворчал Мегрэ.

— Прекрасная ночь! Если так будет продолжаться, на Пасху будет великолепная погода...

— Скажите,— грубо прервал его комиссар,— ваша лавочка остается открытой всю ночь?

— Нет! Но всегда есть дежурный, который спит на походной кровати. Дверь закрыта... Завсегдатаи звонят, когда им что-то бывает нужно...

— Ночью на дороге много машин?

— Нет, не много! Только грузовики, которые снабжают рынки... Это край ранних овощей, особенно кресс-салата... Случается, не хватает бензина... Или же надо произвести мелкий ремонт... Не хотите ли вы выпить что-нибудь?..

— Спасибо.

— Вы делаете ошибку, но я не настаиваю... Так вы еще не выпутались из этой истории с автомобилями?.. Знаете, мосье Мишоне наверняка заболеет!.. Особенно, если ему тотчас же не вернут его шесть цилиндров...

Вдали засверкали фары, свет которых постепенно увеличивался; послышался шум мотора и — снова темнота.

— Доктор из Этампа,— пробормотал мосье Оскар.— Он ездил на консультацию в Арпажон... Коллега, должно быть, оставлял его обедать...

— Вы знаете все проезжающие автомобили?

— Многие. Смотрите, вон два фонаря... Это везут кресс-салат на рынки... Добрый вечер, Жюль!..

С высоты проезжавшего грузовика ответил голос, и какое-то время был виден маленький красный огонек заднего фонаря. Несколько в стороне светящейся гусеницей вытянулся поезд.

— Экспресс девять тридцать две... Вы в самом деле ничего не хотите выпить? Послушай, Жожо, когда закончишь ужинать, проверь третий насос, он заедает...

Оставив мосье Оскара у гаража, Мегрэ начал ходить взад-вперед в сопровождении Люкаса, вполголоса говорившего с самим собой.

Ни малейшего света в доме Трех Вдов. Полицейские десять раз прошли перед воротами. Десять раз Мегрэ механически поднимал глаза по направлению к окну, которое, как ему было известно, принадлежало комнате Эльзы.

— Она уже не приедет,— вздохнул Люкас.— По-видимому, решила переночевать в Париже...

Мегрэ свернул к Авренвилю. Когда они пришли на постоялый двор, все лампы, за исключением одной, были погашены, и в кафе никого не было.

— Мне кажется, что я слышу шум приближающегося автомобиля...

Они обернулись. Две фары пронизывали ночную тьму по направлению к деревне. Повернув к гаражу, автомобиль, должно быть, замедлил ход. Слышны были чьи-то голоса.

— Они спрашивают дорогу...

Наконец автомобиль, освещая один за другим телеграфные столбы, подъехал. Мегрэ и Люкас, стоявшие перед постоялым двором, попали в луч света.

Скрип тормозов. Шофер вышел и открыл дверцу автомобиля.

— Это точно здесь? — спросил женский голос из автомобиля.

— Да, мадам, Авренвиль. И над дверью сосновая ветка.

Нога в шелковом чулке ступила на землю. Из машины вышла дама, одетая в меха. Мегрэ пошел ей навстречу.

В этот момент раздался выстрел. Крик — женщина, как подкошенная, упала на землю и замерла, свернувшись клубочком.

Комиссар и Люкас переглянулись.

— Займись ею! — бросил Мегрэ.

Шофер замер на месте. На первом этаже постоялого двора открылось окно.

Выстрел был произведен со стороны поля. Комиссар бежал, вытаскивая на ходу из кармана револьвер. Он слышал нечто похожее на мягкие, вязнувшие в глине шаги. Но ничего не видел из-за фар, неистово освещавших часть дороги.

Обернувшись, Мегрэ крикнул:

— Фары!..

Шофер или Люкас направили одну из фар на комиссара, и тень последнего — огромная и черная — обрисовалась на голой земле поля.

— Фары, черт побери! — прорычал Мегрэ.

Охваченный бешенством, он бежал зигзагами, как преследуемый кролик. Внезапно в сотне метров от себя он увидел бензоколонку, и чей-то голос прохрипел совсем близко:

— Что случилось?

Мегрэ сразу же остановился. Он оглядел мосье Оскара с ног до головы и отметил, что на его туфлях не было грязи.

— Вы никого не видели?

5-SU

— Только один автомобиль, водитель которого спрашивал дорогу на Авренвиль...

Комиссар заметил на центральной магистрали удаляющийся по направлению к Арпажону красный огонек.

— Что это такое?

— Грузовик поехал на рынок.

— Он останавливался?

— Только на время, чтобы взять двадцать литров...

Можно было догадаться о царившей суматохе у постоялого двора, а фары все продолжали прочесывать пустое поле. Внезапно Мегрэ пересек улицу и позвонил в дверь виллы Мишоне.

Открылся маленький потайной глазок.

— Кто там?

— Комиссар Мегрэ. Я хотел бы поговорить с мосье Мишоне.

Появившаяся в дверях мадам Мишоне была взволнованна, даже потрясена. Она бросила украдкой взгляд на дорогу.

— Вы его не видели?

— А разве его нет здесь? — проворчал Мегрэ с проблеском надежды.

— То есть... я не знаю... я... Только что стреляли, не так ли? Да войдите же!

Ей было около сорока, лицо неприятное, с резкими чертами.

— Мосье Мишоне вышел на минутку, чтобы...

— Сколько времени прошло после его ухода?

— Не знаю. Может быть, полчаса...

Что-то зашевелилось на кухне.

— У вас есть прислуга?

— Нет... Это, наверное, кошка...

Комиссар открыл дверь и увидел мосье Мишоне, возвращавшегося через дверь, ведущую в сад. Его сапоги были тяжелы от грязи. Он вытирал пот.

Мужчины пристально смотрели друг на друга.

— Ваше оружие,— произнес полицейский.

— Мое?

— Ваше оружие, быстро!

Страховой агент протянул ему маленький револьвер, который вытащил из кармана брюк. Но все шесть пуль были на месте.

— Откуда вы пришли?

— Оттуда...

— Что вы называете «оттуда»?

— Не бойся, Эмиль! Они не посмеют причинить тебе вред! — вмешалась мадам Мишоне.— Это уж слишком, наконец... И мой шурин, мировой судья в Каркассонне...

— Одну минутку, мадам. Я разговариваю с вашим мужем... Вы пришли из Авренвиля. Что вы там делали?

— Из Авренвиля? Я?

Он весь дрожал, но удивление его не было наигранным.

— Я вам клянусь, что пришел оттуда, то есть из дома Трех Вдов... Я хотел лично проследить за ними, потому что...

— Вы не были в поле? Вы ничего не слышали?

— Это был выстрел? Кто-нибудь убит?

Его усы повисли. Он смотрел на жену, как мальчишка смотрит на мать в момент опасности.

— Я уверяю вас, комиссар, я вам клянусь...

Он топнул ногой о землю, и две слезинки брызнули из его глаз.

— Неслыханно! Это мою машину украли! Это в мой автомобиль подложили труп! И мне отказываются ее вернуть, мне, который работал пятнадцать лет, чтобы заплатить за нее! И меня же еще обвиняют в...

— Помолчи, Эмиль! Я сейчас сама поговорю с ним!

Но Мегрэ перебил ее.

— Другого оружия в доме нет?

— Именно вот этот револьвер мы купили, когда строили виллу. И еще! В нем те же самые пули, которые оружейный мастер положил туда.

— Вы пришли из дома Трех Вдов?

— Я опасался, чтобы снова не угнали мою машину. Я хотел лично проверить, проник в парк, или скорее забрался на стену...

— Вы их видели?

— Кого? Этих двоих? Андерсенов? Конечно. Они в гостиной. Вот уже целый час ссорятся...

— Вы ушли, когда услышали выстрел?

— Да. Но я не уверен, что это был выстрел. Мне только показалось... Я беспокоился...

— Вы никого больше не видели?

— Никого.

Мегрэ направился к двери и увидел мосье Оскара, приближавшегося к порогу.

— Ваш коллега послал меня, комиссар, передать вам, что женщина умерла. Мой механик пошел в Арпажон предупредить жандармерию. Он приведет врача. Вы позволите мне уйти? Я не могу оставлять гараж без присмотра.

В Авренвиле неяркие фары по-прежнему освещали часть стены постоялого двора и тени, двигающиеся вокруг машины.

IV

ПЛЕННИЦА

Мегрэ, опустив голову, медленно шел по полю, на котором уже начали прорастать посевы, покрывшие землю нежной зеленью. Было утро, светило солнце, и воздух звенел от пения невидимых птиц.

В Авренвиле Люкас ожидал прокурора, охраняя машину, которая привезла мадам Гольдберг. Машина была нанята ею в Париже на площади Опера.

Начинался прелестный апрельский день. На поле, где Мегрэ, ослепленный фарами, напрасно преследовал убийцу, а теперь шаг за шагом продвигался по ночным следам, два крестьянина нагружали повозку свеклой, которую выкапывали из грядок, в стороне мирно ждали лошади.

Красные бензоколонки гаража сверкали на солнце. Мегрэ курил медленно, сосредоточенно, даже насупившись. Обнару-

женные в поле следы, казалось, свидетельствовали, что мадам Гольдберг была убита выстрелом из карабина, так как убийца не приближался к постоялому двору ближе, чем на тридцать метров.

В этих отпечатках не было ничего характерного: ботинки без гвоздей, среднего размера. Следы, описывая полукруг, достигали перекрестка Трех Вдов на одинаковом расстоянии от дома Андерсена, виллы Мишоне и гаража.

Короче говоря, они не открывали тайну, не давали ничего нового, и Мегрэ, выйдя на дорогу, сильнее сжал зубами наконечник своей трубки.

Он увидел мосье Оскара, который стоял на пороге своего дома, засунув руки в карманы слишком широких брюк, с безмятежным выражением на вульгарном лице.

— Уже встали, комиссар? — крикнул он через дорогу.

В то же время какая-то машина остановилась между гаражом и Мегрэ. Это была маленькая «5 СУ», принадлежавшая Андерсену.

Датчанин, в перчатках, в мягкой шляпе и с сигаретой в зубах, сидел за рулем. Он приподнял шляпу.

— Разрешите сказать вам пару слов, комиссар?

Стекло опустилось, и он со своей обычной корректностью продолжал:

— Хочу попросить у вас разрешения поехать в Париж. Чего бы это ни стоило. Я надеялся встретить вас здесь. Сегодня 15 апреля. В этот день я получаю плату за мою работу у «Дюма и Сын». И сегодня же я должен внести квартальную плату за дом.— Он виновато улыбнулся.— Слишком малая необходимость, как видите, но необходимость крайняя. Мне нужны деньги...

На мгновение он вынул черный монокль, чтобы получше вставить его, и Мегрэ отвернулся, так как не любил неподвижного взгляда его стеклянного глаза.

— Ваша сестра?

— Я как раз хотел поговорить с вами о ней. Не будет ли слишком, если я попрошу вас время от времени присматривать за домом?

Три черные машины появились со стороны Арпажона и повернули налево по направлению к Авренвилю.

— Что это такое?..

— Из прокуратуры... Ночью мадам Гольдберг была убита в тот момент, когда выходила из машины...

Мегрэ зорко следил за его реакцией.

По другую сторону дороги мосье Оскар лениво прогуливался около своего гаража.

— Убита! — повторил Карл и с внезапной нервозностью произнес:

— Послушайте, комиссар!.. Я должен поехать в Париж... Я не могу оставаться без денег, особенно в тот день, когда поставщики предъявляют свои счета... Но я хочу помочь в раскрытии преступления... Вы мне позволите, не правда ли?.. Точно мне ничего

не известно, но я предчувствую... как это сказать?.. Я догадываюсь о существовании какого-то заговора...

— Поезжайте! — сказал Мегрэ.

Карл поклонился, закурил сигарету, включил скорость, и колымага, спустившись под уклон, начала медленно карабкаться на подъем. Три машины остановились перед въездом в Авренвиль.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить?

Мегрэ нахмурил брови, глядя на улыбающегося хозяина гаража.

На ходу набивая трубку, Мегрэ направился к дому Трех Вдов. Ему пришлось пройти мимо виллы Мишоне.

Окна были открыты. В спальне на втором этаже мадам Мишоне в чепчике стряхивала коврик. На первом этаже страховой агент без воротничка, небритый, непричесанный, безучастно смотрел на дорогу и курил трубку. Увидев комиссара, Мишоне сделал вид, что очень занят чисткой трубки.

Мегрэ позвонил у ворот дома Андерсена. Он ждал минут десять. Все ставни были закрыты. Ни малейшего движения.

Мегрэ пожал плечами, наклонился над замком, выбрал отмычку и открыл ворота. Как и накануне, он обогнул здание, подошел к стеклянным дверям гостиной и постучал, но ответа вновь не последовало. Мегрэ решительно вошел в гостиную и начал медленно подниматься по лестнице.

На втором этаже комната Андерсена была открыта. Около гардероба Мегрэ заметил пару ботинок, несомненно только что начищенных, так как щетка и банка с гуталином лежали рядом, а пол был усеян мелкой грязью.

Комиссар вытащил бумагу с контуром следов, найденных в поле. Сходство было абсолютным.

Однако Мегрэ, казалось, даже не обрадовался. Он продолжал курить и был угрюм, как в моменты утренних пробуждений.

Послышался женский голос:

— Это ты?

Голос исходил из комнаты Эльзы, дверь которой была заперта.

— Это я...— выговорил Мегрэ.

Наступила довольно продолжительная тишина. Затем голос спросил:

— Кто там?

Отступать было слишком поздно.

— Комиссар, который приходил вчера... Я хотел бы сказать вам несколько слов, мадемуазель...

Опять тишина. Мегрэ старался угадать, что она делает за дверью, из-под которой выбивался тонкий солнечный луч.

— Я вас слушаю...— сказала она наконец.

— Не будете ли вы так любезны открыть мне дверь... Если вы не одеты, я могу подождать.

И опять действующая на нервы тишина, затем смешок.

— Вы даете мне трудновыполнимое задание, комиссар.

— Почему?

— Потому что я заперта... Но вы можете говорить со мной через дверь.

— Кто вас запер?

— Мой брат Карл... Я так боюсь бродяг, что сама прошу его запирать меня, когда он уходит...

Мегрэ ничего не сказал, вытащил из кармана отмычку и вставил ее в замочную скважину.

Когда отмычка сработала, он не сразу толкнул дверь, а предпочел предупредить:

— Я сейчас войду, мадемуазель...

Мегрэ очутился в комнате, залитой солнечным светом.

Жалюзи были опущены, но горизонтальные рейки пропускали широкие солнечные полосы, и стены, предметы, даже лицо Эльзы были как бы разрезаны на светящиеся дольки.

Она смотрела на приближающегося Мегрэ с забавным изумлением, к которому, возможно, примешивалась немалая доля страха.

— Что вы хотите?

— Прошу прощения, если побеспокоил вас...

Эльза засмеялась легким девичьим смехом. Одно плечо обнажилось. Она поправила пеньюар, но не встала с дивана.

— Как видите, я не делаю ничего серьезного... Я никогда ничего не делаю!

— Почему вы не поехали с братом в Париж?

— Не хочу. Он утверждает, что присутствие женщины стесняет, когда речь идет о делах...

— Вы никогда не покидаете дом?

— Ну как же, гуляю в парке...

— И все?

— Здесь три гектара... Достаточно, чтобы размять ноги, не так ли? Садитесь, комиссар... Меня забавляет ваш тайный визит.

— Что вы хотите этим сказать?

— Представляю физиономию моего брата, когда он вернется... Карл ужаснее самого ревнивого любовника! Он присматривает за мной и играет свою роль всерьез...

— А я думал, что вы сами, опасаясь бродяг, захотели оказаться запертой.

— И это тоже... Я так привыкла к одиночеству, что стала бояться людей...

Мегрэ сел в глубокое кресло и положил на ковер свой котелок. Каждый раз, когда Эльза смотрела на него, он отворачивался, потому что никак не мог привыкнуть к этому взгляду.

К тому же его несколько стесняла интимность встречи.

Комната, пронизанная ароматом духов. Молодая женщина в пеньюаре, покачивающая туфелькой, одетой на кончики пальцев голой ноги. И Мегрэ, средних лет, с несколько покрасневшим лицом и котелком на ковре!

Не походило ли все это на гравюру из «Жизни парижанки»?

— Вы здесь скучаете?

— Нет... да... я не знаю... Вы курите сигареты?

Она указала ему на коробку турецких сигарет, на этикетке которой стояла цена — 20,65 франков, и Мегрэ вспомнил, что эта пара жила на две тысячи франков в месяц. Карл должен был получить эти деньги, чтобы заплатить за аренду дома и своим поставщикам.

— Вы много курите?

— Одну или две коробки в день...

Она протянула ему зажигалку, отделанную тонкой чеканкой, вздохнула, выпятив грудь, отчего на корсаже открылась глубокая выемка.

— Ваш брат выходил вчера вечером?

— Я не знаю...

— Разве вы не провели вечер дома, ссорясь с ним?

Она улыбнулась, показав великолепные зубы.

— Кто вам сказал? Он? Мы иногда ссоримся, но очень мило... Вчера я упрекала его за то, что он вас плохо принял... Карл такой дикарь... Даже когда был совсем молодым...

— Вы жили в Дании?..

— Да, в огромном дворце на берегу Балтики... Очень мрачный дворец, весь белый в сероватой зелени... Вы знаете эту страну? Она мрачная и вместе с тем прекрасная...

Ее взгляд затуманился, по телу пробежала сладострастная дрожь.

— Наши родители были слишком суровы, как большинство протестантов... Лично я не интересуюсь религией... Но Карл еще верует... Немного меньше, чем его отец, потерявший все состояние из-за особой щепетильности... Карл и я покинули страну...

— Три года тому назад?

— Да... Подумайте, мой брат мог стать высоким сановником при дворе... А он зарабатывает на жизнь, разрисовывая ужасные ткани... В Париже в отелях второго и даже третьего разряда, где мы останавливались, он жестоко страдал. Ведь у него был тот же воспитатель, что и у наследного принца... Карл предпочел похоронить себя здесь...

— Вместе с вами.

— Да... Я привыкла... Во дворце моих родителей я тоже была пленницей. Отстраняли всех, кто мог стать моим другом, под тем предлогом, что они были слишком низкого происхождения...

Выражение ее лица изменилось с удивительной быстротой.

— Вы думаете, что Карл на самом деле стал... как бы это сказать... аномальным?

Она наклонилась, как бы желая скорее услышать мнение комиссара.

— Чего вы опасаетесь?..— удивился Мегрэ.

— Я этого не говорила. Я ничего не сказала! Вы заставили меня говорить... Не знаю почему, но я почувствовала к вам доверие... Ну вот...

— Иногда он бывает странным?

Она устало пожала плечами и встала, на какое-то мгновение раскрылся пеньюар, и сверкнула белизна ее тела.

— Я больше ничего не знаю... Со времени этой истории с автомобилем... Зачем ему убивать человека, которого он даже не знает?

— Вы уверены, что никогда не видели Исаака Гольдберга?

— Да. Мне кажется.

— Вы никогда не ездили вдвоем в Антвер?

— Мы там останавливались на одну ночь, когда три года

назад выехали из Копенгагена. Но нет! Мой брат не способен на убийство! Если он и стал немного странным, то скорее из-за катастрофы, чем из-за нашего разорения. Он был красив. Он и сейчас красив, когда носит монокль... Но без монокля... вы видели, не так ли? Представьте себе его, обнимающего женщину без этого куска черного стекла? Этот неподвижный глаз в красноватом обрамлении века...— Она вздрогнула.— Бесспорно, это главная причина, из-за которой он скрывается...

— Он и вас прячет!

— А что можно сделать?

— Вы пожертвовали собой...

— Такова роль женщины, особенно сестры... Это совсем не то, что во Франции. У нас, как и в Англии, в семье только старший брат является наследником знатного рода, с которым считаются...

Она нервничала, и затяжки сигареты становились все короче и сильнее.

— Нет, Карл не мог убить... Это недоразумение... Не так ли? И вы это поняли, раз отпустили его. Разве что...

— Разве что?..

— Вы все равно не скажете мне! Я знаю, если нет достаточных доказательств, полиция отпускает обвиняемого на свободу для того, чтобы потом все равно схватить его... Это отвратительно!

Если бы мы не выбрали этот зловещий перекресток... Бедный Карл, он так искал уединения! Но мы здесь менее одиноки, комиссар, чем в наиболее населенных кварталах Парижа! Вон те люди, что напротив нас, эти невыносимые, смешные мелкие буржуа, которые шпионят за нами... Особенно мадам Мишоне в своем белом чепце по утрам и в криво приделанном шиньоне в послеобеденное время... Немного дальше — этот гараж... Три группы, три лагеря на одинаковом расстоянии друг от друга...

— Вы поддерживаете связь с супругами Мишоне?

— Нет! Мосье Мишоне приходил однажды по поводу страхования. Карл его выпроводил...

— А с хозяином гаража?

— Он никогда здесь не был.

— Это ваш брат хотел бежать в воскресенье утром?

Она немного помолчала, опустив голову. Щеки ее порозовели.

— Нет...

— Вы?

— Я... У меня не было времени подумать. Я словно обезумела от мысли, что Карл мог совершить преступление... Накануне он был чем-то взволнован... И тогда я его утащила...

— Он говорил вам, что невиновен?

— Да...

— Вы ему не поверили?

— Не сразу...

— А сейчас?

— Я думаю, что, несмотря на все свои несчастья, Карл неспособен по доброй воле совершить дурной поступок. Но послушайте, комиссар. Карл скоро вернется. Если он застанет вас здесь, бог знает, что подумает...

Она улыбнулась, и в этой улыбке, несмотря на все ее кокетство, промелькнул чуть заметный вызов.

— Вы его защитите, не так ли? Вы его вытащите из всего этого? Я была бы вам так признательна!

Она протянула руку, и от этого движения пеньюар приоткрылся еще больше.

— До свидания, комиссар...

Он взял свою шляпу и боком вышел.

— Вы можете закрыть дверь, чтобы он ничего не заметил?

Мегрэ спустился по лестнице, пересек гостиную с разношерстной мебелью и вышел на террасу, освещенную теплыми солнечными лучами.

Когда он проходил мимо гаража, насмешливый голос спросил:

— И вы не боялись? В добрый час! Может, найдете минутку зайти выпить что-нибудь? Наконец-то,— закричал мосье Оскар, видя, что Мегрэ решился следовать за ним.— Лично я люблю людей без причуд! Не то, что аристократы из дома Трех Вдов!

V

ПОКИНУТЫЙ АВТОМОБИЛЬ

— Пожалуйста, сюда, комиссар! Конечно, это не люкс. Мы всего лишь рабочие.

Мосье Оскар толкнул дверь дома, расположенного за гаражом, и они вошли прямо на кухню, которая, по-видимому, была одновременно и столовой.

Женщина в домашнем платье чистила медный кран.

— Подойди, моя цыпочка, я представлю тебе комиссара Мегрэ! Моя жена, комиссар! Заметьте, она могла иметь служанку, но тогда ей было бы скучно от безделья!

Организуй нам аперитив, быстро! Экспортную наливку из черной смородины, комиссар? Нет... не эти, большие стаканы.

На нем была розовая рубашка без жилета, и он засунул руки за пояс на округлом животе.

— Волнующая дама из дома Трех Вдов, а?.. Прелестный подарок для мужчины... Только вот, есть брат... Что говорить! Рыцарь печального образа, который зорко следит за нею. Говорят, он запирает ее, уходя даже на час, и то же самое проделывает каждую ночь... Вы находите, что это похоже на братские отношения? Лично вы верите этому? За ваше здоровье! Пойди, моя цыпочка, скажи Жожо, чтобы он не забыл отремонтировать грузовик марки «Ларди»...

Мегрэ, услышав шум мотора, сделал движение по направлению к окну. Ему показалось, что это была машина «5 СУ».

— Это не она, комиссар! Я могу с закрытыми глазами рассказать все, что происходит на улице... Это колымага инженера с электрозавода... Вы ждете, когда вернется наш аристократ?

Будильник, стоящий на этажерке, показывал одиннадцать часов. Через открытую дверь Мегрэ увидел коридор, на стене которого висел телефонный аппарат.

— Вы не пьете... За ваше расследование! Вы не находите, что

это смешно? Идея поменять машины и особенно свистнуть из-под носа шестицилиндровую. Вот это вор! Уверяю вас, что мы на самом деле оказываем услугу соседям. Забавно видеть, как вы со вчерашнего дня ходите взад и вперед... Как косо смотрите на людей, подозревая всех... Прошу обратить внимание, что двоюродный брат моей жены тоже служит в полиции... Бригада игроков. Он обычно после обеда совершает обход и передает мне самые точные сведения... За ваше здоровье! Ну как, моя цыпочка, все в порядке?

— Да...

— Иди, чокнись с нами... Комиссар не из гордых и не откажется выпить за твое здоровье...

— Разрешите позвонить? — перебил его Мегрэ.

— Конечно... Покрутите ручку... С Парижем вас соединят немедленно.

Мегрэ нашел в телефонной книге номер телефона дома «Дюма и Сын». Разговор был коротким. Кассир на другом конце провода подтвердил, что в кассе на имя Андерсена имеется две тысячи франков, которые он должен получить сегодня, но прибавил, что Карл еще не появлялся на улице 4 Сентября.

Когда Мегрэ вернулся на кухню, мосье Оскар подчеркнуто потирал руки.

— Должен признаться, что это доставляет мне удовольствие... Конечно, я понимаю, что к чему! На перекрестке случилось происшествие... Здесь всего три семьи... По справедливости подозревают всех... Три дома! У страхового агента слишком идиотский вид, чтобы быть замешанным в преступлении! Аристократ — импозантная фигура! В таком случае остаюсь я, бедняга рабочий, который кончил тем, что стал хозяином, но не умеет вести разговор... Старый боксер! Если вы наведете обо мне справки, то вам скажут, что я два или три раза был схвачен во время облавы, потому что мне нравилось ходить на танцы на улицу Лаппе, особенно когда я был боксером... В другой раз я разбил морду агенту, который слишком придирался ко мне... Ваше здоровье, комиссар!

— Спасибо.

— А вы не отказывайтесь. Черносмородиновая наливка никому еще не причиняла вреда... Я люблю честную игру... Мне досадно, что вы ходите вокруг моего гаража и смотрите на меня исподлобья... Не так ли, моя цыпочка?.. Разве я тебе не говорил вчера вечером?.. Там комиссар!.. Ну что ж, пусть войдет!.. Он ищет повсюду!.. Пусть обыщет и меня! И он потом поймет, что я хороший парень и чист, как золото... Во всей этой истории меня интересуют только машины.

Одиннадцать тридцать! Мегрэ встал.

— Еще раз позвоню...

Нахмурив брови, он вызвал судебную полицию, приказал инспектору поставить в известность все полицейские участки, а также таможенные службы на границе по поводу Андерсена и его машины «5 СУ».

Мосье Оскар выпил четыре порции аперитива, отчего щеки его покраснели, а глаза заблестели.

— Я знал, что вы откажетесь съесть с нами рагу из телятины... Ну, что ж! А вот и грузовик Гроспюмо возвращается с рынка. Вы разрешите, комиссар?

Он вышел. Мегрэ остался наедине с молодой женщиной.

— У вас веселый муж!

— Да... веселый...

— А бывает и грубым, не так ли?

— Он не любит, когда ему возражают. Но он славный малый...

— И волокита...

Она не ответила.

— Держу пари, что он любит время от времени хорошо покутить...

— Как все мужчины...

Со стороны гаража раздавались громкие голоса.

— Положи сюда!.. Хорошо!.. Вот так... завтра утром сменим тебе задние шины...

Мосье Оскар вернулся.

— Так вы в самом деле не хотите с нами пожрать, комиссар? Мы достали бы из погреба бутылку старого вина. Ты что состроила такую рожу, Жермена? Вот женщины! Они не могут сохранить хорошее настроение в течение двух часов... Хотите, я подвезу вас на машине? Будет готова через минуту...

— Спасибо, я предпочитаю пройтись пешком...

В сотне метров от постоялого двора Мегрэ встретил бригадира Люкаса, шедшего ему навстречу.

— Ну как?

— Как вы и думали! Врач извлек пулю, она от карабина.

— Ничего больше?

— Есть сведения из Парижа. Исаак Гольдберг прибыл туда на машине «Минерва». Обычно он сам водил ее...

— Это все?

— Жду сведений от бельгийской сыскной полиции.

— Где тело убитой?

— Переправлено в Арпажон. Судебный следователь обеспокоен. Он просил передать, чтобы вы поспешили... Он опасается, как бы брюссельские и анверские газеты не дали делу слишком широкую огласку...

Мегрэ, напевая вполголоса, вошел в кафе постоялого двора и сел за свой стол.

— Телефон есть?

— Да! Но он не работает с двенадцати до двух. Сейчас половина первого...

Комиссар ел молча, и Люкас понял, что он занят своими мыслями. Несколько раз бригадир напрасно пытался возобновить разговор.

Закончив обед, Мегрэ вынес свой стул во двор, поставил его посреди кур и уток и вздремнул с полчаса на солнце.

Но ровно в два часа он встал и начал звонить по телефону.

— Алло! Сыскная полиция? Не нашли машину «5 СУ»?

Мегрэ начал описывать круги по двору. Через десять минут его позвали к аппарату. Звонили с набережной Орфевр.

— Комиссар Мегрэ? Нам только что позвонили по телефону

из Жемона. Машина находится там. Она была брошена перед вокзалом. Думают, что ее владелец предпочел пересечь границу пешком или на поезде...

Мегрэ положил трубку и тут же попросил дом «Дюма и Сын». Ему ответили, что Карл Андерсен так и не пришел за двумя тысячами франков.

Около трех часов дня Мегрэ, сопровождаемый Люкасом, проходил мимо гаража. Мосье Оскар, внезапно появившийся из-за машины, радостно спросил:

— Все в порядке, комиссар?

Мегрэ махнул рукой и продолжил путь по направлению к дому Трех Вдов.

Двери и окна на вилле Мишоне были закрыты, но на окне в столовой дрогнула занавеска.

Надо сказать, что хорошее настроение владельца гаража усугубляло недовольство комиссара, яростно пыхтевшего трубкой.

— В тот момент, когда Андерсен сбежал...— начал было Люкас примирительным тоном.

— Останься здесь!

Как и утром, Мегрэ сначала проник в парк дома Трех Вдов, а затем в дом. В гостиной он быстро огляделся и заметил легкое облачко, плывшее в воздухе. В комнате еще чувствовался запах табачного дыма.

Прежде чем подняться по лестнице, он инстинктивно положил руку на рукоятку револьвера. Наверху играл патефон, музыка доносилась из комнаты Эльзы. Как только он постучал, патефон сразу же перестал играть.

— Кто там?

— Комиссар...

Она засмеялась.

— В таком случае вы знаете, как войти. Я не могу вам открыть...

Отмычка сработала еще раз. На молодой женщине было то же самое черное платье, что и накануне, оно красиво облегало ее фигуру, подчеркивая безупречные формы.

— Это вы помешали моему брату вернуться?

— Нет, я его не видел!

— Наверное, еще не готов счет у Дюма. Иногда это бывает, и ему приходится вторично возвращаться туда после обеда...

— Ваш брат сделал попытку перейти бельгийскую границу!.. И у меня есть все основания предполагать, что он в этом преуспел.

Она смотрела на него с изумлением и недоверием.

— Карл?

— Да.

— Вы хотите меня испытать, не так ли?

— Вы умеете водить?

— Водить что?

— Автомобиль.

— Нет, брат не хотел меня учить!

— Вы выходили из этой комнаты?

— Я?

Она засмеялась. Смех ее был искренним и переливался, как жемчуг.

Иногда женщина бывает красивой, но не соблазнительной. Другая же, с чертами менее красивыми, вызывает определенное желание или чувство жалости.

Эльза возбуждала и то и другое. Она была одновременно и женщиной, и ребенком.

— Не понимаю, что вы хотите сказать.

— Менее чем полчаса тому назад в гостиной на первом этаже кто-то курил.

— Кто?

— Именно об этом я вас и спрашиваю.

— По-вашему, я должна это знать? Скажите, комиссар, надеюсь, вы меня не подозреваете? У вас такой странный вид... Где Карл?..

— Я повторяю вам, что он перешел границу.

— Неправда!.. Это невозможно! Зачем? Он никогда бы не оставил меня здесь одну! Это безумие!.. Что со мной будет? Скажите правду, комиссар! Карл невиновен, не так ли? Если это так, значит, он сошел с ума! Я не могу в это поверить! Я боюсь... В его семье...

— Были сумасшедшие?

Она отвернулась.

— Да... Его дедушка... Он умер во время приступа безумия. Одна из его теток запрятана в сумасшедший дом... Но только не он... Нет, я его знаю!

— Вы не завтракали?

Она вздрогнула, посмотрела вокруг себя и произнесла с удивлением:

— Нет!

— И не голодны? Уже три часа.

— Да, кажется, я голодна...

— В таком случае идите завтракайте... Нет оснований оставаться взаперти. Ваш брат не вернется.

— Неправда! Он вернется! Он не оставит меня одну...

— Идите!

Мегрэ уже был в коридоре. Нахмурив брови, он все время курил и не спускал глаз с молодой женщины.

Проходя, она слегка коснулась его, но он остался равнодушным.

— Мне всегда готовит Карл, я даже не знаю, есть ли что-нибудь съестное...

На кухне, однако, оказалась банка сгущенного молока и батон хлеба.

— Я не могу... Я слишком нервничаю... Оставьте меня!.. Или лучше нет, не оставляйте... Этот ужасный дом я никогда не любила... Что там такое?

Через застекленную дверь она показала на аллею парка, где, свернувшись клубочком, лежала обыкновенная кошка.

— У меня отвращение к животным, я ненавижу деревню. Здесь полно всякого рода звуков, треском, от которых я каждый

раз вздрагиваю. По ночам где-то отвратительно ухает сова... Я не останусь здесь ночевать. Я не хочу!

— У вас есть телефон?

— Нет... Брат собирался поставить... Но это слишком дорого для нас... Вы себе представляете?.. Жить в роскошном доме с парком и не иметь возможности заплатить за телефон, за электричество, даже за служанку... В этом весь Карл! Как и его отец!

Внезапно она залилась нервным смехом, а глаза ее были полны смятения и беспокойства.

Эльза опрокинула банку с молоком, прислонилась лбом к стеклянной двери и стала пристально смотреть на веранду, ярко освещенную солнцем.

— Я постараюсь обеспечить вам сторожа на сегодняшний вечер.

— Да, конечно... Нет! Не хочу сторожа... Хочу, чтобы пришли вы, комиссар! Иначе я буду бояться...— Нельзя было понять, смеялась она или плакала.— Не оставляйте меня одну...

— Мне надо работать.

— Но раз Карл сбежал!

— Вы верите в его виновность?

— Я не знаю! Я больше не знаю... Если он сбежал...

— Хотите, чтобы я вас снова запер в вашей комнате?

— Нет! Единственное, что я хочу,— уехать... Завтра утром уехать из этого дома, с этого перекрестка... Я хочу уехать в Париж, где улицы полны людей, где жизнь бурлит... Деревня нагоняет на меня страх... Я не знаю...— Она замолчала, думая о чем-то своем, а потом спросила:

— Карла арестуют в Бельгии?

— Приказ на выдачу преступника будет послан.

— Это неслыханно... когда я думаю, что еще три дня назад...

Она обхватила голову обеими руками, ее светлые волосы растрепались.

— До скорой встречи, мадемуазель.

Он уходил с облегчением, однако его не покидало чувство сожаления.

— Ничего нового? — спросил Мегрэ у поджидавшего его Люкаса.

— Ничего!.. Приходил страховой агент, спрашивал, скоро ли вернут ему автомобиль.

Мосье Мишоне предпочитал обращаться к Люкасу, а не к Мегрэ. Он наблюдал за ними из своего сада.

— Ему что, нечего больше делать?

— Он утверждает, что не может уехать в деревню к клиенту без машины... Говорит, что потребует от нас возмещения убытков.

Туристский автомобиль, в котором находилась целая семья, и маленький грузовичок остановились перед бензоколонками.

— Владелец гаража не топчется на месте,— заметил бригадир.— Кажется, получает все сполна... Он, как машина, работает день и ночь...

— У тебя есть табак?

Жаркое весеннее солнце было изнуряющим. Мегрэ, вытирая лоб, пробормотал:

— Пойду посплю часок... Вечером посмотрим...

VI

НОЧЬ В ПАРИЖЕ

Было пять часов пополудни, когда Люкас разбудил Мегрэ. Он принес ему телеграмму от бельгийской сыскной полиции.

«ЗА ИСААКОМ ГОЛЬДБЕРГОМ СЛЕДИЛИ МНОГО МЕСЯЦЕВ ТАК КАК ЕГО ДЕЛА НЕ СООТВЕТСТВОВАЛИ РАЗМАХУ ЕГО ОБРАЗА ЖИЗНИ тчк ЕСТЬ ПОДОЗРЕНИЕ ЧТО ОН ЗАНИМАЕТСЯ ПЕРЕПРОДАЖЕЙ КРАДЕНЫХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ тчк ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕТ тчк ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ФРАНЦИЮ СОВПАДАЕТ С КРАЖЕЙ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ НА ДВА МИЛЛИОНА СОВЕРШЕННОЙ В ЛОНДОНЕ ПЯТНАДЦАТЬ ДНЕЙ ТОМУ НАЗАД тчк АНОНИМНОЕ ПИСЬМО ПОДТВЕРЖДАЕТ ЧТО ДРАГОЦЕННОСТИ НАХОДИЛИСЬ В АНВЕРЕ тчк БЫЛИ ЗАМЕЧЕНЫ ДВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОРА КОТОРЫЕ СДЕЛАЛИ ТАМ КРУПНЫЕ ЗАТРАТЫ тчк ДУМАЕМ ЧТО ГОЛЬДБЕРГ СКУПИЛ ДРАГОЦЕННОСТИ И ВЕРНУЛСЯ ВО ФРАНЦИЮ ЧТОБЫ ИХ СБЫТЬ тчк ПОПРОСИТЕ ОПИСЬ СОКРОВИЩ В СКОТЛЕНД-ЯРДЕ».

Мегрэ, еще не до конца проснувшийся, запихнул бумагу в карман и спросил:

— Ничего другого?

— Нет. Продолжаю наблюдение за перекрестком. Хозяин гаража сказал мне, что раз в неделю он обедает со своей женой в Париже, затем они посещают театр. Вернутся только завтра, заночуют в отеле...

— Он уехал?

— Должно быть, уже уехал.

— Ты узнал у него, в каком ресторане он обедает?

— «Эскарго» на улице Бастилии. А ночуют они в отеле «Рамбюто» на Риволи.

— Точно,— проворчал Мегрэ, причесываясь

— Страховой агент через свою жену передал мне, что хотел бы поговорить с вами, или, вернее, побеседовать, как он выразился.

— Это все?

Мегрэ прошел на кухню, где жена хозяина гостиницы готовила ужин. Там он обнаружил миску с паштетом, отрезал огромную краюху хлеба и скомандовал:

— Кружку белого, пожалуйста...

— Вы не подождете обеда?

Он молча проглотил свой чудовищный сандвич.

— Я попытался разобраться и привести свои мысли в порядок, но это оказалось не так просто,— продолжал Люкас.— И еще эта молодая девушка. Она больше всего сбивает меня с толку. Порой она действительно похожа на молодую девушку из аристократической семьи... А иногда напоминает мне то время, когда я работал в полиции нравов. Вы знаете, что я хочу сказать... Эти

девицы с удивительной самоуверенностью рассказывают вам невероятную историю, детали которой столь волнующи, что их невозможно сочинить... Но женщины врут так же легко, как и дышат. В конце концов они сами начинают верить в свою ложь!

— Это все?

— Думаете, я ошибаюсь?

— Не знаю!

— Поверьте, я не всегда так думал. Вообще-то меня беспокоит Андерсен. Вообразите такого респектабельного, породистого, образованного мужчину, стоящего во главе банды...

— Мы его увидим сегодня вечером!

— Его? Но ведь он же перешел границу...

— Не знаю! История в десять раз более сложная, чем ты думаешь. И будет лучше, если мы извлечем из нее только самое главное. Вот, к примеру, мосье Мишоне. Он хочет, чтобы я пришел к нему сегодня вечером... Именно сегодня вечером, то есть тогда, когда хозяин гаража в Париже! Дальше, «Минерва» Гольдберга исчезла. Так как их немного во Франции, ей не просто остаться незамеченной...

— Вы думаете, что мосье Оскар?..

— Спокойно! Довольствуйся тем, что я тебе сказал, и поразмысли над этими тремя игрушками...

— Но Эльза?

— Что еще?

Мегрэ направился к основной дороге и через четверть часа звонил в дверь виллы Мишоне.

— Мой муж ждет вас наверху! — кисло приветствовала его мадам Мишоне.

— Он очень любезен...

Мосье Мишоне находился в своей спальне. Он сидел в вольтеровском кресле, ноги его были завернуты в плед. Сердитым голосом он спросил:

— Итак, когда же мне вернут автомобиль? Вы находите справедливым лишать человека его заработка? А в это время сами ухаживаете за созданием напротив или пьете аперитив в компании хозяина гаража. Хороша полиция, ничего не скажешь! Я говорю то, что думаю, комиссар! Да, да, она прелестна. Не так-то важно найти убийцу, это не имеет значения. Нужно отравлять жизнь честным людям!.. У меня есть машина... Она моя? Да? Или нет?.. Я вас об этом спрашиваю! Отвечайте!.. Она моя?.. Хорошо! Тогда по какому праву вы держите ее под замком?

— Вы больны? — миролюбиво перебил его Мегрэ.

— Я расстроился, и это отразилось на моих ногах! Приступ подагры! Я две или три ночи провел без сна в этом кресле... И если я попросил вас прийти, то только для того, чтобы сказать вам: посмотрите, в каком состоянии я нахожусь! Вы можете убедиться в моей нетрудоспособности, особенно без машины! Этого достаточно... Я сошлюсь на ваше показание, когда потребую в суде возмещения убытков... Я вас приветствую, мосье!

Все это было сказано с преувеличенной кичливостью и уверенностью в полной правоте. Мадам Мишоне прибавила:

— В то время, как вы рыскаете здесь, выслеживая нас, убийца разгуливает на свободе! Вот вам и правосудие! Нападать на маленьких людей и не трогать более влиятельных.

— Это все, что вы собирались мне сказать?

Мосье Мишоне с решительным видом еще больше углубился в кресло. Жена его поспешила к двери.

В коридоре Мегрэ остановился перед телефонным аппаратом и в присутствии возмущенной мадам Мишоне покрутил ручку.

— Говорит следственная полиция, мадемуазель! Будьте любезны сказать, не были ли у вас зарегистрированы после полудня переговоры с перекрестком Трех Вдов? Вы говорите, что есть два номера: в гараже и в доме Мишоне? Так... Гараж имел один разговор с Парижем около часа и другой около пяти часов? А другой номер? Только один разговор... Из Парижа? В пять часов пять минут? Благодарю вас.

Он посмотрел на мадам Мишоне и, поклонившись, произнес:

— Желаю вам спокойной ночи, мадам.

Мегрэ привычно открыл калитку дома Трех Вдов, обогнул здание и поднялся на второй этаж.

Перед ним предстала взволнованная Эльза Андерсен.

— Прошу прощения за беспокойство, комиссар! Вы, вероятно, подумаете, что я заблуждаюсь... но меня лихорадит... Мне страшно, и я не знаю почему... После нашего последнего разговора мне кажется, что вы единственный человек, который может уберечь меня от несчастий... Вы теперь не хуже меня знаете этот зловещий перекресток, эти три дома, у которых такой вид, будто они бросают вызов... Вы верите в предчувствия? Я верю в них, как и все женщины... Чувствую, что эта ночь не будет спокойной...

— И вы просите меня провести ночь с вами?

— Я преувеличиваю, не так ли? Но мне страшно...

Взгляд Мегрэ остановился на картине, на которой был изображен снежный пейзаж. Картина висела косо. Но сразу же комиссар повернулся к молодой девушке, которая ждала его ответа.

— Вы не опасаетесь за вашу репутацию?

— Разве теперь можно об этом думать...

— В таком случае я вернусь сюда через час... Надо отдать кое-какие распоряжения...

— Это правда?.. Вы вернетесь?.. Вы обещаете?.. Я должна рассказать вам очень многое.

— О чем?

— О моем брате... Но это, конечно, ни о чем еще не говорит... К примеру, я вспоминаю, что после авиационной катастрофы доктор, лечивший его, сказал отцу, что он отвечает за физическое состояние раненого, но не за его психику... Я никогда не задумывалась над этой фразой. Другая деталь... Желание жить вдали от города, жить тайком. Когда вы вернетесь, я расскажу вам об этом.

Она улыбнулась ему с признательностью, смешанной с тревогой...

Проходя мимо виллы, Мегрэ машинально посмотрел на окно второго этажа, которое вырисовывалось желтым пятном в темно-

те. Через освещенные шторы был виден силуэт мосье Мишоне в кресле.

На постоялом дворе комиссар ограничился тем, что дал несколько распоряжений Люкасу, не поясняя их.

— Вызови полдюжины инспекторов и расставь их вокруг перекрестка. Каждый час звони по телефону в «Эскарго», затем в театр, затем в отель, чтобы убедиться в том, что мосье Оскар действительно находится в Париже... Следи за всеми, кто выйдет из одного из трех домов...

— А вы где будете?

— У Андерсенов.

— Думаете, что...

— Совсем ничего, старина! До скорой встречи или до завтрашнего утра!

Возвращаясь по большой дороге, комиссар проверил, взведен ли курок револьвера и есть ли табак в кисете.

За окном виллы Мишоне все так же был виден профиль с усами страхового агента.

Эльза Андерсен сменила черное бархатное платье на утренний пеньюар. Она курила и была более спокойна, чем при их последнем свидании.

— Как хорошо, что я познакомилась с вами, комиссар! Есть люди, которые внушают доверие с первого взгляда. Они встречаются редко! Во всяком случае, что касается меня, то я мало встречала людей, к которым питала симпатию.

— Вы обедали?

— Я не хочу есть... Вот уже четыре дня, как я только думаю, думаю... и стараюсь прийти к какому-то заключению, понять...

— И вы пришли к заключению, что ваш брат виновен?

— Нет... Я не хочу обвинять Карла. Более того, если даже он виновен, его на это мог толкнуть только приступ безумия. Вы выбрали самое скверное кресло. Если захотите полежать, в соседней комнате есть походная кровать... Раньше в этом доме уже была какая-то драма, не так ли? Карл как-то уклончиво говорил мне об этом... Он боится меня волновать... Он всегда относился ко мне, как к маленькой девочке...

Она нагнулась и стряхнула пепел в бокал. Пеньюар раскрылся, и на мгновение показалась грудь, маленькая и округлая. Мегрэ нахмурился, заметив шрам на груди.

— Вы были ранены?

Она покраснела и инстинктивно прикрыла грудь пеньюаром.

— У вас шрам на правой груди...

— Простите меня,— смущенно сказала она.— Я привыкла ходить здесь почти без одежды. Я не подумала... Что касается шрама, это простое совпадение... Еще детьми мы играли в парке замка. Однажды на Рождество Карлу подарили карабин... Ему было четырнадцать лет... Первое время он стрелял в мишень... Затем, побывав в цирке, захотел поиграть в Вильгельма Телля. Я держала в каждой руке по мишени. И первая же пуля угодила мне в грудь...

Мегрэ встал и направился к дивану. Эльза взглянула на него с беспокойством и недоумением.

Но он смотрел не на нее, а на стену, на то место, где пейзаж висел уже в горизонтальном положении.

Медленным движением он отодвинул картину в сторону, и под ней открылось небольшое углубление в стене.

В этом углублении находился автоматический револьвер, заряженный шестью пулями, коробка с патронами, ключ и флакон с вероналом.

Эльза следила за ним, но была почти спокойна, разве что немного сильнее блестели глаза.

— Я сама показала бы вам этот тайник, комиссар...

— В самом деле?

Мегрэ положил револьвер в карман, отметил, что во флаконе отсутствует половина таблеток веронала, подошел к двери, сунул ключ в замочную скважину и убедился, что он точно подходит к замку.

Молодая женщина встала. Она больше не заботилась о своем внешнем виде и говорила, порывисто жестикулируя.

— Ваша находка подтверждает мой рассказ. Но вы должны меня понять... Могла ли я обвинить брата с самого начала?.. Если бы во время вашего первого визита я призналась, что уже давно отношусь к нему, как к сумасшедшему, вы бы нашли мое поведение скандальным... Однако это правда...

— Откуда у вас револьвер?

— Как вам объяснить? Мы были разорены, когда покинули Данию. Но брат был убежден, что его образованность и культура помогут ему найти блестящее положение в Париже... Он не добился успеха... Его душевное состояние стало вызывать большую тревогу. А когда он собрался похоронить нас здесь, я поняла, что он серьезно болен... Особенно после того, как он настоял на том, чтобы запирать меня каждую ночь в моей комнате. Он уверял, что враги могут напасть на нас! Вообразите мое положение в этих четырех стенах... Мне было страшно, как в подземелье.

Однажды, когда он был в Париже, я пригласила мастера, и он сделал мне ключ от комнаты... Так я обеспечила себе свободу передвижения... Но этого было недостаточно! Карл часто повторял, что лучше нам умереть вместе, чем дойти до полного упадка...

Когда он во второй раз уехал в Париж, я купила в Арпажоне револьвер... А так как я плохо спала, то запаслась вероналом... Видите, все очень просто! Он подозрителен... А подозрительный мужчина, у которого помутился разум, очень опасен... Ночью я устроила тайник...

— Это все?

Она была удивлена грубостью вопроса.

— Вы мне не верите?

Мегрэ ничего не ответил, подошел к окну, открыл его, отодвинул жалюзи и вдохнул свежий ночной воздух.

— Закройте окно, комиссар!

Он обернулся к Эльзе и увидел, что она вся дрожит.

— Теперь вы понимаете, как я беспокоюсь? Вы вынудили меня рассказать... И все же я бы не хотела, чтобы с Карлом

случилось несчастье! Он часто повторял, что мы умрем вместе...

— Я прошу вас помолчать!

Мегрэ прислушивался к ночным звукам. Для этого он пододвинул кресло к окну и поставил ноги на перекладину.

— Я же сказала, что мне холодно...

— Укройтесь!

— Вы мне не верите?

— Да замолчите же, черт возьми!

Вдали были слышны неясные отголоски с фермы: мычание коровы, смутное передвижение каких-то предметов. В гараже слышалась вибрация электрического мотора для надувания шин.

— Я доверилась вам! И вот...

— Вы будете молчать? Да или нет?

На дороге Мегрэ увидел силуэт, который должен был принадлежать вызванному инспектору.

— Я хочу есть...

Он гневно обернулся и в упор посмотрел на молодую женщину. Она представляла собой жалкое зрелище.

— Я не осмелюсь спуститься, я боюсь...

Мегрэ пожал плечами и, убедившись, что снаружи все спокойно, спустился на первый этаж. На кухне он нашел остатки холодного мяса, хлеб и начатую бутылку пива. Все это он принес Эльзе и поставил на круглый столик.

— Вы очень злы, комиссар...

Она была похожа на маленькую девочку, готовую расплакаться.

— У меня нет времени быть злым или добрым... Ешьте!

— Вы не голодны?

Но он уже повернулся к ней спиной и стал смотреть в окно. За шторами мадам Мишоне наклонилась к мужу, должно быть, давала микстуру.

Кончиками пальцев Эльза схватила кусок холодной телятины и начала его с жадностью грызть. Затем налила в стакан пива.

— Это скверно!..— в сердцах заключила она.— Почему вы не закроете окно?.. Мне страшно... У вас совсем нет жалости!

Он с досадой захлопнул окно и рассерженно посмотрел на Эльзу.

Внезапно он увидел, как она побледнела, голубые глаза затуманились, рука начала искать опору. Он подскочил к ней и обхватил за талию. Затем осторожно опустил на пол, приподнял веки, схватил пустой стакан из-под пива, понюхал его и почувствовал горьковатый запах.

На круглом столике лежала кофейная ложка. Мегрэ разжал зубы Эльзы, без колебаний засунул ложку поглубже в рот, нажал на горло и небо.

Лицо исказилось, грудь приподнялась от спазм. Из глаз потекли слезы, и Эльзу вырвало. Немного желтоватой жидкости вылилось на пол, несколько капель блестели на пеньюаре.

Мегрэ взял кувшин с туалетной водой и смочил ей лицо. В то же время он не переставал смотреть в окно и прислушиваться. Эльза тихо стонала и не приходила в себя. Наконец она приподн-

няла голову, увидела пятна на ковре, кофейную ложку и стакан из-под пива.

Обхватив голову руками, Эльза разрыдалась.

— Вы видите, я была права, что боялась!.. Они пытались меня отравить. А вы не хотели мне верить! Вы...

Эльза подскочила одновременно с Мегрэ, и оба на какое-то время застыли, напрягая слух.

Около дома раздался выстрел и послышался крик. Садовая калитка хлопнула. Мегрэ различил электрические лампы своих инспекторов, которые пронизывали темноту. В сотне метров, в окне виллы, мадам Мишоне поправляла подушки под головой мужа...

Комиссар открыл дверь и услышал шум на первом этаже. Это был Люкас.

— Патрон!

— Кто там?

— Карл Андерсен... Он не умер... Хотите подойти?

Мегрэ обернулся и посмотрел на Эльзу. Она сидела на кончике дивана и пристально смотрела перед собой, зубы ее были сжаты, а корпус содрогался от конвульсий.

VII

ДВЕ РАНЫ

Карла Андерсена перенесли в его комнату. Раненый не хрипел, не двигался. Когда его положили на кровать, Мегрэ, наклонившись над ним, увидел, что веки его полуоткрыты.

Андерсен узнал комиссара и прошептал:

— Эльза?

Она стояла на пороге в томительном ожидании, под глазами у нее легли темные круги.

Картина была довольно удручающей. Карл потерял черный монокль, и рядом с лихорадочно блестевшим здоровым глазом сохранял свою искусственную неподвижность стеклянный глаз.

Освещение от керосиновой лампы наполняло комнату таинственными тенями. Слышно было, как шуршал гравий под ногами полицейских, обыскивающих парк.

Эльза все не осмеливалась приблизиться к брату, пока Мегрэ не приказал ей подойти.

— Я думаю, он сильно ранен, и дело его скверно! — прошептал Люкас.

Карл попытался приподняться на своей кровати.

И тогда, разразившись рыданиями, Эльза выбежала из комнаты.

Мегрэ дал знак бригадиру последовать за ней, а сам занялся раненым. Он снял с него пиджак и жилет с ловкостью человека, привыкшего к подобного рода операциям.

— Не бойтесь... За врачом поехали... Эльза в своей комнате.

Андерсен молчал, лишь с тревогой смотрел вокруг себя.

Комиссар нагнулся над обнаженным торсом датчанина и нахмурил брови.

— У вас две раны... Рана на спине далеко не свежая... Когда в вас стреляли первый раз?

Андерсен открыл было рот, чтобы ответить, но затем едва уловимым жестом дал понять, что ему трудно говорить. Он лишь прошептал:

— Где Эльза?

— В своей комнате... не двигайтесь... Вы видели, кто напал на вас?

— Нет...

Пуля, раздробившая левую лопатку, выпала, когда Мегрэ стал промывать рану. Он подобрал деформированный свинец. Пуля оказалась от карабина, как и та, которой была убита мадам Гольдберг...

— Ваше заключение, доктор?

— По крайней мере от неожиданных осложнений он избавится. Первая рана наиболее серьезная... Она, должно быть, была нанесена после полудня или даже раньше... Стреляли из браунинга в упор. Но жертва сделала неожиданное движение, и удар несколько отклонился.

— А другая пуля?

— Лопатка раздроблена. Нужно хирургическое вмешательство. Я могу дать адрес клиники в Париже... Здесь в районе есть одна, но если финансовое положение раненого позволяет, я советую Париж...

— После первого ранения он мог передвигаться?

— Возможно... Ни один жизненный орган не был задет, и это только вопрос воли, желания, энергии... Я опасаюсь, что плечо его навсегда останется неподвижным.

Несколько позже Мегрэ снова вошел в комнату Андерсена. Увидев его, раненый облегченно вздохнул.

— Эльза?

— У себя, я вам уже дважды говорил об этом.

— Почему?

Болезненное беспокойство чувствовалось в его взгляде, в каждой черточке его лица.

— У вас есть враги?

— Нет.

— Не двигайтесь... не волнуйтесь... Расскажите мне, каким образом вы получили первую рану... Говорите тихо... Берегите силы...

— Я поехал к «Дюма и Сын»...

— Вы туда не доехали...

— Я хотел! У Орлеанских ворот какой-то мужчина остановил машину... Сказал, что он из полиции, и даже показал документ. Он приказал мне пересечь Париж и выехать на дорогу Компьен под тем предлогом, что я должен иметь очную ставку с каким-то свидетелем.

— Как он выглядел?

— Высокий, на голове мягкая серая шляпа. Перед Компьеном

главная магистраль проходит через лес... На вираже я почувствовал удар в спину... Рука схватила руль, который я держал, и меня тотчас же вытолкнули из машины... Я потерял сознание. Придя в себя, я огляделся и понял, что нахожусь в яме... Автомобиль исчез...

— В котором часу это было?

— Возможно, часов в одиннадцать... Я не знаю... Часы в машине не ходили... Я был ошеломлен... Кончилось тем, что я отыскал маленький вокзал и в пять часов был уже в Париже, где снял комнату... Там я немного привел себя в порядок, почистил одежду... и приехал сюда...

— Вы прятались...

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы кого-нибудь встретили?

— Нет! Я вошел через парк, минуя главное шоссе. И как только дошел до веранды, в меня выстрелили... Я хотел бы увидеть Эльзу...

— Вы знаете, что ее пытались отравить?

Мегрэ не ожидал, что его слова произведут такое впечатление на Андерсена. Датчанин вскочил:

— Это правда? Скажите ей, что я хочу ее видеть!

Мегрэ поднялся к Эльзе. Она лежала на диване и смотрела на Люкаса, который бдительно ее охранял.

— Хотите пойти к нему?..

В комнате раненого Эльза сначала сделала два неуверенных шага, затем бросилась к Карлу, заключила его в объятия и заговорила на своем родном языке.

Комиссар пожал плечами и стал отдавать распоряжения...

— Ты должен убедиться,— говорил он Люкасу,— что хозяин гаража не покидал Париж... Позвони в префектуру и попроси, чтобы завтра утром прислали хирурга. Если возможно, лучше ночью.

— Куда вы пойдете?

— Еще не знаю. Наблюдения за парком пусть продолжают, хотя это не даст никакого результата...

Мегрэ спустился на первый этаж и вышел на дорогу. Гараж был закрыт, но диски бензоколонок светились молочным светом.

На втором этаже виллы Мишоне горел свет... За шторами на том же месте был виден силуэт страхового агента.

Над полями поднимался туман. Неподалеку, со стороны Арпажона, послышался нарастающий гул мотора и лязг железного лома. Через пять минут грузовик остановился перед гаражом и посигналил.

Открылась маленькая дверь, через которую была видна горящая внутри электрическая лампочка.

— Двадцать литров?!

Полусонный механик засуетился у бензоколонки, шофер, высоко взгромоздившийся на сиденье, вниз не спустился. Комиссар приблизился, засунув руки в карманы, с трубкой в зубах.

— Мосье Оскар не вернулся?

— А, это вы? Нет! Когда он уезжает в Париж, то возвращается только на следующий день утром...— Механик обратился к водителю грузовика: — Послушай, Артур, ты хорошо сделаешь, если заберешь свое запасное колесо, оно уже готово...

Он вошел в гараж, взял запасное колесо, подкатил его к грузовику и с трудом закрепил сзади.

Машина уехала. Ее красный огонек погас вдали. Механик вздохнул:

— Вы все еще ищете убийцу? В такой час? Что до меня, то, если бы мне позволили дрыхнуть, я бы не стал этим заниматься. Вы войдете?..

Мегрэ вошел, посмотрел на стены, оштукатуренные известкой: на гвоздях были развешаны красные надутые камеры, шины всех моделей, в большинстве в плохом состоянии.

— Скажите, что он собирается делать с колесом, которое вы ему дали?

— Поставить на свой грузовик, черт возьми!

— Вы так думаете? Забавно посмотреть, как поедет его грузовик. Ведь это колесо совершенно другого диаметра.

В глазах парня промелькнуло беспокойство.

— Может быть, я ошибся... Постойте, не отдал ли я ему случайно колесо от грузовичка папаши Матье?

Раздался выстрел. Это Мегрэ выстрелил в одну из надутых камер, подвешенных на стене. Воздух вышел из камеры, и из отверстия выскользнули маленькие бумажные пакетики.

— Не двигаться, малыш!

Механик, согнувшись вдвое, приготовился броситься на Мегрэ.

— Внимание... стреляю...

— Что вы от меня хотите?

— Руки вверх!.. Быстрее!..

Мегрэ подошел к Жожо, ощупал его карманы и вытащил револьвер, заряженный шестью пулями.

— Ложись на свою походную кровать...

Глядя на усыпанное рыжими веснушками лицо механика, Мегрэ понял, что он не смирился с поражением.

— Ложись!

Осмотревшись вокруг, Мегрэ заметил моток электрического провода.

— Руки!

Жожо вздрогнул, увидев, что Мегрэ оставил свой револьвер, но тотчас же получил удар в лицо. Из носа потекла кровь. Губа вздулась. Парень взревел от ярости, но его руки и ноги были связаны.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один...

— Ты откуда вышел?

— Из исправительной колонии Монпелье.

— В добрый час! Знаешь, что находится в этих маленьких пакетиках?

— Наркотики!

Механик напрягал мускулы в надежде разорвать электрический провод.

— Что было в запасном колесе?

— Не знаю...

— Тогда почему же ты отдал его именно этому водителю, а не другому?

— Я больше ничего не скажу!

— Тем хуже для тебя!

Одна за другой были спущены пять камер, но не все содержали наркотики.

В одной из них Мегрэ нашел серебряные приборы, помеченные короной маркиза. В другой — кружева и старинные украшения.

В гараже было десять автомобилей. Но когда Мегрэ попробовал их завести, оказалось, что действовал только один. Вооружившись английским ключом и помогая при случае молотком, Мегрэ начал разбирать моторы, разрезать бензиновые баки.

Механик насмешливо следил за ним.

— Это не те товары, что пропали? — бросил он.

Резервуар машины «4 СУ» был набит ценными бумагами. По самому скромному подсчету их было на триста тысяч франков.

— Это из ограбленного учетного банка?

— Возможно!

— А старинные монеты?

— Не знаю...

Здесь было все: жемчуг, банковские билеты, американские банкноты и государственные печати, которыми пользуются изготовители фальшивых паспортов.

Мегрэ опустошил старые подушки на заднем сиденье и нашел серебряные флорины.

Грузовик, не останавливаясь, промчался по дороге. Через четверть часа мимо гаража пронесся другой.

Комиссар нахмурил брови. Он начинал понимать механизм предприятия. Гараж притаился с краю главной магистрали, в пятидесяти километрах от Парижа.

Никаких соседей, за исключением обитателей дома Трех Вдов и виллы Мишоне.

Что могли они видеть? Ежедневно проезжали тысячи машин. По меньшей мере сотня из них останавливалась перед бензоколонками. Производился мелкий ремонт. Продавались или менялись шины, колеса. Бидоны с маслом, бочонки с газолином переходили из рук в руки.

Одна деталь была особенно примечательна: каждый вечер тяжелые грузовики, нагруженные овощами для рынков, спускались к Парижу. К концу ночи или утром они возвращались порожняком.

Порожняком ли? Не они ли перевозили краденые товары в корзинах и овощных ларях?

Одной шины с кокаином было достаточно, чтобы наглядно показать масштаб операции,— в ней содержалось наркотиков более чем на двести тысяч франков.

Вдали прозвонил колокол, и Мегрэ посмотрел на часы. Было три часа тридцать минут.

— Кто твой шеф? — спросил он, не глядя на механика.

Тот только усмехнулся в ответ.

— Ты хорошо знаешь, что в конце концов заговоришь... Это мосье Оскар? Как его настоящее имя?

— Оскар...

Механик готов был рассмеяться.

— Мосье Гольдберг приходил сюда?

— Кто это?

— Ты знаешь его лучше, чем я. Убитый бельгиец.

— Кроме шуток...

— Кому было поручено ликвидировать датчанина по дороге в Компьен?

— А что, кого-то подстрелили?

Первое впечатление Мегрэ подтвердилось. Он находился в логове великолепно организованной профессиональной банды.

— В гараже нет телефона?

— Поищите!

— Ты все равно заговоришь!

— Я и так говорю!

Мегрэ не удалось вытянуть из молодого негодяя хоть какие-нибудь сведения.

На втором этаже виллы Мишоне погас свет. Только дом Трех Вдов оставался освещенным; можно было догадаться о присутствии агентов, окружавших парк.

— Какая машина у твоего патрона? — спросил Мегрэ у Жожо.

На востоке сквозь туман, расстилавшийся на горизонте, занималась заря.

Мегрэ услышал шум мотора и пошел к дороге. Он увидел четырехместную открытую машину, которая, казалось, собиралась остановиться, но в этот самый момент разразилась настоящая пальба.

В темноте ничего нельзя было различить, кроме освещенных фар и неподвижных силуэтов, выглядывавших из кузова.

Из автомобиля продолжали стрелять. Послышался звон разбитых стекол на втором этаже дома Трех Вдов.

Мегрэ, распростершийся на земле, вскочил. Горло его пересохло, трубка погасла.

За рулем автомобиля, растворившегося в ночи, он узнал мосье Оскара.

VIII

ПРОПАВШИЕ

Перед бензоколонками остановилось такси. Мужчина, выскочивший на землю, столкнулся с Мегрэ.

— Гранджан! — воскликнул комиссар.

— Скорей бензину!

Гранджан был из уличной бригады. С ним в такси ехали еще два инспектора, и каждый из них сжимал в руке револьвер.

Стрелка бензометра задрожала, показывая, что бак полный.

— Они уже далеко!

— Километров на пять впереди...

Шофер ждал приказа ехать дальше.

— Останься! — сказал Мегрэ Гранджану.— Эти двое поедут без тебя.— Он обратился к инспекторам:— Соблюдайте осторожность. Ничего не делайте опрометчиво! Мы все равно их схватим! Ограничивайтесь тем, что наступайте им на пятки.

Такси уехало.

— Рассказывай, Гранджан!

Мегрэ слушал и в то же время не переставал следить за тремя домами, внимательно прислушивался к ночным звукам и наблюдал за пленным механиком.

— Мне позвонил Люкас и сказал, чтобы я проследил за здешним хозяином гаража мосье Оскаром. Я установил за ним слежку от Орлеанских ворот. В ресторане «Эскарго» они с женой плотно пообедали. Затем пошли в «Амбигю». До сих пор ничего интересного не было. В полночь они вышли из театра и направились к пивной Шоп-Сан-Мартин. Вы знаете. Там на втором этаже в маленькой зале всегда есть несколько весельчаков. Мосье Оскар вошел туда как к себе домой. Официанты его приветствовали, хозяин, пожимая руку, спросил, как идут дела.

Они уселись за стол, за которым уже сидели три типа и их подружка. Одного из них я сразу же узнал, это арестант из района площади Республики. Другой — торговец старьем на улице Темпль. Что касается третьего, то я его не знаю, но девица, находившаяся с ним, без сомнения, числится в списках полиции нравов.

Они веселились, пили шампанское. Затем заказали раков, луковый суп.

Была и сцена ревности, так как мосье Оскар слишком близко прижался к девице, а жена нашла, что это скверно. Но в конце концов все было улажено новой бутылкой шампанского.

Время от времени хозяин пивной подходил чокнуться со своими клиентами и даже всех угощал... Затем, думаю, часов около трех, официант подошел и сказал мосье Оскару, что его просят к телефону.

Когда он вернулся из кабины, то уже не шутил. Бросил на меня неприязненный взгляд, потому что я был в группе единственным посторонним посетителем, и стал тихо разговаривать с сидевшими за столом. У них вытянулись лица... Малышка, я хочу сказать, жена мосье Оскара, округлила глаза аж до середины щек, и ей пришлось выпить целый стакан, чтобы чувствовать себя уверенной...

Супругов провожал тот, которого я не знал. Я первым выскочил на бульвар, выбрал не очень потрепанное такси и позвал двух инспекторов из тех, кто работал у ворот Сан-Дени...

Вы видели их машину. Так вот, от самого бульвара Сан-Мишель они ехали со скоростью сто километров в час. Им свистели по крайней мере раз десять, но они не обращали на это внимания. Мы едва поспевали за ними. Шофер такси считал, что я ему испорчу мотор.

— Это они стреляли?

— Да!

Услышав стрельбу, Люкас вышел из дома Трех Вдов и присоединился к комиссару.

— Что случилось?

— Как раненый?

— Он еще больше ослаб, но, думаю, дотянет до утра... Скоро должен приехать хирург... Но что здесь происходит?..

Мегрэ казался озабоченным больше, чем обычно, что особенно было заметно по слегка опущенным плечам. На его губах вокруг трубки образовалась смешная складка.

— Ты, Люкас, садись на провод... Звони в Арпажон, Этамп, Шартр, Орлеан, Лё-Ман, Рамбуйе... Лучше будет, если посмотришь на карту... Поднять на ноги все жандармерии!.. Перекрыть все въезды в города... Что делает Эльза Андерсен?..

— Не знаю... Я оставил ее в комнате... Она была очень удручена.

— Неужели! — произнес Мегрэ с неожиданной иронией.

Они все еще стояли на дороге.

— Откуда я должен звонить?..

— В доме хозяина гаража есть телефон. Он висит в коридоре. Начни с Орлеана. Этамп они, должно быть, уже проехали.

На ферме, одиноко стоящей посреди полей, зажгли свет. Фонарь, освещавший часть стены, исчез, но тотчас же появился свет в окнах хлева.

— Пять часов утра... Они начинают доить коров...

Люкас ушел и при помощи клещей, подобранных в гараже, открыл дверь дома мосье Оскара.

Гранджан последовал за Мегрэ, не отдавая еще полного отчета в том, что произошло.

— Последние события ясны как божий день! — проворчал комиссар...— Но это только самое начало...

Посмотри! Вон там наверху человек. Он специально приглашал меня, чтобы я мог лично убедиться в его неспособности передвигаться. Вот уже несколько часов, как он неподвижно сидит все на том же месте, упорно не двигаясь с места.

В самом деле, окна были освещены, а я только что искал сигнал! Ты не можешь понять... Машины проезжали, не останавливаясь... Короче говоря, они делали так с того самого момента, как в окне погас свет...

Мегрэ выхватил револьвер и нацелил его на окно дома Мишоне, туда, где виднелся силуэт, прислонившийся к спинке кресла.

Выстрел был сухим, как хлопок хлыста. За ним последовал звон разбитого стекла, и осколки полетели в сад.

Но в комнате ничего не шевельнулось. Тень за шторами сохраняла такое же положение.

— Что вы делаете?

— Вышибай дверь!.. Или лучше позвони!.. Меня бы удивило, если бы кто-нибудь пришел ее открыть... Но ее не открыли. Вышибай!

Гранджан собрался с силами и трижды толкнул дверь. Сорвавшись с петель, она наконец поддалась.

— Тихонько... Внимание...

Они держали оружие наготове. Сначала включили свет в сто-

ловой. На столе, покрытом скатертью в красную клетку, все еще стояли оставшиеся после обеда грязные тарелки и графин с остатками белого вина.

В гостиной никого!

Инспектор с беспокойством смотрел на Мегрэ, пока они поднимались на второй этаж. На площадку второго этажа выходили три двери.

Комиссар открыл дверь той комнаты, которая выходила на фасад. Сквозняк, подувший из разбитого окна, зашевелил шторы. В кресле лежало нечто несуразное. Поставленная наискосок ручка от половой щетки была на конце обмотана клубком тряпок и приставлена к спинке кресла. С улицы она походила на голову человека.

Мегрэ даже не улыбнулся. Он открыл дверь в спальню и включил свет, но и она была пуста.

Они спустились вниз. Мегрэ прошел через кухню во двор.

Во дворе стоял маленький сарайчик, дверь которого зашевелилась.

— Кто там? — загремел комиссар, потрясая револьвером.

Раздался крик. Дверь, которую больше не придерживали изнутри, открылась сама собой, и они увидели женщину. Она упала на колени и начала причитать:

— Я ничего не сделала! Извините! Я... Я...

Это была мадам Мишоне, с растрепанными волосами и в одежде, запачканной известкой.

— Где ваш муж?

— Не знаю! Клянусь, я ничего не знаю! Я так несчастна!

Она плакала. Лицо, опухшее от слез и искаженное страхом, казалось на десять лет старше.

— Это не я! Я ничего не сделала! Это тот мужчина, напротив...

— Какой мужчина?

— Иностранец. Я ничего не знаю! Но это он, вы можете быть уверены... Мой муж не убийца и не вор... С тех пор, как он поселился на перекрестке, все стало скверно... я...

— Встаньте...

— Что вы собираетесь со мной сделать? Кто стрелял?

Тягостная картина. Мадам Мишоне было около пятидесяти, а она плакала, как ребенок.

— Я всего-навсего бедная женщина! Всю свою жизнь я работала! До замужества я была кассиршей в самом большом отеле Монпельер... Было бы лучше, если бы я осталась тем, чем была... Меня уважали... Когда я уезжала, хозяин сказал, что я еще пожалею о том, что оставила его дом... И это правда!..

Она снова залилась слезами. При виде кошки ее скорбь усилилась.

— Бедный Митсу! И ты тоже... А мои куры, мое маленькое хозяйство, мой дом!.. Послушайте, комиссар, мне кажется, я способна убить этого человека. Я это почувствовала с первого дня, как только его увидела... Ничего, кроме его черного глаза...

— Где ваш муж?

— Не знаю...

— Он уехал вчера вечером, не так ли? Сразу же после моего визита! Он был таким же больным, как я...

— Верно, он выпил рюмочку...

— Мадемуазель Эльза уже приходила сюда?

— Никогда! — воскликнула она с достоинством.— Я не потерплю подобных тварей в своем доме...

— А мосье Оскар?

— Вы его арестовали?

— Почти!

— Он не крал машины... Мой муж не должен был встречаться с людьми не нашего круга, которые не имеют никакого образования... Ах! Если бы только слушали женщин... Скажите! Что вы думаете о том, что происходит?.. Я все время слышу выстрелы... Если что-нибудь произошло с Мишоне, я умру от стыда! Не говоря уже о том, что я слишком стара для новой работы и жизни...

— Возвращайтесь к себе...

— А что я должна делать?

— Выпейте что-нибудь горячее... Ждите. Поспите, если сможете...

— Спать?

Она снова залилась слезами.

Мегрэ снял телефонную трубку.

— Алло! Арпажон? Полиция! Будьте любезны сказать, кто звонил в течение ночи с аппарата, по которому я сейчас говорю?

Несколько минут ожидания. Наконец последовал ответ:

— Аршив 27-45... Это большое кафе у ворот Сан-Мартина...

— Я знаю... Были еще телефонные разговоры с перекрестком Трех Вдов?

— Одну минутку... Из гаража меня просили соединить с жандармерией...

— Спасибо!

Когда Мегрэ догнал на дороге инспектора Гранджана, начался мелкий дождь.

— Вы понимаете что-нибудь, комиссар?

— Почти...

— Эта женщина разыгрывает комедию, не так ли?

— Она здесь самая искренняя...

— Однако... ее муж...

— Что касается его, это совсем другое дело. Честный человек, который встал на скользкий путь. Или, если хочешь, каналья, который родился, чтобы изображать честного человека... Ничего нет более сложного! Он мучается, пытается выпутаться из беды... Он выдумывает неслыханные осложнения... Он и роль свою сыграет превосходно... Остается узнать, что он еще мог придумать этой ночью...

И Мегрэ, набивая трубку, подошел к забору дома Трех Вдов. На посту стоял один из его агентов.

— Ничего нового?

— Я думаю, ничего не нашли... Парк окружен... Однако никого не было видно.

Большая гостиная была точно в таком же состоянии, как и при

первом визите Мегрэ: на мольберте все та же ткань с наброском больших темно-красных цветов, точно так же скрипели под ногами ступени.

Карл Андерсен стонал в своей комнате, но, увидев входившего комиссара, превозмог боль и пролепетал:

— Где Эльза?

— В своей комнате.

— Ах!

Это его немного успокоило. Он вздохнул, пощупал плечо, на лбу пролегли складки.

— Мне кажется, что я не умру...

Особенно тяжело было смотреть на его стеклянный глаз: он оставался ясным, прозрачным, широко открытым и неподвижным, в то время как все мускулы на лице были в движении.

— Я предпочел бы, чтобы она не видела меня в таком состоянии... Как вы думаете, мое плечо восстановится?.. Позвали опытного хирурга?.. Скажите Эльзе...

— Вы не хотите ее видеть?

— Нет! Лучше не надо... Но скажите ей, что я здесь, что я поправлюсь, что... что я в здравом уме, и она должна верить... Повторите ей это слово: верить!.. Пусть она прочтет несколько стихов из Библии... Историю Якова, например!.. Вы улыбаетесь, потому что вы, французы, не знаете Библии... Вера! «И всегда я буду узнавать своих близких». Это говорит Бог... Бог признает своих. Скажите ей это!.. А также: «Больше радости на небе для...» Она поймет... И наконец: «Справедливость проверяется девять раз в день...» Вера! Вы ей это скажете, не правда ли? Потому что нет примера лучшего, чем невиновность.

Он был удивлен улыбке, которая блуждала на губах инспектора Гранджана. И, нахмурив брови, прошептал сквозь зубы, как бы про себя:

— Франзос!

Француз! Иными словами, неверующий! Иначе говоря, скептик, легкомысленный, нераскаявшийся.

Разочарованный, он повернулся лицом к стене и стал упорно смотреть на нее единственным живым глазом.

— Вы ей скажите...

Когда Мегрэ и его помощник открыли дверь комнаты Эльзы, там никого не было.

Спертый, горячий воздух! Светлое непроницаемое облако от сигарет, а окружающая атмосфера, насквозь пропитанная женственностью, могла бы свести с ума не только мальчишку, но даже мужчину!

Картина, прикрывавшая углубление в стене, была на своем месте. Мегрэ отодвинул ее.

— Да не смотри же ты на меня так, черт побери!

Он бросил измученный взгляд на инспектора, который, встав на каблуки, рассматривал его с блаженным восхищением.

В то же время комиссар так сильно сжал зубами свою трубку, что она сломалась, и головка покатилась по ковру.

— Она сбежала?

— Замолчи!

Мегрэ был взбешен, а потому несправедлив. Ошеломленный Гранджан замер на месте.

Внезапно Мегрэ выскочил в коридор и бегом спустился по лестнице. В тот самый момент, когда он добежал до гостиной, послышался душераздирающий крик, словно жалобный стон умирающего животного.

Это кричала женщина, и голос ее звучал подозрительно глухо. Крик мог исходить сверху, с чердака, или из-под земли.

В этом крике было столько смертельной тоски, что человек, охранявший калитку, бросился к Мегрэ:

— Комиссар!.. Вы слышали?..

— Тихо! Черт возьми!..— проревел Мегрэ.

Они еще не пришли в себя от крика, как раздался оглушительный выстрел.

И сразу же послышались шаги. Положив руку на грудь, по лестнице спускался Карл Андерсен. Он прокричал словно сумасшедший:

— Это она!..

IX

ЛЮДИ В СТРОЮ

Не успело еще замереть эхо от выстрела, как грянул другой. Карл Андерсен, медленно продвигаясь, достиг аллеи, покрытой гравием.

Один из агентов находившейся в парке охраны бросился бежать к огороду, в центре которого был колодец. Едва он нагнулся, как сразу же отпрянул назад и дал свисток.

— Уведи его! — крикнул Мегрэ, обращаясь к Люкасу и показывая на пошатывающегося датчанина.

Люкас подал знак одному из своих людей. Они подошли к раненому, некоторое время уговаривали его, но так как Карл ничего не хотел слушать, схватили его с двух сторон и понесли. Хрипя и дрыгая ногами, он сопротивлялся изо всех сил.

Мегрэ подбежал к колодцу, но агент остановил его:

— Внимание!

Свистя, пролетела пуля, а резонанс от выстрела еще долго звучал в воздухе.

— Кто там?

— Молодая девушка и мужчина. Они дерутся врукопашную.

Комиссар осторожно приблизился, но внизу почти ничего не было видно.

— Лампу...

Не успели они сообразить, что происходит, как пуля разбила электрический фонарь.

Колодец был не глубоким, но широким и без воды. На дне колодца стояли Мишоне и Эльза. Страховой агент держал Эльзу за горло, пытаясь ее задушить. У нее в руке был револьвер, но Мишоне сжимал руку таким образом, что мог направлять его по своему усмотрению.

— Что мы можем сделать? — спросил обескураженный инспектор.

Иногда из глубины колодца доносился хрип. Это задыхалась Эльза, безнадежно борясь в неравной схватке.

— Мишоне, сдавайтесь! — четко проговорил Мегрэ.

Но страховой агент, ничего не ответив, выстрелил в воздух. Комиссар больше не колебался, он прыгнул в трехметровую глубину. Произошла полная сумятица. Еще раз прогремел выстрел; пуля, оцарапав стенку колодца, ушла вверх, а комиссар колотил обеими руками Мишоне по голове.

Страховой агент зашатался и упал поперек колодца, под глазом его вздулся синяк, челюсть была вывихнута.

Эльза, обхватив себя обеими руками за горло, силилась вздохнуть. И трагично, и смешно выглядела эта сцена в полутьме колодца, где пахло селитрой и тиной.

Еще более смешным был эпилог: Мишоне, которого подняли при помощи веревки, укрепленной на балке, насквозь промокший и стонущий, и Эльза, которую Мегрэ вытащил за руки, в грязном черном бархатном платье, покрытом большими пятнами зеленой тины.

Мегрэ подобрал револьвер. Это был револьвер, исчезнувший из тайника в комнате Эльзы. В нем оставался один патрон.

Люкас, прибежавший из дома, озабоченно нахмурил брови и вздохнул при виде этого зрелища.

— Карла я вынужден был привязать к кровати...

В этот момент Мишоне, едва державшийся на ногах, снова бросился на Эльзу с искаженным от злобы лицом, но не успел дотянуться до нее. Мегрэ подставил ногу, и Мишоне откатился метра на два.

— Комедия кончилась?!

Мегрэ расхохотался, настолько комично выглядела физиономия страхового агента.

А Мишоне плакал! Он плакал, корчил гримасы и грозил кулаком!

Эльза провела рукой по лбу.

— Я думала, все кончено! — вздохнула она.— Он так сильно сжал горло...

— Что вы делали в колодце? — спросил Мегрэ.

Эльза бросила на него пронзительный взгляд. Чувствовалось, что она сумела овладеть собой и вернуть все свое хладнокровие.

— Отвечайте...

— Я... Меня затащили туда силой...

— Кто, Мишоне?..

— Это неправда,— прорычал страховой агент.

— Правда... Он хотел меня задушить... Я думала, что он сошел с ума...

— Она лжет... Сама она сумасшедшая!.. Это она, которая...

— Которая что?

— Не знаю! Которая... Это гадюка! Ей надо размозжить голову камнем...

— Почему вы вооружились револьвером?

— Потому что я опасалась западни...

— Какой западни? Минуточку! Давайте проследим по порядку. Вы только что сказали, что на вас напали и притащили в колодец...

— Она лжет! — судорожно повторил Мишоне.

— Покажите то место,— продолжал Мегрэ,— где на вас напали...

Она посмотрела вокруг себя и указала на веранду.

— Там? И вы не закричали? Этот маленький, тщедушный человечек сумел протащить вас до колодца, иначе говоря, пробежать двести метров с ношей в пятьдесят пять кило?

— Да! Да!

— Она лжет!

— Заставьте его замолчать,— устало проговорила Эльза.— Разве вы не видите, что он сумасшедший? И не с сегодняшнего дня...

В саду образовалась маленькая группа: Мегрэ, Люкас и два инспектора смотрели на страхового агента с опухшим лицом и на Эльзу, которая старалась привести свой туалет в порядок.

Самое худшее произошло, когда они увидели почтенную даму — жену Мишоне. Она решительно шагала по дороге, просовывая голову между прутьями изгороди, и, найдя наконец того, кого искала, закричала:

— Эмиль!..

Мадам Мишоне вынула платок из кармана и залилась слезами.

— Только ее не хватало! — вздохнул Мегрэ и с удивлением отметил ярость, отразившуюся на лице Эльзы, когда она поочередно смотрела на всех, кто ее окружал.

— Что вы собирались делать в колодце? — спросил комиссар добродушно, а взгляд его говорил: «Кончай, а? Между нами, не стоит больше играть комедию».

Она поняла. Ее губы растянулись в иронической усмешке.

— Я думаю, мы подобны крысам! Только я голодна, хочу пить, мне холодно, к тому же мне бы хотелось закончить свой туалет. А там посмотрим...

Ни малейшего страха, стеснения, ни тени комедиантства.

Это была настоящая Эльза, которая наслаждалась своим разоблачением.

— Пойдемте со мной,— сказал Мегрэ.— А ты, Люкас, займись остальными... Что же касается мадам Мишоне, пусть возвращается к себе или остается здесь...

— Входите! Вы меня не стесните...

Это была все та же комната на верхнем этаже, с черным диваном и со стойким запахом духов, с тайником под акварелью. Это была все та же женщина.

— Карла по крайней мере хорошо охраняют? — спросила она, указывая подбородком на комнату раненого.— Он взбесится еще больше, чем Мишоне... Вы можете курить вашу трубку...

Она налила в таз воды, спокойно сняла платье, как будто это была самая естественная вещь в мире, и осталась в одной комбинации. Но в ее поведении не чувствовалось вызова.

Мегрэ думал о своем первом визите в дом Трех Вдов, об Эльзе, загадочной и далекой, похожей на роковую женщину из кинофильма, об этой атмосфере, тревожной и раздражающей, которой она себя окружила.

Дворец родителей, кормилицы, гувернантки... С этим покончено! Один жест был более красноречив, чем все слова: эта манера снимать платье и рассматривать себя в зеркале перед умыванием, присущая девушкам простым и вульгарным.

— Сознайтесь, что вы поддались на обман!

— На короткое время...

Она вытерла лицо краем махровой салфетки.

— Хвастаетесь... Еще вчера, когда вы были здесь и я позволила вам взглянуть на мою грудь, у вас, такого солидного человека, пересохло в горле и вспотел лоб. Сейчас, конечно, это для вас не имеет никакого значения... Однако я не безобразна...

Она выгнулась в талии, повела бедрами и с удовольствием посмотрела на свой тонкий и гибкий стан.

— Между нами, что именно вас так встревожило? Я допустила ошибку?

— Много ошибок...

— Какие?

— К примеру, разговоры о дворце и парке... Когда на самом деле живут во дворце, то называют его домом или владением...

Она отдернула занавеску с платяного шкафа и стала в нерешительности рассматривать свои платья.

— Вы, конечно, меня отправите в Париж! И там будут фотографы! Что вы думаете об этом зеленом платье? Нет! Вот это черное, оно идет мне больше... Не можете ли вы дать мне огня?..

Она засмеялась, так как Мегрэ, несмотря ни на что, был несколько взволнован от витавшей в воздухе эротики.

— Ну хорошо! Я одеваюсь... А ведь это забавно, не так ли?

— Когда вы стали любовницей Карла Андерсена?

— Я не любовница, я его жена...

Она провела карандашом по своим ресницам, освежила румянами щеки.

— Вы поженились в Дании?

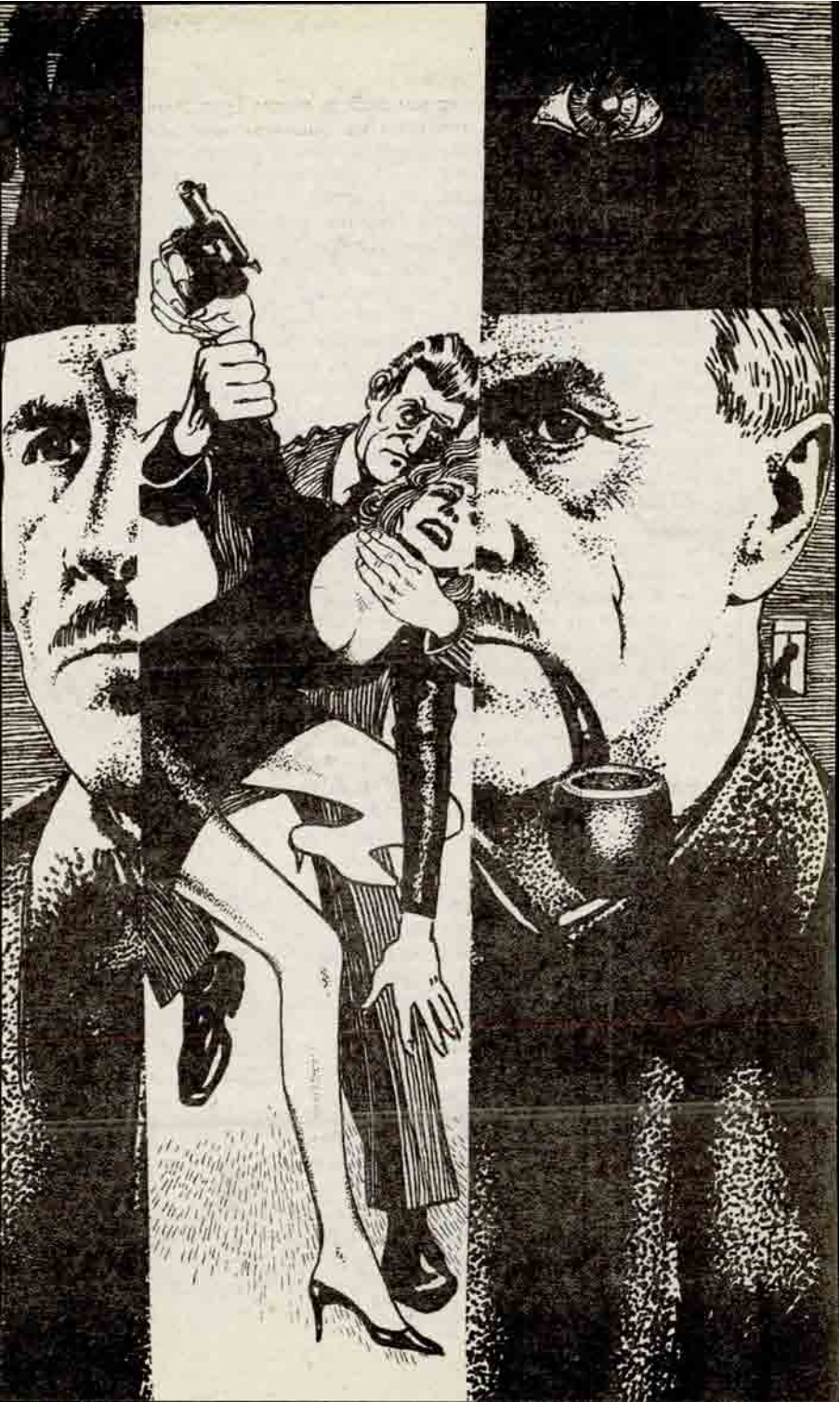
— Вот видите, вы еще ничего не знаете! Но не рассчитывайте, что я вам расскажу. К тому же вы меня долго не продержите... Сколько времени после ареста понадобится, чтобы пройти процедуру антропометрии?

— Вы пройдете без промедления.

— Тем хуже для вас! Сразу станет известно, что мое настоящее имя Берта Крюлл и что более трех лет назад полиция Копенгагена выдала ордер на мой арест. Датское правительство потребует экстрадиции... Ну вот! Я готова. Сейчас, если позволите, я съем кусочек чего-нибудь. Вы не находите, что здесь пахнет затхлым?

Она подошла к окну и открыла его. Затем повернулась к двери. Мегрэ вышел первым. Она внезапно захлопнула дверь, задвинула засов и бросилась к окну.

Будь Мегрэ килограммов на десять легче, она, без сомнения, сбежала бы. Но он не потерял и четверти секунды. Засов был

едва задвинут, он навалился всем телом на дверь.

Эльза сидела верхом на подоконнике.

— Слишком поздно,— сказал Мегрэ.

— Стоило заниматься изысканным туалетом! — иронически произнесла она, показывая на свое разорванное платье. Грудь ее вздымалась, лоб покрылся испариной.

— Вы дадите мне слово, что больше не будете пытаться сбежать?

— Нет! Не дам!

— В таком случае предупреждаю, что буду стрелять при первом же подозрительном движении...

Проходя мимо комнаты Карла, она спросила:

— Вы думаете, он выживет?.. В него всадили две пули, не так ли?

Мегрэ посмотрел на нее и увидел на лице Эльзы смесь жалости и угрызения совести.

— Это и его ошибка! — заключила она, как бы успокаивая свою совесть.— Лишь бы нашлось в доме что-нибудь съестное!

Мегрэ проводил ее на кухню, где она порылась в шкафах и остановилась на банке с лангустами.

— Не смогли бы вы ее открыть? Можете не беспокоиться. Я вам обещаю, что не воспользуюсь этим...

— Ешьте скорее...

— Уже надо ехать?

— Я еще ничего не знаю.

— Послушайте, между нами, что вы такое раскрыли?

— Не важно...

— И этого дурака Мишоне вы тоже заберете? Больше всего я боялась именно его... В колодце я думала, что совсем пропала... Он сжал мне горло так сильно, как только мог...

— Вы были его любовницей?

Она пожала плечами с таким видом, как будто подобная деталь не имеет никакого значения.

— И мосье Оскар?..— продолжал он.

— Ну и что?

— Еще один любовник?

— Это уж вы постарайтесь сами раскрыть... Что касается меня, то я знаю, что меня ожидает... Пять лет отбытия наказания в Дании за соучастие в вооруженной краже и сопротивление властям... Вот тогда меня и ранили.

Она показала на правую грудь.

— А здешние выкрутятся!

— Где вы познакомились с Исааком Гольдбергом?

— Все, больше я ничего не скажу...

— Однако вам придется говорить.

— Любопытно знать, каким образом вы меня заставите?

Она продолжала есть лангусты без хлеба, так как в доме его не оказалось. Было слышно, как инспектор в гостиной ходил взад и вперед, охраняя Мишоне, рухнувшего в кресло.

...Две машины одновременно въехали в парк, обогнули дом и остановились перед верандой.

В первой сидели инспектор и два жандарма, мосье Оскар и его жена.

Другая — такси — прибыла из Парижа, и в ней находился третий персонаж под охраной инспектора.

На всех были наручники, но они сохраняли внешнее спокойствие, кроме жены хозяина гаража, у которой глаза покраснели от слез.

Мегрэ пропустил Эльзу в гостиную, где Мишоне еще раз попытался наброситься на нее.

Ввели арестованных. Мосье Оскар держался почти непринужденно, как обычный посетитель, но при виде Эльзы и страхового агента гримаса исказила его лицо. Другой, похожий на итальянца, пытался храбриться.

— Вот так семейка! Собрались, как на свадьбу или для вскрытия завещания...

Инспектор объяснил Мегрэ:

— Мы сгребли их без боя... В Этампе прихватили еще двух жандармов, поднятых по тревоге. Они видели, как проехала машина, которую они не могли остановить... В пятидесяти километрах от Орлеана у беглецов прокололась шина. Они остановились посреди дороги и навели на нас револьверы. Хозяин гаража опомнился первым. В противном случае был бы бой по всем правилам... Когда мы подъехали, итальянец выстрелил два раза из браунинга, но не задел нас...

— Послушайте, когда вы были у меня, я вас угостил... Позвольте напомнить вам, что хочется пить...— заметил мосье Оскар.

Мегрэ послал в гараж за механиком и пересчитал всех.

— Становитесь к стенке! — скомандовал он.— Мишоне, с другой стороны! Напрасно пытаетесь подойти к Эльзе...

Страховой агент с повисшими усами и опухшим от удара глазом бросил на него озлобленный взгляд и встал в конец шеренги. Дальше шел механик, кисти рук у него оставались связанными электрическим проводом. Затем жена хозяина гаража, похудевшая и пришибленная горем. За нею — сам хозяин гаража, раздосадованный тем, что не может положить руки в карманы слишком широких брюк. Рядом с ним — Эльза и итальянец, считавшийся сердцеедом. На тыльной стороне его руки была вытатуирована голая женщина.

Мегрэ медленно оглядел их и удовлетворенно надул губы. Набивая трубку, он направился к веранде, открыл стеклянную дверь и крикнул:

— Люкас, запишите имя, фамилию, профессию и домашний адрес каждого из них... Потом позовите меня!

Люкас спросил, указывая на Эльзу:

— Ей тоже надеть наручники?

— А почему бы и нет?

— Это уж слишком, комиссар! — изрекла она возмущенно.

X

ПОИСКИ ГЛАВАРЯ

Когда Мегрэ вернулся в гостиную, Люкас заканчивал соста-

вление протокола. Атмосфера здесь походила на солдатскую казарму.

Арестованные все так же стояли вдоль стены, но уже в менее идеальном порядке. По крайней мере на троих из них полиция не произвела никакого впечатления. Это были мосье Оскар, его механик Жожо и итальянец Гвидо Феррари.

Мосье Оскар диктовал Люкасу:

— Профессия: механик гаража. Прибавьте: бывший профессиональный боксер, членский билет спортсмена получен в 1920 году. Чемпион Парижа в полутяжелом весе в 1922 году.

Инспектора привели двух рабочих гаража, которые только что пришли на работу. Их поставили к стене вместе с другими. Один из них удовлетворенно спросил:

— Кажется, с делами покончено?

Они заговорили все сразу, только Мишоне сохранял жалкий вид. Втянув плечи, он злобно уставился в пол.

Что касается Эльзы, она смотрела на Мегрэ взглядом сообщницы. Разве они плохо понимали друг друга? Когда мосье Оскар рискнул непристойно пошутить, она слегка улыбнулась комиссару.

— Тихо! — потребовал Мегрэ.

В это время у веранды остановилась маленькая машина. Из нее вышел изысканно одетый мужчина, державший под мышкой кожаную сумку. Он быстро поднялся по ступенькам веранды, казалось, удивился обстановке, в которой неожиданно оказался, и посмотрел на выстроившихся вдоль стены людей.

— Где раненый?

— Не хочешь ли ты заняться им, Люкас?

Это был крупный хирург из Парижа, которого вызвал Карл Андерсен.

С озабоченным видом врач удалился, следуя за бригадиром.

— Ты обратила внимание на морду лекаря?

Эльза нахмурила брови, и голубые глаза ее немного увлажнились.

— Я требовал тишины! — отчеканил Мегрэ.— Шутить будете потом... Вы, кажется, забыли, что среди вас есть по крайней мере один, кто имеет шанс лишиться головы...

Его взгляд медленно прошел от одного конца шеренги к другому. Фраза произвела желанный результат. Взгляды потеряли свою уверенность.

— Я вижу, вы поняли! — Мегрэ принялся ходить по комнате, заложив руки за спину.— Мы хотим выиграть время... Если мы ничего не добьемся здесь, то продолжим заседание на набережной Орфевр. Вы знакомы с этим местом, не так ли? Хорошо! Первое преступление: Исаак Гольдберг был убит в упор. Кто доставил Гольдберга на перекресток Трех Вдов?

Они молчали, неприязненно глядя друг на друга.

— Я жду! Повторяю, что допрос последует в Тур Пуантю. Там вас будут допрашивать по одному. Гольдберг находился в Анвере. При нем было почти на два миллиона бриллиантов, и он хотел их сплавить. Кто затеял это дело?

— Я,— сказала Эльза.— Я познакомилась с ним в Копенгаге-

не и узнала, что он был специалистом по краденым драгоценностям. После сенсационного ограбления в Лондоне газеты писали, что речь идет именно о Гольдберге. Я говорила об этом с Оскаром...

— Хорошее начало,— проворчал хозяин гаража.

— Кто написал письмо Гольдбергу?

— Она...

— Продолжим. Он приезжает ночью... Кто находится в это время в гараже? А главное, кому было поручено его убить?

Молчание. На лестнице послышались шаги Люкаса. Он обратился к одному из инспекторов.

— Мчись в Арпажон и доставь сюда какого-нибудь доктора в помощь профессору. Привези камфорного масла. Понял?

Люкас вернулся наверх, а Мегрэ, нахмурив брови, еще раз оглядел собравшихся.

— Мы заглянем немного в прошлое... Думаю, это будет несложно. С каких пор ты занимаешься скупкой краденого?

Вопрос предназначался мосье Оскару.

— Ну вот, вы сами признаете, что я всего лишь скупщик краденого... А впрочем... Моя жена и я, мы честные люди. Так, моя цыпочка? Все очень просто. Я был боксером. В 1925 году я потерял звание, и все, что мне предложили — место в ларьке на Тронном базаре! Очень мало. Были разные знакомые: люди хорошие и подозрительные... Среди последних один тип зарабатывал в то время мошенническим путем огромные суммы...

Я тоже решил попробовать... Так как в молодости я был механиком, то приискал себе гараж... Я рассчитывал наскоро сколотить тысяч сто... Только принялся за дело я слишком поздно. Большие магазины дважды подумают, прежде чем дадут в кредит...

Однажды мне привезли старую краденую машину, чтобы я ее перекрасил... Один парень, с которым я познакомился в бистро на площади Бастилии... Вам даже трудно представить, как это просто!..

— Исаак Гольдберг прибыл в своей собственной машине... «Минерве»...— перебил Мегрэ.— Его ожидали, так как речь шла не о том, чтобы купить у него бриллианты, даже по низкой цене, а украсть их... А чтобы украсть, надо было его укокошить... Значит, в гараже были люди или скорее в доме за гаражом...

Полное молчание! Это было самое уязвимое место. Мегрэ заметил, как на лбу у итальянца выступили капельки пота.

— Убийца ты, не так ли?

— Нет! Это... Это...

— Это кто?

— Это они... Это...

— Убийца лежит,— перебил мосье Оскар.

— Кому было поручено убить?

— Тому типу наверху, вот кому!

— Повтори!

— Тип, который наверху, вот кто!

Но в голосе уже не было уверенности!

— Подойди! — Мегрэ указал на Эльзу.— Ты родилась в Копенгагене?

— Если вы обращаетесь ко мне на «ты», могут подумать, что мы с вами переспали.

— Отвечай!

— В Гамбурге!

— Чем занимался твой отец?

— Он был докером.

— Он все еще жив?

Эльза вздрогнула и надменно посмотрела на своих компаньонов.

— Он был обезглавлен в Дюссельдорфе...

— А твоя мать?

— Она была пьяницей...

— Что ты делала в Копенгагене?

— Была любовницей одного матроса... Ганса! Красивый парень! Я познакомилась с ним в Гамбурге. Он состоял в одной банде. Однажды его банда решила ограбить банк... Можно было заработать миллионы за одну ночь... Но в банде оказался предатель и нас окружила полиция...

Это происходило ночью... Мы бросились врассыпную... Выстрелы, крики, погоня... Меня ранило в грудь, я побежала... Двое агентов схватили меня... Я укусила одного и ударила ногой в живот другого.

Но за мной продолжали гнаться... Вдруг я увидела перед собой стену, окружающую парк... Я подтянулась на руках и упала по другую сторону стены, а когда пришла в себя, то увидела высокого, шикарно одетого молодого человека, смотревшего на меня с крайним изумлением, смешанным с жалостью.

— Андерсен?

— Это не настоящее его имя... Он сам вам скажет, если сочтет нужным. У него очень известное имя...

В сопровождении инспектора вошел врач, вызванный хирургом. На его лице появилось отвращение, когда он увидел странное сборище, особенно когда заметил наручники. Его повели на второй этаж.

— Дальше...

Мосье Оскар ухмыльнулся, но Эльза бросила на него свирепый взгляд, полный ненависти.

— Они не могут понять...— прошептала она.— Карл спрятал меня от своих родителей в особняке и лечил сам вместе с другом, который изучал медицину... Он уже тогда потерял глаз в авиационной катастрофе и носил черный монокль... Мне кажется, он считал себя безобразным и внушил себе, что ни одна женщина не сможет полюбить его, потому что он будет выглядеть отталкивающе, когда вынет черное стекло и покажет искусственный глаз...

— Он любил вас?

— Это не совсем так... Его семья была протестантской. С самого начала главным желанием Карла было спасти мою душу... Он долго беседовал со мной, читал мне главы из Библии... Но в то же время боялся своих родителей... Однажды, когда я почти

поправилась, он внезапно поцеловал меня в губы и убежал... Я не видела его почти неделю.

Мосье Оскар с радостью похлопал себя по ляжкам.

— Прекрасно, как в романе! Продолжай, моя куколка!..

— Все! Когда он вернулся, то сказал, что хочет жениться на мне, но не может этого сделать в своей стране, и мы уедем за границу... Он уверял, что наконец понял смысл жизни, что отныне у него есть цель... Вот и все! Мы поженились в Голландии под именем Андерсенов... Это меня забавляло. Я даже думала, что мне от него не отвертеться. Он рассказывал удивительные вещи... Заставлял одеваться, учил держаться за столом, хотел исправить мой акцент... Давал читать книги... Мы посещали музеи...

— Скажи, моя цыпочка,— бросил хозяин гаража своей жене,— когда у нас были трудные дни, мы ведь тоже посещали музеи? И были вне себя от восторга, когда рука об руку стояли перед Джокондой.

— Мы поселились здесь,— быстро продолжала Эльза,— потому что Карл все время опасался встретить кого-нибудь из моих старых друзей... Он должен был зарабатывать на жизнь, так как отказался от богатства родителей. Чтобы избежать всяких кривотолков, он выдавал меня за свою сестру... Но все время оставался неспокойным... Всякий раз вздрагивал, когда звонили у калитки. Ганс, кажется, сбежал из тюрьмы, и никто не знал, что с ним стало. А Карл любил меня, это точно...

— Однако...— задумчиво произнес Мегрэ.

Она с запальчивостью перебила его.

— Я хотела бы посмотреть на вас, будь вы на моем месте! Все время в одиночестве... И ничего, кроме разговоров о доброте, красоте, об искуплении души, о судьбе человека... И уроки хорошего тона! А когда он уезжал, то запирал меня под тем предлогом, чтобы я не поддалась соблазну... На самом деле он был ревнив, как тигр!

— После этого пусть попробуют сказать, что у меня глаз непроницательный! — сказал мосье Оскар.

— А что вы сделали? — спросил его Мегрэ.

— Я сразу же все угадал, вот что! Сразу почувствовал всю фальшь этой атмосферы... Но я остерегался датчанина... Я предпочел заняться девицей... Не волнуйся, мамочка! В глубине души ты хорошо знаешь, что это я к тебе приходил. Вот какие дела! Я слонялся вокруг домика, когда одноглазый отсутствовал. Однажды состоялся разговор через окно, так как краля сидела взаперти... Она сразу же сообразила, как может обернуться дело... Я бросил ей восковой шарик, чтобы взять оттиск ключа... Через месяц мы встретились в глубине парка и сторговались... Ей до смерти надоел ее аристократ... Ее сердце принадлежало преступному миру, вот так!

— И с тех пор,— медленно сказал Мегрэ,— ваши встречи вошли в привычку. Эльза каждый вечер добавляла веронал в суп Андерсену?

— Да.

— И вы встречались с мосье Оскаром?

Жена хозяина гаража с покрасневшими глазами снова разрыдалась.

— Они меня обманывали, комиссар! Сначала мой муж уверял, что между ними дружеские отношения и хорошо бы вытащить ее из этой дыры... Он возил нас обеих в Париж... Они пировали с друзьями, а я занималась домашним хозяйством до того дня, пока не застала их врасплох...

— Ну и что такого? Мужчина не монах... А она чахла, бедняжка...

— Какая мерзость! — проворчал сквозь зубы Мишоне, с самого начала беседы находившийся в состоянии прострации.

Мегрэ обратился к хозяину гаража.

— А этот?

— Вы еще не поняли?

— Почти... На перекрестке три дома... Каждую ночь кто-то сновал туда и обратно... Это были грузовики с овощами. Возвращаясь порожняком из Парижа, они отвозили ворованные товары... За дом Трех Вдов беспокоиться было нечего. Но оставалась вилла...

— Не считая того, что не хватало человека респектабельного, чтобы ловко распродавать ворованное в провинции...

— Эльзе был поручен Мишоне?

— Это не трудно для хорошенькой девушки! Однажды ночью она привела Мишоне к нам, и мы угостили его шампанским. В другой раз мы взяли его с собой в Париж и там шикарно покутили. Он был готов! Ему поручили торговать ворованным... Самое смешное, что он принял все это всерьез и стал ревнив, как школьник. Разве не умора? С рожей инкассатора от Дюфайель!

Послышался неясный шум наверху, и Мегрэ увидел, как побледнела Эльза. Потеряв всякий интерес к допросу, она напрягала слух, прислушиваясь к звукам.

Мегрэ, набивая трубку, обошел еще раз арестованных.

— Теперь осталось узнать, кто убийца... Молчите!

— За укрытие краденого я рискую только...

Комиссар, дав тумака, заставил замолчать хозяина гаража.

— Эльза узнает из газет, что в Лондоне украдены драгоценности на два миллиона. Они должны находиться у Исаака Гольдберга, которого она знала по Копенгагену... Она ему пишет, назначает свидание в гараже и обещает перепродать бриллианты по хорошей цене... Гольдберг, вспомнив о ней и ничего не подозревая, приезжает на машине... Были приняты все меры предосторожности. Иначе говоря, все были там... Трудность состояла в том, как избавиться от трупа после совершения убийства.

Мишоне, должно быть, нервничал, так как в первый раз оказался втянутым в настоящее преступление...

Оскар хотел бросить труп в яму где-нибудь подальше.

Но именно Эльзе пришла идея... Молчите! Она достаточно прожила взаперти днем и должна была прятаться ночью... Ей надоели беседы о добродетели, добре и красоте! С нее также было достаточно посредственной жизни, когда считают каждую копейку...

Кончилось тем, что она возненавидела Карла Андерсена. Но она знала, что он любит ее и скорее убьет, чем потеряет...

Она много пила! Она храбрилась! Ей пришла на ум поразительная идея свалить все на Карла, который ни в чем ее не заподозрит, так слепа его любовь... Перекрашенную «Минерву» угонят далеко в район и там перепродадут или бросят... Настоящие виновники должны быть вне подозрения. Мишоне особенно боялся... Тогда решили взять его машину... Самый лучший способ снять с него всякое подозрение... Но надо было также, чтобы полиция нашла труп у Карла... Тут и родилась идея обмена автомобилями.

Труп пристроили у руля шестицилиндровой. Андерсен, напоенный снотворным, глубоко спал, как и все вечера. Автомобиль Мишоне поставили в гараже, а маленькую «5 СУ» переставили к Мишоне, где ее и нашла полиция.

Маленький доктор из Арпажона просунул голову в приоткрытую дверь.

— Нужен еще один человек, чтобы его держать... Он не может заснуть...

Он был озабочен, лицо покраснело.

— Идите,— крикнул Мегрэ инспектору, прохаживающемуся по саду.

И в этот момент неожиданно получил удар в грудь.

XI

ЭЛЬЗА

К нему бросилась Эльза. Она судорожно рыдала и лепетала жалобным голосом:

— Я не хочу, чтобы он умер! Я... О, это ужасно!.. Разрешите мне пойти наверх! Умоляю вас... Вы не можете понять...

— Нет! — Мегрэ отстранил ее. Она, как подкошенная, рухнула на тот самый диван, где Мегрэ впервые увидел ее, такую загадочную в черном бархатном платье с высоким воротничком.

— Я заканчиваю! Мишоне свою роль превосходно сыграл... Он пытался сойти за маленького смешного буржуа, который в этой кровавой драме не думал ни о чем, кроме своей шестицилиндровой машины. Следствие началось. Карл Андерсен арестован. Но судьба обернулась по-другому — его освободили.

Он никогда не заподозрил бы свою жену... Он защищал бы ее до последнего...

Но вот появилась мадам Гольдберг. Она, возможно, знала, кто заманил ее мужа в западню, и могла рассказать.

Тот же человек, который убил ювелира, следил за ней... Убийца взял ботинки Карла, которые затем вернул... Это должно было стать веским доказательством! Надо, чтобы именно датчанин был признан виновным, в противном случае немедленно разоблачат настоящих убийц. Царила полная растерянность...

Андерсену надо было ехать в Париж за деньгами. Человек, уже дважды совершивший преступление, ждал его на дороге,

выдал себя за полицейского и сел к нему в машину... Я думаю, скорее всего, эта идея пришла в голову Оскару...

Преступник вынудил Андерсена пересечь Париж... Дорога на Компьен проходила через густой лес... Убийца выстрелил в упор... Он торопился... И сбросил тело в яму... Он рассчитывал вернуться обратно, чтобы спрятать его более тщательно...

Самое главное, нужно было как можно скорее отвести подозрения... Автомобиль Андерсена был оставлен в нескольких сотнях метров от бельгийской границы...

Неизбежное заключение полиции: «Он перешел границу! Значит, он виновен...»

Убийца вернулся на другой машине, но не нашел жертвы в яме... Он предупредил из Парижа мосье Оскара, но сам не хотел возвращаться в места, кишевшие шпиками.

С Карлом надо было кончать... Не настало ли время использовать Мишоне? Мишоне, посвятивший всего себя любви к Эльзе, должен был отправить ее к праотцам...

План был тщательно разработан. Мосье Оскар и его жена выехали в Париж, демонстративно сообщая о всех своих передвижениях.

Мосье Мишоне пригласил меня зайти к себе, чтобы показать, как он страдает от приступа подагры...

Не успел я уйти, как он поставил в кресло ручку от щетки, обмотанную клубком тряпок... Постановка спектакля великолепная... С внешней стороны полное сходство... Запуганная мадам Мишоне согласилась играть свою роль в комедии, изображая заботу о больном... Мишоне уже не знает, любит он Эльзу или ненавидит. Но знает твердо, что хочет видеть ее мертвой. Ему известно, как любит Эльза пить по вечерам пиво... Пробравшись в дом Трех Вдов, Мишоне подсыпал яд в бутылку с пивом и стал ждать возвращения Карла... Выстрелив в него, он спрятался в колодце, который, как ему известно, с давних пор был сухим...

Все это продолжалось несколько часов...

Я находился у гаража. Мадам Мишоне увидела меня... Мне пришлось стрелять из револьвера... Лампа погасла, давая тем самым знак машинам не останавливаться.

По телефону состоялся разговор... Мосье Оскар, его жена и Гидо, сопровождавший их, проезжая на машине, пытались выстрелами уничтожить меня, единственного человека, который что-то подозревал...

Они выбрали дорогу на Этамп и Орлеан. Почему? Ведь они могли уехать в другом направлении... Но по этой дороге ехал грузовик с запасным колесом, полученным от механика в гараже... В этом колесе были запрятаны бриллианты!..

Надо было догнать грузовик и, нагрузив карманы, поехать к границе...

Я вас ни о чем не спрашиваю!.. Тихо!.. Мишоне сидел в колодце... Эльза не сомневалась, что он прячется там... Она поняла, что именно он пытался ее отравить, и решила покончить с ним... Он схватил ее одной рукой за глотку, а другой за кисть руки, державшей револьвер... Борьба продолжалась в темноте... Одна пуля вылетела... Эльза закричала, она так боялась умереть...

Мегрэ снова зажег погасшую трубку.

— Что вы скажете, мосье Оскар?

Хозяин гаража, насупившись, ответил:

— Ничего не скажу... Я буду защищаться... Буду настаивать на том, что я всего лишь скупщик краденого...

— Неправда! — взвизгнул Гидо Феррари.

— Очень хорошо! Я этого ждал от тебя, малыш... Ведь это ты убивал!.. Трижды! Сначала Гольдберга... Затем его жену... Наконец, Карла в машине... Конечно!.. Ты профессиональный убийца!..

— Это ложь!..

— Спокойней!..

— Это ложь! Ложь! Я не хочу...

— Ты защищаешь себя, но Карл Андерсен тебя узнает... И другие постараются от тебя отделаться... Им грозит каторга...

Гидо выпрямился и желчно показал пальцем на мосье Оскара.

— Это он приказывал!

— Ах ты, черт возьми!

Мегрэ не успел вмешаться. Хозяин гаража ударил наручниками итальянца по голове и завопил:

— Негодяй! Ты мне заплатишь!

Они, должно быть, потеряли равновесие, так как оба покатились по полу; стесненные в своих движениях, они продолжали драться, полные ненависти друг к другу.

В гостиной появился хирург. Он был в перчатках и в шляпе серого цвета.

— Простите... Мне сказали, что комиссар здесь...

— Это я...

— Я по поводу раненого... Думаю, он спасен... Но ему нужен полный покой... Я предложил мою клинику... Кажется, это невозможно... Через полчаса он придет в себя, и было бы желательно, чтобы...

Но тут раздался вой. Итальянец вонзил зубы в нос хозяина гаража, и жена последнего бросилась к комиссару.

— Скорей!.. Посмотрите!..

Дерущихся разняли.

Мишоне тихо плакал в своем углу.

Инспектор Гранджан объявил:

— Черный ворон прибыл...

У входа в тюремную машину разыгралась новая потасовка между итальянцем и его ближайшим соседом, одним из механиков гаража.

— Воры!.. Грабители!..— кричал итальянец, обезумев от страха.— Я даже не получил причитающиеся мне деньги...

Эльза оставалась в гостиной. Когда она собиралась перешагнуть порог стеклянной двери, выходящей на залитую солнцем веранду, Мегрэ остановил ее:

— Ну как?

Она повернулась к нему и посмотрела вверх, туда, где лежал распростертый Карл.

— Что вы хотите?.. Это также и его ошибка!..— заключила она

самым естественным тоном.— В глубине души... Нет! Я не хочу сказать ничего плохого о нем...

— Говорите!

— Вы хорошо его знаете... Это его ошибка! Он почти маньяк... Карла мучило сознание, что мой отец был вором, что я состояла в банде... Он только из-за этого меня и любил... Если бы я стала молодой разумной женщиной, какую он хотел сделать из меня, он не замедлил бы вернуться к своей монотонной жизни и бросил бы меня...

Она отвернулась и прибавила более тихим голосом, как бы стыдясь:

— Тем не менее я хотела бы, чтобы с ним не случилось ничего плохого... Карл, как это выразиться?.. Шикарный тип!.. Но немного чокнутый...

И она закончила, улыбаясь:

— Полагаю, что скоро снова увижу вас...

— Гидо убил, не так ли?

Фраза была лишней. Она снова приняла повадки уличной девки и сказала:

— Я на это не пойду!

Мегрэ следил за ней глазами до тех пор, пока она не поднялась в тюремную машину. Он видел, как она посмотрела на дом Трех Вдов, пожала плечами и бросила шутку жандарму, который подтолкнул ее.

— Все происшедшее можно назвать делом трех ошибок! — сказал Мегрэ стоявшему рядом Люкасу.

— Каких?

— Сначала ошибка Эльзы, которая поправляет картину, курит на первом этаже и, чувствуя опасность, обвиняет Карла, прикидываясь, будто защищает его.

Ошибка страхового агента, который пригласил меня к себе, чтобы доказать, что он проведет ночь у своего окна.

Наконец, ошибка Жожо, который, заметив меня и опасаясь, как бы все не было раскрыто, вручает водителю грузовика запасное колесо слишком маленького размера, в котором находятся бриллианты.

— А без этого...

— Без этого? Что ж, когда такая женщина, как Эльза, врет столь великолепно, что сама начинает верить в то, о чем рассказывает...

— Я же вам говорил!..

— Да! Из нее могло бы выйти нечто необычное, если бы не эти проявления низменных чувств.

Карл Андерсен около месяца был между жизнью и смертью. Семья предпочла взять его к себе, и он был помещен в дом отдыха, сильно напоминавший дом для душевнобольных.

Конечно, он не появился на процессе, проходившем в Париже.

Против всех ожиданий, выдать Эльзу ее стране отказались. Ее приговорили к трем годам тюремного заключения во Франции, в тюрьме Сан-Лазар.

Три месяца спустя в приемной тюрьмы Мегрэ встретил Андерсена, который ссорился с директором, предъявляя свой свадеб-

ный контракт и требуя разрешения увидеть осужденную.

Он совсем не изменился. Все так же носил черный монокль, только его правое плечо стало немного шире...

Увидев комиссара, он смутился и отвернулся.

— Ваши родители разрешили вам выехать?

— Моя мать умерла... Я стал наследником...

Его лимузин высшего класса с шофером стоял в пятидесяти метрах от тюрьмы.

— И вы продолжаете упорствовать, несмотря ни на что?

— Я устроился в Париже...

— Чтобы навещать ее?

— Она моя жена...

Его единственный глаз с тревогой следил за выражением лица Мегрэ, стараясь прочесть на нем иронию или жалость.

И комиссар молча пожал ему руку.

Находясь под строгим надзором, Гидо Феррари проводил свое время в ожидании прибытия адвоката с решением о помиловании.

Но однажды утром за ним пришли и увели его. Он кричал, болтал ногами, отказался от сигареты и стакана рома и плевал в лицо священника...

Перевод с французского ТАМАРЫ ЕРОФЕЕВОЙ.

«Слова на запекшейся лире...»

Поэт Иван Савин почти неизвестен сегодняшнему читателю. Говоря о первой волне эмиграции, обычно вспоминают Зинаиду Гиппиус и Георгия Иванова, Владислава Ходасевича и Ирину Одоевцеву, Нину Берберову и Ивана Бунина.

Но имя Ивана Савина забыто совершенно напрасно. Ушедший из жизни в возрасте Лермонтова, он успел сделать в литературе немного — около 80 стихотворений, десятка два рассказов и очерков. Но и то немногое, что было им написано, позволяет говорить о таланте большом и значительном, чья писательская судьба была оборвана в самом начале пути.

Родился Иван Иванович Саволайнен (Иван Савин) 29 августа 1899 г. в Одессе, в семье нотариуса.

Детство и отрочество поэта прошли в городе Зенькове Полтавской губернии, в доме матери, провинциальной помещицы.

С 11 лет он начал писать стихи, а в 15 опубликовал их в губернской периодике.

В годы гражданской войны 20-летний юноша ушел в Добровольческую армию, но повоевать пришлось недолго.

Во время отступления, в Джанкое, заболевший тифом Савин попадает в плен. Чудом избежав расстрела, он пробирается в Петроград, встречается там с отцом, и в 1922 году оба выезжают за границу в Финляндию. Уехать было несложно, так как отец числился финским подданным.

В годы гражданской войны Савин потерял всех близких: погибли четыре брата, умерли две его сестры. Любимая девушка вышла замуж за коммуниста. Тема гражданской войны становится главной в творчестве поэта.

В эмиграции он печатается в самых разных изданиях. В 1926 году издает в Белграде сборник стихов «Ладанка», сразу же сделавший ему имя в писательской среде. Вскоре становится корреспондентом в Швеции, готовит к печати сборник прозы под названием «Книга былей».

Но, к сожалению, дальнейшим планам не суждено было сбыться.

12 июля 1927 года Иван Савин умирает в больнице от заражения крови.

Многие эмигрантские издания откликнулись на его смерть. И. А. Бунин в некрологе, напечатанном в июле 1927 года парижской газетой «Возрождение», сказал: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе».

Хочется верить, что творчество Ивана Савина будет оценено и нашими читателями.

Ты не думай, все запишется.
Не простится. Ты не жди.
Все неслышное услышится.
Пряча тайное, колышется
Сердце — ладанка в груди.

Умирают дни, и кажется:
Прожитой не встанет прах.
Но Христу вся жизнь расскажется.
Сердце — ладанка развяжется
На святых Его весах.

Жизни наши будут взвешены.
Кто-то с чаши золотой
Будет брошен в пламень бешеный.
Ты ль, хмельная? Я ль, повешенный
Над Россией и тобой?

Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следов у дверей?
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.

Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон да острог.

И хожу я по черному свету,
Никогда не бывав молодым,
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.

Увели ее ночью из дому
На семнадцатом детском году.
И по-вашему стал, по-седому,
Глупый мальчик метаться в бреду.

Были слухи — в остроге сгорела,
Говорили — пошла по рукам...
Всю грядущую жизнь до предела
За года молодые отдам!

Но безмолвен ваш мир отсиявший.
Кто ответит?
В острожном краю

Скачет выжженной степью укравший
Ненавистную юность мою.

═

Помните? Хаты да пашни.
Луг, да цветы, да река.
В небе, как белые башни,
Долго стоят облака.

Утро. Пушистое сено
Медом полно. У воды
Мельница кашляет пеной,
Пылью жемчужной руды.

Помните? Вынырнул вечер,
Неповторимый такой.
Птиц многошумное вече,
Споря, ушло на покой.
Тени ползут как улитки
В старом саду. В темноте
Липы шуршат. У калитки
Странник поет о Христе.

Помните? Ночью колеса
Ласково как-то бегут.
Месяц прищурился косо
На полувысохший пруд.
Мышь пролетела ночная.
Выплыл из темени мост,
С неба посыпалась стая
Кем-то встревоженных звезд...

═

Ты брошен тоже, ты поймешь,
В дурманы вглядываясь строже,
Что счастье, если и не ложь,—
На ложь мучительно похоже.

Тот, первый, кто вином любви
Уста раскрывшиеся нежил,
Не слеп от нынешней крови
И в нашей брошенности не жил.

Тот, первый, в райском терему
Лаская кроткую подругу,
Не шел в хохочущую тьму
По кем-то проклятому кругу.

А мы идем. Над нами взгляд
Безумия зажжен высоко,
И каплет самый черный яд
Из окровавленного ока.

Что сердца легкая игра
Тяжелому земному телу?
Быть может, уж давно пора
Мечту приговорить к расстрелу.
А мы в безлюдье, в стужу, в дым
Несем затравленность обетов,
Мы, как Евангелие, чтим
Бред сумасшедших и поэтов.
И, вслушиваясь в злую ложь,
Горим, с неоспоримым споря...
Ты брошен тоже, ты поймешь,
Что счастье выдумано с горя.

═

Сестрам моим
Нине и Надежде.

Одна догорела в Каире,
Другая на русских полях.
Как много пылающих плах
В бездомном воздвигнуто мире!

Ни спеть, ни сказать о кострах,
О муке на огненном пире.
Слова на запекшейся лире
В немой рассыпаются прах.

Но знаю, но верю, что острый
Терновый венец в темноте
Ведет к осиянной черте
Распятых на русском кресте,
Что ангелы встретят вас, сестры,
Во родине и во Христе.

═

Кипят года. В тоске смертельной
Захлебываясь на бегу,
Кипят года. Твой крестик тельный
В шкатулке крымской берегу.
Всю ночь не спал ты. Дрожь рассвета
Вошла в подвал, как злая гарь
Костров неведомых, и где-то
Зажгли неведомый фонарь,
Когда, случайный брат по смерти,
Сказал ты тихо у окна:
«За мной пришли. Вот здесь, в конверте,
Мой крест и адрес, где жена.
Отдайте ей. Боюсь, что с грязью
Смешают Господа они...» —
И дал мне крест с славянской вязью,
На нем — «Спаси и сохрани».
Но не спасла, не сохранила
Тебя рука судьбы хмельной.

Сомкнула общая могила
Свои ресницы над тобой...
Кипят года, в тоске смертельной
Захлебываясь на бегу.
Спи белым сном! Твой крестик тельный
До белой тризны сберегу.

=

Законы тьмы неумолимы.
Непререкаем хор судеб.
Все та же гарь, все те же дымы,
Все тот же выплаканный хлеб.
Мне недруг стал единоверцем:
Мы все, кто мог и кто не мог,
Маячим выветренным сердцем
На перекрестках всех дорог.
Рука протянутая молит
О капле солнца. Но сосуд
Небесной милостыни пролит.
Но близок нелукавый суд.
Рука дающего скудеет:
Полмира по миру пошло...
И снова гарь, и вновь тускнеет
Когда-то светлое чело.
Сегодня лед дорожный ломок,
На завтра злая встанет пыль,
Но так же жгуч ремень котомок
И тяжек нищенский костыль.
А были буйные услады
И гордой молодости лёт...
Подайте жизни, Христа ради,
Рыдающему у ворот!

ВОЗМЕЗДИЕ
Войти тихонько в Божий терем
И, на минуту став нездешним,
Позвать светло и просто: Боже!
Но мы ведь, мудрые, не верим
Святому чуду. К тайнам вешним
Прильнуть, осенние, не можем.
Дурман заученного смеха
И отрицанья бред багровый
Над нами властвовали строго.
В нас никогда не пело эхо
Господних труб. Слепые совы
В нас рано выклевали Бога.
И вот он, час возмездья черный,
За жизнь без подвига, без дрожи,
За верность гиблому безверью
Перед иконой чудотворной,
За то, что долго терем Божий
Стоял с оплеванною дверью!

РАССКАЗ

ДРОЛЬ

Был он толст неимоверно, близорук до такой степени, что, наталкиваясь на тумбу с афишами или телеграфный столб, снимал шляпу и бормотал извинения. Как-то, врезавшись велосипедом в бредущее по улице стадо коров, он сказал сконфуженно, потирая ушибленное колено:

— Ради Бога, простите, господа. Я, право, нечаянно.

Ходил он, переваливаясь со стороны на сторону. Как утка. Говорил нелепым говором — казалось всегда, что в пустой бочке хрипит слабо натянутая струна. По вечерам в наробразе, где он заведовал какой-то секцией и жил в темном чулане, когда расходилась по домам толпа барышень в дважды перелицован-

ных платьях, он долго сиживал у расхлябанного рояля, подбирая плачущие мелодии к стихам Гофмана, которого знал наизусть.

Это кричащее несоответствие — лысая голова на обрюзгшем, будто налитом дремотой теле и хрупкие, тонко звякающие строки поэта-пажа — до слез смешили наробразских писцов в трижды перелицованных френчах. Регистратор Кувшинников, городской острослов, уверял даже, что Гофман прислал с того света почто-телеграмму, в которой умолял избавить его память от посмертного издевательства.

Фамилия у него была самая обыкновенная — Прокопенко. Таких не по летам распухших, неповоротливых, застенчиво-добродушных людей превеликое множество в нашей солнечной стране.

Имя его тоже ничем особенным не отличалось — Сергей Григорьевич. Но как-то жена крупного подрядчика Нагорного, бойкая шансонетка из Лиона, знавшая Сергея Григорьевича еще тогда, когда он был членом окружного суда, сказала во всеуслышание, искренне всплеснув руками:

«Comme il est drole, cet homme la!»*

С той поры, потому ли, что он действительно был смешон, или по провинциальному неравнодушию к французскому диалекту, эта кличка — Дроль — прочно установилась за Прокопенко. Даже уличные мальчишки, вникнув в смысл непонятного им слова при благосклонном содействии того же Кувшинникова, распевали на всех перекрестках:

Дроля, Дроля, передроля,
Толстопузая фасоля...

Кроме лысины и стыдливой склонности к музицированию, у Дроля было еще огромное, слишком порывистое сердце. Можно было подумать, что в нем, в неразумном сердце этом, кусочки воска склеены не воском, а старым, острым вином: слишком уж быстро пьянело оно, таяло, покрывая шарообразные щеки совсем молодым, горячим румянцем.

Дроль был влюблен шестнадцать раз. Шестнадцать раз подбирал он грустную мелодию к гофманской «Инфанте». Шестнадцать женщин смеялись над ним, передавая друг другу, как по наследству, прекрасное сердце лысого Дроля. Шестнадцать анекдотов рассказывал неутомимый Кувшинников наробразским барышням в дважды перелицованных платьях.

В семнадцатый и последний раз милый, смешной, близорукий Дроль бросил свое близорукое сердце к ногам Елены Ден.

Много прелестных лиц пришлось видеть в ныне потерянном краю, о многих мечталось в душистой тьме родного сада. Но такой огромной красоты, такой пьянящей улыбки пунцовых губ, таких необычайно светящихся глаз никто еще не видел ни наяву, ни в бреду. Когда Елена Ден, лукаво покрыв плечи старинным золотом волос, заливалась четкой свирелью смеха, хотелось почему-то долго, глухо плакать, чтобы залили крупные слезы эту невыносимую красоту, чтобы померкла она, слишком

* Как он забавен, этот человек *(франц.)*. — Прим. публ.

дразнящая, хотелось далеко-далеко унести, затаить, спрятать его, этот звездный подарок Бога темной земле...

Мудрено ли, что Дроль бросил себя всего этой семнадцатой и последней?

Елену Ден окружала шумная свита молодежи: бывшие офицеры, бывшие студенты, просто бывшие люди — писцы, регистраторы и делопроизводители семи учреждений.

По установившемуся этикету, шутливому, но строго соблюдаемому, у «королевы» ежедневно дежурил кто-нибудь из свиты по назначению ее величества. Дежурный посылался в бесчисленные очереди, мыл за королеву полы в красноармейских казармах, докладывал о новых декретах, защищал квартиру от уплотнения и слушал печальные песенки Вертинского, которые она исполняла мастерски.

Почему-то так вышло, что чаще всего у прекрасной Елены дежурил Дроль. Он с одинаковой радостью, почти с восторгом чистил у ее дома снег, аплодировал ноющей грусти Вертинского и часами простаивал у лавки № 7, откуда Елена получала паек.

Его называла в глаза «мой верный паж», за глаза — «этот лысый дурак». Лысый дурак служил своей семнадцатой, последней, вероятно, не хуже самого идеального средневекового рыцаря. Служил, зная, что совершенно даром разбрасывает он свою стареющую нежность. Он был нескучен только тогда, когда молодыми, полными огня пальцами играл Скрябина, Рахманинова, Метнера на прабабушкином пианино Елены, чудом избежавшем национализации. Играл он с захватывающей глубиной, не по-дилетантски оттеняя все особенности новой музыки. Вне этого он был незаметен, молчалив и, пожалуй, жалок.

В городе над Дролем посмеивались. Елена зазывным смехом встречала каждую, нередко грубую шутку своего двора, углубляя тайную боль верного пажа.

— Дроль, поцелуйте мне руку! — капризно говорила она, играя изумительными озерами глаз.

Дроль порывисто вскакивал, но точеная рука пряталась в турецкие шали Елены.

— Какой вы смешной, Дроль... Заплачьте, а потом поцелуйте...

У него долго дергалось лицо, нелепо сжимались глаза, но слез не было.

— Не умею. Все что угодно, только не плакать, хотел бы...

Свита с большим участием хлопала его по плечу, советовала поступить на сцену:

— Там, знаете, в два счета плакать научат... Будете все время у королевы руки целовать...

А Елена, положив на маленькую ладонь золотистую голову, смеялась так нестерпимо хорошо, что хотелось плакать. Не для рук, а так, просто... От бессильной и бесцельной нежности хотелось плакать...

Когда над испуганным городом заныли снаряды, торопливо рассыпалась дробь пулеметов, Дроль, конечно, был в маленькой, густо заставленной мебелью квартире Ден и, стоя у окна, докладывал Елене:

— Утром был разведчик от них... от немцев... гайдамак какой-то украинский, с оселедцем на бритой голове... Говорил, что сегодня ночью обязательно войдут в город. У большевиков паника...

Вишняков, бывший ротмистр, а теперь машинист финотдела, поднял тщательно причесанную голову и спросил насмешливо:

— А вы не боитесь, Дроль?

— Чего?

— А вот стрельбы! Ведь очень страшно. Еще убьют, пожалуй, а? Отойдите лучше от окна. Слишком уж вы заметная мишень.

Дроль открыл окно и высунулся в него, опираясь локтем на подоконник.

У Елены лукаво поднялась бровь.

— Прогуляйтесь, пожалуйста, Дроль, до собора и обратно и высчитайте мне, с какой приблизительно скоростью стреляет немецкая артиллерия.

Уже вдогонку ему Вишняков крикнул:

— Да поживее! Получите Георгия...

Небо, как огромный котел, бурлило, разбуженное орудийным гулом. Ежеминутно вздрагивала мостовая. Где-то совсем близко, за грязной рекой, трещали винтовки, выбрасывая вместе со свистящими пулями тысячеголосое эхо. Низко плавали дымки. На улице, как в четыре часа утра, было пустынно и тихо. Изредка проносились на заморенных конях красноармейцы еще позавчера эвакуировавшейся комендатуры, да плелась по пятам собака с перебитой лапой.

Дроль без шляпы, с крепко сжатыми зубами, свернул за угол, к белевшему вдали собору: у булочной с качающимся кренделем глухо шлепнулся снаряд. Разорвался он не сразу, будто думал, стоит ли ради какого-то облезлого кренделя так шуметь. Потом прыснул металлическим звоном и подбросил вверх часть деревянного тротуара, угол дома, камни, осколки кренделя. Собака с визгом шарахнулась в сторону, мимо обсыпанного мелкой пылью Дроля.

В окне соседнего дома показалась встревоженная женщина. Она кивнула головой и крикнула в форточку:

— Сергей Григорьевич, вы с ума сошли?

— Сошел...— смущенно отозвался Дроль, направляясь к собору.

На обратном пути артиллерийский обстрел был менее част, но ураганный огонь пулеметов хлестал воздух с необычайной силой. Видимо, силы наступающих стягивались к центру. Вдоль улицы, тонко воя, лилась струя пуль.

Только случайно можно было избежать этого дождя, и Дроль шел наугад, втягивая голову в воротник тужурки, переделанной из вицмундира.

В зияющей бреши булочной стоял конный красноармеец. Он с любопытством оглядел Дроля и остановил его:

— Нешто тебе жисть надоела? Путаешься издеся. Скидывай сапоги! Часы есть?

Дроль сел на расщепленный край тротуара и поднял ногу. Близорукие глаза светились странной мигающей радостью. Ле-

вая рука снимала сапог, правая гладила рассыпавшиеся куски кирпича.

— Да ты, видать, юродивый... Иди, братишка, домой, а то, ей-богу, убьют,— сказал всадник и, пригнувшись к седлу, поскакал в гору.

Елена встретила Дроля с изумленной улыбкой. Показалось ли только, или в самом деле в уголках небывалых глаз всколыхнулся испуг, когда она спросила, стоя у двери:

— Вы живы? Я так беспокоилась... Бедный вы мой...

Дроль смущенно подошел к ней:

— Двадцать девять выстрелов... в десять минут... Кажется, шестидюймовка.

Он сел в кресло и задымил, то сжимая, то разжимая пальцы левой руки.

У него не было ее раньше, этой лихорадочной игры коротких, потрескивающих пальцев. Бывший ротмистр Вишняков в тот же день рассказал свите о нелепой привычке этого старого дурака: с ним сама Елена разговаривает, а он на тужурке, переделанной из вицмундира, какие-то бешеные мелодии разыгрывает.

Спустя неделю Елена скакала в мужском седле рядом с неестественно стройным немецким лейтенантом. Дроль немигающими глазами следил за тонким хлыстиком в тонкой руке, за прядью спелой ржи под синей вуалью. Сливались в радужный круг золотые и синие пятна, и что-то большое хотели сказать влажному стеклу прыгающие по нему пальцы левой руки Дроля.

Когда рыжий полковник в желтых крагах, с железным крестом на горделиво выпяченной груди, знавший по-русски только одно слово «випороть!», танцевал с Еленой вальс в общественном собрании, — легко скользили маленькие ножки под громыхающую музыку баварского оркестра, — Дроль мучительно тяжело дышал в соседней комнате клуба, близоруко всматриваясь в раскрытую дверь. И так же лихорадочно стучали пальцы левой руки по изодранному сукну бильярда...

Ранней весной, сейчас же по уходе немецких войск и гетманской вирты, Елену Ден арестовали за связь с немецкой контрразведкой и военный шпионаж.

Обвинение было вздорным с начала до конца. Но если бы девушку с незабываемыми глазами постигла даже заслуженная кара, разве мог «мой верный рыцарь» не обивать порогов особого отдела, моля о пощаде? Разве мог он, ничего не достигнув, не написать в ревтрибунал о том, что это он, Дроль,— агент германской контрразведки и шпион, что он уговорил Елену взять вину на себя, думая, что ее, как женщину, пощадят...

Смешной, ласковый Дроль, не говоривший по-немецки, боявшийся как огня всякой политической игры, влюбленный только в королеву и Гофмана...

На масленице, в непогожую темную ночь, Елену Ден расстреляли. Расстреляли и Дроля за сообщничество, за слишком поздние раскаяние.

В тюрьме он окружил Елену таким тоскующим вниманием, такой трепетной любовью, что бывший ротмистр Вишняков — свидетель по делу Ден и тоже приговоренный к расстрелу —

сказал ему в исцарапанной пулями камере, с трудом раскрывая разбитый на допросе рот:

— У вас большая душа, Дроль... У вас сердце героя, Дроль... Может быть, это бред... у меня стон в голове... может быть, вы — святой! А мы смеялись... а мы... я горжусь знакомством с вами, Дроль!..

Вместе с ними в ту темную ночь вели еще девятерых. У каждого на плече — лопата, у каждого в глазах — удушливая рябь ужаса... босиком, с непокрытой головой...

Дроль нес две лопаты — свою и Елены, копал могилу на двоих. Елена с перекошенным лицом сдавила ему горло обеими руками, мешая рыть промерзлую землю. Дроль покачнулся немного и шепнул, баюкая кого-то нелепым тенором — последний раз в пустой бочке прохрипела струна:

— Ну разве можно бояться, девонька моя?.. Ну разве надо?.. Я люблю тебя... я же здесь...

Четыре пули с коротким стуком врезались в Дроля. Он устоял над могилой, прикрывая обезумевшую Елену. Пятая свалила его в яму. Шестая раздробила локоть Елены, седьмая — голову...

Нелюдимо закричало эхо. Передний красноармеец поднял винтовку и с размаху ударил прикладом по волосам спелой ржи.

— Сдыхай! Орет еще тут...

И, повернув голову назад, спросил сердито:

— Усе?

Предисловие и публикация
ЕВГЕНИЯ ДАНИЛОВА.

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

Большинство выступавших на 1 съезде народных депутатов СССР осудило предложение Юрия Карякина о захоронении тела Ленина. Эмоции понятны. Но предложи любому из нас такую «почесть», какую оказали Ленину,— откажемся. Причем отнюдь не из скромности.

Давайте взглянем на дело непредвзято. Что происходит? Человеческое тело, даже сохраняясь в идеальных условиях, не вечно. И вот его пропитывают разного рода химическими препаратами, притом процедуры эти повторяются довольно часто — вспомните, мавзолей время от времени надолго закрывают. Короче, происходит издевательство над телом.

Кроме того, оно, тело, еще и выставляется. Для того, чтобы на него глядели посетители. Ни дать ни взять — музейный экспонат. Этично это? Вряд ли...

А что такое мавзолей сам по себе? Однозначно — могила. Так почему же вдобавок ко всему эта могила еще и буквально попирается — на ней во время парадов и демонстраций стоят руководители государства. Вещь для России неслыханная: по нашим обычаям ступать на могилу нельзя. И если это как-то сходило во времена Сталина и позже, то почему продолжается сейчас?

А прохождение демонстрантов мимо мавзолея-могилы? Разве оно не кощунственно? Праздничные толпы у места захоронения? По-моему, тут нет никакого почета. Это — варварство.

Сейчас уже многие предлагают выполнить высказанную Лениным просьбу — покоиться рядом с могилой матери. Так нет! Газеты печатают возмущенные письма: не позволим, не разрешим, не дадим бесчестить. Помилуйте, дорогие, ну при чем же здесь бесчестье? Все абсолютно наоборот — будет совершен самый нормальный поступок. Задумайтесь над этим.

...А мавзолей на Красной площади можно и сохранить как памятник нашей истории. Но без гробницы.

ЮРИЙ ШАХТАРИН,
Владимирская обл.

КОЛЮЧИЕ БЛИЗЬ

Художник из Свердловска Владимир Керн пишет от души и для души. Он не стремится в ряды членов СХ, выставляется, если выставляют, интуитивно понимая, что выставком зависим от идеологического начальства в еще большей степени, чем сами художники. Когда авангардисты, фигуративисты и прочие «исты» стали спускаться с чердаков и выходить из подвалов, тусоваться, группироваться и проводить «выставки без выставкомов», «вернисажи без жюри», Керн к ним не ринулся, предпочел остаться свободным.

А чем на хлеб зарабатывал? Оформительскими работами и преподаванием. В последние годы удается и картины продавать. После участия в московской выставке приметили уральца и зарубежные любители живописи.

— Так, гляди, и твердая валюта появится? — пошутил я.

— А что? Тогда как минимум в Италию съезжу,— ответил Владимир.

На окраине Свердловска в двухэтажном кирпичном особняке (в бывшем поповском доме) разместилась детская художественная школа, где преподает Владимир. Здесь, в школе, у него своя мастерская — комната метров в тридцать. Можно и работать, и преподавать, хотя порой тесновато. Стены увешаны работами хозяина, подарками друзей-художников, картинками учеников.

Некоторое время Владимир преподавал живопись в Свердловском архитектурном институте. И выпал случай — направили молодого педагога в Московский архитектурный на повышение квалификации. Там мягко посоветовали: зачем, дескать, ты нам, а мы тебе? И «перенаправили» в Суриковский институт: добрые и понимающие люди уловили, что судьба Керна — не в обучении живописи будущих архитекторов. Он — художник: самостоятельный, интересный, свободный.

Три года в Суриковском Владимир был не студентом, а вольнослушателем, волонтером искусства, для которого важнее карьеры общение с коллегами, свободное время и возможность впитывать атмосферу мастерских и вернисажей.

Некоторые его работы — настроение момента. Слушал художник меланхолический блюз, томный и грустный, а писал нечто «наоборот» — колючее, зубастое, агрессивное. Он идет от состояния души, от настроения — порой исступленно пишет, а что именно напишется и как станет называться, его в те часы не заботит вовсе.

Владимир Керн умеет в живописи многое. Поэтому так существенно различаются его циклы — словно разные художники писали «Быков и птиц» и, скажем, «Виват, король, виват!» или серию тагильских старых домов. Естественно, в каждом цикле есть работы удачные и не очень, но удачи обнадеживают, в них есть то общее для всех циклов и серий, что создает Керна — оригинального живописца, ни на кого не похожего, продолжающего искать себя и в себе.

ВИТАЛИЙ КЛЕПИКОВ

ПАУЗА ОТ ДИОРА

НАТАЛЬЯ РОДИОНОВА

Последний клич моды: «Обнажайтесь!» Сегодня она провозглашает культ красивого тела, гармоничных естественных пропорций, позволяя человечеству отдохнуть от многослойной упаковки.

Юбка укорачивается, превращаясь в мини, а порой исчезает вообще, оставляя лишь блузку и расписные колготы. Пик сезона — шорты. (В скобках заметим: живописные юбки-брюки, так заинтересовавшие модниц,— в дне вчерашнем.) Но и шорты сжимаются до известного предела, становясь похожими скорее на трусики. Европа и Америка азартно приветствуют мини! Не скрывается и грудь. Обнаженная, она становится даже своеобразным элементом декора вечернего костюма.

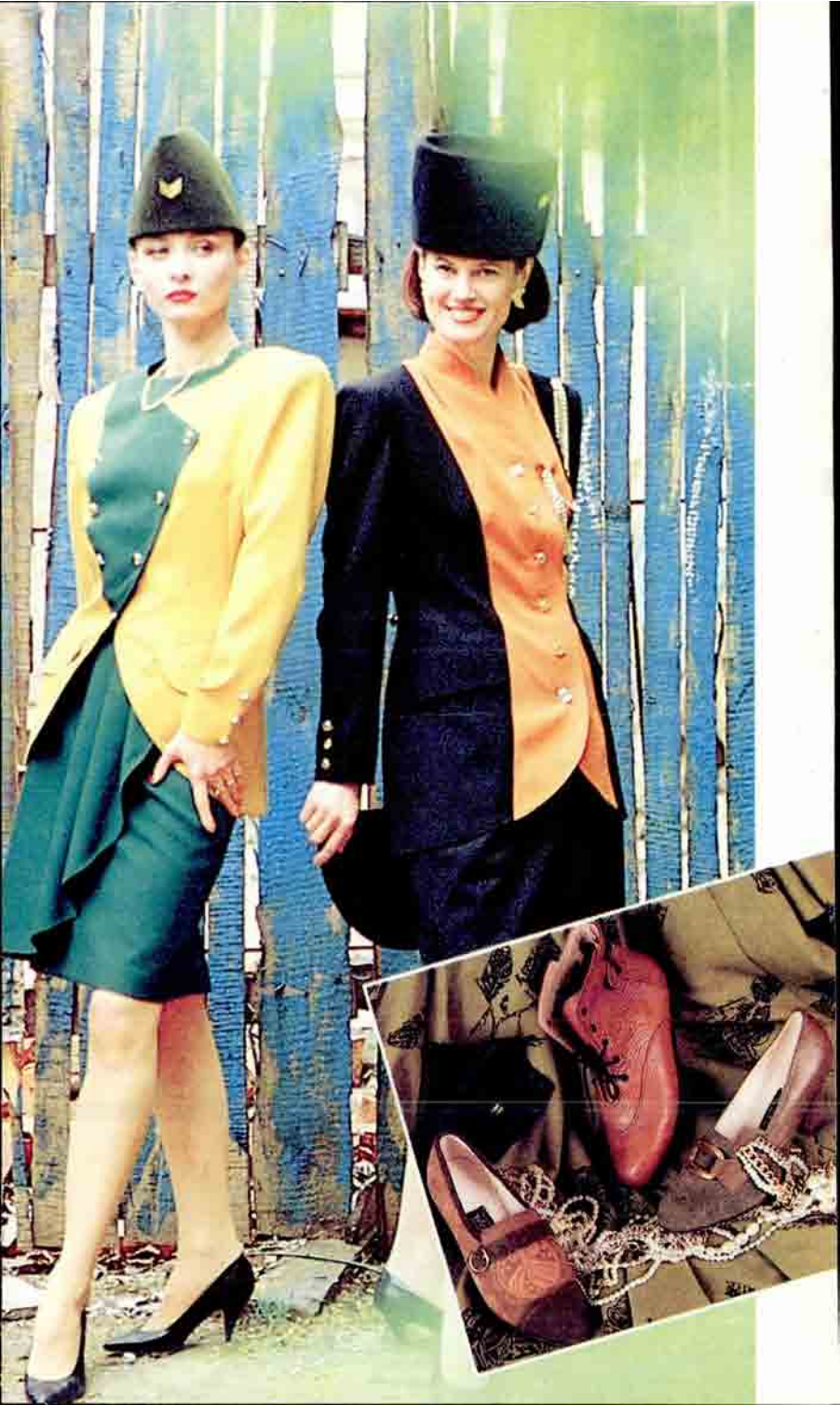
Будем ли мы раздеваться столь рьяно? Едва ли... Ведь раздеваются, когда есть что снимать.

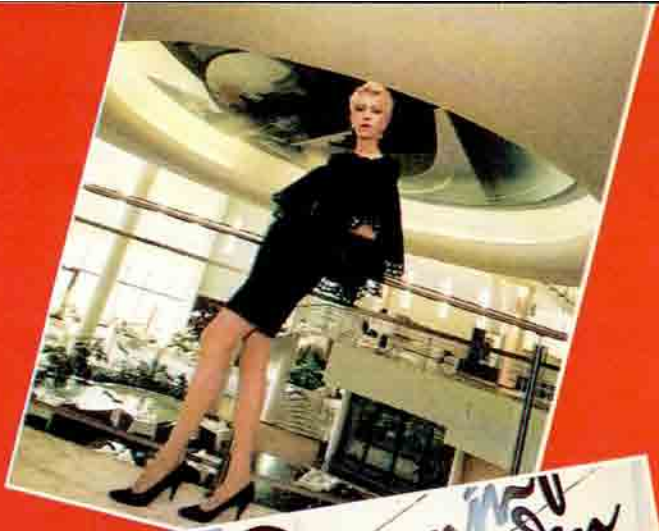
...Фоторепортер долго искал

Цветы
моды

желаемый ракурс. Очаровательные манекенщицы в изящных нарядах, ломая «шпильки», перепрыгивали через перерытые улицы, щебень, позировали на фоне «хрущоб»... Милые феи никак не вписывались в кадры нашей жизни, жизни вокруг их оазиса — Центра моды России.

Впрочем, и сам Центр, в течение тридцати лет неспешно обслуживающий предприятия легкой промышленности РСФСР, давно перестал быть райской заводью. Год назад он раскололся пополам. Часть его коллектива вместе с основным помещением, золотым запасом моделей, старым директором и духом свежего предпринимательства образовала кооператив, а затем СП «Красная площадь». В начале года по традиции Центр пригласили за рубеж, на Дни России в Швеции. Ставка на русский дизайн все еще беспроигрышна. Кстати, по оценкам западных специалистов, советский творческий потенциал в области дизайна и моды достаточно велик, а западные промышленные фирмы уже испытывают дефицит ноухау. Итак, идеи — живая валюта. Как их распродавать? Мировой рынок все определил до нас: советские швейные товары пока не могут проникнуть на западный рынок. «Экспортировать российскую моду нужно только в готовых коллекциях, по системе каталог-маркетинг, — сказал тридцатилетний директор Центра Алексей Тихонов.— Реальный путь заработать валюту уже сегодня и пустить ее на развитие технической базы видится в организации оптовой торговли на международных аукционах коллекционными моделями».

Да, деньги сейчас нужны. Ведь с гибелью министерства кончились большие и малые субсидии. Не хватает валюты даже на то, чтобы купить зарубежные журналы мод. Но Алексей уверен: «Впереди — создание акционерного общества. Я хочу привлечь капиталы крупных иностранных и советских фирм, предварительно доказав нашу состоятельность как дизайн-центра».

Десятки предприятий страны шьют одежду по эскизам Татьяны Бугровой, Елены Кузьминой, Николая Лобанова, лучших художников Центра. Это они создают сейчас стиль нового Дома. «Прежде всего мы центр промышленного моделирования,— говорит главный искусствовед Елена Губина.— И потому так непроста наша цель — не убить моду и сохранить автора в модели».

Долгие годы наша промышленность снимала готовый экстракт, а точнее, отстой западной моды, ампутируя ее «излишества», не укладывавшиеся в прокрустово ложе ГОСТов и спецпостановлений. И безнадежные призывы прессы — не повторять давно найденное — так и оставались призывами.

А мода проходила мимо. Ей нужны свои герои, которых она находит и одновременно создает: для доверия, для престижа, для взаимопонимания. Лишь тогда возможно ее появление — живой, никогда не опаздывающей.

— А лично вам интересно одеваться сегодня? — любопытствую у элегантной Елены Губиной.

— Не очень. Такая странная сейчас жизнь. Не хочется быть слишком декорированной. Кстати, вы заметили, как потускнела одежда на улицах, насколько скучнее стали люди одеваться?

А я вспомнила, как в ответ на мой вопрос: «Что нужно, чтобы всегда быть модной?» — Вячеслав Зайцев ответил: «Деньги, Натали, много денег».

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

ЦЕХ №1, ИЛИ «Помоги Тупо

Фото

...у Устроиться»

— Наше дело — не учить и не воспитывать. Наше дело — уберечь их от тюрьмы.

Вот те раз! Целый Всесоюзный НИИ профтехобразования озабочен тем, как получше организовать именно обучение и воспитание подрастающего рабочего класса: пишутся диссертации, рекомендации, методики, пособия, инструкции; к этому делу подключаются институты Академии наук...

А старому мастеру из киевского СПТУ-17 нужна, оказывается, совсем другая наука.

Объективных поводов для такого пессимизма вроде бы нет. За весь прошлый год — одно уголовное дело: почистили продуктовый ларек и быстренько сознались. На 1250 учащихся — ничтожный процент. Хорошо берегут.

Официальная же наука до подобной прозы жизни не опускается. Замдиректора училища Владимир Жуковский подарил мне (видимо, за ненадобностью) брошюрку под названием «Перестройка учебно-воспитательного процесса в профтехучилищах». Я начал было читать ее — из спортивного интереса: смогу ли осилить до конца? Не смог. Но, помилуйте, продираться через такие нагромождения, как «вся многогранная работа партийных организаций... подчинена развитию социалистического соревнования... благодаря постоянной поддержке ленинградской партийной организации... обеспечить координацию работы по всем направлениям коммунистического воспитания... проблема активизации роли (? — **В. А.**) учащихся... реализация программы «Интенсификация-90»... Кто сможет?!

Брошюрка посвящена «ленинградскому опыту» и рекомендована к изданию Госкомитетом СССР по народному образованию. Год издания — 1989-й. Тот самый год, когда даже первокурснику ПТУ был ясен провал всех «программ» с пышными названиями, когда катастрофа в экономике стала очевидной, а о коммунистическом воспитании перестали говорить всерьез.

В годы «застоя» кто-то придумал красивую формулу: «ПТУ — цех экономики № 1». Все остальные цеха этого государственного предприятия обанкротились. А что делается в «первом» цехе, как он живет и работает?

Ленинградцы, судя по упомянутой брошюре, до сих пор гордятся тем, что им первым удалось «полностью перейти на подготовку рабочих на базе среднего общего образования». Но тут я хочу привести и другую цитату. Еще в 1987 году председатель бывшего Госпрофобра СССР А. Думачев писал: «Форсированное в недавнее время увеличение приема выпускников неполной средней школы и превращение практически всех училищ в «единый тип» среднего ПТУ не имело реальных оснований. Кроме приписок контингента ПТУ, процентомании и выдачи многим выпускникам липовых дипломов о среднем образовании, это ни к чему хорошему не привело. Более того, резко возросла учебная нагрузка на учащихся, многие из которых и в школьных науках, мягко говоря, не преуспевали. Снизился и уровень профессиональной подготовки».

Иными словами, наша **профес-**

сиональная школа многие годы была ориентирована на подготовку непрофессионалов, недоучек! А в «цехе № 1» тщательно поддерживалась лишь видимость благополучия — так же, как в других «цехах»...

В обычной школе перемены происходят — теперь не обязательно тянуть всех за уши до удовлетворительной оценки. Провалил экзамен — получи аттестат с прочерками по нелюбимым предметам.

— А почему в ПТУ так нельзя? — поинтересовался я у Жуковского.

— Потому что у нас не аттестат, а диплом. И в нем вкладыш о среднем образовании.

— Ну, вложите туда какую-нибудь справку — мол, по таким-то предметам имеет двойку.

— Пока нет такого решения для училищ. Хотя все, наверное, понимают — нельзя насильно заставлять человека учиться. Спросите ребят — кто не хочет учиться? Это будет процентов восемьдесят. Но им деваться некуда: здесь «дают» среднее образование...

Киевское СПТУ-17 — железнодорожное. Готовит помощников машинистов, проводников, осмотрщиков вагонов, слесарей-ремонтников. Нет смысла спорить, необходимо ли слесарю знание произведений Белинского или английского языка. Каждого можно вытянуть на тройку, но насильно вдолбленные знания выветриваются мгновенно — в этом мы все убедились на собственном школьном опыте...

После возвращения из Киева я разыскал в своем архиве блокнот десятилетней давности, а в нем — запись беседы с молодыми мастерами.

— Неискреннее, фальшивое у нас отношение к ПТУ,— с горечью говорил мне тогда Владимир Цеберганов из Саратова.— Говорят и пишут о том, как замечательно учиться в ПТУ, а какую расшифровку придумали, знаешь? «Помоги Тупому Устроиться...»

В то время тема профтехобразования была, как ни покажется странным, полузакрытой для печати. То есть об отдельных нетипичных недостатках писали, но в целом эта система серьезной критике не подвергалась. (Действовала негласная установка: всячески оберегать и поднимать престиж ПТУ: ведь стране нужны рабочие руки!)

Но и тогда уже проглядывались некоторые подозрительные особенности системы: например, почему вчерашние школьники-двоечники вдруг становятся в ПТУ знатоками истории, литературы, биологии и т. д.? Директора объясняли это высоким профессионализмом училищных педагогов. Ладно, предположим...

Ну, а почему у рабочих сложилось стойкое убеждение: выпускников ПТУ приходится обучать почти с нуля? Объяснить такое потруднее, хотя и тут находились ответы — дескать, плохая организация труда на самом заводе, неумение найти «подход» к новичку, отсталая технология... Да мало ли что!

Школа клялась, что не выпихивает двоечников, прогульщиков и прочих «неудобных», но почему-то примерные отличники нечасто поступали в ПТУ. Кроме того, шли сюда дети из малообеспеченных и бедных семей — форма, питание, стипендия, заработок на практике. (Полагаю, материальный фактор после повышения цен будет играть все бо́льшую роль, стипендии-то увеличиваются...)

Руководители бывшего Госпрофобра призывали директоров

предприятий оснащать новым оборудованием прежде всего училища. Те формально соглашались: да, нельзя учить рабочих XXI века на допотопных станках и механизмах; но над ними висел план и все новое, современное они ставили в цеха, а училищам доставалось старье. Так как же не переучивать с нуля выпускников ПТУ, если нынешнюю заводскую технику они видели в основном на картинках?

Не в силу ли названных особенностей системы официальная агитация за ПТУ дала лишь отрицательный эффект и породила неофициальное название, о котором рассказал саратовский мастер? Название грубое и во многом все-таки несправедливое, но факт есть факт: училищами стращали. «Будешь плохо учиться (курить, пить, прогуливать) — отправим в ПТУ». Сохраняется это отношение и сейчас, хотя и в более мягкой форме. Но смягчила отношение отнюдь не перестройка в системе ПТУ. Просто, как уже сказано, со школьных учителей сняли непосильную ношу — вытянуть каждого ученика на полноценный аттестат.

Что же касается перестройки в ПТУ...

Как и во всем нашем обществе, она начиналась сверху. А именно: упразднили Госпрофобр, передали училища в Госкомитет по народному образованию. Председатель комитета Г. Ягодин убежден, что такая перестройка, безусловно, правильна: нужна единая система образования.

Прошло три года после реорганизации. Что она дала тем, кто непосредственно занят подготовкой рабочих? Ничего хорошего, полагает старший мастер киевского училища Федор Нестеренко:

— Упраздненный комитет худобедно, но занимался материально-техническим обеспечением. Теперь мы бесхозные. Контору по снабжению фактически разогнали — осталось семь человек из пятидесяти. Металл и многое другое добываем сами, кто где может. Сами понимаете, материалы для ПТУ — это ж первое дело!

— Отчетности стало меньше,— ради справедливости добавил Владимир Жуковский. Но в остальном... Лишившись Госпрофобра, мы лишились единственного защитника.

— Защитника от кого?

— От армии, ДОСААФ, овощебаз. С армией просто кошмар! В прошлом году нам пришлось досрочно выпустить семьдесят ребят. Они весной пришли с повестками: «Нам завтра в армию». А ведь на предприятиях ждали их! Насколько я знаю, никто не отменял постановления Совмина о годовой отсрочке от призыва для ПТУ...

— Скажите об этом военкому.

— А он мне ответит: никто не отменял и Закон о всеобщей воинской обязанности. И еще добавит: за нарушение постановления отвечу я, а вы мне людей давайте — некого в армию посылать.

— А ДОСААФ чем вам досадил?

— Во время учебы срывают ребят на курсы шоферов, водолазов, радиометристов. Это значит, в течение шести месяцев ученик пропускает занятия каждую субботу. А когда начинается вождение автомобиля — еще два-три дня в неделю. Я уж сколько им говорил: организуйте при каждом ПТУ класс и ведите подготовку призывников здесь. Но все без толку... А овощебазы? Вот, полюбуйтесь — свежая телефонограмма из райисполкома. Вообще, сдается, нашими учениками все дыры затыкают. На митинг ли, канавы ли копать — кого посылают в первую очередь? На майскую демонстра-

цию чернобыльского, 1986 года, кого погнали? Да еще велогонка Мира проезжала — кто играл «публику»? Правда, наш директор, несмотря на угрозы уволить, принял решение никого на улицы не выводить... Когда существовал Госпрофобр, мы с его помощью отбивались от армии и общества содействия ей, как-то регулировали призыв. А наробразу мы не нужны. Федор Тарасович прав: намного хуже стало материально-техническое обеспечение. Все лимиты, фонды враз куда-то подевались. Пропали налаженные связи, каналы приобретения материалов. Как-никак, система Госпрофобра складывалась 50 лет. Зачем было в одночасье ее разрушать?

— Ваш главный начальник Ягодин иного мнения.

— Он говорит о **единой** системе образования, а нужна **непрерывная** — это совсем другое дело.

Интересно, что и новые руководители профтеха во многом солидарны с работниками училищ. Первый заместитель начальника Киевского городского управления народного образования Владимир Жебровский прямо признал:

— Школьная и наша системы всегда были антагонистичны: разные цели и задачи.

— Значит, профтех — инородное тело в системе наробраза?

— Трудно приживается... Иногда кажется — втянулись потихоньку. Но... Они жили и живут своей жизнью. Автономной...

А жизнь эту не сравнить с беспечной школьной. Она трудна и даже не всегда безопасна. В отличие от школьников многие «пэтэушники» — иногородние. Общежитие тут же, на территории ПТУ. Вроде бы постоянный контроль, ежедневные проверки — но они не спасают от передряг. А главная моральная опора — семья — далеко.

...Поздно вечером пришли гости к одному из учеников. «Тебя тут никто не обижает?» — «Да есть тут с первого курса один... Магнитофон не дал».— «Веди к нему».

Жестоко избили первокурсника и вдобавок потребовали принести 50 рублей. Но тот не стал скрывать эту историю, пожаловался. Администрация вызвала родителей виновника из Василькова. Я застал их в кабинете замдиректора по учебно-производственной работе Павла Собкалова. Против ожидания мамаша была настроена весьма агрессивно:

— Что ж мне теперь с сыном зробыть? Убить его, что ли? Давайте вместе воспитывать.

— Вашего сына,— отвечал Собкалов,— в двенадцать часов дня с постели едва поднимают... Словом, забирайте его из общежития. И из училища мы его отчислим.

— Я в прокуратуру жаловаться пойду!

А что? И пойдет. Видно, хорошо знает, что советское ПТУ обязано возиться с любым балбесом, даже если ясно видно — профессионалом и человеком он не станет и ему не место на железнодорожном транспорте, где особенно нужна добросовестность.

Единичный ли случай? Ребята из общежития дружно ответили мне:

— Дедовщины у нас нет!

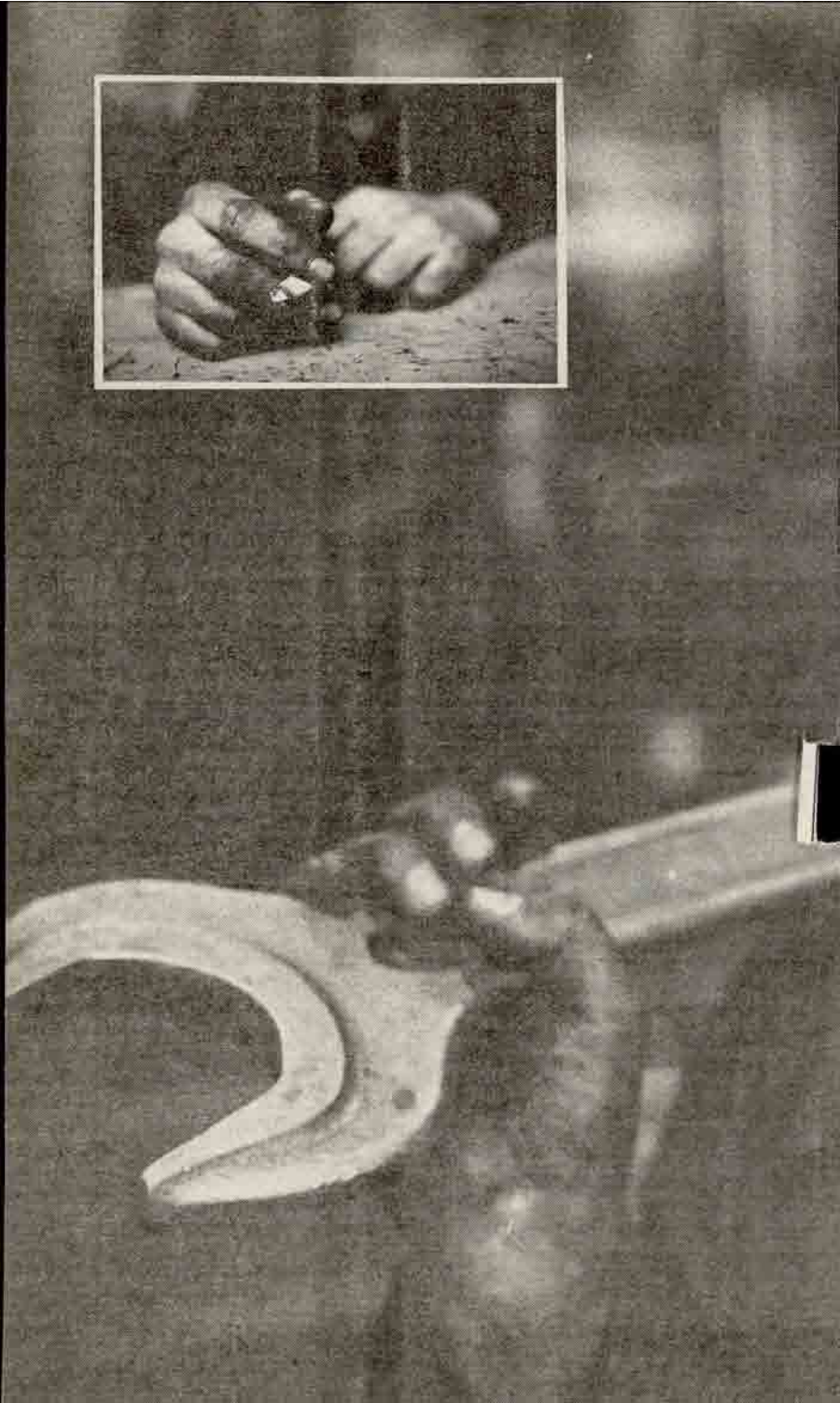
И тут же добавили:

— Ну, если придурок какой придет... Его надо учить. Нас-то учили...

Из кабинета Собкалова перешел в кабинет Жебровского. Здесь тоже посетитель: худенький парнишка. Жебровский кивнул в знак приветствия и продолжал разговор:

— Так что они тебе сказали?

— Сказали — ты плохо себя

ведешь. И чтоб в среду принес сто рублей.

— Угрожали?

— Пугали баллончиком с газом. Говорят: давай на тебе попробуем.

— Маме сказал?

— Нет...

— А ты их знаешь?

— Один из нашего училища.

— Что сказал нам — молодец. В понедельник приходи, посмотришь личные дела, покажешь фотографию — кто. Что-нибудь придумаем.

Жебровский отправил паренька домой и устало сказал мне:

— За сегодняшний день — третий такой... Что делать? Можно дать ему сотню и поймать вымогателей при передаче денег. Но все равно их не посадят. Оставят нам — на перевоспитание...

Вымогательство, «детский рэкет» всегда существовали в ПТУ, но никогда еще не достигали такого размаха, а требуемые суммы — таких величин. «Стимулирует» рост цен или общее падение нравов? Вероятно, и то, и другое... Истинных размеров рэкета не знает никто, потому что не каждый ограбленный отважится пожаловаться, опасаясь расправы. Наоборот, он постарается выпросить у родителей, занять, украсть, но отдать точно в назначенный срок, иначе вымогатели «включают счетчик» и каждый просроченный день будет увеличивать сумму «долга»... А для вымогателей их занятие почти безопасно: закон гуманен по отношению к несовершеннолетним...

А теперь выскажу крамольную мысль: ПТУ не должно воспитывать и тем более перевоспитывать. Оно **профессионально-техническое,** и его единственная настоящая обязанность — готовить **профессионалов**. Разве нормально, когда мастер (пусть и перегнул он палку) более озабочен сбережением подопечных от тюрьмы, чем профессиональной подготовкой? Но когда все поставлено с ног на голову, нормальным становится как раз ненормальное.

Если школьник попадет в милицию, его классный руководитель пострадает только морально. Мастер ПТУ при такой ситуации лишается премии. Наказывают его материально и за пропуски учениками занятий. Поэтому есть резон скрывать прогулы (кстати сказать, одного мастера в семнадцатом училище за это уволили). За что наказывают? Считается, проступок ученика — брак в работе мастера. Понимаете, какая дичь? Получается, поставить заводу неумеху не брак (ибо за это не наказывают). А прогул, возможно, случайный — самый главный брак. Кто и когда придумал эту несуразицу? Логичней было бы лишать премии родителей и школьных воспитателей, приславших в училище свой «педагогический брак».

Нет, я не призываю ввести новый вид наказания для мастеров — за подготовку непрофессионалов... Ведь по инструкции в группе не должно быть больше 25 учащихся. Фактически — 30—35 (для сравнения: в аналогичных западных училищах — 12—15). Это означает — вдвое меньше внимания каждому ученику плюс бесконтрольность практики. Например, многочисленную группу столяров ПТУ вынуждено распределять на практику по четырем предприятиям. Мастер просто физически не успевает объехать всех за день и проверить, чем они занимаются — делом или уборкой мусора.

— Почему вы не сократите прием в училище? — интересовался я у работников киевского ПТУ.

— А штаты, деньги? А инструк-

ции? — отвечали они.— А заявки предприятий?

С этими заявками тоже много несообразностей. Каждый год их набирается столько, что училище, рассчитанное на 450 человек, вынуждено набирать 1250. Но большинство выпускников до предприятий... не доходит. Раньше отсрочка от призыва в армию позволяла освоиться на рабочем месте, привыкнуть к предприятию, новым товарищам — и многие возвращались после демобилизации. Теперь же и этого нет. Но... всех такое положение устраивает. Училище заявку выполнило — подготовило столько-то рабочих. А предприятие... Что ж, оно за подготовку не платит — ПТУ на госбюджете. Не пришли люди на производство — не особенно страшно, можно на дармовщину еще рабочую силу заказать, да побольше.

Но ведь ничего бесплатного нет. Госбюджет не из воздуха пополняется — из наших с вами карманов. А училища — так объективно выходит — просаживают наши деньги впустую. Одно ПТУ — миллион в год. Но для заводчан цифра эта — некая абстракция, нечто эфемерное. Вот если б деньги за подготовку рабочих снимали непосредственно с заводского счета — они бы каждого практиканта-пэтэушника не заставляли мусор подметать: трех наставников приставили бы... Бесплатную же (формально) рабсилу можно держать на побегушках, посылать за пивом и сигаретами, а потом жаловаться: плохо, мол, готовят в ПТУ.

Идею ввести платное (для предприятий) обучение в ПТУ мои собеседники в училище восприняли без энтузиазма:

— В таком случае они могут поставить нам условия — набирать группы только из демобилизованных, только киевлян. Или совсем откажутся от услуг ПТУ, откроют у себя краткосрочные курсы, где будут не всесторонне готовить, а в спешке «натаскивать» молодежь. Некоторые уже сейчас так делают.

Конечно, будут ставить условия, будут требовать качества подготовки — за свои-то кровные! И что из этого следует? Только одно: образуется рынок рабочей силы. Мы ведь, кажется, идем к рынку?

Многим рыночные отношения в этой сфере принесут дополнительные хлопоты. Будут, безусловно, и потери. Вряд ли понадобится прежнее количество не очень квалифицированных рабочих. Возможно, половину профтехучилищ придется вообще закрыть. А остальным — в условиях конкуренции делом доказывать свою нужность.

Разумеется, предприятия станут придирчиво сравнивать, что лучше, выгодней — готовить рабочих самим или положиться на профтехучилища. Хуже или лучше будет при рынке — в училищах пока только гадают, говорят предположительно. Ничего удивительного: система наробраза еще менее склонна к крутым переменам, чем наша экономика. Одно ясно — из прошлого опыта не пригодится почти ничего.

Например, в свое время ученые мужи думали, как сблизить ПТУ со школой, с одной стороны, и с производством — с другой. И придумали своеобразный тройственный союз: «Класс — группа ПТУ — бригада». Шума вокруг этого почина было много. Предполагалось: шефство старших над младшими, подготовка школьников к будущей рабочей жизни, совместная практика и развлечения. Надо сказать, у кого-то это получалось неплохо, неказенно. Но когда почин стал почти насильственно распространяться, он превратился в нуд-

ную обязаловку и благополучно почил. Теперь работники ПТУ только кривятся при упоминании о нем.

... Между прочим, за забором киевского ПТУ — средняя школа № 7. Калитки в заборе нет, да она и не нужна — после крупной групповой драки стороны предпочитают не допускать никаких совместных «мероприятий»...

Нельзя сказать, будто в училище — никаких перемен. С прошлого года оно перешло на новый механизм хозяйствования. Суть его, как пояснил Собкалов,— расширить производственную деятельность, увеличить выпуск продукции и за этот счет заинтересовать материально мастеров, учеников, сменить устаревшее оборудование, направить средства на соцкультбыт. Пока училище делает книжные полки, участвует в кооперации по выпуску токарно-винторезного станка (жестяные короба, щитки). В планах — производство мебельных уголков, пресс-форм, термоблоков из отходов, закаточных машинок.

Стало «посвободней» внутри общеобразовательной программы: упразднили этику, психологию, биологию, сократили часы на химию, географию, обществоведение. Ввели историю и экономическую географию Украины. Есть свободные предметы — основы изобретательства, рационализации, техническая эстетика, охрана природы, физкультура...

Но некоторые вещи, однако, смущают. Никто не спорит: 170—190 рублей не зарплата, а издевательство над мастером ПТУ. Из-за нее многие, особенно молодые, уходят (текучесть — 20 процентов), а те, кто остается, стараются подработать на стороне, в кооперативах. Конечно, материальная заинтересованность крайне нужна. Но при названных нововведениях она опять почти не связана с основной задачей мастера — подготовкой профессионалов! Ибо какая связь между профессией помощника машиниста, проводника, слесаря и мебельным делом?

Но главная беда в другом: сам ученик не боится выйти из стен ПТУ недоучкой. Такие понятия, как рынок рабочей силы, безработица— то, что принесут новые экономические отношения,— еще слишком призрачны для него.

Он привычен к другому: в ПТУ «дают» образование и специальность, на заводе «дают» работу. Отсюда — прогулы, лень, халтура, дедовщина. Да-да, и она тоже. Когда училище заимеет право немедленного и безоговорочного отчисления тех, кто унижает достоинство товарищей, а на заводах установится очередь к рабочим местам — поневоле придется задуматься о собственной репутации. Репутации профессионала и человека.

...Мы еще не все сказали о главных партнерах профтехучилищ — базовых предприятиях. Их иногда поругивают за скаредность по отношению к своим училищам (денег, материалов не выделяют). Упреки справедливые, но опять-таки мы видим внешнюю, лежащую на поверхности сторону проблемы.

Осмелюсь утверждать: привлекательность ПТУ и профессии менее всего зависит от... ПТУ. Можно не поскупиться, оснастить училище по последнему слову науки и техники, но если на базовом предприятии грязь, холод, допотопная техника... Кто пойдет сюда учиться? А кто пришел — будет ли прилежно осваивать науку и технику, если в конце обучения ждет традиционный набор: гаечный ключ, молоток или кувалда?

Мы побывали в локомотивном депо, на вагоноремонтном заводе, посмотрели условия труда... После этих экскурсий не удивились, почему «закрепляются» в депо 50 процентов ребят (это считается хорошим показателем!), а на заводе — еще меньше. Удивились другому: зачем училищу компьютерный класс?!

Одна из черных дыр нашей экономики, как ни грустно признать,— система профтехучилищ. Да, я знаю, что училища производят продукции на миллионы рублей, но вкладывается в них гораздо больше. И чуть ли не половина средств уходит на ветер. Сами училища в существующей экономической системе бессильны изменить эту ситуацию, хоть из кожи вылези.

Предприятие хочет получать из училища настоящих профессионалов? Тогда оно должно перестать жаловаться на ПТУ и оглядеться в собственном хозяйстве. Менять условия труда и оплаты, социальные условия — иначе ничего не получится. При рынке труда, коль уж он неизбежен, уважающий себя слесарь на нынешний вагоноремонтный завод вообще не пойдет. И в ПТУ на эту специальность его не заманишь, и на заводские курсы.

Конкуренция с кооперативами и сейчас заметна. При рынке конкурентами станут все предприятия. Очереди к рабочим местам возникнут на заводах, где уважают труд человека... Дармовая рабочая сила исчезнет. Рынок определит престижность профессий, училищ, предприятий.

Реорганизация сверху, «перестроечные» эксперименты над системой ПТУ ничего реального не дали. Но корень неудач видится не только в ликвидации союзного ведомства. Говорить о какой-то перестройке в профтехшколе в отрыве от перестройки в промышленности — блеф, звук пустой. ПТУ, без шуток, действительно один из важных цехов нашей экономики. Кое-что в нем можно улучшить, модернизировать. Но верить в возможность эффективной перестройки **одного** из цехов общего развалленного хозяйства было б, на мой взгляд, наивно.

...Не хотелось заканчивать на пессимистической ноте, но поводов для оптимизма не нашел. А в перестройку поверю, когда у аббревиатуры «ПТУ» останется одна-единственная уважительная расшифровка: Профессионально-Техническое Училище.

ЛЕОНИД КЕРБЕР

С ТУЛО

В ТЮРЬМЕ

1 — Группа заключенных инженеров, служащих и рабочих. В центре — Д. Р. Менжинский.

ВОСПОМИНАНИЯ ИНЖЕНЕРА

ПОДЪЕМ И НА ВОЛЕ

Фото из архива Л. Л. КЕРБЕРА

В день рождения А. Н. Туполева. Сидят: И. М. Скляйский, А. Р. Бонин, Андрей Николаевич, А. А. Архангельский, А. Э. Стерлин. Стоят: А. В. Надошкевич, Л. Л. Кербер, Н. А. Соколов, С. М. [illegible]. Все, кроме Архангельского, [illegible] в «шараге».

ЧАСТЬ I

В ТЮРЬМЕ

Число дураков неисчислимо.
ГАЛИЛЕЙ.

Все, что может испортиться, портится.
Все, что испортиться не может, портится тоже.
ФРЭНСИС ЧИЗХОЛМ.

Несмотря на все драконовские меры, принятые администрацией для изоляции заключенных, и в 1937 году, и в 1938-м по коридорам и камерам московских тюрем, минуя охрану, замки, «намордники» и двери, упорно ползли слухи о закрытых конструкторских бюро, так называемых шарагах, в которых заключенные работали над военными и промышленными проблемами.

Слухи ползли, клубились, обрастали вымышленными подробностями, но никогда попавшими в эти шараги людьми не подтверждались, ибо обратно в тюрьму никто оттуда не возвращался.

Как-то зимой, вечером, из ворот Бутырской тюрьмы выехала машина. Это был не «черный ворон», а обычный пикап. Трое заключенных

История этой рукописи напоминает детектив, который мог обернуться для автора очередным арестом.

Первую часть своих воспоминаний — о туполевской «шараге» — Леонид Львович Кербер начал писать вскоре после войны. Разумеется, о ее публикации в те годы не могло быть и речи. Более того, рукопись надлежало всячески прятать от постороннего взгляда. Прочитав, вы поймете — почему.

Л. Кербер все же рискнул доверить перепечатку текста надежной машинистке — школьной подруге его жены. (Он верил, что рано или поздно можно будет сказать всю правду о сталинском времени.) Машинистка действительно оказалась надежным человеком — не донесла в соответствующие органы. Но все-таки не удержалась и сделала лишний экземпляр для себя. Теперь трудно установить, какими путями этот экземпляр попал на Запад. Возможно, через журналиста — знакомого машинистки. Еще хорошо, что без фамилии автора...

И вот однажды сотрудники туполевского КБ сообщают Леониду Львовичу: Би-Би-Си начало передавать по радио записки бывшего зека о бывшей «шараге» авиаконструкторов. Интересно, кто бы мог это написать? Л. Кербер изобразил полное неведение.

Сложно сказать, почему контрразведка не «среагировала» на радиопередачи и не начала поиски «врага». Может, потому, что в КБ А. Н. Туполева работали сотни людей, многие трудились с ним и за решеткой — поди сыщи...

В 1971 году в ФРГ вышла книжка «Туполевская шарага». Во

с вещами, только что разысканных ГУЛАГом в лагерях, сидели, опустив головы. Куда, зачем?

Поколесив по Москве, машина остановилась у глухих железных ворот на улице Салтыкова и просигналила. Вышел охранник в форме НКВД, переговорил с офицером, сидевшим рядом с шофером, и пикап въехал на территорию завода, где сейчас мемориальная доска много лет руководившему им А. Н. Туполеву.

Проехав мимо традиционных монументов Ленина и Сталина, машина остановилась у двери здания КОСОС — конструкторского отдела сектора опытного самолетостроения ЦАГИ. Охрана провела нас в лифт и подняла на 8-й этаж, в канцелярию. Обхождение вежливое: «Садитесь, вы прибыли в специальную тюрьму НКВД, ЦКБ-29. Прочтите правила внутреннего распорядка и распишитесь».

Читаем — «воспрещается», «не допускается», «возбраняется» и т. д., страниц 5—6 на машинке. Все, как обычно, но есть кое-что и специфически новое. «За употребление спиртных напитков (Боже мой, откуда они могут взяться в тюрьме?) и за попытку связаться с внешним миром через вольнонаемных арестованный отстраняется от работы и направляется в лагеря строгого режима». Второе: в разделе кар, помимо обычных лишений прогулки, лавочки и наказаний карцером, есть пункт: «лишаются свиданий»,— из этого вытекает, что здесь их дают.

Охранник разводит нас по «месту жительства», как он это называет, по камерам, как думаем мы. Идем по коридорам, по мягким ковровым дорожкам, направо, налево, вниз — везде пусто. Наконец, «полка»

вкладыше к книжке было написано примерно следующее: мы не знаем автора, но предположительно это Г. Озеров. Такой человек действительно работал у Туполева и тоже пробовал писать воспоминания о нем, но о совершенно другом периоде, о становлении ЦАГИ! Слухи об этом, видимо, дошли до западных издателей.

В 1973 году — второе издание книжки, в «Посеве». Но на сей раз — без всяких вкладышей. Леонид Львович не стал заявлять о своих авторских правах.

— Я не хотел снова садиться в тюрьму,— прямо сказал он мне.

Да, в 1973-м еще вполне могли посадить...

Наконец, в 1987 году записки Л. Кербера были опубликованы в журнале «Изобретатель и рационализатор». Специально для «Смены» автор дополнил свой рассказ некоторыми ранее упущенными событиями, подробностями жизни в тюрьме и на воле.

О деятельности «шараг» мы знаем в основном по книге А. Солженицына «В круге первом». Сейчас перед вами — свидетельство очевидца и участника, документ той эпохи. Вторая часть книги — «На воле» — написана сравнительно недавно и на Западе не публиковалась.

Л. Л. Кербер много лет был заместителем А. Н. Туполева. Ему 89 лет, но он, не в пример некоторым молодым, бодр и энергичен.

В. ВЛАДИМИРОВ

открывает дверь и вежливо просит пройти. Прислушиваемся, дверь за нами замком не лязгает. Осматриваемся.

Мы в одном из залов КОСОС. У стен — 30 солдатских коек, покрытых байковыми одеялами, у каждой тумбочка, на ней пачка папирос «Дукат». Окно в решетке, несколько стульев. Сдвигаем их и садимся.

Несколько минут сидим молча, слишком велика трансформация, происшедшая с нами, затем жизнь берет свое, хочется курить, сворачиваем козьи ножки и шепотом обсуждаем: что дальше? Открывается дверь. Уже другой охранник произносит нечто вроде «пожалуйте ужинать». По въевшейся привычке развязываю сидор, достаю котелок и становлюсь у двери. «Попка» улыбается: «Этого не нужно, там дадут», — и ведет в столовую.

Открывается дверь, человек сто, сидящих за столами, покрытыми белоснежными скатертями, одновременно поворачивают головы, кто-то вскрикивает, кто-то бежит навстречу, много знакомых, дружеских лиц, к нам тянутся руки. Трудно описать эту встречу и чувства, нахлынувшие на нас. Охрана вежливо, но настойчиво просит успокоиться и занять свои места. Постепенно буря стихает, и мы можем оглядеться. За разными столиками видим А. Н. Туполева, В. М. Петлякова, В. М. Мясищева, И. Г Немана, С. П. Королева, А. И. Путилова, В. А. Чижевского, А. М. Черемухина, Д. С. Маркова, Н. И. Базенкова,— одним словом, весь цвет русской авиационной мысли.

Нас рассаживают на свободные места. Действительно, котелок и ложка, которые в лагере можно было оставить, только отправляясь на кладбище, здесь выглядели бы смешно. Ножи, вилки, тарелки, от которых мы порядком отвыкли, подчеркивают нелепость моих котелка и ложки. Девушка в переднике приносит мясо с макаронами и спрашивает: «Вам (это мне-то, еще вчера именовавшемуся «падлом»!) чай или какао?»

Большинство уже заканчивали ужин и расходились, когда сидевший рядом пожилой человек (в дальнейшем выяснилось, что это крупный химик, член партии с 1915 года А. С. Файнштейн, встречавшийся когда-то с Лениным) раздраженно бросил: «Опять какао холодное, просто безобразие». Новенький больно-пребольно ущипнул себя за ногу: «Господи боже мой, это реальность или фантастика?»

Постепенно столовая пустеет. Окруженные друзьями, двигаемся и мы. Быстро оглянувшись, я схватил несколько кусков хлеба и сунул в карман — закосил пайку, удача! Вероятно, это видят и друзья и охрана, но мне безразлично, лагерный принцип гласит: закосил — твое, прохлопал — пеняй на себя: станешь доходягой, дальше путь один — в «М» (по-лагерному, в мертвецкую).

В спальне, дубовом зале КОСОС, уже собрались и ждут друзья — А. В. Надашкевич и Ю. В. Калганов, К. В. Рогов и И. М. Косткин, Г. С. Френкель и Ю. А. Крутков, В. С. Денисов и И. Н. Квитко.

Но Бог ты мой, кого я вижу!

Среди этих врагов, вредителей и шпионов — В. С. Войтов, матрос времен Октября, коммунист, перед арестом директор крупнейшего авиазавода № 82.

Ведь это именно он был председателем мандатной комиссии Академии Жуковского, когда я в 1927 г. пытался поступить в нее. Такие комиссии отсеивали в те годы недостойных получать образование.

Суровый военный с двумя ромбами в петлицах, т. е. генерал-лейтенант, начал так: «Кто ваш отец, где и кем он работал?»

— Морским офицером.

— Как же, как же, имел честь служить с вашим отцом. Я — матросом, старшиной второй статьи линкора «Гангут», он — командующим эскадрой.

Я понял, что путь в академию мне заказан.

Как-то, при случае, я спросил, помнит ли он, как лишил меня права получить образование. На этот раз он не ушел от разговора. Я сказал: разобравшись тогда более подробно в моих анкетных данных, вы бы убедились, что моя семья дала русскому флоту ряд достойных моряков.

Узнав об этом, допустили бы вы меня в академию? Ничуть не бывало, дорогой товарищ. В свое время мы не поняли, за какие грехи сажают нас, старых большевиков. Так и вы не поняли, что такое демократический централизм. А это как военный устав внутренней службы. Приказано не пускать классово чуждых юношей в вузы — и я не пускал. А как это повлияло на качество будущих военных специалистов — дело не мое. На это есть высшее руководство!

Но мы отвлеклись от нашего повествования...

Окруженный улыбающимися друзьями, я растерялся. Но прежде всего подхожу к патриарху — Туполеву. На кроватях, стульях, тумбочках, в проходе — аудитория. Андрей Николаевич задает вопросы. Новички отвечают, они еще скованы, говорят вполголоса, изредка бросают взгляды на дверь — не идет ли охрана. Им объясняют: спальня — это нечто вроде сеттльмента, самоуправляемой территории. Когда заключенные в спальне, вход охране воспрещен.

А. Н. Туполев рассказывает: уже давно включаем вас в списки специалистов, нужных нам для работы над проектом 103, но ГУЛАГ очень долго разыскивал вас в своих лагерях. «Слава Аллаху, что нашли живыми, могло быть и иначе,— с грустью говорит Старик,— ведь многих, ох, очень многих так и не нашли».

Задаем вопросы и мы. Выясняется, что в ЦКБ-29 три самостоятельных бюро: В. М. Петлякова, которое проектирует высотный истребитель,— проект 100, В. М. Мясищева, конструирующее дальний высотный бомбардировщик,— проект 102, и Туполева, разрабатывающее пикирующий бомбардировщик,— 103. Кроме того, в стадии формирования четвертое бюро — Д. Л. Томашевича, которое будет работать над истребителем — проект 110.

Командует этим предприятием — нельзя же говорить, что руководит,— полковник НКВД Г. Я. Кутепов, бывший слесарь-электрик. Когда на заводе, где он работал, в начале 30-х годов была создана первая авиационная шарага — ЦКБ-29-ОГПУ, туда свезли арестованных по делу Промпартии конструкторов и инженеров: Н. Н. Поликарпова, Д. П. Григоровича, Б. Н. Тарасевича, А. В. Надашкевича, И. М. Косткина, В. Л. Кербер-Корвина, В. С. Денисова, Н. Г. Михельсона, Е. И. Майоранова и ряд других. Разрабатывали они там истребитель И-5; на его опытном образце в звезду на киле кто-то, не иначе, я считаю, как издевательски, распорядился вписать буквы «ВТ», означавшие «Внутренняя тюрьма». Там к «работе» с заключенными конструкторами и приобщился Г. Я. Кутепов, будущий начальник ЦКБ-29.

У Кутепова три зама — «руководители» КБ. Балашов «руководит» Туполевым, Устинов — Мясищевым, Ямалутдинов — Петляковым. Кро-

ме этих троих, в штате ЦКБ-29 еще с десяток офицеров НКВД, выполняющих роли второстепенных начальников.

Около 12 — около, ибо арестованным иметь часов не полагается,— угомонившиеся звеки стали расходиться по спальням. Погашен свет, это тоже приятно — в камерах, бараках, переполненных вагонах-телятниках всю ночь полыхают в потолках лампы. Впервые за три года ложимся спать в нормальные человеческие кровати, с простынями, подушками и одеялами. Спальня затихает, только из-за окна изредка раздается скрип трамваев, сворачивающих с Дворцового моста на Волочаевскую улицу в парк.

Не спят одни новички, слишком это сильное потрясение после тюрем, этапов, лагерей, пересылок — лежать в чистой кровати, предвкушая любимую работу, иностранные технические журналы, логарифмическую линейку, остро отточенные карандаши и белую, тугую поверхность ватмана, натянутого на доске. Из грязи, бесправия, окриков охраны, матерщины, гнуса и холода в тайге, жары и тарантулов в пустыне, драк за порцию баланды или за стоптанные опорки — сесть за кульман, провести осевую линию и начать думать — это, знаете, грандиозно!

Три дня вновь прибывшие в карантине — на работу не ходят, читают, отъедаются, спят, гуляют в «обезьяннике», т. е. в железной клетке, построенной на крыше КОСОС, в которой заключенные после работы дышат воздухом.

Вечерами, когда друзья возвращались после работы в спальни, вопросы сыпались на новеньких, как из рога изобилия. Многие попали в ЦКБ прямо из тюрем и жизни в лагерях не знали. Большинство считало свое пребывание в ЦКБ временным, полагая, что, когда чертежи закончатся, всех отправят по лагерям. Как, смеясь, заметил С. П. Королев, «никто не застрахован от всяких кви про кво* Фемиды. Глаза-то у нее завязаны, возьмет и ошибется, сегодня решаешь дифференциальные уравнения, а завтра — Колыма!».

Так и бывало. Совершенно неожиданно мы обнаруживали, что кто-то исчез. Делалось это по стандарту: на рабочее место приходил «попка» и просил пройти в канцелярию. Покуда мы трудились, охранники собирали в спальне вещи, и занавес опускался. Куда, зачем, за что — на эти вопросы ответов не давали.

Так или иначе, но друзья не давали нам покоя, и мы охотно делились опытом. Для них это было своеобразным «ликбезом». Жизнь в бараках с уголовниками, этапы с собаками, подкусывающими отстающих, полный произвол администрации и конвоя, ужасное питание, невыполнимые нормы выработки, отсутствие переписки произвели на них столь сильное впечатление, что некоторые пришли к выводу: существовать там невозможно, и выход один — уйти из жизни.

По здравому смыслу, с этим нельзя было не согласиться. Но вера в то, что все раскроется и правда восторжествует, настолько была сильна, что со случаями самоубийства за годы скитаний по лагерям встретился всего два-три раза.

Нас же, новичков, интересовала история ЦКБ.

Несколько позднее А. Н. Туполев, зайдя ко мне вечером, когда я засиделся в пустом зале над решением очередного технического вопроса, рассказал: «В эмбриональной фазе нас отвезли в Болшево. Кого там

---

* qui pro quo *(лат.)* — путаница, недоразумение.

только не было: корабелы, танкисты, артиллеристы, химики... Так вот, через пару дней после приезда в Болшево меня вызвали к тамошнему начальству, и я получил первое задание — составить список известных мне арестованных авиаспециалистов. Откровенно говоря, я был крайне озадачен. Всех, арестованных до меня, я знал, а после? Не выйдет ли так, что по моему списку посадят еще Бог знает сколько народу? Поразмыслив, я решил переписать всех, кого знаю, а знаю-то я всех. Не может же быть, что пересажали всю авиапромышленность? Такая позиция показалась мне разумной, и я написал список человек на 200. И оказалось, что многие уже за решеткой».

Списки эти непрерывно расширялись. Приехал кто-либо новенький, садись и пиши, кого ты там видел из авиации. В конце концов ГУЛАГ извлек из своих кладовых около двухсот самолетчиков, и встал вопрос: куда их девать? В условиях тех лет никаких счетных машин не существовало, чертежи размножались копировкой, следовательно, на каждого инженера приходилось до десяти техников, деталировщиков, копировщиков и т. д. Выходило, что для конструкторского бюро № 29 нужно помещение человек на 800—1000.

Единственным бюро такого масштаба в Москве было туполевское. Лишенное своих руководителей, оно влачило жалкое существование. Чтобы создать хотя бы иллюзию опытного самолетостроения, тогдашний нарком М. М. Каганович (вскоре после неприятного разговора с Молотовым — так говорили в авиакругах,— убедившись, что старший брат принес его в жертву, он застрелился) в здание бывшего туполевского бюро перевел группу второстепенных авиаконструкторов — Беляева, Шевченко, Гудкова, Горбунова и других. Возможно, они и были способными людьми, но, к сожалению, ничего путного не создали. Этого следовало ожидать, ибо в тех условиях помимо способностей требовалось иметь дьявольскую пробивную силу, чтобы проникнуть в верха и завоевать там авторитет.

Для того, чтобы они (как это искони свойственно русским удельным князьям и главным конструкторам) не перегрызлись между собой, М. Каганович назначил над ними директора, здакого «унтера Пришибеева» — Лейкина. Грызню он задушил, но хороших самолетов все равно не получалось. Такая ситуация стала набрасывать тень на самого Берию, «лучшего друга» Сталина, и, более того, лично на «корифея всех наук».

И вот после ряда совещаний между Лубянкой и наркоматом авиационной промышленности, с благословения самого вождя было принято решение, достойное его эпохи: буквально в несколько дней на московских авиазаводах были изготовлены сотни решеток, и все восьмиэтажное здание КОСОС превратилось в тюрьму. Второстепенных главных конструкторов кого выгнали, кого потеснили, полтораста «врагов народа» перевезли из Болшева на улицу Радио, подчинили им несколько сот вольнонаемных сотрудников, разыскали Кутепова, и вновь созданная организация ЦКБ-29 — НКВД приступила к творческой деятельности.

...Прошли три дня акклиматизации, и нас, новичков, по одному вызвали к Кутепову, расположившемуся в бывшем кабинете Андрея Николаевича. Впервые со дня приезда спускаемся мы по парадной мраморной лестнице с шестого этажа, где наши спальни, на третий, где кабинеты «руководителей».

«Шеф» беседовал с нами, давая понять разделявшую две стороны бездну. Было приказано: «Переодеть во что-нибудь приличное,— он

даже поморщился от внешнего вида специалистов,— постричь, побрить, определить на работу в такое-то КБ, выдать факсимиле». «Подробные инструкции получите у начальника КБ Балашова»,— это лично мне.

Мы еще не знали, что в подобных тюрьмах фамилий нет, их заменяет пресловутое «факсимиле» — попросту штампик с тремя цифрами, который вы прикладываете вместо подписи к чертежам и расчетам. Сумма цифр факсимиле определяла, у кого вы работаете. А. Н. Туполев, например, был 011, его заместитель Н. И. Базенков — 065, начальники его конструкторских бригад — 056, 074, 092 и т. д.

Наутро в кабинете шефа КБ-103 майора Балашова мне выдали готовальню, логарифмическую линейку, талон в техбиблиотеку и факсимиле. Затем Балашов проводил меня на рабочее место и представил вольнягам в качестве ведущего конструктора и руководителя.

Итак, через четыре дня после того, как в тюрьме любой вертухай мог третировать меня как ему заблагорассудится, я стал руководителем нескольких инженеров, техников и конструкторов. Отныне я мог им предложить остаться на работе вечером, отпустить или не отпустить в отпуск, решить, достойны ли они премии. Поначалу это серьезно обеспокоило нас: не заболеем ли мы «головокружением от успехов», излишним самомнением, а главное, как будут относиться к нам вольные, свободные подчиненные?

Все оказалось гораздо проще. Приняли нас не как врагов народа, а как обиженных жизнью людей. По утрам в ящике стола мы находили знаки трогательного внимания вольняг — цветок, конфету, пачку папирос и даже газету. Пообвыкнув, они откровенно сообщали: с Н. будьте осторожны, он стукач. Так бесправие, доносы уживались с нежностью, любовью и готовностью к жертвам. А ведь с ними вели «работу», рассказывали о наших «кознях»: как Туполев продал Мессершмитту чертежи самолета, как Королев задумал побег за границу, как Бартини, личный агент Муссолини, пробрался в главные конструкторы. Наконец, им просто угрожали, что за либеральное отношение к нам или, не дай Бог, за передачу на волю каких-либо записок их быстро переквалифицируют из вольняг в заключенные. Как же не вспомнить добрым словом наших «вольных» друзей...

Но вернемся к теме. Структура КБ-103 выглядела так: «руководитель» — Балашов, майор госбезопасности. Его помощник — Крючков, тоже майор, оба достаточно серые личности. Что такие «руководители» из органов понимали в технике? К Устинову, «руководившему» КБ Мясищева, обратились два заключенных инженера, Оттен и Наумов, с предложением создать двухтактный аварийный бензодвижок для питания самолетной электросети в случае отказа генераторов. «А какие употребляются сейчас?» — поинтересовался Устинов. «Четырехтактные»,— ответили ему. «Переходить сразу на двухтактные рискованно,— заметил Устинов,— не лучше ли вам сначала заняться трехтактными?»

Иначе, как «трехтактным», его с тех пор не называли.

Главным конструктором был А. Н. Туполев, его заместителем — Н. И. Базенков. Начальниками конструкторских бригад: прочности — А. М. Черемухин, аэродинамики — А. Э. Стерлин, аэроупругости — Н. А. Соколов, теоретических расчетов — академик А. И. Некрасов (в прошлом все работники ЦАГИ), фюзеляжа — И. Г. Неман (бывший главный конструктор самолетов ХАИ), центроплана — В. А. Чижевский (бывший главный конструктор самолетов БОК и гондол стратостатов), оперения

и управления — Д. С. Марков (бывший главный конструктор завода имени Осоавиахима), крыла — С. П. Королев (будущий конструктор космических ракет, которого вскоре заменил Б. А. Саукке, бывший начальник конструкторского бюро по постройке самолета «Максим Горький»), гермокабин и кондиционирования — М. Н. Петров (бывший начальник гидроканала ЦАГИ), гидрооборудования — А. Р. Бонин (бывший главный конструктор Остехбюро), приборного оборудования — Г. С. Френкель (бывший ведущий штурман НИИ ВВС), электро- и радиооборудования — я, Л. Л. Кербер (бывший испытатель такого оборудования), вооружения — А. В. Надашкевич (общепризнанный авторитет в области вооружения самолетов), шасси — Т. П. Сапрыкин, компоновки — С. М. Егер, технологии — С. А. Вигдорчик. Бригадами мотоустановки и ее оборудования руководили вольнонаемные инженеры А. П. Балуев и Б. С. Иванов. Из старых работников ЦАГИ был еще Г. А. Озеров. По просьбе Андрея Николаевича он взял на себя все административные и хозяйственные вопросы.

Как видно, руководящий состав КБ-103 был весьма квалифицированным. Примерно такого же уровня были руководители и других отделов ЦКБ-29.

Неполный список наиболее крупных заключенных специалистов ЦКБ-29-НКВД приводится ниже.

I. Академики и членкоры (бывшие и будущие):

1. Сергей Павлович Королев,
2. Юрий Александрович Крутков,
3. Александр Иванович Некрасов,
4. Борис Сергеевич Стечкин (вскоре был переведен в моторную шарагу),
5. Андрей Николаевич Туполев.

II. Главные конструкторы самолетов и агрегатов:

6. Владимир Леонтьевич Александров,
7. Роберт Людвигович Бартини,
8. Борис Сергеевич Вахмистров (вооружение),
9. Амик Аветович Енгибарян (электрооборудование),
10. Александр Маркович Изаксон (вертолеты),
11. Михаил Минаевич Качкачян (гироскопические приборы),
12. Дмитрий Сергеевич Марков,
13. Владимир Михайлович Мясищев,
14. Соломон Моисеевич Меерсон (вооружение),
15. Александр Васильевич Надашкевич (вооружение),
16. Иосиф Григорьевич Неман,
17. Владимир Михайлович Петляков,
18. Александр Иванович Путилов,
19. Дмитрий Людвигович Томашевич,
20. Владимир Антонович Чижевский,
21. Алексей Михайлович Черемухин (автожиры).

Далее в моем списке, составленном по памяти,— 15 профессоров и докторов наук, 14 директоров, главных инженеров и главных технологов авиазаводов, 5 начальников серийных КБ... А всего нас было более 150 человек.

Нужно иметь в виду, что, помимо нашей, в авиапромышленности функционировали еще две шараги: двигательная и ракетная. Вероятно, мы будем недалеки от истины, если оценим (две других шараги были

несколько меньшего масштаба) общее количество специалистов, извлеченных триумвиратом Ягода — Ежов — Берия из нашего министерства, в 280—300 человек самой высокой квалификации. Следует преклониться перед теми, кто после такого «кровопускания» все же сумел обеспечить поставку нашей героической армии тысяч и тысяч самолетов в Отечественную войну. Вероятно, ни одна страна не смогла бы выдержать подобное.

Примечательны истории некоторых арестантов. Собственно, примечательны они все, но разве все вспомнишь, а тем более опишешь?

Вот, задумавшись, склонив голову римского патриция, сидит Бартини. Правда, он облачен не в тогу, а в арестантскую робу. Сын состоятельных родителей, он увлекся марксизмом, вступил в итальянскую компартию, а когда Муссолини пришел к власти — эмигрировал в нашу страну. Тут его быстро «разоблачили» и «за передачу итальянской разведке государственных тайн» дали десять лет тюрьмы. Талантливый инженер-конструктор, он создал в СССР несколько типов самолетов.

Созданный Бартини неплохой бомбардировщик нарекли, по фамилии его заместителя, инженера Ермолаева, Ер-2. Понять Роберт ничего не мог, особенно поражался, когда его обвиняли в том, что он продал что-то Муссолини. Волнуясь, он переходил на итальянский. Все время слышалось слово «инконсептибиле» (непостижимо).

Карлуша Сциллард. Говорили, будто он дальний родственник Лео Сцилларда, бежавшего из Венгрии в США. Там Лео Сциллард подписал вместе с Эйнштейном знаменитое письмо Рузвельту, где они высказывали опасения, что Гитлер, используя работы Ферми и Лизы Мейтнер, заставит Гейзенберга, Гана, Вейцзеккера и Бете создать атомное оружие раньше США. Оба родственника не хотели жить в тирании, и Карлуша эмигрировал в СССР. Оба обрели свободу, но разных образцов.

Обычно скромный и застенчивый, Карлуша усидчиво корпел над аэродинамическими расчетами. Когда кто-либо подходил к его маленькому столу, он неизменно вставал и охотно, с улыбкой отвечал на вопросы. Так шло, пока внезапно на него не нападал приступ чисто мадьярского бешенства. В черной косоворотке, таких же брюках, и огромных арестантских ботинках, зажав лицо руками, он безостановочно ходил по коридору, а когда звенел звонок, бежал в спальню и бросался на кровать. Наутро это проходило, и с виноватой улыбкой он погружался в логарифмы.

Юрий Борисович Румер, математик, физик и полиглот, кандидат в русские Оппенгеймеры. Его привезли из Мариинских лагерей: стоял май, было тепло, приехал он в опорках от валенок, задрапированный в чехол от матраца. Высокий, с иссиня-черными волосами, с разбитыми очками на большом носу, он походил в этом наряде на иудейского пророка. Работал он в Абаканской долине, недалеко от Шушенского, «однако не с целью создать что-либо достойное памяти великого ссыльного, а чтобы доказать местным жителям достоинство системы наказаний, обоснованной гг. Крыленко и Вышинским, встречавшими, лично знавшими Ленина и его жену. Не думаю, чтобы Владимир Ильич когда-нибудь разделял их толкование презумпции невиновности»,— с усмешкой говорил Румер. Работал он в расчетной бригаде и покорил нашу библиотекаршу Фатьму Расстанаеву, прочтя за месяц всю техническую литературу на английском, французском и немецком языках. «Ни разу не взял ни одного словаря!» — восхищалась Фатьма.

Александр Иванович Некрасов — автор фундаментального труда по теоретической механике. Будучи в командировке в США, попал в автомобильную аварию и еле выжил. Вернулся назад инвалидом, на родине узнал, что он агент ФБР, и получил десятку. Из-за шока сохранил только две области памяти: безукоризненно работал над теоретической механикой и вспоминал далекое прошлое — пасхальные заутрени, гимназисток, пирожки от Филиппова, стихи Надсона и Игоря Северянина, журнал «Столица и усадьба», а больше всего сокрушался о кошечке, которая осталась дома, когда его отвезли на Лубянку. Туполев распорядился оберегать его, насколько возможно, от тюремщиков. Сидел А. И. в крохотной отдельной комнате за огромным ветхозаветным бюро и писал свой курс. Когда Некрасова освободили, неприспособленного к жизни старика, Туполев взял его к себе домой. Затем ему дали квартиру, доставили туда со складов НКВД старинную мебель, а затем кошечку и экономку, лояльность которых, по-видимому, не вызвала сомнений.

Сергей Павлович Королев, будущий создатель космических ракет, был доставлен с Колымы, где обушком добывал золотишко. Небольшого роста, грузный, с косо посаженной головой, умными карими глазами, скептик, циник и пессимист, абсолютно мрачно смотревший в будущее. «Хлопнут без некролога» — его любимая фраза. Вместе с Цандером трудился над ракетами и был осужден за то, «что нашей стране ваша пиротехника и фейерверки не только не нужны, но даже и опасны», как говорил его следователь. «Занимались бы делом и строили самолеты. Ракеты-то, наверное, для покушения на вождя?». Понадобились Вернер фон Браун, Пенемюнде и Фау-2, чтобы о нем вспомнили. Впоследствии, вознесенный на Эверест лести, орденов, званий и почета, он сохранил старых друзей. Было весьма любопытно, когда на бывшей даче Калинина возле Останкина, он, оглядевшись и перейдя на шепот, вспоминал за рюмкой коньяка: «А помните, ребята, «трехтактного», Гришку Кутепова, обезьянник, свидания и прочее!» Особенную пикантность всему этому придавала охрана его дачи, которую несли точно такие же «попки», что в ЦКБ-29.

«Знаете, ребята, сейчас самое трагическое состоит в том, что как все-таки много общего между этой нынешней обстановкой и тогдашней. Иной раз проснешься ночью, лежишь и думаешь: вот, может, уже нашелся какой-нибудь, уже дал команду, и эти же охранники нагло войдут сюда и бросят: «А ну, падло, собирайся с вещами!».

Юрий Васильевич Калганов, сын орловского крестьянина, с трудом пробившийся в люди. Грянула революция, и юноша стал комиссаром дивизии Красной Армии. Кстати, людьми такой же судьбы были арестованные А. Э. Стерлин, К. Е. Полищук, А. Ю. Рогов, В. С. Войтов — комиссары дивизий, корпусов, армий в гражданской войне. Война окончена, по призыву партии они идут учиться в военные академии, а окончив их, направляются в промышленность. Вскоре Калганов — директор крупного завода в Иркутске. Кто-то «вовлек его в организацию». Усердный следователь держит Калганова на стойке сутками. Когда его принесли в камеру, ноги отекли так, что сапоги пришлось разрезать. Юра говорил: «Понимаешь, я его сразу послал на... Я был уверен, что это оговор, провокация, ну, одним словом, все что хочешь, но не то, что оказалось».

Тиранили его долго, а увидев, что столкнулись с железной волей,

пропустили через ОСО. «Ты знаешь, я только тут, в ЦКБ, увидел вас всех, в том числе таких директоров и старых коммунистов, как Лещенко, Абрамов, Полищук, Войтов, Чижевский, прозрел и понял этого комедианта Сталина и банду его подручных, руки которых в крови сотен честных коммунистов. В лагерях я еще сомневался».

Владимир Сергеевич Денисов, сидевший уже в третий раз (в 1924 году — с первой волной интеллигенции в Соловках, в 1932 году — в ЦКБ-39 с Поликарповым и Григоровичем). Чеховского склада интеллигент и политический рецидивист — возможно ли это? Высокий, лысый, с писклявым голосом, он поучал новичков с напускной мрачностью: «Да, джентльмены, с основания нашей державы приличные люди сидят постоянно, прерывая это естественное состояние кратковременным общением с семьями». А на вопрос: «Владимир Сергеевич, но ведь раньше следствие велось гуманно?» — отвечал: «Конечно, в 1924-м сажали в баню, в комнату с температурой 36 градусов, без воды, пока нэпманы не сознаются, где спрятано золото, а мы не расскажем, где и в чем вредили. В 1932-м сажали на обычное ведро на сквозняке. Сиди, пока ушки не вопьются до седалищного нерва или пока не скажешь, кто и где тебя завербовал шпионом в пользу какой-либо (какой — следователь любезно предоставлял определить сидельцу) разведки. Что гуманнее, джентльмены, прошу определить самих».

Александр Васильевич Надашкевич, эпикуреец, поклонник слабого пола, даже в тюрьме следивший за ногтями и бородкой «а-ля Генрих Четвертый», крупнейший специалист по вооружению самолетов. Сидел он уже второй раз. «Знаете, с каждым разом это становится все более плебейским. В ЦКБ-39 у меня был отдельный кабинет с телефоном, и Пауфлер, наш начальник,— это, заметьте, не чета нашему Гришке (Кутепова он величал не иначе как Гришкой Отрепьевым),— оставил его мне под честное слово, что я не буду звонить домой. Был у меня и пропуск, и я ходил по территории объекта без этих идиотов-тягачей».

Любопытно рассказывал он о демонстрации построенного «вредителями» истребителя И-5 самому Сталину. «Было это на Ходынке, возле двух ангаров, в которых мы и жили, и работали. Объяснения по самолету давал Поликарпов, по вооружению — я. Когда закончили, Сталин спросил: «А вас здесь не угнетают?» Десять лет мне эта фраза не дает покоя. Лицемерил он или был актером?»

Поучая нас премудростям бытия, он обращался к з/к «сэры». Происходящее оценивал так: «Должен заметить, сэры, что в этой стране (А. В. был польского происхождения) без тирании дело двигаться не может. Вспомните Грозного, Петра или Николая, опричнину, князя-кесаря Ромодановского или 3-ю собственную его величества канцелярию. Изуверствовали над Лопухиными, Трубецкими, Нащокиными, Пестелями, Кюхельбекерами, Ульяновыми, Каменевыми, Рыковыми, Тухачевскими. Били батогами, шпицрутенами, резиновыми палками». В отличие от Сцилларда и Королева, допускавших печальный исход, А. В. был оптимистом, глубоко убежденным, что нам это не грозит. «Расстреливать они будут вероотступников, иначе король останется голым. Что же касается нас, то, поскольку мы умеем делать отличные самолеты, без которых страна жить не может, нас не тронут. Более того, попомните, сэры, вас увешают орденами. А если в один прекрасный день понадобится — ордена снимут, а вас — снова на Лубянку».

Георгий Семенович Френкель, профессор МАИ, рафинированный ин-

теллигент, ценитель Саади, Гумилева, Ахматовой, тонкий дипломат. Он был у Туполева Талейраном (конечно, никого не продавая) и назывался среди зеков «ученый еврей при тамбовском генерал-губернаторе». В определении происходящего он исходил из путаных корней еврейской мистики и русского чернокнижья. Смесь Апокалипсиса, Христа и Сталина убедительностью никого не привлекала. Будучи физически тепличным растением, не обладая стойкостью и наглостью, необходимыми для бытия в лагерях, он себя в душе похоронил. Придя к такому выводу, стал ипохондриком и все свободное время спал. Шуточная единица сна, равная 24 часам, была прозвана арестантами «френк». «Арестованный спит, а срок идет»,— отшучивался он, но даже когда шутил, глаза его оставались глазами обреченного. Ю. В. Калганова преждевременно свели в могилу физические пытки, Георгия Семеновича — нравственные.

Юрий Александрович Крутков, член-корреспондент Академии наук, наш Вольтер с язвительной физиономией, оживший бюст Гудона. Всесторонне эрудированный человек, энциклопедист, очаровывал всех тонкостью суждений. Он был доставлен к нам из Канских лагерей, где работал уборщиком в бараке уголовников. «Неплохая работа, знаете ли, поражала тонкостью оценки твоего труда — иногда побьют, иногда оставят покурить. Должен заметить, студенты моего университета были менее притязательны и ни разу меня за лекции не били, к тому же курить давали безропотно и даже не окурки».

С Крутковым я до шараги знаком не был. Но известно, как петербуржцы легко сходятся из-за любви к своему городу.

Так и мы с ним часто по вечерам вспоминали свой Васильевский остров, Петропавловскую крепость, памятник «Стерегущему», Каменноостровский проспект.

Иосиф Григорьевич Неман, автор самолетов ХАИ, первым применивший в СССР убирающееся шасси. В то время это граничило с подвигом, достаточно было шасси не выпуститься — вредительство налицо. Экспансивный, вечно ищущий новых путей и в то же время добродушный, незлобивый и отзывчивый, он был кумиром молодежи.

Пожалуй, он один мог позволить себе, оценивая принятое Туполевым решение, сказать: «Знаете, Андрей Николаевич, по правде говоря, это неудачно, дайте подумать, попытаюсь предложить что-либо более изящное». И Туполев принимал это спокойно. И он, и Мясищев, и Петляков очень ценили Иосифа Григорьевича, считая его восходящей звездой. До ареста Неман жил в Харькове, был главным конструктором и читал лекции в ХАИ.

Владимир Антонович Чижевский, правоверный педант, не сомневавшийся, что происходящее имеет какие-то высшие и тайные причины. «Человеческому уму не все доступно, вот подождите, пройдет несколько лет, и скрытые для нас причины обнажатся!».

Прошло, мы дожили до смерти Сталина, и все обнажилось. Король оказался голым, и все увидели, сколь мерзкими и низменными были эти якобы недоступные уму причины. Бывший главный конструктор гондол для советских стратостатов оказался, как и большинство людей, недальновидным.

Алексей Михайлович Черемухин, нежнейшей души человек, но с хитрецой, наш коронованный специалист по прочности самолетных конструкций. Живой хранитель и знаток истории авиации, военный летчик

первой мировой войны, соратник Н. Е. Жуковского. Он был способным рисовальщиком и нелегально вел иллюстративную летопись ЦКБ-29. Все это пропало при эвакуации в Омск. Как и Ю. А. Крутков, он был талантливым рассказчиком, особенно о временах студенчества в МВТУ.

Как видим, конгломерат заключенных в ЦКБ был достаточно любопытным.

Собственно тюрьма, в которой протекала наша внеслужебная жизнь, занимала три верхних этажа КОСОС, окнами во двор. Здесь располагались спальни — три больших и одна маленькая, плохо освещенная; столовая, кухня и обезьянник для прогулок на крыше. Многочисленные помещения администрации и охраны выходили окнами на улицу. Три этих этажа сообщались с остальными, где мы работали, одной внутренней лестницей. Своего карцера мы не имели, так что провинившихся возили в Бутырку.

Распорядок жизни был таков. Будили нас в 7 утра, до 8 мы приводили себя и спальни в порядок. С 8 до 9 завтрак, после чего работа до часу дня, когда мы шли обедать. С 2 до 7 опять работа, затем отдых до 8, ужин и свободное время до 11. Потом гасили свет. Проверка проводилась ночью по головам, когда мы спали. Ближе к войне рабочий день удлинили до 10 часов, а с весны 1941 года и до 12. Кормили хорошо, утром — кефир, чай, масло, каша; обед из двух блюд и компота; на ужин горячее блюдо, кефир, масло, чай. Для работавших после ужина в столовую приносили простоквашу и хлеб.

После лагерей такое питание без физического труда способствовало тому, что из скелетов мы стали приобретать человеческий облик. При тюрьме была лавочка, где раз в неделю на деньги, передаваемые родственниками в Бутырки, можно было приобрести туалетное мыло, одеколон, конфеты, папиросы и даже лезвия для бритья.

Изоляция заключенных от внешнего мира была продумана отлично. И днем и ночью мы всегда находились под бдительным оком. Стерегли нас две охраны: внутри ЦКБ — профессионалы, тюремщики из Бутырок, снаружи — охрана завода. У входа в спальни постоянно дежурили «попки». Они не столько окарауливали нас, сколько следили за тем, чтобы в спальни случайно не забрел какой-либо вольняга. Второй мощный заслон из трех вооруженных «попок» стоял у единственной двери, соединявшей территорию ЦКБ с другими помещениями здания. Кроме того, по всем коридорам ЦКБ, изредка заглядывая в рабочие комнаты, весь день прохаживались «попки» в штатском. С 11 вечера и до восьми утра их оставляли по одному на этаж, но зато выставляли посты у каждой спальни. Третья линия охраняла все выходы и входы на территории завода, патрулировала внутри двора и вдоль заборов. Пообвыкнув и присмотревшись, мы обнаружили и четвертую, ее несли джентльмены в штатском, фланирующие по улице Радио и по берегу Яузы.

Вначале заключенных расселяли по спальням по мере поступления. Затем начальство разрешило селиться по принципу — в каждой спальне работники одного КБ. В четвертой поселились пожилые, склонные к уединению и тишине. Хотя нас и водили еженедельно в душ, все же к утру воздух в спальнях напоминал нечто среднее между казармой и бесплацкартным вагоном. Один из новичков, зайдя в спальню КБ-1 и увидев дремавшего Петлякова в совершенно рваных носках, был потрясен. Человек, создавший русскую летающую крепость, самолет

АНТ-42 (Пе-8),— и арестант, и рваные носки... АНТ-42 летал на высоте 10 км со скоростью 420 км/ч и мог доставить к цели, отдаленной на 2500 км, 3 тонны бомб. Мне подумалось, если бы Молотов во время визита Риббентропа в Москву сказал ему, что тысяча таких бомбардировщиков на наших аэродромах готова к действию,— рискнули бы немцы в 41-м затеять войну с нами?

...В углу дубового зала стояла койка А. Н. Туполева, соседями его были С. М. Егер и Г. С. Френкель. По вечерам этот угол превращался в технический совет, где решались вопросы создания 103-й машины. В таких случаях Туполев обычно сидел на койке, по-турецки поджав под себя ноги, в любимой толстовке и теплых носках. В таком наряде он напоминал добродушного бога с рисунка Эффеля. Кругом — участники совещания. Вероятно, со стороны зрелище здорово смахивало на мхатовскую постановку «На дне».

Из-под кровати вытащен лист фанеры — во избежание утечки информации бумагой в спальнях пользоваться не разрешают.

На нем рисуется какая-либо конструкция. Туполев мягким карандашом подправляет ее, объясняя свою мысль, изредка прибегая к крепким русским словцам. «Нет, здесь решение еще не найдено, мотогондолу к крылу говном не приклеишь. Он (показывая на автора) думает, что усилие примет вот этот стержень. Глупости — это не стержень, а сопля, она скрутится без нагрузок, сама по себе». Покусывая заусенцы у ногтей (острый ножичек, всегда лежавший в кармане, отобран — в тюрьме нельзя иметь ничего острого, хотя в нашей лавочке можно купить лезвия «жиллет»), изредка заразительно смеясь,— тогда его толстый живот колышется, как мешок с киселем,— главный поучает свою паству.

Иногда на наши почти ежедневные сборы заходили Мясищев или Петляков. Эти двое почти полярны, Петлякова называли «великим молчальником». На любом совещании он предпочитал сидеть молча, только пытливые и умные глаза выдавали работу его мысли. Вслушиваясь в мнения, он анализировал их, отбрасывал всю словесную шелуху (а на совещаниях, особенно в министерствах, ее наберется процентов 80 от сказанного), вынашивал решение, затем четко, немногословно его сообщал. Большинство этот процесс не понимало и считало Петлякова простым исполнителем воли и решений Туполева. На самом деле это было не так. Петляков был начальником первой бригады КОСОС, которая проектировала ТБ-1, ТБ-3, АНТ-42, АНТ-14. Конечно, общие схемы машин и такие решения, как многолонжеронное крыло, как обшивка из дюралевого гофра, принимал Туполев. Детальную же разработку вел Владимир Михайлович. А чертежи самолета Пе-2 он выпустил уже без всякого участия Туполева. Короче, он был совершенно самостоятельный главный конструктор.

Владимир Михайлович Мясищев — полная противоположность Петлякову. Даже в толпе его внешность бросалась в глаза. Красивый, с гордо посаженной головой, всегда изысканно одетый, он походил на актера. В ЦКБ-29 Мясищев проектировал дальний высотный бомбардировщик — самолет 102. Но после смерти Петлякова был назначен главным конструктором Казанского завода, где вел производство пикировщиков всю войну. Это отвлекло его от доводки 102-й, и в конце концов из-за отсутствия нужных двигателей интерес к ней пропал...

Хотя П. О. Сухого и не арестовывали, его небезынтересно сопоставить

с Мясищевым, ибо в их философии есть общее. Как и Мясищев, Сухой, несомненно, талантливый конструктор. В КОСОСе он руководил постройкой сверхдальних, рекордных самолетов АНТ-25, прославленных перелетами Чкалова и Громова из Москвы в Америку, через Северный полюс. Он же проектировал самолет «Родина», на котором был совершен рекордный перелет женского экипажа Гризодубовой.

Кредо Павла Осиповича таково: «Когда я делаю машину, я выполняю все требования заказчика. Дальше дело не мое, если такая машина нужна, пусть министерство и заводы организуют ее производство. Я конструктор, а не диспетчер, не организатор, не толкач». Результат был всегда один — хорошие самолеты строились в уникальных экземплярах, а в серию не шли. Так продолжалось до тех пор, пока рядом с П. О. не появился способный, пробивной, волевой организатор — Е. А. Иванов. Взвалив на свои плечи тяжелую задачу государственных испытаний, он провел через них, например, прекрасную машину Су-7 и довел ее до состояния, пригодного для серийного производства. С этого времени армия получила несколько типов отличных самолетов марки «Су».

А. А. Архангельский тоже не подвергался репрессиям, но столь верного друга и соратника А. Н. Туполева мы в своей работе обойти не вправе. Все эти годы он жил в невыносимой тревоге, каждую ночь ожидая стука в дверь. Его жена Наталья Дмитриевна (дочь известного языковеда, профессора Д. Н. Ушакова) вспоминала, как он беспокоил ее, не ел, не спал и психически стал очень неустойчивым. Александр Александрович в КБ Туполева играл особую роль, в которой был незаменим. Правда, он являлся ведущим конструктором по таким известным машинам, как АНТ-9 и СБ, но в дополнение к этому на нем лежало все внешнее представительство. Никто не мог так мягко и настойчиво защищать интересы КБ на совещаниях в министерствах, ВВС, Аэрофлоте, Комитетах и т. д., где решалась судьба многочисленных туполевских машин. Мне думается, именно потому и было решено оставить его на свободе.

Философская концепция патриарха советской авиационной мысли А. Н. Туполева была предельно четкой: «Самолеты нужны стране, как черный хлеб. Можно предлагать пралине, торты, пирожные, но нет ингредиентов, из которых они делаются. Следовательно:

а) нужно выработать доктрину использования авиации, основанную на проектах реально возможных машин;

б) на базе уже освоенной технологии и производственных возможностей создавать машины, пригодные для крупносерийного производства;

в) если эти образцы по своим данным будут немного отставать от западных — черт с ним, возьмем количеством;

г) чтобы между количеством и качеством не возник непоправимый разрыв, необходимо: 1) всемерно развивать технологию опытного самолетостроения, освободив его от забот по серии, для чего создать на заводах достаточно сильные серийно-конструкторские бюро; 2) опытные КБ загружать двумя видами задач: новыми образцами для передачи в серию и перспективными машинами, по своим данным резко вырывающимися вперед».

Эту концепцию он проводил довольно четко. Ее первой части соответствовали самолеты Р-3, ТБ-1, ТБ-3, АНТ-5 (И-4). Ее второй части — АНТ-25, СБ, АНТ-42 (ТБ-7). Кроме того, он считал, что: «В условиях СССР карликовые КБ, пусть и с талантливыми конструкторами во главе,

многого достичь не смогут, не хватит пороху, чтобы пробиться сквозь бюрократические препоны. Нужны мощные организации по типу КОСОС, которых достаточно две, максимум три». В те годы он полагал, что таковыми могут быть сильные бюро, созданные вокруг Поликарпова и Ильюшина. Свое убеждение он подкреплял такими примерами: «За 10 лет, с 1927 по 1937 год, наше бюро создало для страны 10 крупносерийных машин, отвечающих требованиям ВВС и ГВФ, бюро Поликарпова — 5 таких машин, Ильюшина — две. Остальные «карликовые бюро» (а их было достаточно много) ни одного боевого самолета для наших ВВС не сдали».

Крупный талант, независимо от сферы его деятельности, всегда угнетает менее способных. Однако к чести Туполева следует отнести, что многие карликовые бюро существовали и в то время, когда он совмещал должности руководителя КОСОС и главного инженера Главного управления авиапромышленности Наркомтяжпрома, то есть мог одним росчерком пера прикрыть любое такое микробюро. Он этого не делал. Право же критически относиться к деятельности других есть неотъемлемое право каждого. Большинство специалистов это признавало, однако некоторые распускали слухи о непримиримости Туполева к существованию в авиации других конструкторских бюро, кроме его собственного.

В технике Туполев был веротерпимым, прислушивался к чужим мнениям, поддавался переубеждению. Прожектерства, правда, не терпел, а прожектеров, необыкновенно быстро распознав, от себя отстранял. Своих сотрудников, даже если они яростно защищали явно ошибочные положения, не угнетал, а старался переубедить.

Небезынтересно и то, что в личной жизни, где положение открывало перед ним большие возможности, был пуританином, отстранявшим любые соблазны.

Пробиться в число его ближайших сотрудников было нелегко, так высоки были требования. Следовало любить свое дело превыше всего, почти аскетически, забыв все остальное, быть инициативным, настойчивым, правдивым, не преклоняться перед авторитетами и начальством, смело искать новые пути, а найдя, не отступать перед всякого рода конъюнктурными соображениями. Отвечающий такому стандарту человек постепенно завоевывал доверие, пока через несколько лет ему не доверяли настолько, что, по существу, не контролировали.

Содружество способных инженеров, самостоятельно решающих задачи каждый в своей специфической области, точно и без фальши ведущих свою партию в партитуре, ключ к которой выбран самим главным, и характеризовало работу его ОКБ. Такая организация и принципы поразительно способствовали расцвету творческих способностей, и неудивительно, что генеалогическое древо советской авиаконструкторской мысли разрослось именно из КОСОС ЦАГИ.

...Но вернемся к шараге. Летчиком-испытателем будущей «сто третьей» был назначен М. А. Нюхтиков.

Однажды в бригаде С. М. Егера, поджав одну ногу под себя (любимая поза), сидел Старик*. На доске — исключительно, на наш взгляд, удачно выбранный профиль типа крыла, американского NASA-1113. Мягким карандашом — твердые презирал, когда такой случайно попа-

* А. Н. Туполев. Еще мы его называли, как это повелось в подобных коллективах, по инициалам — АН и АНТ.

дался в руки — он сквозь сильные очки разглядывал его, а затем, сплюнув, бросал за спину. Старик подправляет хвостовую часть профиля. Сидящий рядом наш аэродинамик А. Э.Стерлин явно не одобряет это кощунство. «Вот так, здесь мы немножко подожмем,— и, обращаясь к Стерлину: — Ты, Аманулыч, не попердывай, машина у земли будет устойчивой, вот так,— жестом подбирает штурвал на себя, потом плавно отдает его,— мы спокойненько и сели».

Как рассказывал случайно присутствовавший при этом Нюхтиков, «в то время я про себя думал: ладно, пусть Старик поболтает, на вас это произведет впечатление, а я стреляный воробей, меня на такой примитивной мякине не проведешь. Когда же во время первого полета «сто третьей» все происходило точно так, как он тогда рассказывал, я дал себе слово извиниться перед ним». Действительно, когда мы поздней осенью 1940 года собрались в комнате ангара НИИ ВВС и, затаив дыхание, слушали оценку своего труда, Нюхтиков слово в слово повторил сказанное Туполевым год назад у доски.

Мне хочется отметить здесь одну общую почти для всех зеков шараги черту — склонность к депрессии. Достаточно было ничтожного импульса (слуха, фразы, замечания «руководителя»), как такая душевная депрессия распространялась среди зеков с необыкновенной быстротой. Порой без всяких оснований. Войдя в спальню, вы обнаруживали десятки людей, лежавших на кроватях лицом в подушки, а вслушиваясь в разговор, могли услышать: «...отпускать не будут... всех в лагеря... точно, я слышал, артиллеристов уже разогнали...» и т. д. Поражала скорость, с какой наше общество в сотню людей впадало в меланхолию и пессимизм.

И еще пример — он относится к 1947 году. Делали мы Ту-14, правило площадей* еще права гражданства не получило. Двигатель Роллс-Ройс «НИН», имевший большой лоб и длинное сопло, плохо компоновался с крылом. Позвали А. Н. Туполева. Присмотревшись, он стал прибавлять сечение мотогондолы перед крылом, одновременно обжимая ее под ним. Прислушавшись, можно было разобрать, как он бурчит: «Вот здесь поток подожмется, здесь расправится, и мы избавимся от интерференции между крылом и гондолой». Казалось, он видит этот метафизический поток, набегающий на машину, сжимающийся вокруг мотогондолы и, плавно распрямившись, обтекающий крыло. Никто из очевидцев его мысли не понял, более того, все согласились, что он мотогондолу испохабил. Посоветовавшись, решили пригласить аэродинамика № 1 — академика С. А. Христиановича. Тот посмотрел, пожал плечами и скептически молвил: «Знаете, что-то не то. Но, возможно, будет лучше...» И далее не слишком определенно. Поддавшись скепсису авторитета, наши компоновщики — Егер, Сахаров и Бабин решили немного подправить схему. Вечером грянул бой. Старик рассердился не на шутку: «Мальчишки, сопляки, голодранцы,— сыпалось как из рога изобилия,— что вы мне задуриваете голову Христиановичем, он теоретик, достаточно далекий от практического конструирования. У него и задачи другие,

---

* Лишь впоследствии обоснованное теоретически и подтвержденное экспериментами правило аэродинамики, по которому суммарная площадь поперечного сечения летательного аппарата должна по всей его длине изменяться плавно. То есть фюзеляж, крыло, мотогондолы, оперение самолета на участках их стыковки надо сужать.

искать общие закономерности. Что он вам — конкретно сказал что-либо, может, подсказал конструкцию? Ах, нет! Так что же вы...» — и в таком духе дальше. Летала же Ту-14 хорошо, и со временем ее довольно уродливые, на наш тогдашний взгляд, гондолы действительно теоретически обосновали.

Эти примеры показывают интуицию Туполева. Стоит ли напоминать, что интуиция была в то время чем-то вроде салемской колдуньи и осуждалась как немарксистская, идеалистическая концепция. В точных науках все должно быть выражено формулами, учили студентов.

В конце 1938 — начале 1939 г. в Болшево начали прибывать транспорты со специалистами. «Все смешалось в доме Облонских» — авиаторы, судостроители, артиллеристы, танкисты, ракетчики, связисты... Туполев был своеобразным центром притяжения для авиаработников. Вскоре вокруг него сколотилось ядро будущего ОКБ — С. М. Егер, Г. С. Френкель, А. В. Надашкевич и два молодых человека, хотя и умевших чертить, но попавших в эту компанию явно по канцелярскому недоразумению ГУЛАГа,— звукооператор В. П. Сахаров и дипломник станкостроительного института И. Б. Бабин. Ядро дополнил моторист А. П. Алимов, способный техник, мастер на любые работы.

В то время, а скорее даже несколько раньше, в Бутырской тюрьме, как это позднее рассказывал А. Н. Туполев, у него созрела идея самолета-агрессора, пикировщика, способного нести бомбы самого крупного калибра и скоростью превосходящего истребители того времени. На трех чертежных досках, положенных на колченогие столы, Егер, Сахаров и Бабин, работая с утра до ночи, искали его будущие формы. Несмотря на только что перенесенную трагедию допросов и пыток, несмотря на окружающую обстановку, больше всего напоминавшую железнодорожный вокзал во время стихийного переселения, мысль А. Н. Туполева работала четко, и постепенно лицо АНТ-58 приобретало свои черты. По мысли Старика, АНТ-58 имел экипаж из трех человек. Летчик один, у него для стрельбы вперед — батарея из четырех пулеметов ШКАС в носу самолета и двух пушек ШВАК в корневой части крыльев. Непосредственно под кабиной летчика начинался длинный бомбовой люк, в котором могло подвешиваться до 3 тонн бомб, в том числе одна весом 1000 килограммов. Передняя часть люка имела скос для выхода бомб при почти отвесном пикировании. За бомбовым люком сидели штурман и стрелок, у которых стояли два пулемета для обороны задних полусфер. Машина была предельно обжата; по прикидочному расчету, который вел сам Старик, с двумя двигателями по 1400 л. с. было возможно получить скорость порядка 600—630 км/ч — больше, чем у тогдашних истребителей.

Изредка появлялись высокопоставленные чины НКВД, молча осматривали эскизы и с глубокомысленным видом удалялись, не проронив ни слова. Затем АНТ исчез — ночью его увезли в Москву. Через сутки он вернулся суровый, гневный и сообщил, что через три дня на Лубянке будет доклад о самолете. На этот раз с чертежами увезли троих: его, Егера и Френкеля. Вначале их принял начальник всех шараг генерал Давыдов (в 1939 году Давыдова посадили и назначили на его место Кравченко, последнего посадили уже в 1941 или в 1942 году). Генерал одобрил замысел и сообщил, что завтра Туполева доставят на доклад к Берии, а пока всех троих, чтобы их не «утруждать» перевозкой, разместили в одиночках внутренней тюрьмы.

Прием у Берии, в его огромном кабинете, выходившем окнами на площадь, был помпезным. На столе разостланы чертежи. У конца, который в сторону «ближайшего помощника и лучшего друга» главного вождя, сидит Туполев, рядом с ним офицер, напротив Давыдов. Поодаль, у стены, между двумя офицерами — Егер и Френкель. Выслушав Туполева, «ближайший» произнес: «Ваши предложения я рассказал товарищу Сталину. Он согласился с моим мнением, что нам сейчас нужен не такой самолет, а высотный, дальний четырехмоторный пикирующий бомбардировщик, назовем его в честь Политбюро ПБ-4. Мы не собираемся наносить булавочные уколы,— он неодобрительно указал пальцем на чертеж АНТ-58,— нет, мы будем громить зверя в его берлоге.— Обращаясь к Давыдову: — Примите меры,— кивок в сторону заключенных,— чтобы они через месяц подготовили предложения по ПБ-4. Все!»

Туполев вернулся злой, как тысяча дьяволов, затея Берии была явно несостоятельной. Высотный — значит, герметическая кабина, то есть стесненный обзор. Четырехмоторный, дальний, следовательно, крупногабаритная, неповоротливая машина — отличная цель для зенитчиков и непригодная для крупносерийного производства. Герметические кабины не позволяли применять надежное оборонительное вооружение, ибо дистанционно управляемого в то время в СССР еще не было. Одним словом, масса «против» и ни одного «за», разве только то, что немцы и американцы уже имеют одномоторные пикировщики, следовательно, нам следует переплюнуть их и создать очередной уже не «царь-колокол», а «царь-пикировщик»!

Вечером Туполев собрал свою группу и поделился сомнениями: «Дело очень ответственное. Возможно, этот дилетант уже убедил Сталина, и им будет трудно отказаться от ПБ-4. Сталина я немного знаю, он менять решения не любит. Надо очень добросовестно подработать общий вид машины, примерный весовой расчет — как жалко, что с нами нет Петлякова, он лучше меня знает все данные АНТ-42 (Пе-8), а ведь ПБ-4 по размерам должен быть примерно такой же. Возьмем за основу 42-ю, герметизируйте кабину, продумайте выход бомб из люка при пикировании, учтите дополнительный к АНТ-42 вес. Расчетную перегрузку АНТ-42 для пикировщика придется поднять. Объяснительную записку напишем мы с Жоржем (Френкелем)».

В записке освещались четыре основных положения:

1. Высотный, дальний, четырехмоторный тяжелый бомбардировщик уже создан, это АНТ-42. Для того, чтобы «бить зверя в его берлоге», нужно организовать серийное производство АНТ-42.

2. Пикировщик, поскольку процент его потерь все же будет большим, должен быть малоразмерной массовой машиной.

3. Для прицеливания на пикировании машина должна быть очень маневренной, чего нельзя достигнуть на тяжелой четырехмоторной машине.

4. Заявленные им, Туполевым, точные данные по самолету «103» он гарантирует, требуемые по ПБ-4 — не может.

Через месяц Туполева отвезли на Лубянку одного. На этот раз он пропадал три дня, и его товарищи по работе изрядно поволновались. Вернувшись, рассказал:

— Мой доклад вызвал у Берии раздражение. Когда я закончил, он взглянул на меня откровенно злобно. Видимо, про ПБ-4 он наговорил

Вверху — истребитель И-5, спроектированный заключенными. Буквы «ВТ» на руле означают — «внутренняя тюрьма». Ниже — реактивный бомбардировщик, ракетоносец Ту-16; сверхзвуковой бомбардировщик Ту-22; истребитель дальнего действия Ту-28-80 с ракетами под крыльями; сборочный цех Омского авиазавода; пикирующий бомбардировщик — самолет «103».

Сталину достаточно много, а может быть, и убедил его. Меня это удивило, из прошлого я вынес впечатление, что Сталин в авиации если и не разбирается как конструктор, то все же имеет здравый смысл и точку зрения. Берия сказал, что они разберутся. Сутки я волновался в одиночке, затем был вызван вновь. «Так вот, мы с товарищем Сталиным еще раз ознакомились с материалами. Решение таково: сейчас, и срочно, делать двухмоторный. Как только кончите, приступите к ПБ-4, он нам очень нужен». Затем между нами состоялся такой диалог:

Берия: — Какая у вас скорость?

Я: — Шестьсот.

Берия: — Мало, надо семьсот! Какая дальность?

Я: — Две тысячи километров.

Берия: — Не годится, надо три тысячи! Какая нагрузка?

Я: — Три тонны.

Он: — Мало, надо четыре. Все! — И, обращаясь к Давыдову: — Поручите военным составить требования к двухмоторному пикировщику. Параметры, заявленные гражданином Туполевым, уточните в духе моих указаний.

На этом аудиенция закончилась, мы вышли в секретариат.

Давыдов кивнул головой Кутепову и Балашову, те на цыпочках, подобострастно скрылись за священными дверями, и вскоре, уже в виде посыльных, появились обратно, нагруженные чертежами и расчетами».

Позднее, уже на свободе, Туполев делился с нами: «Немного было у меня таких напряженных и ответственных разговоров в правительстве, разговоров, от которых зависела судьба всех нас. Делать ПБ-4 было чистым безумием. Военные его, конечно, забраковали бы и были бы правы, ибо пикировать на нем на точечные цели немыслимо. Отрицательное заключение военных Берия квалифицировал бы как наше вредительство, ведь нужно же ему оправдаться. Вспоминая его злобный взгляд, я склонен считать, что он не задумываясь принес бы нас в жертву, а что ожидало вас?»

Вскоре туполевцев перевезли из Болшева в Москву, в здание КОСОС, где и оформился коллектив КБ-103, и работа закипела.

Но до того, как она закипела, у А. Н. Туполева произошел такой разговор с генералом Кравченко:

— Для того, чтобы работать над самолетом в полную силу, мне нужна уверенность, что жена и дети живы и здоровы. Без этого не смогу. Пусть мне принесут записку от Юлии Николаевны.

Начальство всполошилось: ведь Юлия Николаевна тоже в тюрьме, а детей опекает бабушка, Енафа Дмитриевна.

Поначалу требованием Туполева пренебрегали, но, столкнувшись с непоколебимой твердостью, записку принесли. Стоит ли говорить, что она была написана в камере следователя, который вел дело Юлии Николаевны, под его диктовку и «в интересах возможного освобождения мужа».

Служба информации у нас в стране всегда хромала, особенно это относилось к оборонной промышленности, где все нужное и ненужное было засекречено, и в первую очередь в тупике оказались те, кто должны были начинить самолет самым новым и совершенным оборудованием. Оторванные в лагерях и тюрьмах от жизни, мы совершенно не знали, что выпущено промышленностью нового.

И вот трое отвечавших за начинку самолета — Надашкевич, Френкель и я — обратились с декларацией к А. Н. о необходимости посетить ряд заводов. «Мда-а,— сказал шеф,— заключенные посещают секретные ОКБ — казус белли*! Попробую переговорить с Кутеповым».

Начальство поняло необходимость, и в один прекрасный день под конвоем Крючкова и двух охранников мы двинулись на соответствующий завод.

Вернувшись, мы подробно рассказали о вылазке за стену, а лейтмотивом был тезис: «Они там понимают все».

С этого времени необходимую информацию стали добывать чины НКВД, и это было ужасно. Путали, привозили не те чертежи и не то, что нужно. Словом, это была игра в испорченный телефон, и конструировать лучшие в мире самолеты стало очень трудно. Все же постепенно материалы начали собираться и открылся какой-то фронт деятельности.

После бесчисленных переделок рабочих мест экипажа на макете, вызванных неточной информацией, макет самолета довелся, и Туполев информировал Кутепова о необходимости затребовать макетную комиссию ВВС. Надо сказать, это событие волновало всех заключенных. Как произойдет встреча с военными членами комиссии, которых большинство из нас знало много лет? Ведь это политически подкованные люди, и не проявится ли слишком предвзятое, настороженное отношение к арестантам? По счастью, председателем комиссии был назначен не просто военный, а инженер — генерал П. А. Лосюков, умный и дальновидный человек.

Комиссия разместилась в кабинете Кутепова. Когда все собрались, ввели заключенных. Прохор Алексеевич сразу находит верный тон, поднимается, обменивается с Туполевым рукопожатиями, и стороны раскланиваются. После обстоятельного доклада, сделанного С. М. Егером, все вместе следуем на шестой этаж, в макетный цех. Натурный макет облеплен людьми в сине-голубой форме ВВС. Арестанты отвечают на вопросы офицеров, доказывая, что спроектированный самолет достоин защищать социалистическое государство. Два дня возле макета творится содом и гоморра. Наконец, все осмотрено, облазано, ощупано, обмерено, осознано и оценено. На пленарном заседании военные, как обычно, выставляют свои максимальные требования, арестанты отвечают реальными. Постепенно страсти уступают разуму, находятся компромиссы. Наконец акт с положительной оценкой самолета готов. По традиции, положен скромный банкет с вином. Компромисс находят и здесь. Нельзя заключенным произносить тосты и чокаться. Нас уводят, а за столы садятся военные с чекистами.

Вспоминая ту комиссию, нельзя не остановиться на отношении Туполева к отдельным военным специалистам, улучшавшим, по их мнению, самолет. К действительно улучшавшим требованиям он относился положительно и обычно их принимал. Когда же кто-либо выдвигал явно демагогическое, не столь улучшавшее машину, сколько позволявшее автору утверждать: «Видите, какой я непримиримый борец за прогресс»,— такой человек обычно подвергался моральному развенчанию через осмеяние.

На комиссии по Ту-16 один из военных, подполковник Т., потребовал обеспечить верхнему стрелку обзор не только верхней, но и нижней

* Cazus belli (лат.) — повод для войны.

полусферы. Тщетно Надашкевич пытался объяснить, что этого сделать невозможно, а главное, и не нужно, поскольку хвостовой стрелок видит нижнюю полусферу. Т. упорствовал. Тогда Туполев с улыбкой произнес: «Т., к тому времени, когда у вас на жопе вырастет глаз, я вам обзор вниз обеспечу». Гомерический взрыв смеха не дал ему договорить, и вопрос был снят.

Такая ирония действовала, и постепенно нелепые требования выставлять перестали, никому не хотелось быть осмеянным Туполевым.

...Тем временем на заводе закончили сборку петляковской «сотки» и начались ее летные испытания, которые вел П. М. Стефановский. Было приказано показать «сотку» над Красной площадью 1 мая. Мы обрадовались: увидим машину из обезьянника. Но тут выяснилось, что тюремная администрация решила во избежание (чего?) держать нас в праздничные дни взаперти. Под давлением сослуживцев Петляков сходил к Кутепову, и компромисс был достигнут. Обезьянник откроют на время воздушного парада, но в нем будут дежурить два «попки». Рано утром туда набилось столько народу, что несчастных «попок» вдавили в решетку так, что они умоляли: «Раздвиньтесь, мы задыхаемся!» День был ясный, и на горизонте отчетливо проектировались силуэты кремлевских башен. Со стороны Белорусского вокзала появились точки — строй летящих самолетов. Видно было, как ниже и обгоняя их мчится серебристая «сотка». Но что это? Силуэт машины необычен, снизу торчат какие-то темные предметы. Машина обгоняет строй и свечой уходит в небо. Всех беспокоит, что это было. Три дня все в волнении не находят себе места, дежурные «попки» отмалчиваются. Утром 3 мая вольняшки сообщили, что летчик забыл убрать шасси. Конечно, нам повезло: Стефановский шел на большой скорости, открытые створки могли разрушиться и упасть, не дай Бог, на трибуны, что было бы тогда с коллективом В. М. Петлякова?

Самолет Политбюро понравился, но Сталин предложил «несколько уточнить его назначение» и в серию запустить не истребитель, а пикирующий бомбардировщик. Учитывая успех «Юнкерсов-87», это, вероятно, было мудро, но зекам легче не стало. Петляковцы надеялись, что после демонстрации их освободят, переделка откладывала свободу минимум на год. Тревожила нас и путаница в умах руководства. Петлякова заставляют из высотного истребителя делать пикировщик (было ясно, что из-за такой трансформации какие-то качества самолета будут утеряны), в то время как Туполева вместо предлагаемого им невысотного пикировщика — проектировать высотный, огромный ПБ-4. И все это в преддверии войны, неизбежность которой отчетливо понимали даже мы, штатские люди.

В КБ-100 аврал, там работают день и ночь, мужественно стараясь из «трепетной лани» сделать «коня». Все отчаянно нервничают, шипят друг на друга, потихоньку ругают Петлякова за недальновидность (восемь дней назад после парада без шума качали его в спальне) и клянут про себя или вполголоса всю иерархию от Кутепова до Берии.

На чертежах самолета «103» главный технолог ЦКБ-29 Е. П. Шекунов ввел новшество — «№ сборочного узла». Но номера эти он выдавал только сам. И вот однажды, занятый чем-то неотложным, он бросил одному из надоедавших ему с номером узла инженеров: напишите «гордиев». И пошел гулять этот «гордиев узел», пока не натолкнулся на бдительного заводского технолога. Тот — к начальству. Сколько ни

пытался Евграф Порфирьевич объяснить Балашову, что это шутка, что существуют «авгиевы конюшни», «прокрустово ложе», «дамоклов меч» и т. д., разгневанный начальник КБ-100 предложил: «Заграничных терминов не употреблять!»

Между тем создание самолета «103» продвигалось. Из синек рождались детали, сливались в узлы, появлялись собранные части машины. Постепенно еще не рожденный самолет размещался на полках складов. В огромном сборочном цехе, гордости Туполева, готовились стапели для окончательной сборки. А. Н. говорил, что, когда этот цех проектировали и строили, не было человека, который бы язвительно не вопрошал: «Кому нужен этот аэродром под крышей, какие самолеты вы собираетесь строить в нем?»

Среди ферм стапелей уже вырисовывались хищная морда передней кабины нашей «сто третьей», удивительно легкое, изящное хвостовое оперение, мощный кессонный центроплан с длинным бомболюком, отъемные части крыльев, мотогондолы и стройное шасси. Без преувеличения можно сказать, что внешние формы опытной «103-й» были, на взгляд инженера, верхом изящества.

Несомненно, этому способствовало и то, что, стремясь выжать из самолета максимум скорости, Туполев обжал ее до предела. В кабине, где размещен экипаж,— ни одного лишнего дюйма, и, несмотря на это, Старик требовал там еще и эстетики. Был такой случай. Вечером два зека зашли в макетный цех. Обычно в это время там никого не было, и их поразило, что в кабине летчика вдруг раздался треск, скрип отдираемых гвоздей, затем, описав параболу, из нее вылетел какой-то щиток и упал на пол. Когда они поднялись на леса, окружавшие макет, выяснилось: это главный облагораживает машину. Можно было расслышать, как он вполголоса разговаривает сам с собой. «Что за бардак, понатыкали каждый свое. Не интерьер, а...! Человек здесь будет работать, порой и умирать, а они вместо того, чтобы сделать ее уютной, натворили Бог знает что!» Под эти слова очередной щиток или пульт, жалобно проскрипев отдираемыми гвоздями, описав дугу, покидал кабину.

При одной из таких операций улучшения львиная доля переделок чертежей пала на голову нашего вооруженца А. В. Надашкевича. Кучу работы предстояло делать заново, и Надашкевич пошел жаловаться шефу. Никогда не унывающая молодежь тут же сложила песенку, в которой Туполев, ратуя за улучшение, пел:

И вот для этого нужно
Лишь изменение одно.
Но это мелочь, ерунда,
Всего заклепка лишь одна.
Ее придется заменить,
Обшивку рядом утолстить,
А лонжероны удлинить.
Моторы несколько сместить...

Перечисление заканчивалось так:

Но ваш чертеж
Пока лишь на доске ведь,
Так что, товарищ Надашкевич,
Все хорошо, все хорошо!

Услышав песенку, исполненную на мотив популярной в те годы французской «Все хорошо, прекрасная маркиза...», шеф рассмеялся и сгоряча пообещал: «Черт с вами, больше менять не стану». Но затем все пошло обычным путем. Если в таких случаях кто-либо говорил: «Андрей Николаевич, ведь план, сроки, чертежи», Туполев резко перебивал: «А разве в плане сказано, что надо делать гадко?»

Время — песочные часы, неумолимая тоненькая струйка песка отсчитывает месяцы и годы. Колонны вермахта уже продефилировали по Польше. Риббентроп в Москве. Пикирующие бомбардировщики сеют смерть и разрушения, гремят военные оркестры, Гиммлер строит Освенцим и Треблинку, на границах Фландрии, Эльзаса, в Арденнах Манштейн, Гудериан и Клейст сосредоточивают клинья танковых корпусов. Одни мы, изгои, арестанты, падлы, не понимаем ничего, ибо не имеем ни газет, ни радио, но чувствуем, что мир катится к пропасти. Ввели десятичасовой рабочий день, многие радуются, меньше времени для тягостных раздумий. Самолет «103» вытащили из стапелей, состыковали и начиняют оборудованием. Днем и ночью десятки нумерованных конструкторов, каждый со своим «тягачом», облепляют машину так, что в нее не протиснешься. Возник дефицит на тягачей. К этому времени в цехах шла работа по всем трем самолетам. Отрабатывали системы на новой пикирующей «сотке», изготовляли детали для «сто второй», на «сто третьей» монтировали двигатели и оборудование...

Возвращаясь из цехов, мы рассказывали главным, что рабочие жалуются: «Вызовешь вас утром, а приходите вечером». Трое главных — Петляков, Мясищев и Туполев — выступили с предложением: «один тягач на двух арестованных». Не прошло — тягач берет арестанта в тюрьме под расписку, за двумя уследить не может. Тогда главные попросили нанять еще партию тягачей. Оказалось, и это невозможно. Ресурсы квалифицированных исчерпаны, а для обучения, по аналогии со служебными собаками, требуется шесть месяцев. «Руководство» выдвинуло встречный план — уплотнить время пребывания арестованных в цехах. Начались спешка и неизбежные в таких случаях конфузы, последствия которых трудно было предвидеть. На «103-й» перепутали трубки к гидромеханизму уборки-выпуска шасси, одна нога убиралась, в то время как другая выпускалась. Похоже было, что машина по-человечьи бежит. Посмеяться бы да переключить, но не тут-то было. По вызову тягача прибыли Балашов с Крючковым. «Руководители» водят по схеме пальцами, силятся в ней разобраться, на А. Р. Бонина начинают посматривать косо, он волнуется, время идет, рабочие негодуют. Не выдержав, один из них говорит: «Товарищ начальник, я уж лет десять этим занимаюсь, малость поднаторел. Сходите покурите, а мы тут мигом наладим! А то перед Александром Романовичем стыдно — зачем человека от важной работы отвлекать...»

На этот раз кризис миновал. Затем начались загадочные явления с триммерами: ни с того ни с сего они самопроизвольно перемещались в крайние положения. Опять разложили схемы и, наморщив лбы, водят по схемам пальцами, силятся разобраться. На этот раз дело оказалось сложней, и меня отвели к администратору тюрьмы писать объяснение. Запахло гадко. Выручили цеховые ребята: они подметили, что несколько свободных тягачей, стоя на подмостях, облокотились на обшивку каби-

ны летчика. Металл прогнулся и закоротил контакты. Дождавшись обеденного перерыва, когда зеков увели в КБ и тягачей не было, рабочие, нажав на обшивку, воспроизвели дефект. Сообщили начальнику цеха, тот Кутепову, и меня выпустили.

Тут уместно рассказать об отношении рабочего класса к «вредителям». Согласно инструкции, зека надо было называть «гражданин конструктор». Но иначе, как по имени-отчеству, рабочие к нам не обращались. Далее, о всех изменениях, вводимых нами в чертежи, о всех замеченных ошибках рабочие должны были писать рапортички. Мало того, что они этого не делали, а еще и дружески говорили: «Петр Петрович, вот здесь из своего опыта я бы посоветовал вам то-то и так-то,— будет и проще, и надежнее, и дешевле». Здороваясь с нами за руку, угощая папиросами, шепча на ухо: «Пойдемте в цех, мы вам там припасли сто грамм, выпейте — легче на душе станет»,— наконец, предлагая отнести домой весточку (бывали и такие случаи), авангард пролетариата доказывал, что он великолепно разобрался в «классовых врагах».

Приходилось задумываться, кто же все эти Кутеповы, Балашовы, Устиновы — актеры или круглые дураки? Ведь каждый раз, когда происходили случаи, вроде описанных выше, «руководство» созывало совещания, обсуждало: что это — ошибка или злой умысел?

Был и такой случай. Вечером вызвали в цех К. В. Рогова. Влезая в машину, он ударился обо что-то, рассек лоб, кровь полилась струей. Тягач перепугался, закричал, подбежавшие рабочие отвели Рогова в медпункт. Дежурный тюрьмы позвонил в Бутырки. Оттуда приказ: срочно доставить Рогова в их больницу. Рогов рассказывал потом, как его допрашивали — уж не попытка ли самоубийства?

Самым смешным в этом эпизоде было поведение тягача. Найдя Константина Васильевича и убедившись, что их никто не подслушивает, он попросил: «Гражданин конструктор, вы уж на меня не пишите, пожалуйста, мне от начальства здорово влетело, премии лишили. Жена велела — ты попроси, чтобы они не жаловались». «Они» не жаловались.

Наконец на самолете все проверено, отлажено и испытано, остается одно — опробовать работу моторов. На следующий день отстыковали крылья. «103-ю» выводят из ворот сборочного цеха во двор, заливают бензин и масло, привозят баллоны со сжатым воздухом для запуска двигателей. Вольнонаемный бортмеханик М. Ф. Жилин поднимается по лесенке в кабину, раздается команда — «от винта». Шипит воздух; сперва один, а потом и второй винт нехотя трогаются с места, и в проходе между цехом и зданием КОСОС начинается пурга. Струи от винтов срывают желтые осенние листья, они тучей несутся по двору. В открытых окнах сотни людей наблюдают за первой проверкой их детища. «103-я» дрожит, как породистая скаковая лощадь перед стартом. Улыбающийся Андрей Николаевич в теплом пальто пожимает нам руки.

Наутро машину задрапировывают брезентом, завязывают. Цугом выстраиваются несколько грузовиков, нагруженных деталями и аэродромным скарбом, появляется тягач-автомобиль. Ночью, пока мы мирно спим в зарешеченных спальнях, ее увозят на аэродром.

Это был крупный рубеж нашей работы, и «руководство» вспомнило,

что наряду с кнутом есть и пряник. Некоторым из заключенных дали свидания.

Было предложено привести себя в пристойный вид. Потом нас отвезли в Бутырки. В тюрьме мы не создатели грозных машин, а арестованные, о чем нам дали понять тут же: «Руки за спину, лицом к стене, не разговаривать!» От такого милого, знакомого обращения мы в ЦКБ поотвыкли, но перспектива свидания заставляет молчать. Под стук ключей о пряжку ремня или о перила лестниц («Внимание, веду арестованного!») по длинным коридорам «попка» приводит меня в крохотную комнату без окон, в ней стол, три стула и песочные часы. Несколько минут томительного ожидания. Дверь открывается, и другой «попка» вводит жену с ребенком. Это мой сын, которого я еще никогда не видел. Мы здороваемся, я целую мальчика, он смотрит на меня как на чужого. Часы перевернуты, время потекло. За столом мы друг против друга, у торца — страж. Жена рассказывает о своей жизни, «попка» изредка прерывает: «Об этом нельзя». О себе почти не говорю, действительность под замком, а вымысел — кому он нужен? Время истекло, жена говорит: «Сынок, попрощайся с папой». Он протягивает ручонку «попке». Горько, но понятно: на «попке» петлицы, блестящие пуговицы. Когда она поправляет малыша, он с таким же безразличием протягивает ручку мне. Второй «попка» уводит их. Так много ждали мы от свидания, и так мало оно дало. Под бдительным оком мы сидели словно связанные, и десять минут из 1 019 800, проведенных в изоляции, пролетели, словно их и не было.

Возвращались в ЦКБ молча, ушедшие в себя. Вечер был тяжелым. Все разбрелись по углам, каждому хотелось побыть одному, пережить, перечувствовать этот подарок судьбы.

Несколько дней мы ходили сами не свои, а тут еще потрясение — освобождают группу петляковцев!

Самого Владимира Михайловича освободили накануне и прямо с доклада о ходе испытаний пикирующей «сотки» отвезли домой. Слухи о готовящемся освобождении ходили уже давно, а когда он не вернулся — окрепли. Во всех спальнях обсуждали далеко за полночь — когда и кого? Подсчитывали шансы, строили гипотезы, высказывали предположения. Волновало это не только петляковцев, но и всех остальных, ведь прецедентов еще не было!

Наступило обычное утро. Позавтракав, мы разошлись по рабочим местам. Часов около 10 по ЦКБ молнией разнеслось: приехал вольный Петляков и прошел в кабинет Кутепова. Около 11, когда туда стали по одному вызывать освобождаемых, волнение достигло апогея. Вызванные не возвращались; под разными предлогами зеки спускались на третий этаж, ходили около дверей «руководства» в надежде узнать что-либо. Но тщетно.

В обеденный перерыв, когда мы сидели в столовой, освобожденных провели в канцелярию тюрьмы, и наше общение с ними закончилось. Мы не поздравили их и не попрощались. Это было жестоко, еще более жестоким было то, что остальным работавшим в петляковском коллективе не сказали ни слова. На них, оставшихся в заточении, страшно было смотреть, они ходили совершенно убитые. Свобода — химера, незримо присутствовавшая рядом,— испарилась. Что будет с ними дальше?

В этот день налаженная жизнь ЦКБ лопнула, словно мыльный пузырь, обнажив грустную действительность. Большинство заключенных были москвичами, где-то рядом жили наши семьи, жили тяжело, без заработка основных кормильцев, если не впроголодь, то отказывая себе почти во всем. Освобождение для нас было не только морально-нравственной категорией, нет, оно несло нашим женам и детям право на труд и образование, избавляло их от кличек — сын, мать, жена врага народа,— наконец, позволяло им спать спокойно, не вскакивая по ночам от стука в дверь.

Через два-три дня, ровно в 9 утра, освобожденные Путилов, Изаксон, Минкнер, Петров, Енгибарян, Рогов, Качкачян, Лещенко, Стоман, Шекунов, Абрамов, Шаталов, Невдачин, а с ними и наш Н. И. Базенков — сияющие, веселые, помолодевшие, появились на своих рабочих местах. Базенков оказался среди них потому, что «руководство» убедилось — до тех пор, пока не освободят Туполева, надо иметь в КБ-103 хоть одного способного человека для выездов в свет. Без такового им, плохо разбиравшимся в таинствах техники, приходилось туго.

Тяжелая, для многих трагическая полоса прошла, стала забываться. Через неделю — десять дней ритм ЦКБ пришел в норму. Из спален вынесли лишние койки, в столовой убрали пару столов, и поверхность воды стала ровной. Ничего не выдавало бури, пронесшейся над нашей «тихой заводью».

Впрочем, нет. Смущало, когда освобожденные нет-нет да и проговаривались, дескать, вспоминаем, как мы сытно и вкусно питались, на свободе так не поешь...

В газетах (которые иногда приносят друзья) тоже сплошные загадки. Молотов рядом с Гитлером в имперской канцелярии, Риббентроп и Сталин в Кремле. Как это понимать? Голова раскалывается от мыслей, они ворочаются, как чугунные шары, но вот беда — безрезультатно.

Альянс, дружба, взаимные интересы Германии и СССР, а нас торопят, стране нужны пикировщики, в подвале оборудуют бомбоубежище, приходят на работу заплаканные девушки — милого призвали в армию. В каптерку шараги завезли противогазы, живущие на дачах по Белорусской и Виндавской (ныне Рижской) дорогам жалуются — ночью нельзя спать, гонят эшелоны с танками, пушками! Слухи, слухи, слухи, и только правительство упорно молчит и молчит.

В НИИ ВВС нас свозили посмотреть на прилетевшие из Германии для показа самолеты, разгромившие Польшу и Францию. Нас ведут обедать в гарнизонную столовую. Столовые, в том числе военные, в нашей стране делятся на бездну категорий. В НИИ ВВС их было пять: от сержантов до генералов. То ли потому, что столовая наивысшей категории была изолирована, то ли охране приказали считать нас генеральским эквивалентом, но повели нас в нее. Когда мы вошли, за одним из столиков мирно беседовали три генерала: П. А. Лосюков, С. А. Данилин и Н. П. Шелимов. Увидев Туполева, генералы поднялись, раскланялись и стали о нас заботиться. Рассаживали, интересовались впечатлениями от немецкой техники. Шел общий, достаточно непринужденный разговор, когда А. Н., обращаясь к Лосюкову, сказал: «Вот, Прохор Алексеевич, удостоился, осмотрел Ме-110, увидел «свою машину». Все замолчали, каждому было ясно, на что он намекал. В маленькой комнате наступила гнетущая тишина. Обед подходил

к концу, генералы встали. Данилин и Лосюков подошли к Старику и крепко пожали ему руку.

Версия о якобы проданных Туполевым чертежах была иезуитской, но хоть как-то объясняла народу арест АНТ. Самолеты с разнесенным оперением, как у Ме-110 и 103-й, путали не только дилетанты, но даже зенитчики, довольно успешно пытавшиеся в ходе войны сбивать Ту-2. Для обывателя же эти машины были тождественны.

Еще через две недели вновь едем на аэродром. Самолет состыковали, его нужно готовить к первому вылету. АНТ создает оперативную группу по летным испытаниям.

Поездки наши проходили по стандарту. Во двор КОСОСа подавали небольшой автобус. Задний ряд сидений занимали «попки», затем, пересчитывая по головам, впускали нас. На передних сиденьях рассаживалась вторая группа «попок», а рядом с шофером Крючков. Туполев имел постоянное место в правом переднем углу. Между ним и дверью, на откидном сиденье, размещался еще один охранник. На всем пути мы с оживлением рассматривали город, природу. В автобусе была эрзац-свобода, окна без решеток, и мы как бы окунались в жизнь свободных людей.

В одну из поездок, весной, когда по промоинам бежали ручьи, на потолке автобуса весело мелькали солнечные блики, яростно чирикали воробьи и через открытые окна вливался бодрящий весенний воздух, на площади Преображенской заставы у нас прокололась шина. Возникла сложная ситуация: ведь выпустить на улицу нас нельзя! Посоветовавшись, «попки» вылезли сами и окружили машину. Хотя все они были в штатском, оттопыренные пистолетами зады не ускользнули от внимания мальчишек. Стайка ребят сперва робко, а потом все нахальнее закрутилась вблизи. Наконец, один из них подбежал к двери и дерзко крикнул: «А мы знаем, кто вы!» Сидевший возле двери Туполев заинтересовался: «Ну, кто же мы?» Не смущаясь его патриархальным видом, пострелёнок бросил: «Жулики!»

Часто после этого АНТ с грустной усмешкой звал нас: «Ну, жулики, пошли», или «Давайте-ка, жулики, обмозгуем»,— видимо, озорник ранил его.

Осень сорокового года. Машину выводят из ангара, колеса прочерчивают по мягкому снегу четкие следы. В кабине М. А. Нюхтиков, он пробует двигатели, от струй винтов несется снег. Наконец, все опробовано, и Старик кричит: «С Богом!» Нюхтиков дает газ, машина трогается и исчезает в снежных облаках. Проходит несколько минут, и 103-я появляется в начале взлетной дорожки. Затем разбегается, тормозит, вновь разбегается. Проделав эти маневры три раза, Нюхтиков заруливает на стоянку. В нашей группе споры — оторвалась или нет? Десятки самолетов проводили свою первую рулежку на моих глазах, но не было случая, чтобы такой спор не возник.

Нюхтиков подрулил, выключил моторы, уютно потрескивают остывающие на морозе выхлопы. Летчик спускается по лесенке: «Все в порядке, готов к первому вылету». Рапортующий арестанту полковник ВВС — такое не каждый день увидишь.

Для первого вылета самолета нужна куча бумаг, для 103-й, созданной «вредителями»,— сто куч. Несколько дней АНТ, вызывая то одного, то другого из нас, разбирает кучу за кучей, вытаскивает одну бумагу за

другой, чтобы поставить на каждой свое факсимиле. Постепенно он звереет и, не выдержав, бросает штампик на стол. «Ставьте куда хотите, хоть на задницы руководителям!» — кричит он фальцетом.

Наконец все формальности соблюдены, запрошен прогноз погоды, назначен день вылета. Взволнованные до последней степени, едем в НИИ и мы.

Нюхтиков и штурман Акопян надевают парашюты и, сосредоточенные, молчаливые, занимают свои места. Вероятно, хотя они потом и отрицали это, идти в первый вылет на машине, спроектированной и построенной таким удивительным способом, волнительно. А может, они и в самом деле никогда не верили в сказки Ежова, Ягоды и Берии? Чужая душа — потемки...

Запущены двигатели, 103-я рвется в воздух. Нюхтиков поднимает руку, мотористы вытаскивают колодки из-под колес, и машина медленно рулит на старт.

Вслед за ней спокойно, не торопясь, шагает Андрей Николаевич, и такова внутренняя сила этого человека, что никто его не останавливает, никто не идет его сопровождать. Он идет наискось через поле, и мы твердо знаем, что где-то рядом с тем местом, где он встал, самолет оторвется от земли. Так было всегда, при каждом вылете. Что сейчас в голове этого пожилого, одинокого человека? Жена в тюрьме, дети, вероятно, бедуют, сам он в ЦКБ, а его творение, от которого зависит так много, сейчас уйдет в воздух.

Гул моторов нарастает. Нюхтиков отпустил тормоза, самолет набирает скорость, отрывается, исчезает в осенней дымке. И тут напряжение, державшее нас взвинченными целую неделю, спадает, все становится удивительно будничным. Ну и что же? Еще один самолет взлетел...

Когда мы вернулись, выяснилось, что зеки ждали нас почти как освобождения. Наш отчет вызвал бурю восторгов. Поздно вечером, когда страсти поулеглись, все работавшие над 103-й собрались в дубовой спальне. Не было речей, вина, тостов. Была потребность всем вместе поздравить своего шефа. Хотя большущее окно в решетках, а в коридоре неслышно ходит «попка», более свободной, дружеской, теплой встречи я не помню.

Испытания нашей машины шли хорошо. В четвертом или пятом полете замеряли максимальную скорость. В ангаре для нашей работы была отведена маленькая комнатка. Здесь шли совещания, разборы полетов, набивалась масса народу. Тесноте способствовали тягачи, ведь у каждого из нас был «свой». На этот раз «руководство» предложило им выйти, максимальную скорость охране не решились доверить. Ведущий инженер от военных, полковник Мируц, волнуясь и, как обычно в таких случаях, немного заикаясь, доложил: «643 километра». Это была фантастическая цифра: истребители ЛАГГ, Харрикейн, Ме-109 — все имели меньшую. Надо было видеть лицо Старика в этот момент. Радость, гордость и здакое озорное мальчишеское «знай наших!» сияли на нем. Это был его успех, успех человека, сумевшего перебороть Берию, заняться вместо призрачного ПБ-4 реальной и нужной машиной. «Шаражная» бюрократия пришла в движение. Кутепов, прихватив Балашова, поехал к Кравченко. Тот доложил Берии. Последний, по слухам, срочно поехал к главному «хозяину». С трепетом ждали мы дальнейшего хода

событий, но рты «руководства» не разверзались. Через несколько дней в ЦКБ появились технологи с серийных заводов. Только от них мы узнали, что Сталин принял решение строить 103-ю в массовой серии. И назначил год до выхода первых самолетов.

Мы ходим именинниками; видимо, не сегодня-завтра занавес поднимется и для нас. Ведь группу Петлякова освободили сразу же после решения строить «сотку» в серии!

Проходит день, второй, неделя, но все остается без изменений, более того, поползли ХУСы (ходят упорные слухи). Вроде военные требуют перекомпоновать «сто третью». Насмотревшись на немецкие машины, они настаивают, чтобы экипаж был сосредоточен в одной кабине.

Идут совещания, где-то кто-то что-то решает, мы ждем. Наконец, соломоново решение принято: надо сделать вторую машину — 103-У. В ней штурман пересаживается вперед, в кабину летчика, ставятся усиленные моторы АМ-37, добавляется еще одна оборонительная точка с пулеметом, увеличивается емкость баков и предусматривается наружная подвеска двух бомб, по тонне весом.

Понимая, какой это удар для зеков, «руководство» пускает парашу (слух) — освобождены мы будем, как только 103-У покажет свои летные данные.

Несмотря на эти посулы, подъем, царивший среди зеков в последние дни, сменяется не менее острой депрессией. Людей словно подменили. Пустяковые вопросы, решавшиеся вчера походя, превращаются в квадратуру круга. Кабина не компонуется, обводы меняются ежечасно, не лезет на свое место мотор, поползла центровка, нужно новое шасси... Изменения умножаются, растут как снежный ком. Старик сидит в бригаде Егера до глубокой ночи, технические конфликты перерастают в личные, дружеское сообщество способных людей превращается в сборище неврастеников, все летит к черту, налицо угроза полного развала.

Собрав нас, Туполев говорит: «Нас не информируют, нам приказывают, однако только осел может не видеть, что дело идет к войне. Не менее ясно, что никто, кроме нас, спроектировать нужный стране бомбардировщик не может. Вероятно, я буду прав, если скажу, что мы любим свою родину не менее других и, наверное, больше, чем те, кто нас собрал сюда. Условия трудные, а если отрешиться от личных огорчений и взглянуть шире — трагические. И, понимая все это, я ставлю перед вами задачу, которую никто, кроме вас, не выполнит. А вы — я знаю, что вы выполните, на то вы есть вы. Мы должны вложить в 103-У максимум своих способностей и знаний, больше того, максимум таланта. Давайте в последний раз сожмем зубы и решим эту задачу. Времени у нас в обрез, но надо успеть. В этом залог освобождения, нельзя нам в войну оставаться арестантами, нельзя воевать в цепях».

С этого времени мы работаем до глубокой ночи. «Руководство» не протестует, более того, часам к 10 вечера в столовую приносят простоквашу, чай, хлеб, масло. Вольняг перевели на обязательный десятичасовой рабочий день, большинство воскресений они тоже работают. Перед начальством не выскажешься, и они жалуются нам: «Жить все труднее и труднее, продукты исчезают, надо стоять в очередях, а времени нет». В народе зреет уверенность в неизбежной войне. Люди понимают это

нутром и ждут каких-то убедительных слов от партии, от правительства, но их пока нет!

Наконец закончили 103-У. Весной, когда вновь потекли ручьи, совершила свой первый полет и она. Нюхтиков и Акопян похвалили машину, хотя скорость снизилась на 50 км. Начались будни летных испытаний, как вдруг после очередного полета, вечером, по ЦКБ поползли слухи — катастрофа со 103-У. Наутро выясняется: загорелся правый мотор. Нюхтиков дал команду покинуть самолет, Акопян, по-видимому, за что-то зацепился лямкой парашюта и погиб. Машина упала возле Ногинска, аварийная комиссия определяет причину пожара.

Призрак свободы, маячивший перед нами, вновь растаял. Доколе же? Но даже самые отъявленные пессимисты не подозревали, какие удары обрушатся на заключенных в самое ближайшее время.

Проходит несколько дней, и нам наносят удар, но совсем с другой стороны. Оказывается, выпуск высотных двигателей АМ-37 для самолетов «103» прекращен. Все силы мотористов брошены на увеличение производства невысотных АМ-35. Они нужны для низко летающих штурмовиков Ил-2, производство которых энергично разворачивается на ряде авиазаводов. Но есть еще один моторный завод, строящий моторы АШ-82 той же мощности и высотности, что АМ-37. Поскольку никто из главных конструкторов на свои машины их не ставит, на заводе скопилось около тысячи АШ-82. Нам предписывается переделать свой самолет под них. Беда в том, что АШ-82 имеют воздушное охлаждение, из-за чего их «лоб» гораздо больше, чем у моторов с водяным охлаждением. Это влечет за собой еще одно снижение скорости нашей машины. В сущности, предстоит солидная переделка самолета: надо сконструировать совершенно новые моторные установки, убрать из центроплана водяные радиаторы, предусмотреть электрический запуск двигателей... Объем работы велик, а решением правительства срок на переделки установлен в два месяца. На вопрос «А когда же нас освободят?» Туполев зло отвечает: «Вы что, не видите, что творится?»

Все наши расчетные бригады работают с невероятной перегрузкой, к сожалению, результаты их деятельности никого не радуют. Боевые качества деградируют: в частности, скорость 643 км/ч у «103-й» снижена до 610 у 103-У и сползает до 560—580 у 103-В, как обозвали модификацию с моторами воздушного охлаждения. Это уже потеря 80 километров в час!

Моральное состояние заключенных, работающих над 103-В, таково, что Кутепов созывает всех нас. Его не особенно убедительные слова о том, будто нас освободят после выпуска чертежей, мало кого убеждают. Нужен какой-то «форс-мажор». На следующий вечер Кутепов вызывает к себе в кабинет руководителей бригад КБ-103 с Андреем Николаевичем и клянется, что вчера получил в своем наркомате предписание заверить нас: после первого же вылета мы будем на свободе. Такой «доверительный» разговор «руководителя» ЦКБ с заключенными беспрецедентен. Кутепов говорит долго, пока его не перебивает Туполев: «Григорий Яковлевич, не надо, мы прекрасно понимаем, не все зависит от вас. Передайте своим руководителям, что новую модификацию мы сделаем,— тут он обвел всех нас руками и голос его дрогнул,— но скажите им также, нельзя обманывать людей бесконечно, даже заключенные должны во что-то верить».

Он встал, сурово взглянул на Кутепова и бросил: «Пойдемте, друзья!» Уже в дверях, обернувшись, продолжил: «Веру (так мы сразу прозвали 103-ю В) мы сделаем, но дальше...» Что дальше — мы так и не узнали, ибо сказано это было уже без нас.

Аврал. Все бригады помогают мотористам. Теперь мы не уходим в спальни раньше часа ночи. Поправ все инструкции и каноны, Старик добился, чтобы производство работало по белкам, то есть не по синькам, отпечатанным в светокопии, а прямо по ватманам с чертежных досок. Лишь только найдено общее решение, как технологи начинают готовить технологию изготовления деталей узла, плазовики наносят их контуры на плазы, а приспособленцы начинают прикидывать конструкцию стапелей. Две недели без перерыва идет сумасшедшая работа, когда 14 июня появляется пресловутое сообщение ТАСС.

Пишу сейчас обо всех этих событиях — и чуть не упустил главное тогда лично для меня. 5 мая меня вызвали в канцелярию тюрьмы с вещами — т. е. для увоза куда-то. Взволнованный, иду к Туполеву. Он пожал мне плечо — не волнуйся, все будет хорошо. Меня везут в Бутырки, проводят в кабинет начальника, где сидит Кутепов. Оба встали, пожали мне руку: «Вы освобождены!» Как же это произошло?

Буквально со дня ареста моя жена Е. М. Шишмарева добивалась пересмотра дела. Столкнувшись с глухой стеной безразличия, она обратилась к героям-летчикам перелетов АНТ-25 из Москвы через полюс в США. Они меня хорошо знали по подготовке самолетов к перелетам и, конечно, ни в какие мои «козни» не верили. Г. Ф. Байдуков и С. А. Данилин, будучи депутатами, написали в правительство лестно характеризовавшее меня заявление с просьбой пересмотреть дело. И это произошло. 6 мая 1941 года я стал обладателем бумаги со штампом «Бутырская тюрьма. 5 мая 1941 г. № 5» и текстом, заканчивавшимся словами: «Из-под стражи освободить в связи с прекращением его дела».

Через неделю я стал вольнонаемным сотрудником ЦКБ-29, и некоторые дальнейшие эпизоды описываю по рассказам своих товарищей.

Наступило 22 июня, солнечный воскресный день. Под впечатлением сообщения ТАСС большинство вольнонаемных отпросились отдохнуть и уехали за город. Огромные залы ЦКБ почти пусты. За окнами праздничный спокойный город, из парка МВО доносится музыка. Радио в тюрьме нет, «попки» о том, что делается в мире, с зеками не разговаривают. Зеки трудятся спокойно.

Часов в 12 музыка оборвалась, и к репродукторам на улице, в парке устремились люди. Вот уже толпы стоят, подняв лица к громкоговорителям. Улицы вымерли, из трамваев выскакивают люди. Что-то непоправимое опрокинулось на столицу. Схватившись за решетки, зеки силятся понять, услышать, что там? Тут же и охранники.

Война!

Трудно передать состояние, которое нас охватило,— это крах, все развалилось и погибло. Растерянные зеки совершенно не знают, что делать, что их ждет? Ложатся они запоздно, уверенные, что ЦКБ раскассируют и всех разошлют по лагерям. Это не было стадной паникой, нет, скорее железной логикой. Нельзя же в самом деле предположить, что новейшее оружие для борьбы с врагом проектируют и строят те самые государственные преступники, которые совсем недавно «продавали чертежи» этого оружия не кому-нибудь, а немцам!

С трепетом ждали зеки утра 23 июня, что оно принесет? Это порази-

тельно, но оно не принесло ровным счетом ничего. Впрочем, неверно. Наутро «попки» вошли в форме, с оружием и противогазами. Позднее противогазы раздали и зекам. Пришедшие на работу вольные тоже ничего нового не знали. В газетах (которые вольные с этого дня стали приносить без утайки), кроме речи Молотова — ничегошеньки!

Вскоре появились минское, даугавпилсское и прочие направления. Очень быстро стало ясно, что из пресловутых лозунгов Ворошилова «Ни пяди своей земли не отдадим никому» и «Малой кровью, могучим ударом и на чужой территории» не получилось ничего, а это могло, как обычно в таких случаях, обернуться против заключенных репрессиями.

Ухудшилось питание. Потом стали заклеивать стекла в окнах. Когда появились смоленское и киевское направления, зеков заставили рыть во дворе щели и переделывать склад старой дряни в бомбоубежище. Для нас, немного разбиравшихся в самолетах и бомбах, занятие это было очевидно бессмысленным. Затем началась светомаскировка, на завод привезли черную байку, и мы занялись изготовлением маскировочных штор.

Поползли слухи об эвакуации завода; к концу июля — началу августа, когда фронт приблизился к столице, она стала очевидной. Теперь, наряду с работой над чертежами, мы вечерами, переоблачившись в прозодежду, упаковываем имущество ЦКБ в ящики, нумеруем их и сносим в сборочный цех. Вот четверо немолодых зеков волокут тяжелый ящик, за ними шествует здоровый «попка». Один из зеков слабеет, из встречной партии отделяется другой, становится на подмогу. В одну сторону уходят трое, в другую пятеро — и ничего. А ведь еще недавно был кризис тягачей, мешавший сборке самолетов, и ответ администрации: «Охранник за двумя уследить не может». Ну как тут не подивиться всему этому балагану с «государственными преступниками» и их охраной!

В ночь на 22 июля — первый налет на Москву. Зеки мирно спали в своих опочивальнях, когда завыли сирены и встревоженные «попки», ворвавшись в спальни, завопили: «Тревога, одевайтесь, в бомбоубежище!» Поднялось столпотворение: в спальнях и коридорах мечутся люди. Топот ног, крики «попок», потерявших своих подопечных, полная тьма и растерянность. Кое-как собрались в своем убежище-склепе, потолок которого не то что бомба — ведро с водой пробьет.

Минут через пятнадцать пришел АНТ, тоже полуодетый, к тому же босой на одну ногу. «Не нашел одного башмака, какая-то сволочь в панике схватила». Он был крайне раздражен бессмысленностью запихивания зеков в погреб и унизительностью своего внешнего вида. «Попка», который его привел, являл собой олицетворение страха: видимо, на лестнице и во дворе ему здорово досталось от арестанта. Надо сказать, что охранники, а впрочем, и «руководство» ЦКБ здорово побаивались Туполева. Наверное, из-за разницы в интеллектах: с одной стороны — незаурядный талант, с другой — ничтожества. Когда, бывало, облазив в сборочном цехе самолет и не видя своего тягача, АНТ, ко всеобщему удовольствию, нашему и рабочих, кричал: «Эй, который тут мой, давай сюда побыстрее, а то мне искать тебя несподручно»,— это производило впечатление.

В конце июля Андрей Николаевич исчез. В последний раз его видели

после обеда у кабинета Кутепова. К ужину он не пришел, ночью его койка осталась свободной. Опять волнения, разговоры... Утром следующего дня «вольный зек», как мы окрестили Н. И. Базенкова, сказал, что А. Н. Туполева освободили, он дома, с семьей и, видимо, пару дней на заводе не будет. Сложные чувства обуревали зеков. Все были рады за АНТ, но вопрос: что будет с остальными?

Обстановка в нашем подразделении ЦКБ-29 характеризовалась к моменту освобождения шефа так. 103-я: испытания закончены, самолет выдающийся, но моторов для него нет. 103-У: разбился, но опять-таки моторов для него тоже нет. 103-В: чертежи мы закончили, почти все детали готовы, самолет в сборке, готов будет через месяц-два. Затем его испытают, и энский серийный завод будет его строить. Наблюдать за серией будут Туполев и Базенков вкупе с вольными конструкторами.

Исходя из этого, были основания рассматривать остальных, как мавра, который сделал свое дело и теперь может уйти. Вопрос: куда идти мавру?

В обед — команда: всем зекам собраться по спальням! Люди сидят на койках молча, головы опущены, глаза потухли. Безразличные, готовые ко всему. Входят Балашов, Крючков, еще три офицера НКВД. Никто не обращает на них внимания. Балашов информирует: «Граждане, сегодня ночью ЦКБ эвакуируется. На наше КБ выделено три вагона-теплушки. Разбейтесь на группы по 16—18 человек, соберите личные вещи и к одиннадцати часам будьте готовы. Постели и питание будут обеспечены».

Робкий вопрос — куда? — остается без ответа. На другой, мучивший всех вопрос — а семьи? — последовало: необходимые указания будут даны. С тупым безразличием зеки разошлись укладываться. Молчаливые, сгорбленные фигуры запихивают скарб в мешки.

В 22.30 приходят «попки». Зеки бросают прощальные взгляды на свою спальню, где все-таки прожиты два года, и с мешками, чемоданами трогаются по парадной мраморной лестнице в новый этап своей жизни. Чем-то он кончится?

Пакгаузы товарной станции Казанской дороги, эшелон, теплушки с зарешеченными окнами, покрикивающие солдаты войск НКВД с винтовками. Куда? В Магадан, на Колыму, в Востсиблаг или другой ЛАГ? В качестве кого — крупнейших специалистов, строителей грозных машин или падла?..

Через десять дней эшелон остановился на товарной станции Омск. К вечеру прибыли машины — грузовики. Видимо, «черных воронов» сюда эвакуировать еще не успели. Здесь упрощенные нравы, зеков рассаживают в грузовиках на полу, по углам — четыре конвоира с винтовками, и кортеж трогается. Покрутив по улицам, машины въезжают во двор двухэтажного дома, похожего на школу. Прибыли. Вокруг — обычный забор, в углу общая уборная человек на пять, около дома рукомойник на 10 сосков. Решеток на окнах нет. «Попки» отсчитывают по десять голов и разводят по комнатам. В каждой комнате почти вплотную друг к дружке десять солдатских коек, в углу тумбочка, под потолком тусклая лампочка. Двери в коридор, который пронизывает здание насквозь, в его средней части лестница. Дверь с лестницы наружу, на первом этаже, забита гвоздями. Единственный выход — во двор. А в его воротах тоже пост охраны.

Так вот она, новая шарага! Это вам не Москва... Выясняется: в этом доме будут размещены все работающие над 103-В и оставшиеся в заключении петляковцы. Остальных увезли куда-то в другое место. Балашова с Крючковым нет, «попки» молчат. Они задурены до такой степени, что даже на вопрос «Это что — Омск?» отвечают: «Не знаю».

Утром грязные, обросшие «крупнейшие» начинают обживаться. Умывальник и туалет во дворе, дежурный «попка» сидит на стуле у дверей здания. Второй похаживает возле калитки на улицу. Часам к 10 зовут в столовую, теснота адская, но все же кормят кашей, чаем и серым хлебом. От безделья «крупнейшие» слоняются по двору.

Наутро прибывают Балашов с Крючковым, «крупнейших» собирают в столовую и, наконец, дают хоть и примитивную, но информацию: «Вы в Омске. Здесь мы будем работать и строить серию самолетов 103-В. Подробности узнаете завтра, а сегодня отдыхайте. Кормить вас будут пока здесь, выход за забор не разрешается».

На третий день появляется вольный зек Н. И. Базенков и сообщает: никакого авиазавода в Омске нет, но нам отведены недостроенный автосборочный и завод автотракторных прицепов. На их базе надо организовать новый авиационный и, мало того, в декабре (!!!) начать выпуск самолетов для фронта. Сюда эвакуированы несколько мелких авиазаводов из разных городов, вот из их состава и надлежит создать новый.

Приехал и я — тоже в качестве вольного. Где будет ОКБ — пока неизвестно. Вольняг сейчас распределяют на постой к местным жителям, этим занимаются городские организации, пока же вольняги ночуют в поле на своих вещах.

Уже август, до начала выпуска серийных самолетов осталось пять месяцев, а нет ни стен, ни крыш, ни электроэнергии, ни воды — ничего! Зеки мрачнеют, но Базенков бодр: «Вчера сам видел, как в чистом поле заработали первые станки. Со всех сторон свозят заключенных — уголовников и раскулаченных, рядом с площадкой нашего будущего завода из них организуется огромный лагерь. Они будут строить корпуса вокруг уже работающих станков». Ничего не скажешь, задумано с размахом. Но интересно, а как с морозами? «Говорят, с середины октября, но доживем — увидим»,— отвечает Николай Ильич.

И, наконец, на самый волнующий вопрос — что с семьями? — Николай Ильич отвечает: он сам и по его поручению еще несколько наших сослуживцев оповестили семьи. Большинство семей следуют сюда в одном из эшелонов.

Через несколько дней утром Черемухина, Соколова, Стерлина, Надашкевича, Сапрыкина, Френкеля, Егера, Немана, Чижевского, Вигдорчика, Озерова, Некрасова, Саукке, Бонина, Александрова просят остаться в шараге. Подходит автобус, их рассаживают и везут в центр города. Огромная площадь, на ней здание театра. Левее — большой серый дом новой постройки, у дверей охрана НКВД. Доставленных уже ждут, проводят в приемную в бельэтаж. Там к группе присоединяются Томашевич и Склянский — их привезли из-за Иртыша на пароходе, они тоже не знают, для чего, им тоже ничего не сказали.

Группу просят в кабинет — как он велик и роскошно пуст!

Через несколько минут, пока зеки стоят, сбившись в кучу, открывается противоположная дверь, и выходят два незнакомых генерала НКВД, Андрей Николаевич, Базенков, Кутепов и Балашов. Возникает нечто

вроде немой сцены в «Ревизоре». Зеки успевают заметить, что глаза Туполева наполнены радостью, счастливо блестят. Главный генерал подходит к столу, берет лист роскошной веленевой бумаги, становится в позу римского прокуратора и проникновенным, почти шаляпинским голосом читает:

«По докладу коллегии НКВД Правительство Советского Союза, учитывая добросовестную работу нижепоименованных специалистов над самолетом-бомбардировщиком 103-В, постановляет освободить из-под стражи:

— Черемухина Алексея Михайловича
— Мясищева Владимира Михайловича
— Маркова Дмитрия Сергеевича
— Немана Иосифа Григорьевича
— Чижевского Владимира Антоновича...» —

и перечисляет восемнадцать человек, обретших в этот день свободу.

Так в жаркий августовский день 1941 года они стали вновь свободными гражданами своей родины.

Весной 1942 года освободили следующую партию зеков, а к 1945 году позорное заведение перестало существовать.

Ничто в минувшую тяжелую пору не смогло вытравить из нас веру в грядущую правду, веру в то, что ужасная несправедливость будет раскрыта и добрые имена людей не исчезнут из истории советской авиации.

ЧАСТЬ II.

НА ВОЛЕ

Итак, руководителей отделов туполевского бюро освободили. Теперь все наши силы нацелены на одно — всемерно увеличить выпуск полюбившихся фронтовым летчикам бомбардировщиков Ту-2. Их скорость значительно выше, чем немецких и американских, три тонны бомб, две пушки и три тяжелых пулемета, легкость в управлении, непритязательность в эксплуатации.

Воюют уже два полка наших машин, на очереди вылет на фронт третьего. Завод подошел к выпуску одного Ту-2 в сутки, составлен детальный план и подготовлена оснастка для изготовления 60 машин в месяц. Это для омского завода предел.

Но ведь здесь же, в Сибири, два завода продолжают клепать устаревшие, тихоходные, плохо вооруженные бомбардировщики Ил-4, которые немцы походя сбивают. Не разумнее ли перевести их на выпуск Ту-2?

Но тут происходит невероятное! Вечером расстроенный директор Л. П. Соколов приносит Туполеву шифровку Сталина: «Производство бомбардировщиков Ту-2 прекратить, наладить выпуск истребителей Як-9».

Непостижимо! Никто из причастных к авиации — ни военные, ни производственники — ничего понять не могут. Сталинградская битва позади, фронт начал движение на Запад, казалось бы, тут и нужны бомбардировщики. Допустим, Сталин не в состоянии вникать во все тонкости, но не мог же он принимать такое решение, не посоветовавшись с консультантами и референтами?

Так кто же они, эти люди, поддержавшие нелепое решение? В цехах только и разговоров о чьей-то злодейской руке, о вредительстве.

Но приказ есть приказ, и мы буквально со слезами на глазах наблюдаем, как разрушают созданное в нечеловеческих условиях, на пустом месте, самолетное производство. В напряженнейшие дни войны останавливают на два месяца завод лучших бомбардировщиков и не догадываются вместо него остановить завод худших!

Так или иначе, делать нам в Омске больше нечего, и туполевское ОКБ реэвакуируют в Москву. Возвращаемся в родное здание, с которым прощались два года назад, далеко не уверенные, вернемся ли в него когда-либо.

Наш опытный завод переключился на выпуск топливных баков для других самолетов, заданий на проектирование чего-либо нового не поступает.

Однако, убежденный, что производство Ту-2 возобновят, Туполев поручил коллективу быстро выпустить две его модификации. Первая — очень нужный фронту фоторазведчик. Это была несложная работа — требовалось установить в бомболюке вместо бомб несколько аэрофотоаппаратов и бензобак.

Вторая была значительней и перспективней. Из обычного, серийного Ту-2 путем несложных переделок получался более качественный. Требовалось установить крылья с большим размахом и посадить в кабину второго летчика. Хотя по дальности Ту-2-Д несколько уступал Ил-4, скорость у него была большей, а главное — он обладал грозным оружием — три тяжелых пулемета вместо одного на Ил-4. К сожалению, из-за неразберихи, когда выпуск Ту-2 то прекращали, то возобновляли на других заводах, воспользоваться этой машиной в войну не удалось.

Но пока наше руководство раздумывает, выходит новое решение Сталина — срочно возобновить производство Ту-2, но на других заводах.

В результате этих не особенно мудрых решений более года лучшие бомбардировщики не строились. Если допустить, что один омский завод выпускал бы их непрерывно, армия недополучила около 800 машин.

Сколько солдатских жизней спасли бы они?

А пока Туполев, глубоко убежденный, что четырехмоторные дальние стратегические бомбардировщики будут нужны и в дальнейшем, инициативно приступил к проработке такого самолета под шифром «64».

Способствовало этому то обстоятельство, что в ОКБ А. А. Микулина уже шли стендовые испытания нового двигателя АМ-42 с турбокомпрессорами, обеспечивающими полеты на больших высотах.

Предложение заинтересовало ВВС, и нам поручили эскизное проектирование и постройку макета. Вот тут и выяснилось новое трагическое обстоятельство.

Стало очевидным — проектируемая машина не может быть создана без комплекса новейшего оборудования, в котором многие функции экипажа будут выполнять автоматы и разного рода вычислители. Но таковых нет.

А когда мы, самостоятельно разработав технические требования и точностные характеристики, обращались к смежникам, нам отвечали — это невозможно. Казалось — тупик...

Еще в конце войны к нам стали просачиваться с Запада слухи о какой-

то новой отрасли наук, способной значительно упростить поиски отдельных технических решений.

Вскоре выяснилось, что создатель и глава новой отрасли — известный американский математик Норберт Винер. Он назвал ее кибернетикой, от греческого Kibernetike — искусство управлять.

Прослышав про это, в цитаделях, занимавшихся чистотой марксистской философии, подняли панику.

Если выдуманная Винером вычислительная машина способна заменить человеческий мозг, следовательно, она, будучи неконтролируемой нами, может прийти к совершенно нелепым выводам, вплоть до того, что можно обойтись без марксистской философии, диалектического материализма, курса истории партии, наконец, без биографии вождя?

Кто был в те времена командующим идеологией, мне неведомо, но этот генерал — явный персонаж Салтыкова-Щедрина,— доложил куда следует. А оттуда, с самого-самого верха, последовал приказ: «Кибернетика — лженаука, а посему ее следует закрыть и о ней забыть раз и навсегда!»

...Прошло несколько лет. Размеры тяжелых самолетов продолжали расти, на бомбардировщиках увеличивалось число пушечных башен, стрелков. Потребовалось, чтобы любой стрелок мог вести огонь из любой башни и даже сразу из нескольких. Силовыми установками мощностью в десятки тысяч лошадиных сил тоже требовалось управлять как от бортинженера, так и от любого из летчиков. В системах, в том числе и в системе управления самолетом, появились всякого рода демпферы — автоматы и вычислители: к традиционному автопилоту добавились навигационные счетчики координат, инерциальные, астрономические корректоры и т. д.

Вся эта аппаратура базировалась на автоматике регулирования и электронно-вычислительной технике, т. е. на основе основ «лженауки». Завязывался какой-то метафизический гордиев узел: надо было принципиально решить — что можно использовать в оборудовании новейших бомбардировщиков, а что нельзя.

После долгих, порой мучительных обсуждений — как же быть, пришли к выводу: без хотя бы паллиативного решения, облегчающего работу экипажа, не обойтись.

Вспомнив, что в Ленинграде есть бюро В. И. Ланердина, специализировавшееся на элементарных счетных устройствах, решили заказать ему хотя бы технический счетчик маршрута, выдававший штурману, пусть с небольшой точностью, текущие координаты самолета.

В Ленинграде у В. И. Ланердина уточнили, что по существу технический счетчик маршрута (ТСМ) будет фактически центральной бортовой аналоговой вычислительной машиной, но пока возьмет на себя управление движением самолета только в горизонтальной плоскости. Решиться на управление также и в вертикальной пороху у нас не хватило: задача, по нашим тогдашним возможностям, и без того была дерзкая. Обговорили, что управление в вертикальной плоскости предусматриваем, но задействуем лишь на втором этапе работ.

Летом 1946 года В. И. Ланердин пригласил Туполева осмотреть действующий макет ТСМ.

ОКБ Ланердина занимало бывший жилой дом по улице Скороходова. В одной из комнат квартиры на втором этаже, на большущем обеденном столе нам продемонстрировали нечто, напоминающее громоздкую книж-

ную этажерку, положенную набок. Этажерка была напичкана множеством мерцающих радиоламп, с разных сторон ее обдували с десяток вентиляторов.

Туполев заинтересовался.

— Меня интересует надежность вашего монстра. Сколько часов на один отказ?

— Надежность? — зло переспросил один из молодых разработчиков.— А никакой надежности!

— Не понимаю...

— Сейчас поймете. Лампы в нем отказывают, когда какой вздумается, вот вам и все объяснение. Иная и часа не наработает, иная несколько часов продержится, а их здесь — добрая сотня.

Так что же делать, чтобы на борту наших самолетов завелась надежная автоматика?

Молодой инженер, не сдержавшись, почти истерично выложил Туполеву все горести, обуревавшие их коллектив: «Прежде всего разогнать этих дураков, начетчиков, осмелившихся придать целой области новых знаний кличку лженауки. Дать нам свободу действий, организовать производство транзисторов и микродеталей, обучить программистов и, клянусь вам, Андрей Николаевич, мы за год сделаем вам то, что нужно...»

Тщетно пытался В. И. Ланердин прервать и успокоить его, он не остановился, пока не выложил Туполеву все, что переполняло души молодых инженеров.

Стало ясно, что на таком уровне нечего и думать о создании современной бортовой электронно-автоматической аппаратуры.

Мы поняли: наша базовая наука — кибернетика — не может дальше оставаться в ранге «лженауки». Разумеется, это чувствовали не только мы — авиастроители, но и работники во всех остальных областях оборонной техники.

К счастью, вскоре вышло решение о создании при президиуме Академии наук ученого совета по кибернетике, и председателем его был назначен инженер, адмирал А. И. Берг!

А коллективу Ланердина так и не удалось добиться устойчивой работы «Технического счетчика маршрута». Однако его ОКБ принесло огромную пользу: в авиапроме выросли первые программисты, первые схемники, создавшие комплекс внешних связей, необходимых для работы бортовой вычислительной машины стратегического бомбардировщика.

А потеряли мы, борясь с противниками кибернетики, минимум три года!

После войны Сталин усмотрел в отсутствии образцов новых самолетов преступную недальновидность главкома ВВС маршала А. А. Новикова и наркома авиапромышленности А. И. Шахурина. Оба были сняты с постов и репрессированы. «Виноватых» нашли, как всегда, но делу это, естественно, не помогло.

...Во время войны японская ПВО, случалось, подбивала новейшие стратегические бомбардировщики «Суперфортрессы» (В-29), тогда пилоты оказывались перед дилеммой: тонуть в океане или садиться на наши аэродромы. По просьбе Ф. Рузвельта Сталин дал такое разрешение. Поскольку наша страна в то время с Японией еще не воевала, по международным правилам экипажи интернировались, а самолеты посту-

пали под нашу охрану. Так на нашей территории оказались три почти целых В-29, главное — с исправным наиболее совершенным в мире электронным оборудованием различного назначения.

И когда началась «холодная война», у Сталина возникла мысль, а не следует ли, чтобы быстрее перевооружить нашу авиацию машинами, отвечающими современным требованиям к их начинке, попытаться воспроизвести В-29 и все его оборудование у себя?

С Туполевым, Ильюшиным и Мясищевым провели доверительные беседы. Ильюшин от задания отказался сразу. Сказал — никогда такими крупными машинами не занимался. Мясищев и Туполев согласились. Выбор пал на Туполева.

Решение партии и правительства, подписанное Сталиным, обязывало Туполева скрупулезно воспроизвести В-29. Этим же решением всем наркоматам, ведомствам, НИИ, ОКБ, заводам и предприятиям СССР без исключения предлагалось столь же скрупулезно по нашим требованиям воспроизвести все то, из чего состоял В-29: материалы, приборы, агрегаты... Единственное, что разрешалось и даже прямо предписывалось: американскую дюймовую систему мер заменить метрической.

Завершалось это из ряда вон выходящее решение двумя параграфами: Туполеву через год закончить выпуск всей необходимой для постройки и эксплуатации самолетов документации, а директору завода В. А. Окулову еще через год построить двадцать самолетов.

Решение было вынужденным, даже трагичным и все же, по-видимому, единственно правильным в тот момент, резко упростившим задачу. Отбрасывалось привычное рассуждение: «А можно ли это создать?». Вам вручали работающий образец и говорили: «Будьте любезны, сделайте точно такой же!»

Постепенно к нам начали поступать образцы материалов, приборов и агрегатов для будущего Ту-4. Но поступали они медленно и неровно, было видно, что промышленность перестраивается туго. И наш шеф решил их подстегнуть. Он устроил выставку — кто, что и когда должен поставить и как это выполняется. На выставку потянулись руководители поставщиков и даже министры. Слух о ней дошел и до Сталина, и он пожелал ее посетить.

Туполев вызвал Маркова, Минкнера и меня и велел подготовиться давать пояснения, день он сообщит позднее, но известно, что это будет после полуночи. День оказался воскресным, завод не работал. После полудня наше здание оккупировали молодые люди в штатском, но с военной выправкой и пристально-наблюдательными глазами. Обшарив здание, они позапирали все двери, заменили заводскую охрану своими и выставили кучу дополнительных постов.

Нас, «экскурсоводов», попросили в кабинет Архангельского и проинструктировали: товарищу Сталину следует рассказывать кратко, четко и доступно для неспециалиста. Он не любит, когда докладчик не спускает с него глаз, и нервно реагирует при неожиданном появлении лектора из-за спины. Не следует держать руки в карманах. А пока нам надлежит не выходить из кабинета. С нами будут два майора, при желании посетить туалет нас проводят, а если захотим, чай и бутерброды принесут.

Из окна кабинета было видно, как по ночным, опустевшим улицам фланируют те же молодые люди, изображающие народ. Светофор на перекрестке выключили, движение регулировали трое милиционеров

в ослепительно белых перчатках с крагами и флюоресцирующими жезлами.

Время тянулось медленно, было скучно, а взаперти и унизительно. Около двух ночи вошел Туполев и сообщил, что визит не состоится. Любезные майоры развезли нас в черных машинах по домам.

Отмечу, что юридическая сторона производимого эксперимента никого особенно не тревожила, поскольку никаких патентных соглашений с Западом мы тогда не имели. Точно так же и они с нашими приоритетами в других областях техники особенно не считались.

Тихоокеанские летчики, перекрасив белые звезды на В-29 в красные, перегнали американские машины из Владивостока в Москву, на Измайловский аэродром: он был там, где сейчас Первомайский универмаг и кинотеатр «София». Мы отправились знакомиться с «заграничными чудами». Андрей Николаевич осмотрел и ощупал все, что удалось, сунулся было даже в трубу-лаз, соединявшую гермокабины, но застрял. Хмыкнул: «Это для тощих американцев, небось, при капитализме недоедают...» Поделился первым впечатлением — машина отличная.

Затем отметил: «В конструкции самолета ничего доселе нам не известного не обнаружил». Но сразу же раскритиковал гнутые стекла кабины пилотов:

— Наши летчики забракуют: слишком искажают вид на все, что перед ними. Я бы поставил наклонные плоские стекла, как на всех наших самолетах, но не разрешают ничего менять. (И действительно, все летчики материли гнутые стекла на чем свет стоит.)

Резюме Туполева таково: самолет построить особого труда не составит.

— Но что мы будем делать с вооружением и оборудованием? По правде говоря, не уразумел. Стрелок сидит почти в самом хвосте, а стреляет из носовых пулеметов. Какова ж должна быть надежность такого дистанционного управления? И еще — все эти радиолокационные прицелы, дальномеры, вычислители, автоматы координат... Воспроизведут ли их наши как надо? Допустим, воспроизведут, но глядите: они соединены сотнями, тысячами,— тут старик начал раздражаться,— миллионами проводов. Как Кербер с Надашкевичем разберутся с ними, как поймут, откуда и куда идет вот хотя бы этот,— он потянул за один проводок,— ума не приложу! Замкнется где-нибудь проклятый — что тогда?

Сплюнув и окончательно выйдя из себя, расшумелся:

— Ну, чего молчите, Кербер Львович и Александр Васильевич? Отвечайте, как решать этот ребус?

А что мы могли ответить? Он правильно кричал.

— Ладно, поехали в ОКБ, приступать к этой Вавилонской башне...

Не сразу, постепенно, но методика необычной деятельности все же стала складываться, и, надо сказать, довольно стройная. Старшим по демонтажу Туполев назначил нашего главного технолога С. А. Вигдорчика. Далее требовалось найти помещение, где можно было заняться этим самым демонтажем. В те годы во всей Москве был только один ангар, куда вместился бы В-29. Раньше это строение принадлежало ЦАГИ, было возведено для Туполева, но, пока Туполев сидел в тюрьме, ангар передали под производственную базу другому конструктору, В. Н. Челомею. Андрей Николаевич, будучи по натуре вроде бы собственником-кулачком, терпеть не мог, когда «его имущество» отдавали кому-либо,

и теперь, воспользовавшись правительственным постановлением, вернул ангар нашему ОКБ.

Ведущим конструктором по новому бомбардировщику Туполев назначил своего заместителя Д. С. Маркова, приняв во внимание, что до тюрьмы Марков работал на заводе № 1 главным конструктором по внедрению в производство американского самолета «Валти» (по приобретенной СССР лицензии) и внедрил блестяще.

Первый экземпляр В-29 генеральный предложил разобрать полностью, все детали использовать для выпуска чертежей, а начинку передать специализированным НИИ, КБ и заводам. Второй экземпляр — использовать для снятия характеристик и обучения летного состава. Третий — сохранить в неприкосновенности, как эталон.

Самолет расстыковывался на отдельные, конструктивно независимые агрегаты, по каждому из которых назначался ведущий конструктор с бригадой инженеров, техников и такелажников. Отстыкованный агрегат устанавливался в специально изготовленный стапель, обшитый войлоком, обмеривался, на нем с помощью теодолита наносились контрольные репера. Затем с него демонтировали оборудование; но прежде фиксировали, куда идут от каждого прибора трубки гидравлики и пневматики, провода, сколько их, какого они сечения, длины, как замаркированы. Все это фотографировалось, взвешивалось, нумеровалось и заносилось в специальные реестры. Ежевечерне автобусы с конструкторами и снятым имуществом направлялись в ОКБ. Когда агрегат оставался абсолютно пустым, его тоже отвозили и там уж разбирали до последней заклепки.

Но вот сложность: как узнать, на какой завод, какого министерства следует передать тот или иной агрегат, прибор, электромеханизм, радиостанцию, прицел, листы металла, пластмассы, стекла, ткани, резины, тот или иной провод, трубку и все остальное, что мы обнаружили?

Встревоженный Туполев поехал к зампреду Совмина А. И. Микояну: не утвердить ли в каждом министерстве, участвующем в эпопее создания Ту-4, кого-то персонально ответственного за освоение и поставку новой техники?

— Мне думается, Анастас Иванович, без этого мы, проектировщики, утонем в телефонных звонках, пропусках, в ожидании приемных часов у всякого рода «руководства»!

Микоян согласился с Туполевым, и такие ответственные были назначены, в большинстве — заместители министров или начальники главков.

По-моему, это был едва ли не первый у нас в стране случай создания неформального межведомственного органа, позволившего вдохнуть в эпоху всевластия административной системы живые, непосредственные связи между всеми участниками. Чуть позже опытом Туполева успешно воспользовался Королев, образовав свой знаменитый совет главных конструкторов. Каждый главный подчинялся своему министерству, но совет — Королеву и никому больше (кроме, может быть, Совмина и ЦК), и его решения становились обязательными для всей промышленности. Только поэтому, я уверен, наши ракетчики добились в те годы успехов: не будь совета — никакие таланты Королеву не могли помочь бы, «руководство» утопило бы его в ложке воды, измотало «ценными указаниями».

Хочу сказать еще и еще раз, что Туполев обладал удивительной

способностью находить в любой многозвенной системе (безразлично — в сложной ли машине, или в совместной деятельности промышленных предприятий) то самое звено, которое способно разрушить сооружение, идею, корпорацию. Найдя такое звено, старик вытаскивал его на свет Божий, нередко — на смех. Оно переделывалось и переставало тормозить работу.

Интересно, что это содружество, административно нигде не утвержденное, существовало на принципе тесных, как называл это Андрей Николаевич, «горизонтальных связей» между нашим бюро и промышленностью других министерств. С окончанием работ по Ту-4 оно не распалось, осталось жить. Как только у нас возникали проблемы с поставкой тех или иных комплектующих приборов и агрегатов для наших новых машин, мы с помощью «горизонтальных связей» быстро находили то лицо, от которого зависело решение, проникали к этому лицу мимо телефонов, секретарей, референтов и оперативно разрубали завязавшиеся было узлы противоречий.

Так было до конца жизни Андрея Николаевича Туполева.

Ответственные из министерств стали вместе со своими сотрудниками регулярно бывать у нас в ОКБ и без проволочек решали, что, куда и кому направлять. Этот новый, очень действенный аппарат специалистов необыкновенно способствовал успеху передачи. А оформлялась она так: ответственный представитель завода лично получал агрегат, его габаритный чертеж, фотографии, акт взвешивания, схему жгутов или трубок, стыкующих агрегат с самолетом, краткое описание. Шифр агрегата мы устанавливали совместно: тут же назначались сроки поставки первого комплекта для нас и последующих — серийному заводу.

Число передаваемых блоков, приборов и образцов измерялось тысячами. Чтобы не запутаться, Туполев организовал специальное диспетчерское бюро под руководством энергичного инженера И. М. Склянского. (Тоже отпущенный зек, сидел с нами в ЦКБ-29 НКВД. А его брат, Э. М. Склянский, был когда-то заместителем председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого. Не знаю, смутило ли это сколько-нибудь Туполева, но на ответственную должность он Иосифа Марковича назначил). Оценив предстоявший объем документации, Склянский составил сетевой график, заняв им целую стену одного из залов ОКБ. Это был, вероятно, первый такой график в Союзе. На все, что передавалось смежникам, были заведены карточки — по четыре: одна у нас, по одной в нашем и смежном министерствах и четвертая у поставщика. При таком учете ни одна деталь не оказалась потерянной, ни один прибор не исчез.

Итогом этой работы стало контрольное взвешивание. «Сухой» самолет В-29 (без топлива, масел и т. д.) весил 34 930 кг, первый воспроизведенный у нас — 35 270 кг. Разница меньше процента: результат выдающийся.

Да, работа, хотя и называлась воспроизведением, была непростая, с рядом сбоев. Начались они с вооружения. Военные и промышленники требовали: все оружие должно быть отечественным. Но решение готовили в спешке, зная, что Сталин не терпит задержек, и спецификацию намеченного вооружения к документации не приложили.

А когда разобрались глубже, оказалось, что за собственно вооружением, то есть бомбами и пулеметами, тянется довольно длинный шлейф: замки для подвески бомб, электросбрасыватели, электромоторы вращения турелей, патронные ящики, рукава для лент с патронами... Даже

прицелы нужны были другие, ибо баллистика американских и наших бомб и снарядов неодинакова.

И пошли пререкания, демагогия: «Так что мы — копируем «Боинг» или нет?» Любой участник мог на каждую мелочь требовать бумагу, освобождающую его от ответственности.

Дело шло к тупику. Потребовалось выпустить новый документ, с большим числом подписей. Решалось все это ужасно медленно, с безобразной нервотрепкой, а главное — тормозило выпуск чертежей. Нависла угроза срыва сроков, утвержденных самим Сталиным.

А тут — новое огорчение, на этот раз с системой радиоопознавания. Ее еще называют системой «свой-чужой», сокращенно «С-Ч». Казалось, никаких сомнений: надо ставить принятую в нашей армии. Но в тексте основного решения этого не оговорили, и радиопромышленность выпустила для нас аппаратуру, скопированную с американской. Ее установили на самолет, и получился конфуз. Представьте, наш истребитель с отечественной аппаратурой «С-Ч» встречается с Ту-4. А на нем стоит скопированная с американской! Як или МиГ запрашивает: «Ты свой?» — и, не получив ответа, открывает огонь.

Что же, этого нельзя было предвидеть? Можно, и предвидели, конечно. Но страх все преодолел, включая здравый смысл. Единственное соображение осталось: там, наверху, виднее!

Еще один пример — американские парашюты. Они заспинные и служат мягкой спинкой для сиденья. А наш уложенный парашют — подушка, на которой летчик сидит. Потому и сиденье под наш парашют — квадратная чаша. Надо ли заводить для нового самолета особые парашюты и особые сиденья? Все согласны: это глупость, но требуют бумаг с подписями, разрешения быть умными.

Испокон веку контакты в штепселях у нас маркировались цифрами, а у американцев — буквами.

Вначале от страха повторили их маркировку. Но наши монтажницы латинскому алфавиту не обучены, путали, а в результате из строя выходили ценные агрегаты.

Что делать? И вот ведь беда — алфавиты-то не сходятся.

Казалось бы, внедрить цифры — ан нет, боязно.

И ввели русский алфавит. Тут пошла совсем несуразная путаница.

Сгорело еще несколько агрегатов, и только тогда ввели цифры. В результате на заводах, связанных с производством Ту-4, одно время существовало три вида маркировки, и пришлось разработать специальные переводные таблицы.

Никто не хочет на Колыму, все знают, что обязательно найдется дрянь, которая донесет: «Нарушают указание самого товарища Сталина...»

Или еще случай. Сняли с В-29 один из листов обшивки и определили толщину — 1/16 дюйма, что при пересчете дает 1,5875 мм. Ни один завод не брался катать листы с такой точностью. Здесь есть о чем подумать инженеру-психологу: почему 1,5875 миллиметра катать нельзя, а то же самое, но названное 1/16 дюйма,— можно? Сколько мы ни взывали к разуму металлургов, победа осталась за ними, толщины пришлось округлять. Но если мы округляли в плюс, до стандартных у нас 1,75 мм, самолет становился тяжелее, падали его скорость, высота и дальность. При округлении в другую сторону, до 1,5 мм, начинали справедливо скандалить прочнисты: конструкция недопустимо ослаблялась.

А вот уж, кажется, совершеннейшие пустяки, «глупости», но и они тормозили дело. К самолету была приложена куча описаний и инструкций, их следовало перевести. Своих знатоков английского у нас не хватало, пригласили переводчиков со стороны. Но те, хорошо владея языком, оказались незнакомы с авиационной и вообще технической терминологией. Вечерами садимся за редактуру и делаем открытие. Оказалось, американцы, авторы инструкций, ставили целью донести свои знания до читателей лаконично и наглядно, наши же канцелярские обычаи легли здесь бревнами поперек дороги. Читаем, например, в их инструкции: «Запустить пут-пут». Что такое «пут-пут»? Перерываем словари, энциклопедии, но ответа нет. И только в Казани, когда стали готовить к полету первую машину, все выяснилось. Запустили аварийный движок, а он и затарахтел: пут, пут, пут, пут... Так вот что было в инструкции — простое подражание звуку выхлопа движка. Нет, такого мы позволить себе не могли, и короткое «пут-пут» превратилось в: «Для этой цели следует запустить вышеупомянутый агрегат, состоящий из двухцилиндрового двухтактного бензинового движка воздушного охлаждения, приводящего в движение 4-полюсный генератор постоянного тока с компаундным возбуждением, служащий для питания электросети самолета при неработающих двигателях».

За без малого три года довольно тесного общения со множеством министерств и ведомств мы увидели, что подавляющее большинство их работников относилось к категории исполнителей. Скованные решением о копировании, они предпочитали не особенно задумываться над всякого рода проблемами, возникавшими в ходе работы, порой весьма важными для успеха дела. Их резко ограничивал упомянутый тезис: «Начальству виднее». Вторая группа, менее многочисленная, все прекрасно понимала, однако служебное рвение у них, замешенное главным образом на страхе, превозмогало рассудок. Даже сталкиваясь с абсолютно нелепыми ситуациями, вроде истории с системой опознавания, но углядев отступление от предписанного копирования, они немедленно сигнализировали в верха. И начиналось! Ревизоры, контролеры, комиссии, заседания...

Но, по счастью, была еще одна, самая, к сожалению, малочисленная группа людей, глубоко убежденных, что даже сталинский приказ надо выполнять с умом. О некоторых из этих смелых и умных людях забыть нельзя.

Так, на В-29 стояли уже устаревшие командные рации, работавшие на коротких волнах. А на переданных нам по ленд-лизу В-25 — новые, ультракоротковолновые, с автоматической настройкой. Одну такую станцию нам удалось достать у военных. Я рассказал об этом замминистра радиопрома Зубовичу и предложил скопировать не устаревшую, а новую. Все равно, говорю, скоро ими займемся, ибо весь мир переходит на командную связь на ультракоротких волнах.

Зубович призадумался.

— Своих,— отвечает,— близких сотрудников я знаю. Но ведь обязательно найдется сукин сын из дальних, напишет в большой дом, и все мы сядем, будьте спокойны... Нет, нам тут необходимо заручиться поддержкой большого и честного военного, способного, если вызовут, разъяснить даже Сталину...

И мы решили посвятить в это дело С. А. Данилина, начальника НИИ Спецслужб, где определялась техническая политика в области оборудо-

вания самолетов. В том, что Данилин нас поддержит и при необходимости постарается убедить Сталина, мы не сомневались. Кроме того, упечь такого человека трудно: герой перелета на АНТ -25 из Москвы в Америку, пользуется огромной популярностью... (Сам удивляюсь, какими мы в то время, несмотря на пережитое, оставались простаками,— но пишу, как было.) Сергей Алексеевич согласился с нами, и «конспиративная операция» замены радиостанции состоялась без дурных последствий.

Нашлись столь же смелые люди и среди специалистов по двигателям, и по вооружению, но этой техникой занимались у нас Минкнер и Надашкевич, о ней я подробности не знаю. Могу лишь рассказать об эпизоде, убедительно и наглядно показавшем мне, какое мужество требовалось от видных деятелей, согласившихся нас поддержать.

Вместе с начальником одного из НИИ М. С. Гоциридзе мы ехали по Большой Дорогомиловской улице. На подъезде к старому, узкому Бородинскому мосту сзади раздался характерный сдвоенный сигнал правительственной машины, и нас обогнал ЗИС-110 с охраной.

В этот момент у грузовика с бревнами, поднимавшегося с набережной на мост, заглох надрывно завывавший мотор, и он остановился, закрыв нам дорогу. Шедший навстречу трамвай тоже стал, мост был закупорен, и вплотную с нашей машиной оказался ЗИС-110 вождя. На откидном сиденье, за спиной, как мне прошептал Гоциридзе, генерала Власика сидел Сталин, в сером плаще и военной фуражке. Нас разделяли только стекла автомобилей. Я увидел очень уставшего, старого человека, со следами оспы на щеках, с прокуренными, зеленоватого оттенка усами, с пронзительными, недобрыми глазами.

Несколько растерянно мы приветствовали руководителя страны, приложив руки к шапкам, слегка поклонились. Остановившийся на нас взгляд показался мне встревоженным: вероятно, Сталину не приходилось так близко видеть незнакомые лица. Однако он тоже кивнул нам и медленно поднял руку к козырьку. Тут путь освободился, ЗИС ринулся вперед, видение пропало.

Это произошло весной 1947 года. Сильнее всего меня поразило тогда изможденное лицо Сталина, отнюдь не похожее на холеное, моложавое, смотревшее на нас с тысяч портретов...

Когда мы разминулись, я вспомнил вспыхнувший недоверием взгляд Сталина и подумал: как же должны были чувствовать себя под этим взглядом Зубович, Данилин, «парашютный генерал»? Ведь ничто — никакие заслуги, никакие законы — не страховало их от последствий такого рода пароксизмов недоверия.

Началась сборка самолетов, мы перебрались в Казань. Огромный завод жил одним — выпустить машины в срок. Из Москвы приехали летчики: Н. С. Рыбко, М. Л. Галлай и А. Г. Васильченко. Наступил день первого вылета. Как ни старались секретчики, как ни распускали ложные слухи о дате, утаить ее не смогли. В тот день цеха опустели; зато все крыши завода, идущие к нему дороги, лужайки по краям аэродрома были забиты толпами людей. И когда Николай Степанович Рыбко поднял первый Ту-4 в воздух, тысячи людей до хрипоты кричали «ура». Все понимали, какой огромный труд завершен.

Сделав несколько полетов, Н. С. Рыбко перегнал машину в Москву, на всесторонние испытания. Вскоре туда же на номере два отправился М. Л. Галлай. Туполев разрешил мне лететь с ним: старик любил, когда кто-нибудь из его близкого окружения участвовал в таких полетах,

желал услышать мнение о машине не только от летчиков, но и от своих сотрудников.

Должен признаться, лавров в мою биографию полет не вплел. Взлетели мы нормально, но вскоре в кабине стало жарковато. Экипаж обратился к заместителю главного конструктора, то есть ко мне, с просьбой унять кондиционер, нагнетавший в кабину горячий воздух. Увы, с этой задачей я справиться не смог, и, подлетая к Москве, весь наш экипаж, все пассажиры стали походить на посетителей сочинских пляжей. Торжественная встреча не состоялась, нам нужно было одеться.

Началась долгая проза летных испытаний. День за днем, в хорошую, а больше в дурную погоду утюжили небо два десятка Ту-4. Летали днем и ночью, на север, восток и в Среднюю Азию, на самых больших и на малых высотах, имитируя отказы двигателей, системы управления, радиосвязи, средств навигации — словом, отказы всего, что только могло отказать. Так летчики сражались за то, чтобы передать строевым частям действительно надежные боевые машины.

Наконец, перед комиссией был положен объемистый акт, вместивший в себе все перипетии испытаний, доселе невиданных по широте охвата. Но напрасно мы думали, что дальше все завершится сбором подписей. Чем в более высокие инстанции переходило обсуждение акта, тем более серьезные возникали дебаты.

Так, один из профессоров вдруг поставил вопрос: а соответствует ли построенный самолет не американским, а нашим, советским нормам прочности, то есть не разрушится ли он в воздухе? Червь сомнения тут же впился и в некоторых других членов комиссии. Андрей Николаевич убеждал их: в юго-восточной Азии, где два года воевали американские В-29, атмосферные процессы гораздо тяжелее европейских, однако самолеты не разрушались. А если какая-то разница между американскими и нашими нормами и есть, то при весьма обстоятельном пересмотре конструкции, при переводе ее с дюймов на метрику наши требования были учтены. Но все напрасно. Обязательно находился «сомневающийся».

Наконец, исчерпав все полемические возможности, Андрей Николаевич на одном из заседаний снял трубку кремлевского телефона и набрал номер. Все умолкли: что еще позволит себе этот своенравец? А тот своим высоким голосом говорит:

— Это Туполев докладывает, товарищ Сталин. Вот здесь некоторые считают, что прочность Ту-4 недостаточна...

Выслушав ответ, положил трубку и сообщил:

— Товарищ Сталин не разделяет ваше мнение и рекомендует оформление акта не задерживать.

Разумеется, акт подписали достаточно быстро.

П. В. Дементьев, как заместитель министра авиационной промышленности, был членом комиссии по испытаниям. Спустя много лет, сидя однажды у нас на летной базе, Петр Васильевич рассказал, как утверждался акт испытаний Ту-4. И заодно — как родилось название Ту-4. Не особенно прельщенный копированием чужой машины, Туполев распорядился писать в ее чертежах «Б-4». Это понималось как «четырехмоторный бомбардировщик».

Вот рассказ П. В. Дементьева:

«...Как-то вечером нас с министром Хруничевым вызвали с актом к Сталину, на ближнюю дачу. Встретил начальник охраны Власик,

провел на террасу и попросил обождать, а машину отпустить. Прошло около получаса, вдруг дверь бесшумно отворилась, и, кивнув нам, вошел Сталин. Сел за стол, ни слова не говоря, углубился в толстенный акт. Затем, попыхивая в усы трубочным дымом, молвил: «Ровно на год опоздали!» — и, взяв акт, удалился.

Мы прождали довольно долго, как вы понимаете, в тревоге. Наконец, вышел Власик:

— Акт товарищ Сталин подписал, можете возвращаться в Москву.

У подъезда стоял ЗИС-110, но не наш. А рядом с шофером — вооруженный военный с опечатанным сургучом пакетом.

Тронулись, проехали Арбат, свернули к Охотному ряду, стали подниматься на Лубянскую площадь. Мы с Хруничевым сидели, не произнося ни слова. Прием у Сталина был настолько сухим, что мы лишь догадаться пытались, кто этот военный — какой-нибудь адъютант или уже конвоир? Машина обогнула прощадь, повернула на Большую Лубянку, но ведь и там хватает зданий НКВД!.. Только миновав Сретенку, после поворота в Даев переулок, в сторону министерства, мы вздохнули свободнее.

У подъезда военный молча отдал Михаилу Васильевичу пакет. Было три часа ночи. Мы поднялись на «министерский» этаж, закрылись в кабинете. Уставшие от сурового свидания, от тревожной неизвестности — что он там написал, в акте? — оба мы обессиленно повалились в кресла. Переведя дух, вскрыли пакет и прочли: «Утверждаю». Председатель Совета Министров и Министр обороны СССР. И синим карандашом — дата, подпись «И. Сталин» и исправление: Б-4 на Ту-4.

Хруничев встал, отер лоб, достал из сейфа водку и разлил ее по стаканам:

— Нет, Петр Васильевич, так нам долго не протянуть!

Мы выпили залпом, не закусывая,— нечем, оказалось,— но нервы были до того напряжены, что «не взяла» нас водка, не подействовала...»

Да, нелегко жилось нашим министрам при Сталине!

С Ту-4 связана еще одна страница нашей истории. Как теперь всем известно, первую нашу атомную бомбу взорвали в 1949 году, сбросив с этой машины. На полигон от нашего ОКБ поехали А. А. Архангельский и А. В. Надашкевич. Связь с ними шла по высокочастотному телефону. В намеченный для сброса день меня вызывают к телефону. Оттуда! Слышу взволнованный голос Архангельского: в электросети машины непорядок, сгорел плавкий предохранитель, сброс отложен. Прибывший на полигон Л. П. Берия крайне разгневан. Срочно сообщите, кричит Архангельский, что могло случиться и как поправить дело...

Не успел я подняться к себе, звонит Н. И. Базенков, он замещал Генерального: «Зайди, и побыстрее!»

Бегу. У Базенкова трое штатских, но глаз на гебистов у нас наметан. Один из них, приоткрыв лежавшую перед ним папку и заглянув в нее, спрашивает: «Почему на самолете Ту-4 сгорел плавкий предохранитель на 20 ампер?». Подчеркнуто спокойно отвечаю: «Самолетов Ту-4 выпущено несколько сот, разных модификаций. Предохранителей на них тысячи. Скажите номер самолета и где он находится, мы найдем схему и постараемся ответить». Не дрогнув ни единым мускулом лица, этот тип слово в слово повторяет свой вопрос. Мне совершенно необходимо подняться к себе, увидеть схему, понять, в чем дело, поэтому я, изображая возмущение, обращаюсь к Базенкову: «Если от меня что-то

скрывают, делать мне здесь нечего. Пока я не узнаю номер машины, ответить на вопрос не могу»,— и направляюсь к двери. Один из троих молча поднимается и следует за мной. Я в лифт — гебист туда же. Приходим ко мне в кабинет, а там уже приготовлена схема и мои электрики собрались. Рассматриваем схему, переговариваемся. «Попка» у дверей. У него своя задача: чтобы я не убег.

Разобравшись, идем вниз, мимо кабины ВЧ, а оттуда меня зовут: «Вас опять полигон!» На этот раз звонит инженер-подполковник С. М. Куликов, он от генерала Финогенова, руководившего испытаниями от ВВС. Серафим Михайлович сообщает: «Разобрались, предохранитель обогрева бомбы на 50 ампер включили не прямо в магистральную сеть, а последовательно с установленным в сети самолета предохранителем на 20 ампер. Когда включили обогрев, двадцатиамперный и сгорел. Если вы согласны, шлите Вч-грамму, мы все заменим, исправим, подключим куда следует. Но за подписями вашей и Базенкова».

Еще через два часа позвонили — все в порядке. В эти часы я все старался отделаться от «попки», чтобы позвонить домой, сказать, что могу задержаться на некоторое время. Дескать, не волнуйтесь. Но не удалось. «Попка» отклеился от меня только после того, как с полигона сообщили, что все проверено, все в порядке, эксперимент назначен на завтра. Когда гости ушли, мы с Николаем Ильичом вспомнили недалекие годы, шарагу в этих же стенах и подумали, по краю какой пропасти идет наша жизнь.

К нашему горю, вскоре после испытаний атомной бомбы мы потеряли А. В. Надашкевича. На полигоне для проверки эффективности нового оружия были построены разного типа дома, участки железных и шоссейных дорог, линий метро, расставлены автомашины, танки, самолеты, пушки, вагоны, паровозы и даже мелкие суда.

Александру Васильевичу, нашему вооруженцу, не терпелось лично оценить действие атомного оружия, и при первой же возможности он отправился к месту взрыва на «виллисе», хотя и защищенном специальными экранами. Неизвестно, пробыл ли он там дольше положенного или, выйдя из машины, забрался куда не следовало, но через год он заболел лейкемией и еще через два скончался.

В 1948 году чествовали А. Н. Туполева в день 60-летия. Юбиляру вручали подарки. Вручил свой и главный конструктор авиадвигателей А. А. Микулин — модель тяжелого реактивного самолета. Из сопел двигателей вырывались плексигласовые струи газов.

Подарок со значением, дескать, возьмите мой двигатель, Андрей Николаевич, и у вас получится прекрасный самолет!

Дело в том, что работа над реактивным бомбардировщиком уже шла, им предполагалось заменить поршневые Ту-4. Но имевшиеся реактивные двигатели ВК-1 В. Я. Климова давали тягу всего около 3 000 килограммов, микулинские же АМ-3 — по 7 500 килограммов, неслыханно много в то время!

И это, разумеется, существенно меняло всю компоновку.

Только вот беда: размеры АМ-3 были также невиданными. Вкомпоновать два двигателя в самолет никак не удавалось. Подвесить под крыло? Они достали бы до земли. Разместить по бортам фюзеляжа в хвосте, как впоследствии сделали французы на «Каравелле» и ильюшинцы на Ил-62, тогда еще не хватало теоретических проработок для такого принципиального шага.

И наши компоновщики предложили вписать двигатели в самый корень крыла, прижав их вплотную к бокам фюзеляжа.

Поначалу Туполев напрочь забраковал это предложение: как при такой компоновке обойти или пронзить мощные силовые балки крыла, лонжероны? Как сквозь них подвести к двигателям воздушные каналы?

Ничего лучшего, однако, никто не придумал, и Туполев сам взялся прорисовывать стык фюзеляжа и крыла, вписывать туда двигатели. Все бумаги, попадавшие в эти дни к старику на стол, были испещрены эскизами. Даже какой-то архиважный секретный меморандум оказался изрисованным, к понятному негодованию соответствующих сотрудников, охранителей тайн.

Постепенно решение все же стало проклевываться, конструкция — оживать. Весьма сложные расчеты подтвердились; причем настолько, что Туполев собрал нас и, впервые, кажется, изменив своей отчасти суеверной привычке не спешить с окончательными выводами (пока новая машина не облетана), резюмировал: «Баста! Сомнения в сторону — и за работу!»

Понятно, работа над Ту-16 не свелась к размещению двигателей и усовершенствованию конструкции машины. Для самолета этого, с его колоссальной, по тогдашним представлениям, скоростью, понадобились новые приборы, локаторы, прицелы, автопилот и многое еще. Коллеги из других оборонных отраслей промышленности, вспомнив эпопею Ту-4 и возникшие тогда горизонтальные связи, по-деловому отнеслись к нашим требованиям, и заказы на комплектующие изделия и материалы удалось разместить сравнительно быстро.

К началу 1952 г. машину собрали, отвезли на аэродром, и морозным солнечным днем она впервые ушла в небо. Готовили ее к полету особенно тщательно, реактивных самолетов таких размеров и веса, со стреловидными крыльями еще никто и нигде не испытывал. Правда, несколько раньше американцы выпустили «Боинг» В-47. Но он был тонн на 15 легче, а главное, подробной информации о ходе его испытаний мы не имели. Чувствовалось, что и летчик-испытатель Н. С. Рыбко, исключительно выдержанный, прошедший огонь и воду, на этот раз необычайно насторожен.

Но первый вылет принес только радости. Самолет показал себя устойчивым, послушным, с покладистым характером.

Это, замечу, вполне техническое понятие: характер самолета. Авиаторы вообще, а особенно летчики, склонны очеловечивать свои машины. Вслушиваясь в разговоры на аэродромах, в КБ, можно уловить: нервный самолет, спокойный, вздорный, покладистый, упрямый, послушный, сволочь, ангел, дьявол и т. п.

...Вскоре пришло еще одно радостное известие: в полете на максимальную дальность, с нагрузкой, Ту-16 уверенно держал скорость 1000 километров в час, после чего Сталин распорядился запустить его сразу в крупную серию, не дожидаясь конца испытаний.

А затем — известие куда менее приятное. Сначала в виде вопроса, заданного Сталиным нашему министру М. В. Хруничеву: нельзя ли, поставив на Ту-16 еще два мотора и несколько увеличив его размеры, получить межконтинентальный бомбардировщик, способный долететь до Америки и обратно?

Нельзя, показали расчеты. И тогда вождь пожелал переговорить с Туполевым лично.

Об этом свидании Андрей Николаевич рассказал нам так: «Сталин был мрачен.

— Почему вы, товарищ Туполев, отказываетесь выполнить задание правительства, построить крайне нужный нам межконтинентальный реактивный бомбардировщик?

Я разъяснил, что, по нашим очень внимательным расчетам, с существующими двигателями этого сделать невозможно: слишком велик расход топлива.

Сталин подошел к столу, приоткрыл папку, достал оттуда лист бумаги, просмотрел его и сунул обратно:

— А вот другой конструктор берется создать такую машину. Почему же у него получается, товарищ Туполев, а у вас нет? Странно!

Немного повременив, видимо, оценивая мою реакцию, хотя я молчал, продолжил:

— Я думаю, что нам под силу создать этому конструктору не худшие, чем у вас, условия для деятельности. Так мы, вероятно, и поступим.

И отпустил меня кивком головы. Я понял, что он остался крайне недовольным...»

Выводы не задержались. Через пару дней поступило распоряжение перевести в новое бюро около двухсот наших инженеров и конструкторов, а также передать туда часть нашего оборудования и станков.

Новое бюро В. М. Мясищева разработало свою машину. Правда, не совсем ту, которую обещало. Это был очень хороший бомбардировщик, но с одним-единственным недостатком: нужной дальностью он не обладал.

Туполев побывал у Сталина в 1952 году, а через год Сталин умер. Новый генеральный секретарь, Н. С. Хрущев, распорядился передать несколько Ту-16 дружественному Китаю, а затем, после революции в Египте, также и им. Наконец, как говорили, ряд кораблей и самолетов, в том числе Ту-16, был продан Индонезии в пору дружбы с тамошним президентом Сукарно.

Американцы дали нашей машине кодовое название «Барсук». Зверь этот агрессивный, соседей не любит. Вот и Ту-16, с его очень сильным оборонительным вооружением, мог себе позволить кое-кого «не любить», особенно если этот кое-кто — вражеские истребители. Бомбовая же нагрузка Ту-16 оказалась такой, что журнал «Эйроплейн» сообщил: в этом самолете А. Н. Туполев достиг вершины инженерного искусства.

Хорошо, что журнал не знал про то, как с этой именно машиной мы пережили одну крайне сложную ситуацию. Дело в том, что опытная машина оказалась сильно перетяжеленной, а это значит — ее дальность меньше заданной. В серии требовалось снизить, причем значительно, вес конструкции, а как это сделать, к тому же быстро? Туполев собрал начальников всех каркасных бригад. Сразу же начались препирательства: кто больше превысил лимит, почему и т. д. Немного послушав, Андрей Николаевич попросил начальников успокоиться.

— Князья, ей-Богу, прямо удельные князья! А ведь дело-то у нас общее... Ну-ка, хватит выяснять, кто виноватее, давайте предложения!

Наступившее тягостное молчание прервал Д. С. Марков:

— Полагаю,— сказал он,— чертежи в серию сдавать можно, но только критически пересмотрев их с позиций веса. Доработав чертежи...

Здание КОСОС (вид со двора).

Кто-то заикнулся: а как же со статиспытаниями? Получится, что испытали мы одну машину, а завод будет строить другую?

— Да, именно так, и всю ответственность за это я беру на себя. И вот почему: переделывать все чертежи не придется — с нашим опытом, уверенно заявляю, подавляющее большинство деталей останется без изменений, на многих они будут столь незначительными, что новых мы переделаем основательно немного. Их мы изготовим и испытаем самым срочным порядком. Мало этого, испытав, тут же изготовим у себя для серийного завода на десять машин. Для полных же статиспытаний возьмем одну из первых машин с серийного завода и передадим ЦАГИ — пусть ее сломают вне очереди, об этом я договорюсь с тамошним начальством.

План Дмитрия Сергеевича удался, и самолеты Ту-16 стали поступать в войска без задержки, в заданные сроки.

Дальность Ту-16 мы все же увеличили, но другим способом: самолет не переделали, а применили дозаправку топливом в полете.

Операция как будто и не слишком сложна, но ведь проделывали ее два самолета весом по 70 тонн, мчащиеся с огромной скоростью в турбулентной атмосфере! Так что номер получался почище циркового, совместная отработка его с летным институтом заняла около года. Но ничего, отработали, и дальние бомбардировщики Ту-16 стали очень дальними.

...Находившемуся в Белграде с визитом Н. С. Хрущеву срочно понадобились какие-то документы из Москвы. Если везти их на Ли-2 или Ил-12 — срочно не получается. Решили использовать Ту-16. Долетев до

Белграда за два часа, самолет сел в аэропорту и зарулил на стоянку по указанию диспетчера. А тот, не знакомый с силой наших двигателей, поставил его в ряд с другими машинами. За ним, на площади перед аэровокзалом, располагались киоски с газетами, сувенирами и т. п.

Настал день вылета. Взглянуть на это зрелище собрался народ, в том числе военные атташе почти всех посольств. Запустили двигатели, легкий свист стартеров сменился басовитым рокотом Ам-3. Надо трогаться, командир отпустил тормоза, дал газ...

Когда пыль улеглась, киосков на площади не обнаружилось, они лежали на газоне вдали. Сдуло их реактивными струями.

И второй раз Ту-16 оказался вовлеченным в политику, теперь во внутреннюю. Как-то приезжаю в Жуковский, на летную базу. Вижу, произошло нечто из ряда вон выходящее. Двойная тщательная проверка пропусков, на территории — несколько правительственных «ЗИСов». Много офицеров КГБ и незнакомых штатских. На стоянке — не меньше десятка военных Ту-16.

Как раз в это время туда заруливал очередной Ту-16, и лишь замолкли его двигатели, как к нему подъехал «ЗИС» и подошла группа встречавших.

Открылись люки, экипаж спустился на бетонку, а из люка верхнего стрелка никто почему-то не вылезает. Наконец, появились обутые в ботинки с галошами ноги, помятые брючины, туго набитый портфель, а затем и вся фигура.

Подошедшие освободили ее от парашютных лямок, и перед нами предстал растерянный от пережитого в полете сугубо штатский пожилой человек. Его усадили, буквально внеся в машину, рядом с шофером сел

Автор и Н. С. Хрущев летят в Америку.

вооруженный офицер, и сквозь предупредительно открытые ворота она унеслась в сторону Москвы.

Что все это значит?

— Сам не знаю,— ответил начальник нашей базы М. Н. Корнеев.— Прихожу на работу, дежурный передает: звонили по «ВЧ», распоряжение министра — принимать военные шестнадцатые, прилетевших без задержки отправлять в Москву...

В ОКБ тоже никто ничего не знает, но настроение у всех тревожное. И только к вечеру, не без помощи Би-би-си выяснилось: на президиуме ЦК Маленков, Молотов, Каганович, Сабуров и примкнувший к ним Шепилов выразили Хрущеву недоверие, потребовали его отставки со всех постов. Нерастерявшийся Никита Сергеевич заявил, что избран пленумом ЦК и подчинится только пленуму.

А пленум ЦК — это секретари центральных комитетов партии республик, райкомов и обкомов. Но страна наша так велика, а пассажирские самолеты так тихоходны (Ту-104 еще не существовал), что, пока они соберутся в Москве, может произойти много неожиданного.

И Хрущев нашел выход: распорядился доставить всех участников пленума с восточносибирских и среднеазиатских окраин на реактивных бомбардировщиках Ту-16. Вопрос был в одном: где сажать машины? Во Внукове, Домодедове и Шереметьеве нельзя, слишком много там публики, операцию обнаружат. Кроме того, самолет Ту-16 еще не рассекречен, его оберегают от посторонних взглядов. Стало быть, сажать их на туполевской летной базе, расположенной, как и базы других опытных ОКБ, на аэродроме летно-исследовательского института.

Все члены ЦК были вовремя доставлены в Москву, и на состоявшемся пленуме подавляющее большинство поддержало не оппозицию, а Н. С. Хрущева.

Со временем Ту-16 претерпел множество модификаций, поддерживавших машину на уровне самых высоких требований. Появились разведчики, носители ракетного оружия, торпедоносцы и ряд машин иного назначения.

Когда Ту-16 налетали в ВВС сотни и тысячи часов, Туполев принялся прорабатывать его пассажирский вариант — Ту-104.

С рождением этого самолета нашему ОКБ пришлось заняться решением множества новых, интересных, но трудных задач и вопросов. И первой из них было преодоление инертности и косности чиновников аппарата всех ступеней. Столкнувшись с рядом действительно принципиальных преобразований, необходимых для успешного перевода пассажирского авиадвижения на реактивную тягу, мы подивились числу и разнообразию аргументов против него.

Они традиционно начинались с того, что нигде и никто этим в мире не занимается. Далее следовало — пассажиры откажутся летать. Слишком быстро, слишком высоко, к тому же какая-то солнечная радиация.

К тому же, надо строить бетонные полосы, новые аэровокзалы, ремонтные базы, ангары, переходить с бензина на керосин, переучивать экипажи — какие огромные затраты.

А экономика? Надо еще доказать, не разорится ли наш Аэрофлот.

Решающие аргументы наш шеф выдвинул на одном из высоких совещаний:

— Военная авиация всех передовых стран, в том числе и нашей, давно летает на реактивных самолетах, и ничего с экипажами не происходит.

Большие, четырехмоторные лайнеры с обычными двигателями тоже потребовали для полетов бетонные полосы. Их построили даже в таких маленьких странах, как Дания, Бельгия и Голландия. То же с аэровокзалами. Неужели такой стране, как наша, это не по силам? В эпоху, когда воздушный транспорт стремительно растет, нам на тихоходных Ли-2 и Ил-12 не удержаться.

Что же касается экономики — сядем за парты и займемся ее изучением. Скорость у Ту-104 в пять раз выше. Наш самолет в один день слетает в Сочи и вернется. Значит, один Ту-104 заменит минимум двадцать Ил-12.

Вот и посчитайте зарплату 19 лишних экипажей, обслуживающего персонала, тягачей, трапов, стоянок, топлива и т. д.

После всесторонних испытаний опытный Ту-104 15 сентября 1956 года отправился в первый рейс с пассажирами в Иркутск. На борту разместились члены семей и родственники работников ОКБ и министерства. Летел с нами и заместитель начальника ГВФ Е. М. Белецкий.

Полет прошел великолепно, и все участники стали агитаторами за такие лайнеры. Правда, небольшой комический эпизод все же имел место. На обратном пути, уже миновав Омск, приняли радиограмму — «Полет в Москву воспрещен — возвращайтесь в Омск».

Белецкому удалось выяснить причину. Оказывается, в это время Хрущев возвращался на Ил-12 из Варшавы в Москву. Боясь столкновения (мы двигаемся на высоте 10 километров с Востока, а он на высоте 2000 метров с Запада!), чекисты решили перестраховаться.

Посоветовавшись с Е. М. Белецким, мы все же решили лететь дальше, справедливо полагая, что никто ничего не обнаружит. Опыт показал, что мы были правы.

Пришло время, и Ту-104 совершил свой первый рейс за рубеж. Летчик А. Стариков повез в Лондон генерала ГБ Серова со свитой для обговаривания предстоящей встречи Н. С. Хрущева с премьер-министром Великобритании.

Английская пресса писала о самолете: «Россия удивила западный мир, показав Ту-104 более совершенный, чем все самолеты, которые мы видели» («Дейли Мейл»). Главный маршал авиации Жубер де ла Фор в интервью телевидению сказал: «Русские далеко опередили нас в строительстве таких самолетов, а реактивных двигателей подобного размера мы не имеем».

Триумфальное шествие Ту-104 по всему миру продолжалось. Именно эта машина открыла новую авиационную эру, и мы были горды этим. Как ни странно, но Ту-104 внес свою лепту и в космонавтику. Встретившись с Туполевым, С. П. Королев пожаловался ему:

— Нам очень нужны тренажеры для обучения будущих космонавтов поведению в невесомости. Но к кому я ни обращался, все отказывают. Говорят, на земле такого не придумаешь.

— Постой, постой, может быть, я тебе кое-что предложу. Если мы возьмем Ту-104, загоним его на высоту 10 000 метров, а потом начнем, снижаясь, лететь по синусоиде, в каждой ее верхней половине самолет будет испытывать отрицательную перегрузку.

— А сколько она будет продолжаться?

— Да около минуты.

— Мало, Андрей Николаевич, надо побольше.

— Так сделай таких синусоид двадцать, вот тебе и двадцать минут.

Из кабины вытащили все кресла, обшили ее изнутри мягким поролоном, и задача была решена.

...Нелепая с инженерной точки зрения идея Сталина превратить двухдвигательный Ту-16 в четырехдвигательный межконтинентальный реактивный бомбардировщик все же задела Туполева. Но реактивных двигателей, достаточно экономичных для таких полетов, в ближайшем будущем не предвиделось.

Что же оставалось — ждать?

Нет, международная обстановка этого не позволяла. И АНТ предложили построить тяжелый бомбардировщик с турбовинтовыми двигателями, менее скоростной, чем хотелось, зато дальний.

Но для него требовались четыре двигателя по 12 000 л. с., а в наличии имелись всего по 6 000 л. с., НК-6 Н. Д. Кузнецова. Кроме того, винт для 12-тысячесильного оказался, по расчетам, непомерно большого диаметра.

За создание нового двигателя взялось ОКБ Н. Д. Кузнецова, за проблему винта — ОКБ В. И. Жданова. Но те и другие просили на это 2—3 года. А ждать столько было нельзя.

Выход конструкторы нашли совместно с учеными из ЦАГИ и ЦИАМа (Центральный институт авиационного моторостроения) — разместить в каждой из четырех мотогондол по два двигателя НК-6, и каждая пара пусть вращает через общий редуктор не один большой винт, а два соосных диаметром поменьше, в разные стороны.

Решение незаурядное. Сталин подписал постановление о новом бомбардировщике. И только, как нам стало известно, заметил, подписывая:

— Наконец-то Туполев одумался, взялся за нужное дело!

Все шло как надо, только один вопрос не решался, хотя огромный самолет уже собрали. Колея шасси 12 метров: как мы отбуксируем его на аэродром, если дорога от развилки Куйбышевского шоссе до Жуковского уже? Ее давно должны были расширить. Туполеву обещало это множество всяческих руководителей, вплоть до самого В. В. Гришина, в то время большого московского начальника. Но все без толку.

И тогда Туполев в очередной раз прибег к «горизонтальным связям» — позвонил маршалу Г. К. Жукову.

— Георгий Константинович, мы тут соорудили для вас некое оружие, а стрельнуть не можем.

— Это почему же?

— Да чтобы отвезти его на полигон, дорога узка.

— Андрей Николаевич, я ведь не дорожник...

— Так-то оно так, но у вас есть саперы, а я съездил, посмотрел и думаю: они за 2—3 месяца справятся. Может, посодействуете?

Через неделю-две работа закипела. Вдоль дороги выросли палаточные городки с походными кухнями. Солдаты взялись за дело. Наш главный часто навещал их, перезнакомился с командирами, со многими рядовыми, и те прозвали новую дорогу «туполевштрассе». Название прилипло, его и сейчас можно услышать от местных жителей-стариков: «Вон там, за туполевштрассе...»

К сроку дорога была готова, и «девяносто пятую» машину благополучно перевезли на опытный аэродром.

Начались летные испытания. Они тоже шли нормально, экипаж совершил не один десяток полетов. Нареканий на работу спаренных

двигателей не поступало, оба летчика-испытателя, А. Д. Перелет и В. П. Морунов, да и весь экипаж были довольны поведением самолета в самых разных обстоятельствах — днем и ночью, на высоте и у земли, в обычных и сложных метеорологических условиях...

11 мая 1953 года девяносто пятая ушла в очередной полет. Был он рядовым, ничем не примечательным, на летной базе за ним наблюдали только те, кому положено.

Неожиданно подняли тревогу радисты, их поразил подчеркнуто спокойный голос Алексея Дмитриевича Перелета: «Нахожусь в районе Ногинска, пожар третьего двигателя, освободите полосу, буду заходить на посадку прямо с маршрута».

Еще через несколько минут: «Пожар разрастается, горят мотогондола и крыло, дал команду экипажу покинуть самолет».

И тишина... Напрасно искали наши радисты голос Ту-95, громкоговоритель только шипел и потрескивал.

Гадать бессмысленно, быстрей по машинам — и в сторону Ногинска.

Приезжаем. Справа, над болотистым мелким леском столб дыма, вершину его относит в сторону слабенький ветерок. Дальше — только пешком.

Страшная картина открылась перед нами. В огромном кратере догорали остатки того, что еще несколько часов назад было нашей гордостью. Нещадно чадили шины огромных колес шасси. Неподалеку второй кратер, поменьше, развороченный отдельно упавшим двигателем, медленно заполняется струйками воды из болотистой почвы. И ни следа экипажа, одиннадцати наших друзей.

Рассыпавшись цепью, прочесываем болотистый лесок. С нами Андрей Николаевич с посеревшим лицом. Его шинель и брюки в глине, фуражка потеряна, зацепилась, видно, за ветку. Седые волосы на висках растрепались.

Н. И. Базенков зовет: «Сюда, сюда!»

На поломанных кустах лежит разбившийся, завернутый в белую парашютную ткань штурман С. С. Кириченко. Когда он выбросился, купол парашюта, неудачно раскрывшись, обвился вокруг него, спеленал, так он и падал, камнем до самой земли.

Постепенно картина проясняется. Помогают жители соседней деревеньки. «Самолет летел со стороны Ногинска, вон оттуда, с северо-востока. Вон там от него чего-то оторвалось большущее и упало на землю. В небе, глядим, парашюты (возникает спор, сколько их было: то ли шесть, то ли семь). Потом самолет накренился на крыло, пошел книзу, ударился об землю, и что-то в нем взорвалось. А ребята ваши все в деревне...»

Все ли?

Послали людей в деревню, пусть узнают.

Вернулись, привезли двоих — второго летчика, В. П. Морунова, и ведущего испытания инженера Н. В. Лашкевича. На него страшно смотреть: лямки парашюта скользнули по лицу, оставив кровавые следы.

В деревне остались трое: инженер А. М. Тер-Акопян, помощник бортинженера Л. И. Базенов и бортэлектрик И. В. Комиссаров. Потом нашли еще двоих, инженера К. И. Ваймана и радиста И. Ф. Майорова. Базенков отправил их на прилетевшем к месту происшествия У-2 в Жуковский, в госпиталь.

Недосчитываемся троих — командира А. Д. Перелета, бортинженера

А. Ф. Чернова и техника-виброметриста А. М. Большакова. Лашкевич вспоминает, как Большаков безучастно сидел над открытым люком, не делая никакой попытки прыгать, а командир А. Д. Перелет и его верный друг, не покинувший его в эту трудную минуту, бортинженер А. Ф. Чернов пытались вывести тяжелую машину из крена. Бог его знает, если бы второй пилот В. Морунов не поспешил выпрыгнуть и был с ними, может быть, совместных усилий хватило бы выправить крен? Видимо, до последней минуты пытались.

Невдалеке солдаты Монинского аэродрома раскапывают оторвавшийся двигатель. Наш главный моторист К. В. Минкнер уговаривает их:

— Пожалуйста, как можно внимательнее. Любой осколок, исковерканная деталь помогут нам объяснить причину катастрофы...

Из Москвы съезжаются сотрудники НКВД и специалисты из нашего министерства, из института авиамоторостроения. Среди последних пожилой, худощавый грузин. Один из солдат показывает ему найденный в земле осколок какой-то детали, похожей на шестерню. Оглядев его со всех сторон, грузин молча сует его в карман. Мне это решительно не нравится. Найдя К. В. Минкнера, киваю на подозрительного грузина.

И вдруг Курт Владимирович, совсем вроде бы неуместно смеясь, обращается к грузину: «Роберт Семенович, вот Кербер заподозрил, вы что-то утаиваете...»

Оказывается, грузин этот — крупнейший авторитет в металлургии профессор Киносашвили. Рассмотрев осколок шестерни редуктора, передававшей усилия двигателей на винты, он засомневался: из должного ли металла она изготовлена? Поверхность излома говорила об усталостном разрушении шестерни, в то время как наработка редуктора была еще очень незначительной.

Забегая вперед, отмечу, что Киносашвили засомневался правильно. На заводе, где делали редукторы, впоследствии обнаружилось, что дело обстояло именно так: металл был не тот. А далее логическая цепочка догадок, подкрепленных анализами, позволила представить, как развивались события. Когда шестерня разрушилась, ее осколки пробили картер редуктора. Заполнявшее его масло выплеснулось на горячие части обоих двигателей и воспламенилось. Влекомое встречным потоком воздуха, пламя устремилось под крыло самолета, обтекая нижний подкос мотора между двумя двигателями. Подкос начал деформироваться, затем, потеряв устойчивость, разрушился, и двигатели с винтом оторвались.

На следующий день после обеда появился Н. В. Лашкевич с забинтованной головой. Приехал он от самого Берии, рассказал про свой разговор с лучшим другом вождя.

— Помогите нам разобраться,— предложил Лашкевичу лучший друг.— Странная компания собралась вокруг Туполева. Одни фамилии чего стоят — Егер, Стоман, Минкнер, Кербер, Вальтер, Саукке... Немецко-еврейское гнездо. И заметьте, ни одного коммуниста — может, в этом и разгадка катастрофы? Может, это они орудуют? Вот вы, старый член партии, приглядитесь-ка к ним попристальнее. Не возражаю, если вы привлечете себе в помощь еще несколько убежденных коммунистов, мы вам посодействуем. И обо всем пишите нам. Будет нужно, я вас приглашу еще раз...

Спасибо Николаю Васильевичу, не оправдал он надежд Берии.

Значит, мы опять под подозрением. Противно, оскорбительно

и страшно. Того и гляди снова начнется: «Почему произошло то-то? Почему возникло вот это? Отвечайте, не увиливайте от существа...»

Только через два месяца, в июле, предполагавшаяся причина катастрофы была, наконец, «утверждена», и ОКБ смогло с полной силой вернуться к работе.

Надо было строить дублер девяносто пятой. Двигатели НК-12 для него, мощностью по двенадцать тысяч, изготовлены и отработаны в КБ Н. Д. Кузнецова. Запускаем в производство все старые чертежи, новыми делаем только мотогондолы.

И вот дублер на аэродроме. Кто поведет его в первый полет? На ком остановит свой выбор Туполев?

Он выбирает М. А. Нюхтикова — это тот, кто когда-то не побоялся, поднял в воздух построенный заключенными инженерами пикирующий бомбардировщик Ту-2, это ему «органы» твердили — кругом вредители, шпионы, контрреволюционеры, продавшиеся врагам.

После войны Туполев настойчиво добивался перевода Михаила Александровича к нам. И добился.

Испытания близились к завершению, когда Туполев задумался над пассажирским вариантом девяносто пятой. Назвали этот вариант Ту-114. Но почему-то на первых порах старик работал над ним только с Б. М. Кондорским, нашим художником, специалистом по интерьерам. Наконец, собрали и нас. Мы увидели план пассажирской кабины, разделенной на отсеки, на которых корявым туполевским почерком начертано: салон 1-го класса, спальные каюты, бар-ресторан, салон 2-го класса... Что за причуды? До них ли нам?

И макетный цех уже приступил к 114-й. Но и на макете мы некоторое время были заняты всем, кроме пассажирской кабины. В ней трудились столяры, декораторы, маляры — келейно. Наконец, Туполев осмотрел ее в последний раз (только с женой и Кондорским) и на следующее утро созвал в кабине нас, своих замов.

На столике бара-ресторана бутылка «двина», вазочка с конфетами, рюмки. В благодушно-хитром настроении босс разливает коньяк:

— Господа, я созвал вас, чтобы сообщить вам пренеприятное известие... Когда мы начали компоновать 114-ю, я подумал: неужели глава нашего правительства, направляясь за океан, будет целую неделю плыть на пароходе? И это когда другие президенты и премьеры перелетают через континенты на своих «дугласах», «боингах» и «ланкастерах» за считанные часы. Нет, нам для этого тоже нужен самолет, и не в обычной компоновке, а смешанный вариант, в котором и правительству летать не зазорно, и народу будет хорошо. Так выпьем за смешанный вариант!

Прошло сколько-то времени, и второй туполевский пассажирский реактивный самолет (первым был Ту-104) появился на воздушных линиях. Но, прежде чем это произошло, он нам пощекотал нервы. Лично мне «достался» такой случай. В одном из опытных полетов 114-й у нее не выпустилась правая нога шасси. А горючего у А. П. Якимова осталось часа на полтора. Туполев вызвал меня, распорядился: «Электромеханизм шасси твой, едем, успокоим их, и давай разбираться».

На командном пункте я взял микрофон и наивозможно спокойно говорю:

— Алексей Петрович, это я, Леонид Львович, Туполев рядом, разбираемся...

Но тут у меня отнимают микрофон, летное начальство возмущено:

— Вы словно по телефону с другом беседуете, у нас так нельзя, у нас надо по инструкции: «Арбуз-один, арзуб-один, я абрикос-пять. Командиру объекта сто четырнадцать...»

Туполев им, с раздражением:

— Я думал, Якимова успокоить надо, растолковать, что причину невыпуска шасси мы нашли, скоро сообщим, и сядете нормально. А ваши правила дурацкие, их осел составил! Чего вы боитесь? Как бы ЦРУ не услышала, что Якимова зовут Алексеем Петровичем, как бы мы тут из-за этого не пропали все? Ну, тогда запишите мои слова: «Разобьете стотонную машину — в ответе вы. Сумеем мы с Кербером, нарушив правила, помочь Якимову ее посадить — заслуга наша!»

А причину мы действительно уже нашли. Не буду вдаваться в детали, скажу только, что для ее устранения Якимову надо было хоть на несколько секунд отключить все источники электроэнергии, а это значило — на те же секунды лишиться связи, пережить полное молчание.

Ничего, пережили после наших успокоительных переговоров. И последовал буквально взрыв ликующих голосов в телефонах: «Пошла, пошла, пошла!»

Нога вышла из гондолы, и Якимов посадил машину.

Когда Ту-114 налетали достаточно много, начались полеты на дальность.

Первым был Хабаровск.

Росла уверенность в надежности самолета. Стало возможным открыть регулярное движение с далекими странами. И первой стала Куба.

Следующей открылась линия в Дели. Проявили интерес к Ту-114 японцы. Им приходилось летать в Европу кружным путем, с посадками в Калькутте и Тегеране. Это было долго и дорого.

Наше правительство согласилось на открытие линии Токио — Москва, через Сибирь.

Но прежде, чем начать совместные рейсы, японская компания «Джал» пожелала более глубоко и детально изучить машину. Ту-114 вылетел в Токио. Было интересно и поучительно наблюдать, как японские специалисты внимательно, дотошно изучали и самолет, и документацию к нему. Убедившись, что машина полностью отвечает требованиям ФАИ, они линию открыли. И на фюзеляжах Ту-114 наряду с нашим флагом появилась эмблема «Джал» — белый журавль.

Глава нашего государства Н. С. Хрущев собирался в США на конференцию ООН. Туполев предложил ему лететь на Ту-114. Предложение казалось дерзким. Аэрофлот еще не начал широко возить «простых» пассажиров, и вдруг — главу правительства, через океан!

Формально — дерзость, но Туполев никогда не рассуждал формально. Прототип Ту-114, военный самолет Т-95, уже несколько лет строился серийно, машины эти летали много и успешно над морями и континентами, до самых отдаленных пунктов земного шара.

А чем отличается Ту-114 от Т-95? Только фюзеляжем, в котором размещаются пассажиры.

Так-то оно так, но в этом еще следовало убедить высокое начальство. Сам Никита Сергеевич, вспоминал Туполев, мгновенно загорелся идеей лететь, да еще и взять с собою всю свою многочисленную семью.

Так или иначе, но для полета требовалось получить согласие Минавиапрома, Аэрофлота, КГБ и, разумеется, Политбюро ЦК КПСС.

Сколько и каких трудностей пришлось преодолеть? Немало. И застать Андрея Николаевича у себя в то время было почти невозможно.

Ну, а пока он решал глобальные вопросы в сферах, мы занимались практическими, которых тоже оказалось предостаточно.

Прежде всего с «органами». Они и в обычное-то время не оставляли нас без внимания, а тут — ну просто ни шагу без их представителей.

В первую очередь они интересовались, конечно, безопасностью пассажиров. Три пятых пути машина летит над океаном. Какие средства спасения в случае аварийной посадки на воду, как пользоваться ими? Как прыгать из самолета в воду, как обращаться с надувными жилетами, как залезать на спасательные плоты?

По настоянию КГБ у нас в макетном цехе изготовили натурный отсек фюзеляжа Ту-114 с дверью. Его перевезли в бассейн фешенебельного правительственного поселка на Ленинских горах, прозванного в народе «Заветами Ильича».

— Макет отсека фюзеляжа,— рассказывал В. И. Богданов, ведущий инженер, которому АНТ поручил все эти заботы,— мы установили в бассейне. Я научил будущих наших пассажиров надевать жилеты, начал репетиции. Не помню, чтобы прыгали Хрущев и Нина Петровна, но их дети, прочая многочисленная родня и другие члены делегации обучались очень активно. В купальных костюмах, в спасательных жилетах они бросались из двери кабины в воду, подплывали к плотам, забирались на них. Правда, делалось это немного несерьезно, с веселыми визгами, в бассейне с подогретой водой, а все же необходимые навыки наши будущие пассажиры приобрели.

Второй вопрос — навигационное обеспечение перелета. Для нас он был ясен. Многочисленные военные Т-95, комплекс оборудования которых был точно таким же, как и у Ту-114, летая днями и ночами над всеми океанами, всегда уверенно выходили в заданные точки и не менее уверенно возвращались на свои аэродромы. Но специалисты из КГБ предложили дополнительно расставить в океане, по всей трассе полета, через каждые 200 миль советские суда. Их радиостанции будут служить нашим штурманам радиомаяками, а случись аварийная посадка на воду — два ближайших судна поспешат к этому месту и подберут людей. Разумное предложение приняли.

Третий серьезный вопрос — оформление полетного листа. Надо сказать, такой лист заполняется на каждый полет любого самолета, в него записывают экипаж и задание, а подписывает его летное начальство. Но на этот раз «наверху» решили: лист подпишут министр и Туполев, а завизируют все главные конструкторы, чьи изделия стоят на Ту-114.

Туполев пригласил человек 50 — 60 главных на нашу летную базу, ознакомил с «предполагаемым дальним полетом одного из наших руководителей» и поинтересовался, какую особую проверку аппаратуры следует предпринять по такому случаю. Помнится, первым выступил конструктор автопилота И. А. Михалев. Считаю, сказал он, автопилот надо демонтировать с самолета, отвезти к нам и проверить на стендах. Большинство главных согласилось с Михалевым.

И тут нашего старика прорвало: «Так, значит, по-вашему, для надежности надо разобрать весь самолет? Значит, и мне прикажете снять двигатели, шасси и управление? А ведь в твоем, Иван Александрович, автопилоте одних штепселей, поди, штук сто наберется, всего же их по самолету, вероятно, тысячи две! Сейчас на работу вашего оборудования

нареканий у экипажа нет. А развернем штепсели, потом через неделю завернем — станут ли они после этого надежнее? Вздор! Вот тогда-то ваши аппараты и начнут отказывать. Нет уж, увольте, не дам развернуть ни одного. Садитесь в самолет, летайте сколько надо, проверяйте свою технику в полете самым дотошным образом, убеждайтесь, что она исправна,— и баста, подписывайте полетный лист!»

Так и порешили.

В июне 1959 года машина вернулась с Парижского авиасалона. Ее закатили в ангар, сменили двигатели. Провели контрольный облет, затем два-три маршрутных и перегнали во Внуково. 26 июня, имея на борту члена Политбюро Ф. Р. Козлова, направлявшегося в Нью-Йорк открывать советскую выставку, а в его свите — создателей Ту-114 А. Н. Туполева, А. А. Архангельского и С. М. Егера, самолет улетел в Америку.

По сути дела, это была генеральная проверка Ту-114 перед визитом Хрущева. Все прошло безупречно, инстанции убедились в надежности нашей техники, и решение Политбюро ЦК о полете Никиты Сергеевича состоялось.

В далекий путь готовились два Ту-114: основной, с командиром А. П. Якимовым, и запасной — с И. М. Сухомлиным. На основном вместе с Н. С. Хрущевым и его ближайшим сопровождением должны были лететь Н. И. Базенков, заместитель А. Н. Туполева по самолету, и я, заместитель по оборудованию. Посмеиваясь, но в какой-то мере верно, друзья называли нас тогда заложниками.

Состав делегации, называвшейся правительственной, носил, я бы сказал, несколько семейный характер: жена Н. С. Хрущева Нина Петровна, ее сестра Анна Петровна с мужем М. А. Шолоховым, дочь Рада с мужем А. Аджубеем, дочь Юлия и ее муж Н. Тихонов, в то время председатель Днепропетровского совнархоза, сын Сергей с женой и ряд сопровождающих лиц. Вместе с экипажем, двумя иностранными лоцманами и с нами, «заложниками», на борту оказалось всего 70—75 человек, так что в салонах было свободно. Семья Хрущева заняла четыре спальных купе, приближенные — задний салон, в переднем разместились мы с Николаем Ильичом, иностранные лоцманы и свободные члены экипажа. Средний салон — ресторан.

Немного забегая вперед, скажу еще, что всю дорогу обстановка на борту была, в общем, спокойно-домашняя. Хрущев оказался по-настоящему демократичным. Прогуливаясь по самолету, остановится поговорить, острит, смеется. Проста, мила, по-женственному тепла с окружающими и Нина Петровна. Все мы, особенно те, кому это было впервой, наблюдали за Никитой Сергеевичем с большим интересом и, мне кажется, с симпатией. А я и сейчас отношусь к нему с искренним уважением.

На рассвете, заблаговременно, приехали во Внуково. У здания аэропорта — два Ту-114, Якимова и Сухомлина. Около обоих самолетов стража. Тишина, только щебет просыпающихся птиц. И летное поле, и самолеты покрыты густо выпавшей росой.

Идем к трапу, чтобы еще раз осмотреться в машине. С Базенковым все гладко: тщательно проверив его документы, стража откозыряла и пропустила внутрь. А меня в списке не оказалось, я остаюсь на земле. Чьи это шутки — остается только догадываться.

Около пяти утра начали съезжаться пассажиры и провожающие. Вот и Туполев. Рассказываю о случившемся. Выслушивает, явно раздражен,

уходит в здание аэропорта. Через полчаса возвращается с зампредом КГБ (фамилия не запомнилась, нечто вроде Ивановского), и генерал мигом все улаживает, прямо у трапа. Всего-то и дел... Наш старик улыбается.

Когда мы вернулись из Америки, он рассказал: «А я ему прямо: что — моих специалистов отстраняете, обеспечивающих безопасность полета?»

Без четверти семь Хрущев, расцеловав всех членов Политбюро, поднялся по трапу, помахал шляпой и прошел в свою каюту. Дверь захлопнута, можно начинать запуск двигателей. Бортинженер Л. А. Забалуев включает двигатель № 2, но что это? Винты крутятся, а двигатель не заводится. Вторая попытка — результат тот же. Наши ощущения понятны.

В передний салон, к нам с Базенковым, входит Хрущев: «Что происходит, почему не запускаются двигатели?»

По чистому вдохновению отвечаю: «А это делают так называемую холодную прокрутку ротора двигателя, она необходима перед запуском»,— отчетливо сознавая, что при неудаче «холодная прокрутка» может обернуться для нас и экипажа весьма горячей!

Напротив нас стоит резервный Ту-114, И. М. Сухомлина. Неужели на глазах всего дипломатического корпуса главе нашего государства придется пересаживаться туда? Позор!

Дверь в кабину экипажа открыта, нам видно, какое там напряжение. Но вот Забалуев включает двигатель № 3, и тот легко запускается, с первой попытки. А вслед за ним заработал и двигатель № 2.

В дальнейшем обнаружилось, что один-единственный штепсель, всего с одним проводом, по которому подавался сигнал на впрыск керосина в двигатель стартера при запуске, оказался плохо припаянным. При запуске двигателя № 2 этот провод из-за возникшей тряски отошел от контакта. А когда Забалуев запустил двигатель № 3 и машина затряслась с какой-то иной частотой, злосчастный провод вновь сконтактировал.

Итак, мы в воздухе, легли на курс. Мне поручено через каждые полчаса отмечать на карте северного полушария, простенькой карте из школьного атласа, и показывать Хрущеву, где находится самолет. Порой Хрущев отпускает меня сразу, порой задает вопросы — как связь с Москвой, отстаем мы или идем по графику, как самочувствие экипажа?

Вернувшись на место, кладу карту на соседнее кресло. Прошли Ярмут, лететь осталось немного. Докладывая Хрущеву в последний раз, я осмелел и попросил его расписаться на карте. Он улыбнулся и посреди голубого океана написал: «Борт Ту-114. Прекрасный самолет, спасибо его создателям и строителям. Подлетаем к Вашингтону. 17 ч. 26 м. 15 сентября 1959 г. Н. Хрущев».

...Но все это было еще впереди, а пока — прошли Великие Луки, Ригу, Стокгольм, Берген. Теперь под нами океан. В 10.18 миновали эсминец «Смелый», ожидавший нас в 200 милях от Бергена, в 10.58 — траулер «Добролюбов», в 11.18 — такой же «Заволжск», в 12.35 — эсминец «Стремительный». Сквозь иллюминатор в сильный бинокль видно, как океанская волна кладет суда с борта на борт. Потом пошли траулеры, названные фамилиями писателей: «Лев Толстой», «Белинский», «Новиков-Прибой». В 13.43 мы прошли над Гандером, откуда справа стал виден Американский континент.

Время подошло к обеду. В салоне-ресторане послышался звон вилок, ложек, бокалов, стук тарелок, из кухни потянуло приятными запахами.

Проявляю инициативу, зову Николая Ильича обедать. Он сомневается: удобно ли?

— Помилуй Бог, там, я заглянул, рассаживаются стенографистки, секретарши, так неужели мы, конструкторы этого самолета, недостойны?

Поколебавшись, Николай Ильич соглашается.

За первым столом по правому борту расположились Нина и Анна Петровна с мужьями Хрущевым и Шолоховым. Несведущая обслуга посадила их неудачно: этот стол — в плоскости винтов, где вибрация выше нормальной, и наполненные тяжелые граненые стаканы так и норовят соскользнуть на пол. Кремлевская кухня на высоте. Мы с Базенковым решаем не пить: как-никак мы на работе. Но делегаты отдали напиткам должное. На десерт кофе с мороженым, после чего, по древнерусскому обычаю, делегация отправляется подремать.

А мы получили щелчок, чтобы не забывали, кто такие. Минут через пятнадцать после трапезы к нам подошел некто в черном и шепнул: «Пожалуйста, воздержитесь от посещения ресторана, мы вас снабдим сухим пайком».

Но неловко было, что сухим пайком кормили и иностранных лоцманов, стало быть, у них наверняка сложилось интересное представление о нашей демократии.

В 18.13 проходим траверз Бостона, в 18.45 — Нью-Йорка и в 19.22 заходим на посадку на аэродром Эндрюс-филд, в 30 километрах от Вашингтона.

Скрипнули тормоза, и самолет замер возле красной ковровой дорожки. Внизу, у трапа, видим президента Эйзенхауэра с тремя адъютантами.

Американскую деловитость делегаты постигли сразу же: подойдя к трибуне, сооруженной для встречи, обнаружили на бетоне нарисованные следы ступней, возле которых написано: «Н. Хрущева», «Р. Аджубей», «Н. Тихонов» и т. д. Без секретарей, без разводящих все молниеносно оказались на своих местах. Удобно и дешево...

Закончилась официальная часть, делегаты расселись по автомобилям. Пора в путь. И вдруг — адский грохот, вроде стрельбы из пулеметов: это 30 мотоциклистов сопровождения разом нажали на стартеры своих «харлеев». Заметались перепуганные охранники, но страхи быстро улеглись. Но вот, наконец, все «о'кей», и кавалькада роскошных «кадиллаков» унесла Никиту Сергеевича и его свиту в Вашингтон. Теперь мы встретимся с ним только через две недели, а пока у нас свои заботы.

Майор Миллер, который нас опекает, ведет в кафетерий, обслуживающий весь персонал базы: военных и штатских, белых и черных. В очереди у прилавка — солдаты, рабочие, офицеры, генералы, секретарши, шоферы... Все делается быстро и вежливо, еда вкусная, разнообразная и дешевая. Поражаешься, когда сержант-негр спокойно подходит к столу, где сидят генералы, и, не спросив, берет сахарницу или бутылку с кетчупом. У нас так «не принято». Мы, конечно, понимаем, что все это чисто внешняя демократия, но, честно говоря, и у нас была неплоха бы такая же внешняя...

...Наконец мы можем ехать в город. Можем, но не едем, так как кого-то не хватает. Послали за ними — исчезли и посланные. Постепенно в поисках друг друга все разошлись, и автобус опустел. А когда вновь собрались, выяснилось, что Тер-Акопян забыл где-то сумку.

Миллер нервничает, язвительно спрашивает: «А может, мне всегда вызывать автобус на час позднее?»

Грустно. Особенно на фоне американской деловитости и обязательности. За две недели пребывания мы ни разу вовремя с аэродрома не выбрались.

Поселили нас в отеле «Хилтон». Нам с Базенковым, с нашими высокими, по советским понятиям, зарплатами, двухместный номер не по карману. Просим поставить в номере раскладушку, к нам вселяется Л. А. Смирнов, и втроем мы плату как-то осиливаем.

Отправляясь в поездку по стране, Хрущев поручил Базенкову и мне, по просьбе президента, ознакомить генералитет США с самолетом Ту-114. Генералы не без оснований предполагают, что Ту-114 — родной брат межконтинентального бомбардировщика и носителя ракет Ту-95.

Так или иначе мы выполняем волю Хрущева. Генералы приезжают с семьями, и, что для нас непривычно, за рулем, как правило, жена, рядом генерал, а сзади полно ребятишек. Первым приезжает Натан Твайнинг, начальник объединенного штаба. Ему показываю машину я.

За начальником штаба появляется начальник ВВС США, тоже с женой и ребятишками, и все повторяется. Вопросы — самые пустые. Мы уже начали думать — ну, слава Богу, пронесло, когда очередной генерал оказался настоящим специалистом, и как раз по навигации и спецоборудованию, то есть моим коллегой.

В последний перед отлетом вечер Никита Сергеевич устраивает большой прием в нашем посольстве. Приглашены и мы с Базенковым. Ни фраков, ни визиток у нас, конечно, нет. В чем же идти? По счастью, сам Никита Сергеевич в обычном костюме, и это снимает сомнения.

Ровно в семь наш премьер занял свое место хозяина на верхней площадке парадной лестницы особняка, чтобы пожать руки всем приглашенным. Бог ты мой, на каких только звезд мы там с Николаем Ильичом не нагляделись! Министры, государственный секретарь, адмиралы и генералы, финансовые тузы, промышленники, послы и посланники, знаменитые актеры, литераторы, пианисты и игроки на саксофоне...

Прием был «а-ля фуршет», то есть стоя. На многочисленных столах — коньяки, водки, грузинские вина, севрюги и осетры, красная и черная икра, телятина и молочные поросята, рябчики и тетерева, астраханские селедки и крабы, сибирское масло, нежинские малосольные огурчики, маринованные белые грибы — все, что летчик Цыбин смог доставить на своем Ил-18 из Москвы.

Блистательный прием заканчивался, когда приглашенный Хрущевым Ван Клиберн исполнил что-то из наших классиков, затем «Подмосковные вечера». Бесхитростный в части музыки Никита Сергеевич растрогался. Это был венец дня.

Прошел прием отлично. (Большинство газет оценило его высоко, не забыв, однако, упомянуть дьявольскую духоту: кондиционирования в старом здании посольства не было.)

Но вот блистательное мероприятие подошло к концу, Н. С. Хрущев опять занял свое место на той же площадке и снова попережимал несколько сот рук.

Отлет в десять вечера. С утра складываемся. Сую в чемодан купленного «Доктора Живаго». Вещи были уже в багажнике, когда к нам подошли два джентльмена и, отвернув лацканы пиджаков, показали полицейские жетоны: все выгружайте обратно! Базенков принялся было выяснять отношения, но подоспевший сотрудник посольства объяснил: имеются сведения, будто в чьи-то вещи подложена бомба, поэтому багаж будут проверять агенты ФБР.

Этого мне только недоставало с моим «Живаго»!

Но все утряслось, «Живаго» агентов не интересовал. Вещи вновь уложены, и по вечернему городу мы тронулись в Эдрюс-филд. В самолете заняли прежние свои кресла в первой кабине.

Никита Сергеевич, как и при отлете из Москвы, входит в передний салон, садится впереди нас. Машина начинает разбег.

По принятому в США закону, ночью на каждом самолете прерывисто вспыхивает сильный красный огонь — «маяк против столкновений». Здесь не как у нас: из-за отлета Хрущева никакие другие рейсы не отменяются, и в иллюминаторы то тут, то там видны вспышки. Хрущев поворачивается к нам: «Что это за вспышки?» Отвечаю. «А у нас они есть?» — «У нас,— говорю,— нет».— «А надо бы завести, ведь это полезно!»

По прилете я рассказал об этом Туполеву. Старик сразу оценил предложение. За пять дней мы сконструировали в своем бюро устройство, изготовили, испытали — а вот с внедрением застряли, как всегда. И лишь когда в Совнархозе узнали, что идея — самого Хрущева, все решилось молниеносно.

Глубокая ночь. Просыпаюсь от прикосновения руки, меня зовут в кабину экипажа. Три часа ночи, следовательно, мы где-то возле Гренландии. Проходя по салону, я взялся за металлический поручень и почувствовал удар электрического тока. Откуда он здесь, такой весьма ощутимый потенциал?

Это я понял, войдя в кабину летчиков. По лобовым стеклам струились языки голубого пламени, коки винтов и концы лопастей словно горели, с них стекали в пространство светящиеся шлейфы. Все выступающие части самолета: антенны, купол астрономического секстанта, обтекатели крыльев, воздухозаборники — сияли голубым, холодным огнем. Радиосвязь не действовала, стрелки магнитных и радиокомпасов самопроизвольно передвигались по шкалам.

А на горизонте в кромешной тьме возникали, перемещались и гасли сполохи северного сияния. Это силы природы наглядно демонстрировали: «Что нам вы, что нам ваше чудо творения Ту-114 и его ответственнейшие пассажиры? Ничто! Былинки, не более...»

Экипаж был встревожен, да и как тут не встревожиться! М. А. Нюхтиков наклонился ко мне:

— Не опасно ли, не снизить ли высоту полета?

— А давно это? — спрашиваю.

— Минут десять — пятнадцать...

Я, успокаивая его и себя:

— Думаю, если опасно, с нами уже что-нибудь случилось бы. Видимо, мы попали в сильнейшую магнитную бурю. Воздух предельно наэлектризован, и на острых частях самолета возникли огни святого Эльма — тлеющие холодные разряды. А раз ничего не произошло, то скорее всего и не произойдет. Однако прошу — все внимание на курс! Сбиться с него ничего не стоит, и если мы завезем главу страны на Северный полюс или в Африку, будет конфуз.

Тут Нюхтиков успокоил меня:

— Как только эта свистопляска началась, мы перешли на пилотирование по гироскопическим автономным приборам...

А зрелище было суровое, величественное. Я пошел в хвостовой салон, чтобы взглянуть оттуда сквозь иллюминаторы на крылья и мотогондолы. Внутри кабины огни притушены, в салонах полумрак. Все крепко

спят, и слава Богу, а то какой-нибудь проснувшийся нервно настроенный пассажир вполне может устроить панику на борту. Только в последнем ряду припал к окну встревоженный, побледневший охранник:

— Хочу разбудить полковника!

Я попросил не делать этого.

Популярно изложив охраннику, что это такое, я вернулся к летчикам. Там все оставалось без перемен. Фейерверк продолжался с полчаса, за это время мы пролетели километров четыреста. Около четырех утра на востоке чуть посветлело. Приближался рассвет, и огни святого Эльма начали меркнуть, магнитная буря стихать. Восстановилась радиосвязь с Москвой. Оказывается, все это время Москва гадала: не взорвалась ли на борту бомба, не погиб ли самолет?

Как хорошо, что знатные пассажиры почивали!

Часов в шесть утра Никита Сергеевич вышел из каюты, выпил стакан чая и начал диктовать стенографисткам московскую речь.

Пользуясь тем, что ось посадочной полосы во Внукове почти совпала с нашим курсом, Якимов не делает круга и заходит на посадку с хода.

Никита Сергеевич входит в пилотскую кабину, благодарит экипаж, жмет всем руки, выходит на трап и спускается на московскую землю. Встречают его сияющие Брежнев, Суслов и остальные члены Политбюро.

В те времена о каждом новом пассажирском лайнере советская пресса писала много и охотно. Про военные — ни слова. Но что удивительно — «их» печать где-то добывала и такие материалы. Откуда же?

Легионы секретчиков и режимщиков собирали общие, профсоюзные и партийные собрания, убеждали: «Будьте бдительнее, болтун — находка для шпиона». Пуще прежнего зашторивали окна бюро, увеличивали вахтерские посты, прислушивались к разговорам сотрудников, искали под халатами наших чертежниц утечки информации. И все напрасно, шпионы ускользали, публикации продолжались!

А источники утечки информации были наяву. Летчики, участвовавшие в воздушных парадах, рассказывали: «Летим к Москве вдоль Ленинградского шоссе, а на лесных полянках полно посольских автомобилей. Их седоки, обвешанные фото- и киноаппаратами, непрерывно снимают нас во всех ракурсах. Вокруг на штативах аппаратура радиоразведки, операторы крутят антенны вслед за нами».

Еще великий Леонардо заметил — нет ничего неизменнее человеческой головы. Запечатлев голову летчика сквозь остекление кабины, фотограф получал единицу измерения. Руководствуясь ею, по снимкам легко воспроизвести геометрию самолета, конечно, с некоторыми — но не слишком большими — погрешностями. Пойдем дальше — угол стреловидности крыла дает представление о верхней границе его скорости. Площадь крыла, помноженная на применявшуюся в то время нагрузку на квадратный метр,— вес самолета. Зная скорость и вес, узнаем мощность двигателей. Обнаружив на снимках бомбовый люк и число стрелковых оборонительных установок, можно определить назначение машины и даже состав ее экипажа. Как просто открывался секретный ларчик!

Проглядывался и второй канал утечки — корреспонденты соцстран. Им разрешалось фотографировать и при наземных показах техники. Обычно после этого в газетах этих стран появлялись фотографии.

Ныне действуют спутники-шпионы. В одном из западных журналов поместили снимок Воронежского аэродрома. Легко читалась надпись на фронтоне ангара — «Не курить!».

Так вот после домодедовского парада 1967 года в западной печати появилось множество снимков туполевской машины Ту-22. Эту сверхзвуковую машину Андрей Николаевич относил к числу своих несчастливых творений. Опытная машина по не до конца установленным причинам разбилась. Погибли летчик-испытатель Ю. Т. Алашеев и его товарищи.

Продолжил и закончил испытания В. Ф. Ковалев. Но и тут не обошлось без происшествий. Зимой 1961 года, заметив падение давления масла на правом двигателе, он его выключил. Тяжелая машина стала быстро терять высоту. Убедившись, что до аэродрома не дотянуть, Ковалев сел на брюхо в поле у реки Пехорка. При ударе о мерзлую землю (стояли лютые морозы) кабина экипажа оторвалась, проползла несколько метров и замерла. Все люки и форточки от деформации каркаса заклинило, и экипаж оказался в плену. Хвостовая часть с двигателями загорелась, летчики видели отсветы пламени на снегу. Ковалев сказал по телефону штурману В. С. Паспортникову: «Ты как хочешь, а я гореть живьем не буду и катапультируюсь». На земле это самоубийство. По счастью, примчались машины ЛИИ, и пленников освободили. Аварийная комиссия докопалась до первопричины аварии, ею оказалась масляная трубка от двигателя к манометру, лопнувшая точно на границе между мотогондолой и самолетом. Место явно неудачное, ибо порождало споры: кто же виноват — мотористы или самолетчики? В такой ситуации обстановка порой накалялась и слышались не вполне корректные эпитеты.

На этот раз все пошло по-иному. Главный конструктор двигателя ВД-17 В. А. Добрынин, типичный представитель старой русской интеллигенции, сразу же все расставил по местам: перестанем препираться, давайте дружно искать истину и решение, как исключить такие случаи раз и навсегда.

— Так, Андрей Николаевич?

— Именно так, Владимир Алексеевич.

Я привел этот пример потому, что бывали и иные случаи. Другой главный конструктор, более молодой формации, повел себя в аналогичном случае агрессивно и поручил своим подчиненным искать в переписке нашего моторного отдела — нет ли там «компрометирующих» материалов.

После аварий дальнейшие испытания прошли уверенно, и сверхзвуковой бомбардировщик Ту-22 верно служил нашим ВВС. Правда, в его конструкцию внесли много улучшений, можно даже сказать, он стал модификацией первоначального замысла.

Следующая порученная нам работа оказалась очень интересной, но из области, с которой мы до того не сталкивались. Северные границы страны не были достаточно прикрыты от проникновения к нам чужих бомбардировщиков через Арктику.

Причина заключалась в недостаточной дальности действия наземных радиолокационных станций ПВО. Работали они на волнах, которые распространялись по законам оптики. Из-за кривизны земной поверхности станции могли обнаружить летящие самолеты не далее 250—300 километров.Учитывая их скорость, времени для приведения ПВО в боеготовность не хватало. Имелись альтернативные решения: вынести РЛС на лед, ближе к полюсу, либо поднять антенны на высокие башни.

Первое отвергал опыт Папанина — ледяные поля центральной Арктики дрейфовали в сторону Атлантики. Второе вызывало сомнение: возможно ли соорудить вдоль побережья десятки Эйфелевых башен?

Оставалось третье — разместить станции ПВО на крупном самолете. Наиболее сложной задачей стало размещение вращающейся антенны, имевшей раскрыв (ширину) 11 метров. После длительных и трудных поисков наши компоновщики нашли решение.

Прежде чем дать согласие на работу, требовалось изготовить аэродинамические модели и подвергнуть их исследованиям в трубах ЦАГИ. Продувки показали необходимость установки на самолете дополнительного подфюзеляжного киля значительной площади. Что касается гиромомента от антенны, автопилотчики взялись его компенсировать. Решив эти кардинальнейшие задачи, А. Н. Туполев совместно с М. В. Келдышем доложили правительству, и постройка самолета, прозванного «Гриб», была задана ОКБ.

Как обычно, решили сохранить неизменными возможно большее число агрегатов Ту-114. Правда, в фюзеляж внесли много нового.

Руководство работами по «Грибу» Туполев возложил на Н. И. Базенкова и Б. Д. Хасанова, начальника нашего филиала на заводе, где строилась машина. Техническое руководство специализированными подразделениями филиала и строительство стенда для наземных испытаний самолетной РЛС Туполев сохранил за московским ОКБ.

Как и положено, на филиале построили натурный макет «Гриба», созвали комиссию из представителей ВВС и ПВО, рассмотрели его и утвердили. Не буду говорить, какую бездну технических вопросов нам пришлось разрешить, но не могу не вспомнить трех. Когда мы приехали на завод «Шарикоподшипник» и попросили изготовить подшипник для антенны диаметром около метра, который должен работать в авиаусловиях, то есть при больших перепадах температур, давлений и вибраций, нас подняли на смех. Только показ макета убедил их, что это не бред.

Сделать сотовый обтекатель шириной 11,5 метра химики отказались. Пришлось его изготовить в нашей лаборатории из секций, состыкованных пластмассовыми болтами.

При осмотре макета медики заявили, что экипаж в передней кабине от многочасового облучения лучами РЛС заболеет лейкемией и погибнет, а принятые нами меры по его экранировке неэффективны. Разумеется, этого не могло произойти, ибо нижняя граница диаграммы излучения шла метра на три выше голов летчиков.

Но время все расставило по местам. «Гриб» вытащили на аэродром, приехал наш летчик-испытатель И. М. Сухомлин, походил вокруг машины, похмыкал, поцокал языком и полез по трапу в кабину. Опробовали двигатели, Иван Моисеевич порулил по аэродрому, где поглядеть на невиданное чудо собралось ползавода. Усмехнувшись, он доложил: «Ну что же, попробуем, авось Бог даст, вернемся живыми» — последнее, конечно, в шутку.

Первый вылет решили делать в выходной день: завод не работает, все же на несколько тысяч зрителей меньше, а соцгород, где живет большинство, далеко. Поехали загодя. Николай Ильич волнуется, да и как не волноваться, если над фюзеляжем на пилоне высотой 2 метра лежит чечевица диаметром 12 метров и толщиной в центре почти полтора.

После всесторонних испытаний построили несколько «Грибов», и они несли свою службу в ПВО.

Вернемся несколько назад, к предшественнику Ту-22, к фронтовому сверхзвуковому бомбардировщику «98». Благополучные его испытания (летчик Д. В. Зюзин) закончились в неподходящее время. Только что Н. С. Хрущев произнес свою сакраментальную фразу: «Мы теперь муху

в космосе можем уничтожить ракетой» — ее оказалось достаточно, чтобы все работы по самолетам «98» и «91» прикрыли.

И если по Ту-98 при большом желании это и можно было понять — действительно, армия имела ракеты «земля — земля» в некотором ассортименте, — то для предания забвению Ту-91 самый изворотливый ум аргументов придумать не мог.

Эта машина была совершенно новым классом самолетов и появилась на свет нетрадиционным путем.

Приглядываясь к сообщениям прессы о ходе боев во Вьетнаме, Туполев пришел к выводу, что для поддержки разрозненно действующих в чаще леса отрядов пехоты нужен особый самолет.

Он должен летать низко и не торопясь. Быть приспособлен к массовому производству и нести самое разнообразное оружие.

Опыт Отечественной войны показал, что низколетающие машины зенитчики сбивают активно. Даже цельнобронированных штурмовиков Ил-2 мы потеряли несколько тысяч. Значит, вносить броню в конструкцию машины не следует — это тяжело и многодельно. Но можно попытаться прикрыть экипаж от ружейного огня спереди винтами, ведь их, соосных, два, а сзади — двигателем.

Соединяющий их вал разделит кабину пополам. Слева посадим летчика, справа — штурмана.

Зададимся скоростью 500 км/ч, а высотой не более 5000 метров. Следовательно, крыло прямое, а гермокабина не нужна. Все оружие подвесим на трех пилонах: один — под фюзеляжем, а два — под крыльями.

Делясь своими раздумьями с моряками, он почувствовал их поддержку. Проявили интерес и ВВС. Соединенными усилиями разработали тактико-технические требования. Правительство их утвердило, и ОКБ приступило к работе. Ведущим конструктором был назначен П. О. Сухой.

Самолет Ту-91 прошел все возможные испытания: пускал реактивные ракеты, стрелял из пушек, был принят на вооружение, а теперь заброшен. Но, потерпев афронт с Ту-91, Туполев не мог примириться с тем, что такой прогрессивный самолет, как Ту-98, на котором была решена масса аэродинамических проблем и создана первая у нас двухмоторная машина со скоростью около 2000 км/ч, отвергнут.

Была и еще одна причина — А. Н. Туполев всегда относился к таким случаям крайне болезненно. Как это так? «Израсходовали кучу народных денег — и зазря! Не может этого быть. Если мы создали действительно отличный самолет, значит, должны найти ему применение». И он нашел!

Успех был не результатом озарения, наоборот — плодом длительных поисков, обдумывания, консультаций с военными, радиолокаторщиками, конструкторами ракет «воздух — воздух». В результате выкристаллизовалась идея: «Вот мы с вами создали «Гриб» (Ту-126), самолет раннего обнаружения вражеских бомбардировщиков. Эти машины отнесли нашу воздушную границу далеко на север. Но, обнаружив врага, сбить противника Ту-126 не в состоянии, ибо не несут вооружения. Для этого нужны истребители, вооруженные пушками или ракетами и способные длительно сопровождать «Гриб». В таком случае давайте превратим 98-й бомбардировщик в такой самолет. Возможно ли это? Да, если мы вместо носовой кабины штурмана установим радиолокационный прицел достаточно дальнего действия, заполним бомбовый люк

баками с топливом и разместим под крыльями пилоны для ракет. Расчеты показывали, что на экономической скорости такой истребитель сможет барражировать в воздухе несколько часов. Что нужно для его создания? Просить правительство поручить главному конструктору Ф. Ф. Волкову создать прицел, а главному конструктору М. Р. Бисновату — ракеты нужной дальности».

Такое предложение приняли, самолет назвали Ту-28. Испытания вел летчик М. В. Козлов (позднее Миша Козлов погиб при катастрофе Ту-144, во время демонстрации самолета в Ле Бурже. Увидя пересекающий его курс неизвестный самолет и боясь столкновения, Козлов был вынужден резким маневром уйти в сторону. Специалисты пришли к выводу, что перегрузки при этом вышли за расчетные).

Пройдя весь цикл сложнейших испытаний, Ту-28 строился серийно, и мы законно гордились прозорливостью нашего генерального конструктора, сумевшего дать заброшенной машине вторую жизнь.

Последний наш самолет, связанный с ПВО, мы демонстрировали руководству во главе с Н. С. Хрущевым в 1962 году на одном из южных полигонов. Следует отметить разные стили таких показов, вероятно, связанных с индивидуальными особенностями руководителей. Сталин никогда не посещал конструкторское бюро или летные базы авиапромышленности. Поговаривали, боялся террористов. Хрущев делал это охотно, но всегда неожиданно. Смею утверждать это, потому что у нас он бывал неоднократно. Брежнев ввел определенный ритуал. Заранее на полигон вызывались все главные конструкторы с заместителями, военные руководители, министры и их помощники. К назначенному часу кортеж автомобилей привозил к нам Ильича и членов Политбюро.

Группы гостей неторопливо проходили вдоль выставленных объектов. Пояснения давали главные или генеральные конструкторы, но особенного интереса гости не проявляли, а тем более вопросов не задавали. Складывалось впечатление, что показываемое их в деталях не интересовало. Скорее это выглядело как некое мероприятие, своеобразное шоу...

Огромная ответственность, ложившаяся на Туполева, напряженнейшая работа в ГУАП по организации серийного выпуска самолетов, проектированию и постройке нового ЦАГИ в г. Жуковском; болезнь легких, перенесенная в юности; наконец, четыре года в застенках ОГПУ — НКВД сделали свое — здоровье Андрея Николаевича ухудшалось.

Да и годы... Ему шел восемьдесят четвертый год, когда ночью, 23 декабря 1972 года, остановилось сердце...

Трудно представить, какую потерю понесла наша страна. Его самолеты и сейчас служат Родине. Но со смертью руководителя работа не останавливается, ее продолжает следующее поколение.

Последние парижские авиасалоны позволили специалистам убедиться, как творчески и продуктивно работал коллектив ОКБ во главе с молодым А. А. Туполевым и его первым заместителем — А. И. Кандаловым, как много создано ими за двадцать лет, прошедших с кончины Андрея Николаевича. Наши потомки, конечно, оценят их труды должным образом.

Рисунок АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНСКОГО

ИВАН АЛЕКСЕЕВ

МАЛЬЧИК-ВЪК

воспоминание

*«И в глубине души он твердо знает, что никакой разум никогда не убедит его, будто нет и не было в мире этой черноглазой племянницы и будто так и не узнает она, каким мучительным и счастливым воспоминанием, — их **общим** воспоминанием, — одержим он весь день.*

«В некотором царстве». И. БУНИН.

Вот вам даль: небо, столб белесого потока, чуть вправо и вниз — дрожит, будто на воде, плоский глазок солнца (день будет жаркий), еще вниз — лиловая перетяжка леса; верхушки уже вспыхнули, над ними, выступив рядком, замерли умытые, поджарые тучки; где-то здесь, у самого края, пространство затянулось в узел, из которого легко и протяжно выскальзывали рельсы — по ним, рассекая надвое запотевшую, в серебристых паутинах, зелень равнины, катился нестерпимый блеск; на пути, шевеля мелко наколотые камушки, прогуливалась важная, как присяжный поверенный, ворона, вертела головой, кланялась и задумчиво тюкала клювом в отполированный до голубизны чугун; тени были еще длинные, косые: от вокзального, крашенного охрой, дощатого строения с островерхой башенкой для часов, от посаженных в линию молоденьких елочек, от сутулой фигуры начальника станции — он только вышел и теперь мучительно кашлял (тень его судорожно сжималась), пугая перепачканных углем кур, сновавших вокруг дерганой механической походкой; его шея была замотана в шарф, пуговицы на шинели

По причинам, не зависящим от автора, набрать текст в старой орфографии оказалось невозможным.

Иван Алексеев окончил 1-й Московский медицинский институт, по профессии врач-реаниматолог. Ему 37 лет. Живет и работает в Москве. Рассказы его печатались в коллективных сборниках и альманахах.

тускло отсвечивали, красные глаза слезились; откашлявшись, он засмотрелся вдаль, где над лесом сначала появилось мутное пятно, будто пальцем растерли карандаш, а погодя набухла жирная точка паровоза.

Поезда здесь останавливались неохотно; чаще с грохотом и ветром, весело мелькая окнами, проносились мимо, оставляя после себя внезапную тишину, от которой нехорошо сжимало в сердце. Начальник станции вошел в полутемный пустой вокзал и, присев на скамеечку, закурил; когда он вернулся на улицу, дым, стремительно скошенный назад, уже застилал половину неба.

Надсадно заголосив, поезд ворвался на станцию, заскрежетал тормозами, протянулся по дуге вдоль низенькой платформы, громыхнул буферами и встал.

Никто не сошел; отскучав положенный срок, начальник станции с силой ударил в колокол — раз, другой. Неожиданно дверь из комнаты для господ распахнулась, на платформу выскочил молодой человек в студенческой тужурке и, размахивая необременительным баулом, бросился бежать, нескладно вывернув голову к слепым задернутым окнам; через мгновение, подтянувшись за поручень, он скрылся в вагоне — будто и не было никого.

В узком, застеленном ковром коридоре тихо и душно; босая ступня, освещенная косым лучом, сонно выглядывает из приоткрытой двери купе; только сейчас — глухо, издалека — прозвучал запоздавший третий удар. Вокзал качнулся, поплыл; новый пассажир прошел вагон до середины и нерешительно остановился, тщетно пытаясь погасить невольную улыбку на свежем, едва знакомом с бритвой лице.

Проводник не появился; пассажир толкнул дверь и осторожно вошел в затененное занавеской отделение, где кто-то, отвернувшись к стене, крепко спал среди смятых, приглушенно белевших простыней. Повесив картуз на крюк, пассажир присел на свободный диван — напротив с достоинством покачивался офицерский мундир с нашивкой какого-то неизвестного полка. «Камышин, Василий Андреевич,— мысленно представился мундиру пассажир,— студент»,— и счастливо вздохнул: и маменькины многословные хлопоты, и ночной тревожный кашель отца, и скука долгих пыльных дней каникул в захолустном — двадцать верст до станции — городке, что безнадежно проспал все новые веяния и, кажется, так и не заметил чистого и сильного дыхания наступившего столетия, — как все это теперь далеко! Как хорошо, как весело стучат колеса!

Василий Андреевич пошевелил затекшим в неудобной позе плечом и сонно, привыкая к свету, заморгал: навстречу ему приветливо улыбалось смуглое узкое лицо с черными нафиксатуаренными усами; небрежно расстегнутый мундир показался старым знакомым.

— Проснулись, сударь? Ну наконец-то,— и через стол перемахнула широкая белая ладонь.

Фамилия офицера была Вагин. Ехал он из Арзамаса, где хлопотал по хозяйству в имении старшего брата, этой зимой в одночасье умершего от грудной жабы. Как водится, воровал управляющий, бухгалтерия оказалась запущенной, а в весенний паводок — ко всем бедам в придачу — снесло мельничную плотину; потом Вагин заговорил о видах на хлеб и ценах, но, заметив, что студент заскучал, сообщил, что в их вагоне едет хорошенькая барышня Ольга Петровна, художница, бравшая уроки, кажется, у самого Серова. Она возвращается откуда-то с Волги, с этюдов, в сопровождении своего дяди, довольно известного литератора.

— Кольпицкий? — Василий Андреевич пожал плечами.

— И я прежде не слыхал. Правду сказать, порядочный индюк. Ну ничего,— засмеялся Вагин,— ради прелестных глазок можно и литератора стерпеть.

Постучался кондуктор, сухой седой старик в сползших на конец носа круглых очках и, старательно слюнявя пальцы, записал плацкарту студента.

После завтрака — поезд стоял на какой-то маленькой станции — Вагин потянул студента знакомиться.

— Не церемоньтесь, что вы, право,— через плечо уговаривал он и нетерпеливо подталкивал в спину, вперед по коридору.— В дороге, сударь, следует держать себя просто, без всяких там, знаете, тонкостей.

Преувеличенно оживленно потирая руки, офицер представил пассажиров друг другу; барышня в сером дорожном костюме с непокрытыми, собранными в косу русыми волосами и пожилой господин с газетой сдержанно ответили на поклон.

Василий Андреевич присел на край дивана, у двери, откуда был виден в солнечных пятнах коридор с тяжелыми вишневыми занавесками и сорочий профиль господина с трубкой — тот вдруг мягко оступился; в темной раме окна неторопливо прошел телеграфный столб, заскользил, медленно поворачиваясь, горьковатый, весь в ромашках, луг. Господин Кольпицкий извлек из жилета часы на толстой цепочке, скосил к животу глаза и, щелкнув крышечкой, поцокал языком, точно чему-то удивился.

Разговор не получался, то и дело пересыхал. Василий Андреевич чувствовал себя неловко, но уйти почему-то не мог. Господин литератор молчал, снисходительно поглядывая на молодежь, а потом отсел в угол и принялся за газету.

Жестом заправского фокусника Вагин вынул колоду небольших дорожных карт и предложил партию в винт. Кольпицкий отказался; играли втроем, по копеечке.

Вагин играл осмотрительно, а Ольга Петровна все время рисковала, и Василий Андреевич искренне переживал, если она оставалась «без своих». Когда в прикупе пришли два туза, с которыми мог бы выйти «большой шлем», она вдруг по-детски

на всех обиделась и едва не заплакала. Вагин посмеивался и все повторял, что к утру непременно повезет.

После обеда договорились продолжить — Ольга Петровна хотела отыграться, но когда вновь сошлись в купе, вдруг передумала и рассердилась, как только Вагин взялся уговаривать.

Господин Кольпицкий почесал пальцем массивный, чисто выбритый кадык и поинтересовался мнением студента о модном нынче философе Ницше. Василий Андреевич ответил, что хотя некоторые умозаключения и оскорбляют общепринятую мораль, все же следует признать в нем блестящий, несомненно, достойный внимания каждого образованного человека ум. Ольга Петровна тоже выказала свое знакомство с творцом Заратустры, отметив превосходный слог.

— Кто знает,— запальчиво воскликнул Василий Андреевич,— быть может, это мы безумны! Когда-то мы отвернулись от Христа, а теперь кидаем камни в нового пророка!

— Тут вы, господин студент, признайтесь, хватили через край.— Вагину быстро наскучил этот разговор, и он машинально помешивал колоду.— Христос и... какой-то философ. Не понимаю, как хотите.

— А я согласна с Василием Андреевичем,— сказала Ольга Петровна, и студент заметил, как зардело ее ушко, прикрытое сбежавшими от расчески легкими золотистыми завитками.— Даже если нам что-то не нравится, надо спорить, а не отвергать с порога!

— Видите ли, господа,— вздохнул литератор,— что немцам в самую пору, нам может оказаться и великовато. Мы ведь такой народ, что из любой философии способны изготовить бомбу да и бухнуть в какого-нибудь несчастного больного генерала.

За окном тянулись провислые телеграфные проволоки, по плоской равнине, сползавшей к скошенному набок горизонту, растеклась, как озеро, овальная тень от широкого белого облака; внезапно к окну прибился, загородив небо, березовый лесок, замелькал стволами, просветами и оборвался в высохшее, усеянное желтыми кочками болотце. Поезд вбежал в грохот моста, сквозь часто мелькавшие фермы которого сверкнула и тут же исчезла заросшая кугой речка. В купе заглянул проводник, проворный малый с плутоватыми глазками на белом рыхлом лице, и предложил чаю. Через минуту он появился снова, смахнул со столика, расстелил салфетку и, расставив стаканы, выжидательно замер у входа.

— Часом не к Мурому подъезжаем? — полюбопытствовал Кольпицкий.

— К Мурому, ваше превосходительство.

— Ступай, голубчик.

Вагин потеснился, чтобы дать место у столика господину литератору, студент, помедлив, подвинулся к барышне.

— Но вы же не станете отрицать влияния Ницше на совре-

менную поэзию,— продолжил беседу Василий Андреевич.— И притом самого положительного!

— То, что сейчас печатают журнальчики, вы называете поэзией? — удивился Кольпицкий и потер красную, измученную пенсне переносицу.— Нет уж, увольте, все это в лучшем случае стишки, так сказать, забава для неразборчивого вкуса.

— А Блок?!

— Как вы сказали — Блок? Должно быть, еще один выскочка из черты оседлости.— Кольпицкий утвердил на носу пенсне и стал похож на толстую черную птицу.

— Блок — дворянин! — Василий Андреевич взволнованно вскочил с дивана.

— А вот Пушкин не читал вашего Ницше, и ничего, уцелел! — весело заметил Вагин, помешивая картишки.

— А ведь верно! — Влажные глаза Ольги Петровны озорно заблестели; она повернулась к студенту: — Какой вы, право, горячий. Просто огонь. А можно я буду называть вас Васенькой? Во-первых, я старше вас, а во-вторых... во-вторых, Васенька вам больше к лицу.

— Почту за честь,— с серьезным поклоном буркнул Василий Андреевич, вернулся на диван и тотчас, не выдержав своей серьезности, по-детски застенчиво улыбнулся.

— И правильно! — поддержал Вагин.— Какие церемонии! — И, приложив руку к сердцу, представился Ольге Петровне: — Николенька.

Ольга Петровна рассмеялась и захлопала в ладоши, как это во все времена делали девочки на детских утренниках; она посмотрела на насупленного дядю, наморщила полные губки, но не удержалась и прыснула. Вагин, развязно подмигнув студенту, обратился к Кольпицкому:

— А вас, сударь, как маменька величала?

Вагоны наехали друг на друга, затолкались из стороны в сторону, и пол неприятно задрожал от натужного тягостного звука.

— А вот я знаю! — Вагин хлопнул себя ладонью по колену и захохотал, открыв кривые, обкуренные зубы.— Маменька величала вас Липочкой!

— Вовсе нет,— добродушно откликнулся Кольпицкий.— Если вам угодно, маменька звала меня Масиком. Да-с, Масиком. Почему? — Он пожал плечами, вздохнул: — Теперь, увы, не узнать. Да-с.

Поезд остановился; прямо против окна утвердилась белая колокольня, окруженная черными невзрачными домишками в зарослях гигантских лопухов.

Василий Андреевич нечаянно встретился взглядом с Ольгой Петровной и словно окаменел: какие глаза! Точно сирень в росе, на восходе!

— А я была Лелей. Вы ведь помните, дядя? — Глаза Ольги Петровны, мерцая влажными выпуклыми белками, медленно уплыли.

Василию Андреевичу сделалось жарко; он почувствовал, как разом взмокла спина, как между лопатками щекотно прокатился шарик пота, как дернулось и оборвалось в пустоту сердце; он судорожно, со всхлипом, вздохнул:

— Что-то душно,— и, пряча глаза, поспешно вышел из купе.

— Разбили вы сердце нашего студента,— догнал его смеющийся голос Вагина.

Вдоль кирпичного вокзала, придерживая рукой шашку, взад-вперед прохаживался высокий жандарм; иногда он замедлял шаг, смотрел сверху вниз на сидевшего у дверей одноглазого нищего и, наморщив лоб, вышагивал дальше. Мужики, ладно одетые, курили крепкие, с голубым дымом, папиросы и что-то грубыми голосами кричали своим бабам в просторных сарафанах, пока те как-то боком, неловко, лезли в вагоны. Звонко перекликались белоголовые мальчишки, разносчик в красной рубахе предлагал горячие пироги, но никто не покупал — жарко; степенно, оберегая корзинки с домашней снедью, направлялись к своим вагонам мещане; чуть поодаль, кружком, веселились нарядные молодые люди, и барышни в белых блузках, по всему, провожали франтоватого, с черными усиками и расчесанными на пробор блестящими волосами инженера-путейца: выстрелило шампанское, взметнулся белый факел пены, визг, смех, толкотня, сейчас же откуда-то вынырнул малый со стаканами на подносе, хлопнула пробкой еще одна бутылка, жандарм обернулся и глубоко, до слез, зевнул; сквозь дробный гул голосов важное чуханье паровоза, уютно несло березовым дымом, колесной мазью, навозом; а то вдруг теплый ветерок настигал волнующим запахом горячего хлеба.

Василий Андреевич вошел в вокзал — здесь было прохладно, сумрачно, тихо, только мухи гудели и бились в пыльные стекла. В третьем классе, прямо у буфетной стойки, он выпил пива, зачем-то накупил ворох газет и снова вышел на платформу. «А ведь все это было»,— подумал он. И эта станция, и развязный, но милый поручик, и похожий на толстую птицу литератор, и — Ольга Петровна, будто знал ее с детства, Лелечку, наряженную снежинкой; на Рождество в лотерею ему всегда доставалось не то, чего хотелось, так, какой-нибудь малоинтересный пустяк; однажды на елке у Карсавиных он спрятался под сваленные в передней шубы; «Васенька» — искали его, а он не отзывался. И нынче его имя, исполненное виолончельным голосом Ольги Петровны, будто отмылось от времени и сделалось новым и чистым, как в детстве; мятное «с» в середине озноб но светилось голубым — «Васенька». А дальше — обморочные, с миндальным привкусом поцелуи, упоительная шелковистость кожи в ямке над ключицей, разметанные по подушке, отливающие золотом волосы и сильные, со стоном, объятья, в которых бесследно исчезает душа: «Боже мой, противный мальчишка, ну что ты со мной делаешь!», а потом... потом осенняя промозглая ночь среди огромных теней вагонов и разбегающихся рельсов; раскачивают-

ся на ветру фонари, хлопают полы распахнутой шинели, лязгают буферами пущенные с горки вагоны и — глухой выстрел в висок из револьвера, купленного по случаю у оборванного бродяги.

Рядом с паровозом, полным внутреннего напряженного гуда, тяжко ухавшим раскаленным чугуном, озабоченно сновали рабочие. Василий Андреевич остановился против красного, в густом желтом масле колеса и весело спросил чумазого смазчика:

— А скажи, братец, докатится это колесо до Москвы?

Смазчик не ответил, блеснул белыми глазами и сутуло прошел мимо.

— Вот тебе пролетарьят! — счастливо засмеялся студент.

Он вбежал в вагон, зашвырнул на полку ненужные газеты, сел, стараясь не встречаться взглядом с Ольгой Петровной, точно у него с ней была уже какая-то невозможная тайна, и, не в силах усидеть,— в первый раз ударили в колокол,— вскочил и, звонко хлопая дверями, зашагал через вагоны.

В ресторане было накурено и приторно пахло ванилином; он занял место у окна, спросил водки и теперь не отрываясь смотрел, как двинулся назад вокзал, как медленно поворачивает голову жандарм, как быстро редеет, будто просеивается через сито, толпа, как размашисто шагает, размахивая вскинутой вслед поезду рукой, бородатый мещанин и все больше отстает; вот потянулся скучный одноэтажный городок, на него углом стал наползать лес и вскоре вовсе закрыл.

— Муром,— тихо сказал Василий Андреевич и снова повторил это сказочное имя, с которым отныне было связано что-то хорошее.

От водки сделалось тепло и спокойно; стук колес, однообразное мелькание деревьев с покрасневшими на закате вершинками, дым, клубами застревавший в придорожных кустах, позвякиванье посуды на столах — за всем этим, казалось, скрывается прекрасная и страшная истина, в которой — тайна самой жизни; казалось, лишь тоненькая бумажная перегородка отделяет от нее, лишь протяни руку, и она горячо забьется в ладони, как пойманный птенец: «Боже мой, противный мальчишка, ну что ты со мной делаешь!»

Василий Андреевич выпил одну за другой две чашки кофе, расплатился и длинным, с множеством дверей и окон, коридором, спотыкаясь на грохочущих переходных площадках, пустился в обратный путь.

В купе было тихо и сумрачно; Кольницкий, привалясь к стене, дремал, сложив руки на животе; поручик и Ольга Петровна сидели за столиком друг против друга, и тот объяснял, выкладывая карты, какой-то сложный пасьянс; рама окна была приспущена, хлопала занавеска, завитки на смутно белевшем виске нежно трепетали. Ольга Петровна сказала с упреком:

— Куда же вы запропастились, Васенька? Мы уже успели соскучиться.

— Да вот, как-то...— развел руками Василий Андреевич, и лицо его расплылось в улыбке.— Как-то вот так...

Он присел на диван, и, все продолжая улыбаться, смотрел на Ольгу Петровну: ее склоненный профиль на фоне вечеревшего окна, ее маленький, с зажатым белым платком, кулачок, подпиравший точеный подбородок, ее выпуклый, мерцающий белком глаз — все это было непереносимо хорошо; казалось, что внятен даже неуловимый фиалковый запах платка.

— Валет сюда, король ушел, а вот куда прикажете деть шестерку, чтоб ей пусто было?

— А вот же, сюда! — воскликнула Ольга Петровна и, выбросив руку, быстро переложила карту.

— Превосходно,— одобрил Вагин,— теперь мы можем передвинуть и этого туза. Именно так!

— И вот так! — засмеялась Ольга Петровна.

Мелодичный смех Ольги Петровны рождал в Василии Андреевиче сладкую томительную дрожь; странная смесь тревоги и счастья распирала грудь и просилась наружу бессмысленным животным криком: «Боже мой, противный мальчишка, ну что ты со мной делаешь!» И глухой выстрел из револьвера промозглой осенней ночью.

«Конечно»,— будто бы сказал кто-то невидимый; сердце замерло да так и стояло, а откуда-то из бесконечной дали на него смотрели расширившиеся от ужаса влажные глаза...

Он сошел на неизвестной темной станции, жадно закурил. Под единственным на площади фонарем стояла пролетка, на козлах, сгорбившись, дремал извозчик. Был долгий подъем в гору среди спящих тихих домов, гулко звучала мостовая, отдаваясь в мертвых окнах; у вздымавшейся, как скала, церкви свернули и вскоре встали у плохо освещенного подъезда. Гостиница воняла керосином, плохо подкрученные фитили ламп коптили; заспанный лакей проводил в душный, с холодной печью нумер и тотчас исчез. Василий Андреевич, не раздеваясь, бросился на кровать, лицом в подушку, и дал волю слезам. «Ибо этот старый Бог не жив более: он основательно умер». Так говорил Заратустра, забирая с собой прошлую жизнь и даря надежду. Плечи студента тряслись все тише, тише; он заснул, и дыхание его было чистым и сильным, а век был еще совсем юный, с нежным розовым румянцем на щеках — МАЛЬЧИК-ВЕК.

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

Прочитал в № 4 за этот год письмо Т. Якимкиной, в котором она спрашивала, за что «деды» в армии бьют и унижают молодых, и решил ответить. Подписываться и сообщать обратный адрес не буду, до конца службы чуток осталось, сами понимаете...

Она пишет, что некоторые в тюрьму идут, лишь бы в армию не попасть. Что на это скажешь: идиоты! Я полтора года отслужил и не жалуюсь. Первый год «летал» весь мой призыв. Летали все. Было дело — бунтанули против «дедов». Нас восемь — их восемнадцать. Остальное, думаю, понятно. По себе знаю, что в армии ничего сложного и сверхъестественного от молодых не требуется: в основном хозработы — уборка казармы, наведение порядка, х/б подшить, ночью водички принести, в столовку за жратвой смотаться. Ну, и воинскому делу учат. Сперва западло было все это делать. Но когда стали бить весь призыв, подумал: почему из-за меня должны страдать другие? «Полетал» год, получил свое по заднице ремешочком. Ничего — не умер. Пришли молодые. И они тоже не хотят делать уборку, как мы в свое время. Подскажите, какие тут меры воздействия применять, если слова во внимание не берутся, а? Старшина и ротный за бардак в казарме всю роту увольнений лишают. Хорошо, сами убрали, хотя после года это не принято. Один раз убрали, второй, третий — надоело. Ночью «построили» их, дали «вводные». Нас поняли, все стало в норме. За внешним видом молодежь не смотрит: нет, дескать, времени, а нас ругают, почему не следим за ними. Ему говоришь: подшейся, погладь все, побрейся — ему же, мягко говоря, наплевать. Меня за него ругают: почему у тебя стажер, как чухан ходит? — и лишают «увала». Обидно? Что делать, если он даже сам за собой последить не хочет, не не может, а не хочет. Поставьте себя на мое место: почему я в этом виноват (то есть виноват весь старший призыв)? Ужасы об армии рассказывают хлюпики, трепачи и «гнилой народ». Да и я сглупил, что написал вам: вы уж подскажите, что делать «старшим». Хорошо?

ВЛАДИМИР,
Вологда

Человек из толпы

Фото Валерия Щеколдина

Так он о себе говорит. В определенной мере с этим можно согласиться. Но толпа разной бывает — праздничной, митингующей, «ликеро-водочной» и просто хмурой массой в очередях за хлебом насущным...

Валерий Щеколдин в любой из них одинаков: он спокоен, внимателен, не суетлив. Да, человек из толпы, но в толпе не растворяется.

Он на особинку...

И на мир смотрит тоже по-своему. Сначала сердцем, потом глазами, а уже после — фотокамерой. Если бы я заполнял на него анкету, то в графе «профессия» записал — *соучастие*. (Ну, если и прочие графы для читателя интересны, то вот бегло: 44 года, инженер-механик, работал конструктором... Первые публикации — в молодежной газете «Ульяновский комсомолец». Сегодня — «вольный художник»...) Вглядитесь пристальней в эти фотографии и попадете в мощное «поле» соучастия и сопереживания.

— Я никогда не подстраивался, не перестраивался,— говорит Валерий.— Просто сейчас четко сфокусировалось время и мое восприятие жизни. Контакт с тем, кого снимаешь, это и контакт со зрителем... Метод работы — репортажная съемка. Но мышление — образное, художественное.

— Ты все время в разъездах... Не устаешь?

— Я от съемки не устаю.

— Что тебе не хватает для нормальной работы?

— Мечтаю, чтобы в любом городе был всегда номер в гостинице. С остальным сам разберусь...

— Кем считаешь себя — фотографом, репортером, художником?

— Я собиратель. Собираю социальную информацию о нашем обществе. И пытаюсь по мере сил эту информацию опубликовать. Все. Никаких сверхзадач...

— Фотография... Искусство, документ, «остановленное мгновение»?

— Это прежде всего вторжение в *личную* жизнь. Человека ли, государства. Это — попытка *увидеть*. Удачная или нет — зависит и от фотографа, и от зрителя. Кто как смотрит...

Вот такое блицинтервью. Мне остается добавить, что Валерий Щеколдин мастер, достаточно известный среди профессионалов, долгое время почти не печатался. Не буду говорить о причинах — тут перемешано много. Но ему есть что показать нам, а нам соответственно есть что *увидеть*. Надо только смотреть на жизнь, как и он, — сердцем...

В. ЛОКТЕВ

Парадная жизнь. Вид сверху.

Богатыри.

Бе дост!

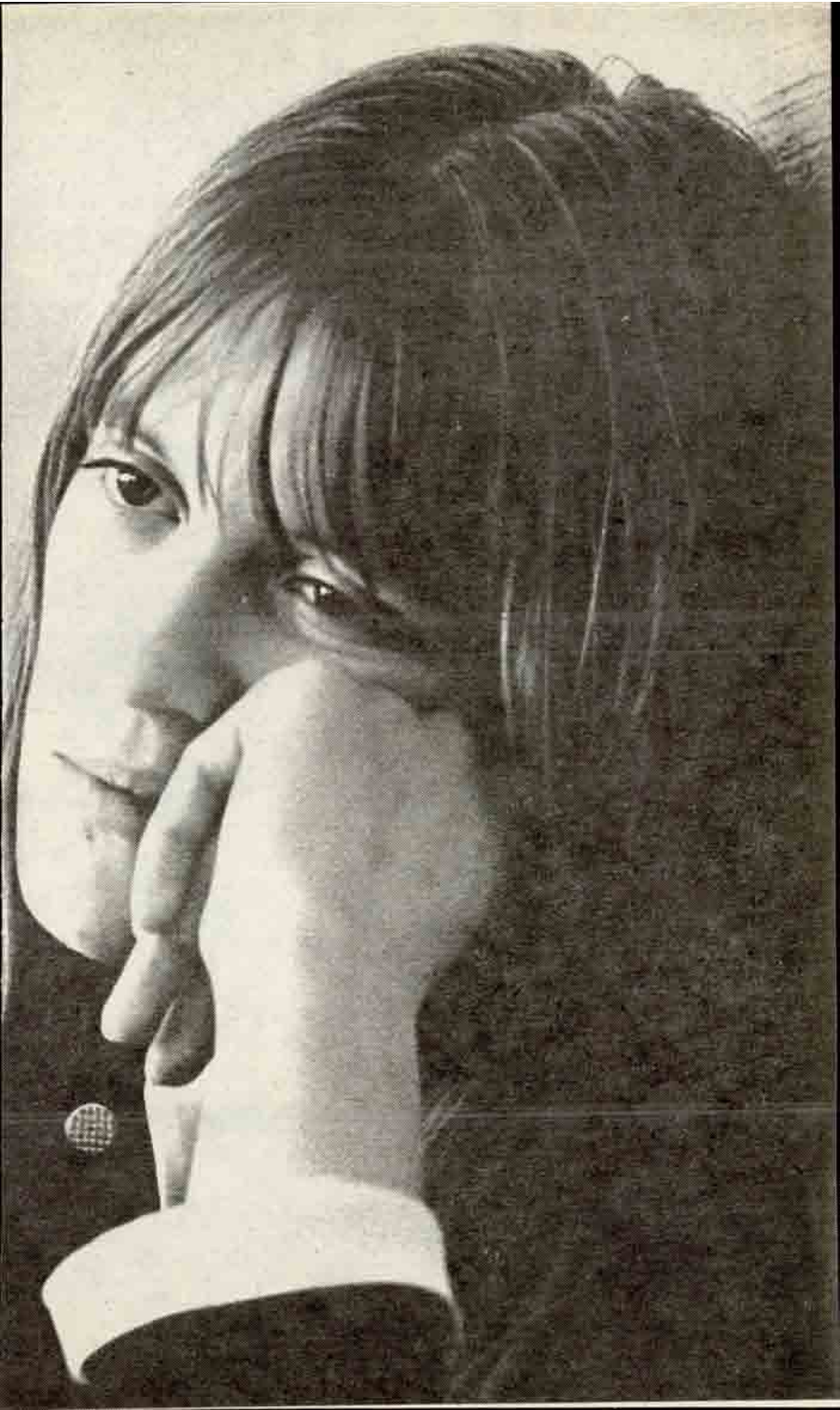

Нам ли чего бояться?

Десятиклассница.

Двое в домашнем интерьере.

Оттаявший смех «ЛАДАМАНАЗА»

Зеленый лазерный луч завис над затемненной сценой московского зала «Олимпийский» и начал вырисовывать латынью буквы-великаны: N... A... Z... A... R... E... T... H...

«Назарет».

За этим названием библейской отчизны Иисуса Христа, в той же лазерно-бегущей строке, только немного мельче, следовало: «Дэн Маккаферти — вокал, Пит Эгню — бас-гитара, Билли Ранкин — соло-гитара, Даррелл Суит — ударные». Вспыхнули во тьме оживленные Дарреллом барабаны, и «назаретяне» начали очередной концерт из серии, прозванной ими на этот раз «Ладаманаз».

«Наз» — любимое словечко в лексиконе шотландского квартета, избравшего символом своих повторных гастролей по СССР ав-

томобиль «Лада». Ну а «маназ», присутствуя, кстати, и в названии песни «Разаманаз», объявленной гимном группы, на слэнге джазовых музыкантов обозначает их «чувство глубокого удовлетворения» от совместной игры.

«Назарет», в отличие от «Юрай Хип», «Пинк Флойд», «Блэк Саббат» или «Азии», остается первой и пока единственной из групп-ветеранов рока, прибывшей к нам в основном составе. И даже уход Чарльтона из группы в мае прошлого года не смог помешать ей быть исключением из этого досадного правила. Да и сам Билли Ранкин, этаким блудным сыном вернувшийся тогда же к своим давним и более взрослым партнерам, воспринимается вполне «назаретно».

«Билли прекрасно подходит «Назарету», тем более что он играл с нами и прежде»,— сказал мне Дэн. Интересуюсь у Билли причинами его ухода из группы и возвращения в нее. «Я работал над сольным альбомом, а вернулся, как только снова пригласили».

— Что стало главной причиной возвращения группы в СССР?

Даррелл: Это был один из самых лучших моментов нашего прошлогоднего турне, включавшего и концерты в Скандинавии, Германии, Австрии, Швейцарии, США, Канаде, Бразилии.

Дэн: Да. Здорово, когда публика так принимает. Мы не ожидали от нее такой великолепной реакции на наше выступление. Иначе мы не вернулись бы.

— Верно ли, что вы возвращаетесь в Каунас с концертом, сбор от которого пойдет жертвам вильнюсской трагедии?

Даррелл: Нет. Совсем по другой причине. В прошлом году мы пообещали привезти в Каунас специальные коляски для инвалидов, приспособленные для игры в баскетбол. Вот и привезли шесть штук из тех двенадцати, деньги на которые мы заработали, дав вместе с другими группами благотворительный концерт в Эдинбурге. Подобную помощь «Назарет» собирается оказывать и впредь и уже сейчас договаривается с другими группами об организации концерта.

— Группа уже записала свой двадцать второй альбом?

Дэн: Возможно. Я точно не помню. Мы уже много выпустили. А очередной только готовим, так как весь прошлый год прошел в гастролях.

— Вы были в роке прошлого и остаетесь в роке настоящего. Каким вы себе представляете рок будущего?

Дэн: У каждого поколения своя интерпретация рока, но тем не менее это — рок.

— Какие песни вам нравится петь вне сцены?

Пит: Шотландские народные песни, когда выпьем.

В ответ на просьбу назвать самый неудачный и наиболее счастливый дни в истории «Назарета» музыканты помянули недобрым хором 31 января сего года и умиротворенным — наступившее следом 1 февраля. Ведь именно в разделившую эти даты полночь шотландским весельчакам, окоченевшим в своих кроссовках и легких курточках в ожидании поезда на Ленинград, удалось ощутить настоящую русскую зиму.

Еще я выяснил, что, пока Даррелл гонял футбольный мяч и учился играть на барабане, который был больше, чем он сам, его

Окончание на 288-й стр.

СОБСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

ЛЕОНИД ЛЕРНЕР

Братья Саша и Гоша Соколовы на ходу пародировали антиутопию братьев Стругацких «Град обреченный»... Это происходило в маленькой комнатушке ленинградского ДК третьей категории, на занятии детского кружка ТРИЗ, которое вел «инженер-расстрига» Игорь Викентьев. Про его мальчишек и девчонок ходил слух, будто они изобретают на уровне самых серьезных патентов.

Пародия возникла неожиданно. До этого ребята пили чай с сухариками и делились соображениями по поводу весьма житейских вопросов: как разговаривать с нервным человеком? Стоит ли наращивать мышцы? Как знакомиться с девочкой (мальчиком)? И вдруг, без всякого перехода, Викентьев предложил спародировать кого-нибудь из фантастов. Гоша поднял руку, и братья взялись за «Град...».

Когда они замолчали, я спросил:

— У вас есть, наверное, специальные приемы?

— Мы их ищем,— ответил Гоша.— Многое зависит от писателя. У Стругацких очень индивидуальный стиль, можно брать любой эпизод. А вот Кир Булычев... С ним куда труднее: гладенький-гладенький такой.

— А Альтов?

— Генрих Саулович?— задумчиво переспросил Саша.— Ну, это же совсем другое дело.

ЗАГАДКА ТРИЗ

Еще совсем недавно мало кто знал (а многие и до сих пор не знают), что человек, пишущий фантастические романы под псевдонимом Альтов,— не кто иной, как Генрих Альтшуллер, «писа-

тель поневоле» (ибо многие годы только так и мог зарабатывать на жизнь), а на самом деле ученый, создавший уникальную науку о творчестве. Что это за наука? Скажу пока лишь одно: ТРИЗ **(теория решения изобретательских задач)**, разработанная Альтшуллером, могла бы, при ее широком внедрении в практику, перевернуть весь технический мир.

Впрочем, уже сегодня в десятках городов страны творят чудеса по методике Альтшуллера: в Минске создана «ИМ» — изобретающая машина, способная в сотни раз повысить интеллектуальный потенциал инженера; во Фрунзе на фирме «Веполь», внедряющей идеи ТРИЗ, разработан лазер, который, при обычной конструкции и тех же исходных данных, в четыре раза мощнее всех, ныне известных; в Тбилиси военному заводу, перешедшему на конверсию, предложено дисковое велосипедное колесо — самое простое в изготовлении, но самое прочное и скоростное в мире...

В чем же загадка теории, позволившей «тризовцам» стать, по сути, первыми изобретателями-профессионалами? Генрих Альтшуллер утверждает: основой изобретательства должен стать не случайный поиск, а детальный анализ задачи, выявление противоречия, препятствующего ее решению. Проанализировав сотни тысяч патентов мирового фонда, он пришел к выводу, что существуют порядка полутора тысяч технических противоречий, которые можно сравнительно легко разрешать с помощью типовых приемов. (Тот, кто захочет, сможет найти эти приемы в книге Альтшуллера «Алгоритм изобретения».) Но ими отнюдь не исчерпывается главная жизнь ТРИЗ. Ибо в основе этой теории лежит, быть может, самое современное и бескомпромиссное мышление — то самое, что так привлекает к себе именно молодые умы. Не случайно почти все ученики Альтшуллера оказывались в сетях ТРИЗ в двадцать — тридцать лет...

Я приехал в Петрозаводск (где Генрих Саулович поселился с недавних пор), чтобы узнать о его дальнейших разработках. И был удивлен, услышав:

— Я больше не занимаюсь «железками». Сегодня ТРИЗ интересует меня как одно из средств воспитания и развития творческой личности... Давно об этом думал, с тех пор как судьба изобретателя бросила меня в сталинские лагеря.

...Он вышел на волю в 1954 году. На последний суд, который отменил 25-летний приговор, его везли через всю страну: Воркута, Москва, Ростов, Баку... В Баку из вагона пересадили в «черный ворон», в котором были две камеры, два железных «шкафа»: в одном ехал он, в другом — беременная женщина. Стояла сорокаградусная жара. Женщина плакала, просила открыть двери камеры. Чувствуя приближение теплового удара, начала страшно кричать...

— За все годы лагерей я ни разу не плакал,— вспоминает Альтшуллер,— но тут... Я слышал ее голос, а где-то в виске тукала мысль: «Какого черта я тратил ум и энергию, изобретая газотеплозащитный скафандр, когда нужно было сделать что-то такое, что помешало бы беременных женщин сажать в тесные шкафы и пытать теплом». И тогда я поклялся, что если выживу в этой мясорубке, то брошу методику изобретательства. Ибо вовсе не это нужно человечеству...

Но он не бросил. А создал теорию, благодаря которой мы могли бы быть и свободны, и богаты, и счастливы. Теперь Альтшуллер

возвращается к тому, в чем поклялся себе почти сорок лет назад.

Оказывается, размышляет он, что, используя те же изобретательские приемы, удается решать не только технические, но и социальные, и гуманитарные задачи. Следовательно, можно создать личность, способную в любых условиях найти такое решение, которое не принесет вреда обществу. Этим я сейчас и занимаюсь...

— Есть уже результаты?

— Есть. Но об этом поговорим через год-другой.

Потратив десятилетия на развитие ТРИЗ, Альтшуллер привык не торопиться. Но я все же понял: готовится методика воспитания людей с высочайшим уровнем интеллекта и нравственности, которые смогут прогнозировать последствия каждого своего шага. Что ж, подождем...

А пока суд да дело, отправимся в Ленинград, где молодой исследователь ТРИЗ Игорь Викентьев, подхватив новую идею Альтшуллера, ведет параллельные разработки.

ВЕПОЛЬ, СТРЕЛКА И ДРУГИЕ

Слово «вещество», придуманное когда-то писателем-фантастом Альтовым, с годами стало чем-то вроде кода в теории Альтшуллера. Это как «сим-сим, открой дверь»: стоит заговорить о «веполях» — тут же попадаешь в ТРИЗ.

— И что же это такое — вещество? — спрашиваю Гошу Соколова.

— Ну, это же очень просто,— терпеливо объясняет он.— Вещества и поля. Допустим, иголка потянулась к магниту. Магнит — одно вещество, иголка — другое, плюс магнитное поле. Техническая система хорошо действует, когда есть все три элемента вещества. Если нет — нужно достроить. В наших разработках эти сведения — из раздела для первоклассников.

Он имеет в виду ту часть детской обучающей программы по ТРИЗ, созданной братьями Соколовыми в кружке Викентьева, которая, Бог даст, когда-нибудь будет включена в систему начальной школы. А пока «Бог даст», минчанин Валерий Цуриков забрал ее в свою лабораторию, чтобы включить в школьную «ИМ». Эти (детские) изобретающие машины минские тризовцы, кровно заинтересованные в интеллектуализации общества, собираются отдать в школы бесплатно. И тогда с ТРИЗ непременно познакомятся и школьные физики, ибо понятие «вещество» и для многих из них пока что тайна за семью печатями. Ведь до сих пор и вещества, и поля в школах да и в институтах изучаются не в тесной взаимосвязи, а отдельно. Между тем (как мне втолковывают девятиклассники Соколовы), имея дело именно с неразрывными техническими системами, легче выявлять скрытые в них противоречия. Так рождаются изобретения...

Я оглядываю комнатушку, в которой проходят занятия викентьевского кружка: полочки с какими-то железками, шкаф с книгами (возле него стоит табуретка, из которой в одно касание можно сделать стремянку — домашнее изобретение), увлеченные лица ребят. Каждого из них, без всякой натяжки, можно назвать изобретателем. Но каждый раз, знакомясь с их изобретениями, я ловлю себя на мысли, что они кажутся мне какими-то, что ли, «чудными». Бесспорность решений налицо, а... Впрочем, вот вам один из примеров — и судите сами.

Стык рельсов — стрелка. В ее

нутро падает снег, образуя лед. Лед не дает стрелке нормально функционировать. Что делать? Существуют три способа. Первый: тети и дяди ломами выбивают лед. Второй: возле стыка ставят мощную электроплитку и греют... лютый холод. Третий: по всей станции проложены пневмомагистрали — теплым воздухом выдувают стрелки.

Итак, целых три способа. Но семиклассник Слава Ежов, овладев всего лишь азами ТРИЗ, предложил четвертый. Увидев как-то на станции, что делают взрослые, он, вероятно, так удивился нелепости их затей, что тут же поставил перед собой задачку. И решил: в стык между рельсами кладется кусок пористого материала, скажем, поролона, пропитанного отработанным машинным маслом, чтобы не замерзал. Снег в стрелку не попадает. Когда же рельсы сводят, поролон сжимается. Все!

Любая цивилизованная страна, получив от мальчика такой подарок, сделала бы его миллионером. Ибо трудно даже представить, какая экономия получится, если использовать такое изобретение на тысячах тысяч путей. Но... Дело происходит у нас, в СССР. И Слава Ежов получает красивую грамоту за первое место на детском всесоюзном конкурсе. А на путях по-прежнему орудуют ломами.

Говорят, все гениальное — просто. Но если дети (по мнению Викентьева) от рождения гениальны, то и удивляющая нас простота их изобретений вполне объяснима. Вот только вопрос: как вернуть к истокам гениальности мальчишек и девчонок, сплошь зараженных школьными и житейскими штампами, с душами, закопченными скукой нашей обыденщины?..

Этим и занимается Игорь Викентьев.

ПРОЙТИ ВРАТА

Среди явлений времен «застоя» был и такой, своего рода социальный феномен: в разных городах на квартирах собирались, как первые марксисты, мало кому тогда известные тризовцы. Письма учителя, страстные разговоры и споры вокруг них были для этих людей в полном смысле слова глотком свободного творчества. Ибо на все невероятные вопросы, внутренний смысл которых сводился к робкому — «А можно так?»,— следовал (уму непостижимо!) всегда один ответ: «Можно». Все можно!

В самом конце семидесятых на одну из ленинградских тризовских квартир пришел двадцатилетний студент «корабелки» Игорь Викентьев.

— Каким было твое первое впечатление?

— То был высший пилотаж мысли,— говорит Игорь.— Созвездие творческих идей. За месяц занятий я вышел по решению задач на уровень докторской — ей-богу! Но дело, конечно, не только в задачах, как бы они ни были сложны,— ТРИЗ увлек новой философией жизни.

Позже, работая инженером в закрытом НИИ, Викентьев подсчитал, что максимальные затраты на дело составляют здесь не более 50 минут от рабочего дня, на творчество и вовсе — 0.

Пораженный, он пытался «воспитывать» в духе ТРИЗ своих коллег. От него отмахивались. Вскоре понял: люди стараются сохранить стереотипное, но стабильное состояние, чтобы жить — пусть на минимуме, но без лишних хлопот.

Вот тогда он и решил уйти. Насовсем. Но советскому человеку нужна хоть какая-то «ниша». И Викентьев нашел ее — в ДК третьей категории, где взялся за-

ведовать детским техническим кружком.

— Обычно на такие места приходят либо деклассированные элементы, которым больше некуда деться,— рассказывает Игорь,— либо энтузиасты, что свихнулись на веломобиле. Но в таких ДК есть одно бесценное качество — здесь не мешают: нашли идиота на 60 рублей, и ладно...

— Тризовцы, которых я знаю, ты в том числе, по специальности — технари. А мог бы в ТРИЗ попасть человек, который учится, скажем, на филфаке?

— Конечно,— не колеблясь, отвечает Викентьев.— Для всех лишь одно условие: хочешь, чтобы эта наука стала твоей наукой, должен, так сказать, «пройти врата». Помнишь «Игру в бисер» Гессе? Сквозь первые страницы, кажется, не продраться. Зато уж если продрался... Словно вышел в другой мир. Так и с ТРИЗ: окунувшись в эту теорию, ты начинаешь понимать, что проблемы «физиков» и «лириков», о которой до сих пор спорят, нет и не было никогда. Главная проблема нашего времени — это проблема творчества... Почему, к примеру, сегодня в стране не решаются задачи «на демократию», «на рынок»? Да потому, что должна быть задача на творчество, которое невозможно без демократии. Альтшуллер говорит: «Чтобы сделать на четыре — надо делать на семнадцать». Это хорошо понимают мои ребята, когда составляют детскую обучающую программу для ЭВМ по ТРИЗ. Мы не говорим о творчестве — мы его достигаем.

Я уже знаю, что это не слова. Создатель изобретающей машины Валерий Цуриков, использующий исследования Викентьева в своих системах, рассказывал мне, что в поисках геометрических эффектов Игорь за три года изучил 1 миллион 200 тысяч патентов! Элементарная арифметика дает еще один сумасшедший факт: на анализ каждого патента у Викентьева уходило в среднем пять минут. И результат блестящий: геометрические эффекты Викентьева, живущие нынче на дискетах «ИМ», позволяют решать сложнейшие задачи простыми средствами — с помощью форм предметов. На вопрос, почему он так торопился, следует философский ответ: «Если теперь не успеть — не успеть уже никогда».

«СЛУЧАЙНЫЕ» ДЕТИ

— В нашем кружке есть заповедь,— говорит Дима Соболев.— Не только решить задачу, но испытать кайф от того, как решил.

Студент второго курса Ленинградского авиаприборостроительного института Дима Соболев пятый год занимается у Викентьева. Высокий и плечистый, с темным пушком над губой, он как юный Михайло Ломоносов среди салажат-школьников. Но с кружком не расстается — значит, все еще получает кайф...

Викентьев рассказывал мне: однажды привел своих учеников на завод показать, как ориентируют детали для штамповки под пресс. Детали ориентировали вручную — медленно и примитивно. И так, оказывается, делается практически всюду. Но еще больше удивило, что такую, казалось бы, нехитрую проблему уже не один год решают в крупных научных лабораториях, используя в экспериментах и систему технического телевидения, и ЭВМ, и роботов.

Дима Соболев решил эту задачку «не отходя от кассы». Еще на заводе высказал идею, что ориентировку можно производить точно и быстро, если использовать

в этой операции... детский мячик.

— Как отнеслись к твоему предложению на заводе? — интересуюсь я.

— Да никак. Во-первых, мальчишка: какой же он изобретатель? Во-вторых: не может быть, чтобы все было так просто. А в-третьих: никому, оказывается, ничего не нужно...

Между тем по оценкам авторитетных специалистов, «детский мячик» Димы Соболева мог бы, с одной стороны, отменить дорогостоящие научные эксперименты, с другой — в десятки раз убыстрить и удешевить ориентирование.

— Такое отношение к изобретениям не снижает творческий «кайф»?

— Напротив, — возражает Дима.— Нужно все время предлагать что-то новое, чтобы вывести общество на уровень ТРИЗ.

И предлагают. Года два назад хотели помочь Ижорскому заводу. Было это сразу же после визита к ижорцам М. С. Горбачева. Здешние руководители показали ему цех ширпотреба, где делают вилки и ложки. Желая похвастать участием в производстве товаров народного потребления, хозяева забыли даже о вечном цеховом пороке: ядовитой грязью, отходами от полировки забита канализация, грязь эта неделями держится в отстойнике, оседать не успевает и в конце концов сливается в Неву.

Михаил Сергеевич вроде бы ничего не заметил, похвалил продукцию, сверкавшую нержавейкой. Но кто-то из его свиты все же не удержался от критики. Тут, вероятно, администрация и решила, что надо же что-то делать. Объявили конкурс на решение проблемы.

Как и где викентьевские ребята пронюхали об этом?..

Дело кончилось тем, что завод заключил с химиками договор на огромную сумму. И теперь химики с помощью коагулянтов днем и ночью «баламутят» воду в отстойнике. Грязь, однако, по-прежнему оседает медленно и неохотно.

А что же дети?

Дети предложили разделить отстойник на две части нержавеющей перегородкой (нержавейки в цехе хоть пруд пруди), оставив щель возле дна, через которую вода будет циркулировать вниз — вверх, и, таким образом, увеличится ее путь, а значит, и время оседания грязи.

— Слишком уж просто,— замечаю я.

— Конечно, элементарно,— соглашается Викентьев.— Потому на Ижорском и предпочли иметь дело с химиками.

— А может, они не видят выгоды вашего решения?

— Думаю, что видят. Но оно кажется им, как и тебе, слишком уж простым, и они его отбрасывают. И так почти везде — срабатывают стереотипы. Между тем 90 процентов задач на любом заводе только так и могут решаться — самыми простыми способами.

В доказательство мне приводят еще один, вовсе уж парадоксальный случай, имевший место на Кировском заводе. Как известно, трактора «Кировцы» красят желтой краской. Но колеса, конечно, остаются черными. Так вот, по ГОСТу, на колесах не должно быть ни капельки краски. Как поступают на заводе? Либо надевают на колеса рогожные чехлы — помогает, но капли все равно пробиваются; либо заставляют маляров красить черной краской колеса, чтобы замазать желтую. А тут еще решили купить у венгров специальную линию, целую технологическую цепь, в которой, перед тем как красить трактор, с него снима-

ют колеса, а потом снова надевают. Кто знает, что такое «Кировец», могут представить — какая это морока...

— А вы что предложили? — спрашиваю я.

— Взяли раствор карбоксилметилцеллюлозы,— рассказывает Юля Калинина,— это очень дешевый состав, и покрыли им колесо. Провели испытание: били в колесо струей краски — в упор, не пробили. На защите этого изобретения сидели представители патентного отдела Кировского завода, других предприятий, приехали из других городов, все говорили — «отлично». Но с тех пор прошел год — и ни гугу.

Был на этой защите и начальник конструкторской группы Всесоюзного НИИ малых электрических машин Альберт Шмелев, знакомый с Викентьевым и его учениками.

— Знаете, что меня удивляет? — говорил он.— Эти ребята ставят перед собой сугубо взрослые задачи, решают их блестяще, но способами, свойственными именно детям. Причем выдают целый веер решений — значит, свободны и раскованны. А ведь почти все они, так сказать, «случайные» дети, которых загнала в этот богом забытый ДК житейская наша безысходность.

...И КОНФЛИКТ ИСЧЕРПАН

— Ты думаешь, я учу их изобретать? — размышляет Игорь Викентьев.— Я хочу научить их свободно выражать свои мысли, чтобы открыть путь к творчеству. Любой нормальный ребенок может многое, намного больше, чем, скажем, я — дети умнее нас. Но... Надо вырвать их из прежнего мира, откуда они приходят.

— А какими они приходят?

— Все безумно зажаты. У них разные семьи, родители, друзья, развитие, привычки. Но буквально во всех необыкновенное мышечное и душевное напряжение, они как бы в тисках — такова наша жизнь. Они боятся этой жизни и совершенно не доверяют взрослым. Они не смотрят в глаза учителю, не садятся за учебный стол, а «просачиваются»...

Я понимаю Викентьева. Ведь и сам он, возможно, был таким. И я. И многие из нас... И тут же вспоминаю, с какой искренностью мне, чужому человеку, рассказывал о себе, глядя в глаза, тихий и задумчивый восьмиклассник Володя Белинский: «У меня изменился взгляд на жизнь. Я стал видеть каждую вещь с двух сторон. Я начал видеть людей: раньше они мне казались либо только положительными, либо только отрицательными...»

— Я работаю, как врач и психолог,— продолжает Викентьев.— Дети совершенно издерганы, а я их расслабляю — «глажу по голове»... Львиную долю времени я занимаюсь не ТРИЗ, а психотерапией, включая в занятия даже элементы системы Станиславского. Я добиваюсь от ребят естественного стремления к творчеству...

Признаюсь, делает это Игорь Викентьев весьма своеобразно. Иные его приемы вызывают даже своего род шок, как у «жертв» этих приемов, так и у очевидцев. Помню, как одному интеллигентному подростку, который краснел и заикался, мямля порученный ему «сексуальный» доклад, Викентьев неожиданно предложил: «Сядь-ка на пол и продолжай». Я, честно говоря, слегка обалдел, докладчик, по-моему, тоже. Но тут случилось и вовсе неожиданное: сев на пол (чему мгновенно последовали и другие ребята), паренек вдруг совершенно успокоился и уверенно довел свой щекотливый доклад до конца. Я же, пыта-

ясь выяснить секрет подобной метаморфозы, получил от Викентьева любопытный ответ: «Во многих интеллигентных семьях детей перекармливают информацией. В результате не работают эмоции, без которых человек заторможен. Этим «шоковым» приемом я вывел мальчика из торможения, и он стал самим собой».

Отец одной девочки, которая спустя два года внезапно перестала ходить в кружок (таких, кстати, за пять лет было немало, у Викентьева царствует естественный отбор), возмущался: «Знаете, как он их наказывает? Посылает в угол и заставляет там 20 (!) раз отжиматься от пола. И мальчиков, и девочек!» К этой родительской жалобе следует добавить весьма существенное: «наказывает» Викентьев за просчеты, допущенные по лености мышления, оставляя за учениками право точно так же поступать с учителем.

— Ты говорил о конфликтах,— напоминаю я.— Что это за конфликты? И как ты их разрешаешь?

— Мы ищем решение вместе. Но вначале находим противоречие,— объясняет Викентьев.— Ну, вот хотя бы такой пример. Есть у нас паренек, который любит возиться с маленькими детишками, вечно нянчится с кем-то. А шпана считает его «маменькиным сынком», не дает прохода. Как разрешить конфликт? Придумали! Входит наш Сережа в подъезд, где его, как всегда, поджидают, и вдруг с криком — «Сека, сека!», от которого столбенеют хулиганы, пробегает наверх. Представь, больше его не трогают, для бывших мучителей он стал загадкой. Один из главных законов ТРИЗ — уходить от привычных состояний. Известны 16 клеточек психического состояния, а знаешь, в каких состояниях чаще всего находится советский человек? Одна-две клетки! Агрессивно-быстро. Или пассивно-ласково. Я не утверждаю, что мы обязаны иметь все 16 состояний, но важно научиться ходить по всей «таблице».

— Ты думаешь, это доступно каждому?

— Освобожденный ребенок может все! Почему, например, дети не умеют находиться в «медленном» состоянии? Потому что не умеют владеть своей мыслью. Я в нашем кружке запретил ответы с ходу, пусть хотя бы минуту думают. Я бы ввел это правило всюду — в Верховном Совете, в правительстве: ведь первая мысль — самая инерционная.

— Инерция — это стиль нашей жизни.

— К сожалению, да. Вижу это и в самоотчетах моих учеников... Я подсчитал, что в среднем каждый из ребят тратит ежедневно по три — пять часов впустую: валяние на диване, шляние между комнатой и кухней, бесполезные разговоры. Мотив такого поведения — надо куда-то приткнуться, как-то провести время. Вот почему так важно научиться решать задачи — всякие: и научные, и технические, и жизненные, и социальные, и педагогические. Это дает активную жизненную позицию...

ШАНС

— Почему ты решил стать педагогом? — спрашиваю круглолицего девятиклассника Сережу Модестова, того самого, что облапошил «секой» хулиганов.

— Я это решил еще в четвертом классе. Так что теперь и не помню — почему.

— А что тебе дает кружок?

— С помощью ТРИЗ я пытаюсь понять законы управления аудиторией, хочу узнать, как буду преподавать. Завел картотеку, собираю разные учительские приемы. Есть

уже около тридцати.

— Какие из них тебе больше всего нравятся?

— Юмор. И еще быстрый темп — он сбивает с учеников все посторонние реакции. Картотека постепенно расширяется, появился еще один раздел: «Ученик против учителя». В нем уже 21 способ — как «насолить» учителю, 8 способов списывания, 7 способов опозданий...

— А тебе, «технарю», приходилось использовать ТРИЗ в жизненных ситуациях? — обращаюсь я к Диме Соболеву.

— У Игоря Леонардовича к «технарям» особое отношение,— отвечает Дима.— Он нам подкидывает гуманитарные задачки. Сейчас, например, занимаемся прикладной журналистикой, ставим и решаем задачи на рекламу.

— Зачем же вам реклама?

— Как зачем? ТРИЗ тоже ведь занимается коммерцией: скажем, продажей «ИМ».

— Ну, а в личной жизни?

— Я выработал такие приемы общения, которые позволяют быть «своим» в любой кампании — от бандитов до интеллектуалов. Такой диапазон формирует в человеке автономность.

— Зачем же тогда пошел в институт? В наших вузах, по-моему, не больно-то формируют личность...

— Так уж у нас принято — иметь высшее образование,— с легкой иронией отвечает за Диму Викентьев.

— А что, если твоим ребятам после школы прямо на завод — в консультанты? Потянули бы?

— Любой школьник 8—10-х классов, пройдя через ТРИЗ, мог бы консультировать производственные задачи цеха, участка,— не колеблясь, заявляет Викентьев.— Была бы моя воля, я бы их всех посылал на такую практику — пусть помогают. Да еще платил бы рублей по 300! Но до этого пока далеко — еще не та социальная ситуация, не тот уровень мышления и доверия. Даже ведущие «тризовцы» большинство важнейших для страны проблем пока что решают на бумаге.

— Ну, а если по-другому? — рассуждаю я.— Окончил школу, прошел ТРИЗ — и на завод рабочим. Только делай на своем рабочем месте, что хочешь.

— Вы уж совсем в фантастику заноситесь,— останавливает меня Гоша Соколов.— Тогда уж надо вводить ТРИЗ в курс обучения каждого рабочего.

— Дерзкая, но хорошая идея,— говорит Викентьев.— Только учить качественно. Вон, на Украине, ввели ТРИЗ в некоторых вузах — и не пошло. Потому что давать эту теорию должны не только умеющие решать задачки, но люди, исповедующие творчество. А преподаватели вузов... Доверить им сегодня ТРИЗ — все равно, что сказать человеку: завтра читаешь на китайском языке...

Все ведущие «тризовцы» шли в глубину теории Альтшуллера через триаду: ученик — учитель — исследователь. Игорь Викентьев прошел этот путь быстрее других. Между тем к своему возрасту Христа он отдал ТРИЗ уже 13 лет жизни. Однако считает, что, при известных условиях, дети могли бы подняться по ступеням этой «триады» еще в школьном возрасте. Такие люди уже в юности будут свободны от стереотипов и штампов, которыми забито человеческое мышление.

Как-то в журнале «Костер» он дал школьникам задание: придумать новую мысль. И получил тысячи беспомощных ответов.

— Наверное, это очень трудно — придумать свежую идею? — говорю я.

— Нет, не трудно,— считает Викентьев.— Но детское воображение скована массовым сознанием, которое насаждается «мультиками», видеобоевиками, рок-группами... В чем отличие ребят, которые встали на путь, ведущий к «исследователю»? В том хотя бы, что такие вещи, как телевизор, становятся для них всего лишь копиями реальности. И они предпочитают саму реальность.

— В своей теории развития творческой личности Генрих Альтшуллер предлагает, как один из приемов, встречу ребенка с чудом. Что ты на это скажешь?

— Такие «встречи» желательны, хотя... В наши времена о них можно только мечтать. Жизненнее, но и труднее другой путь: медленное восхождение к ощущению себя личностью.

...Я уезжаю. На следующем занятии кружка, где меня уже не будет, Юля Калинина прочтет свой доклад о детских самоубийствах.

Это, наверное, и трудно, и тяжело. Трудно, потому что Юля еще не знает, что такое смерть. Тяжело, потому что почти невозможно даже представить, как убивает себя твой сверстник. И я невольно размышляю: не слишком ли дорогую цену платят ученики Викентьева за то, чтобы ощущать себя личностью...

— Жизнь в стране меняется не по дням, а по часам,— говорит Игорь Викентьев.— Каждый час готовит молодым испытания, которым надо противостоять. И я хочу дать им шанс: не только выжить, но и победить.

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ И ИНФОРМАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

«Диалог»

г. Львов

по многочисленным просьбам возобновляет подписку на книгу *«Азбука секса: от Древнего Востока до наших дней».*

Изложенная в форме разнообразных практических рекомендаций для людей всех возрастов, книга вобрала в себя наиболее ценный и редкий материал как современных, так и древневосточных книг об искусстве любви.

В связи с большим спросом книга распространяется только по предварительной подписке.

Более подробная информация и правила оформления подписки — в рекламном буклете, который высылается бесплатно.

Просим вложить второй конверт с вашим адресом. Возможна оптовая реализация.

✉ ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ: 290013, Львов-13, абонентный ящик 9720.

☎ ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 75-30-99.

ВСЕСОЮЗНЫЕ ЗАОЧНЫЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ

осуществляют круглогодичный набор слушателей!

ВЗПК приглашает всех желающих самостоятельно подготовиться к вступительным экзаменам в высшие учебные заведения. Всесоюзные заочные подготовительные курсы обеспечивают индивидуальный характер занятий, учитывающий начальный уровень подготовки, текущие успехи и требования избранного вуза. На курсы принимаются лица с любым уровнем начальной подготовки, закончившие не менее девяти классов общеобразовательной школы.

ОБУЧЕНИЕ ВЕДЕТСЯ ПО ВСЕМ ПРЕДМЕТАМ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ.

Основу занятий составляет самостоятельная работа учащихся по методическим пособиям, реализующим педагогически обоснованную систему подготовки. Пособия разработаны с участием специалистов из ведущих вузов страны. Самостоятельной работой слушателей руководят высококвалифицированные преподаватели.

Ежегодно более 80% учащихся, успешно заканчивающих ВЗПК, становятся студентами.

Территориальные отделения курсов находятся в различных регионах страны.

АДРЕСА ОТДЕЛЕНИЙ ВЗПК:

ЦЕНТРАЛЬНОЕ — 129110, Москва, ВЗПК.
ЛЕНИНГРАДСКОЕ — 190000, Ленинград, ЛТО ВЗПК.
УКРАИНСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ — 252601, Киев, УРО ВЗПК.
БЕЛОРУССКОЕ — 220131, Минск, БТО ВЗПК.
СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ И КАЗАХСТАНСКОЕ — 480100, Алма-Ата, САКО ВЗПК.
БАРНАУЛЬСКОЕ — 656011, Алтайский край, г. Барнаул-11, а/я 4253, АТО ВЗПК.

В Украинском и Казахском отделениях обучение ведется также и на языке республик. В Украинском отделении дополнительно осуществляется обучение по предметам: украинский язык и украинская литература.

Инвалиды с детства, воспитанники детских домов имеют льготы.

Подробный проспект, содержащий сведения о формах обучения и оплаты, вы можете получить бесплатно, написав на открытке по любому из этих адресов.

Для жителей Москвы и Московской области действуют очные подготовительные курсы. Справки по телефону: 581-11-53.

НА УЛИЦЕ АРХИТЕКТОРОВ

ИРИНА ТИМОФЕЕВА

Осенью прошлого года молодые зодчие устроили праздник.

Отмечали появление на свет «Вернисажа-90», организованного молодежной комиссией Союза архитекторов и Объединением молодых архитекторов Москвы.

Выставка выплеснула ошеломляющее многообразие идей и стилей. На «Вернисаже» было два раздела: архитектурное проектирование и художественное творчество. Первый раздел выставки я бы обозначила как «преодоление сопротивления материалов». Проект мотеля в Ярославле И. Хатунцева — пример архитектурной «моды». Да-да, не удивляйтесь, в архитектуре тоже существует такое понятие. Югенд-стиль, он же модернфункционализм, историзм, «сталинский ампир», постмодернизм...

На мой взгляд, у архитектора много общего с портняжных дел мастером. Только архитектор шьет очень большую, комфортную и красивую одежду для всего общества. Карден придумывает изящные «штучки», но одевают пол-мира его идеи, а не авторские платьица. «Бумажная», или «идейная», архитектура возникла как жест отчаяния. Нельзя построить — будем фантазировать... И дофантазировались до такого изобразительного совершенства, что музеи (не наши) приобретают концептуальные проекты как произведения искусства. Работы «бумажников» на строительство не рассчитаны. А нам с вами нужно удобно и красиво «одеться».

«Гран-при» «Вернисажа» получил Андрей Вовк. За плечами изысканного графика и яркого зодчего А. Вовка — награды престижных международных конкурсов, победы на «родном» архитектур-

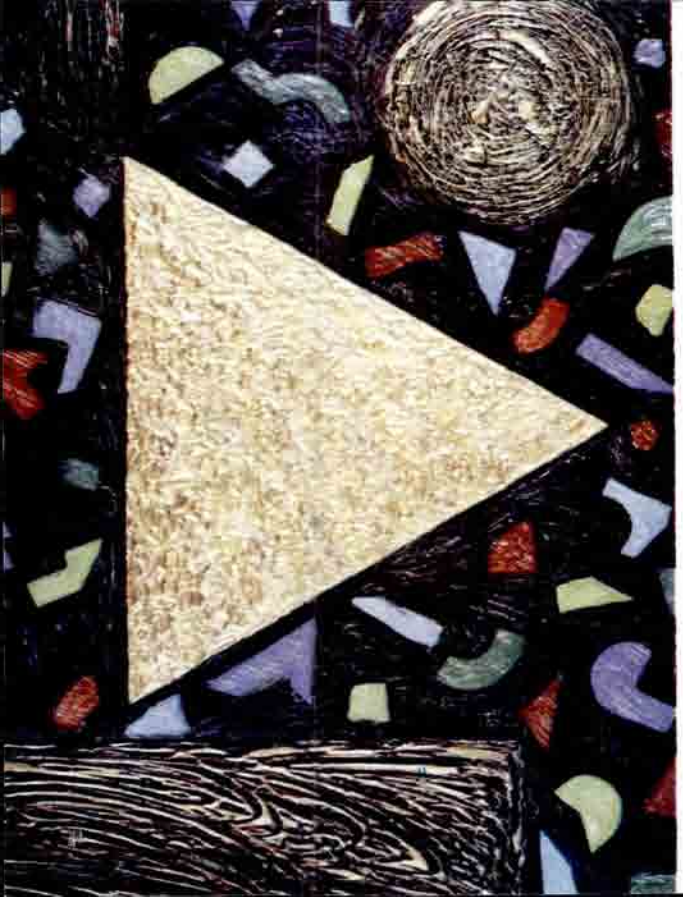
ном Олимпе, а перед этим... исключение из института с формулировкой «профнепригодность».

Может быть, каждый народ имеет такую «застывшую музыку», какую заслуживает? Да нет, не народ — Система! Ты мечтаешь о башне из слоновой кости, а тебя перемалывает «машина для жилья». Архитектурная фантазия Н. Шабельниковой «Башня» — романтический образ среды человеческого обитания. При кажущейся отвлеченности все работы молодых зодчих — о нашем смутном времени. Тем интереснее, как, в зависимости от характера и темперамента, каждый из них «пропускает» это время через себя. «Конфликт» И. Данилова — на первый взгляд, всего лишь противопоставление двух архитектурных форм. Столкновение противоположностей, архитектурная (только ли?) драма... Вызывающе роскошный, «китчевый» «Золотой треугольник» А. Гаецкого — ироничная реакция художника на убожество повседневности. Неосупрематическая «Композиция» С. Тимофеева, «Структура» И. Данилова восходят, конечно, к Малевичу. Знаток философии супрематизма увидит в этих работах анализ линии и цвета, поиск новых пространственных форм. Могу лишь добавить, что «косить» под великого Казимира, не изучив его досконально, напрасный труд. Хотя, кажется, в архитектурном институте Малевича не изучают.

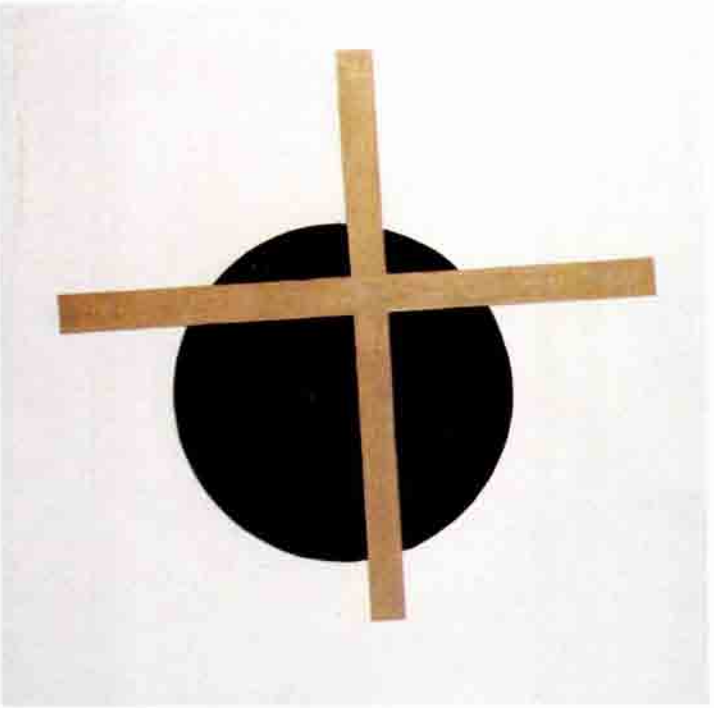
Был праздник на улице архитекторов. Осталось ответить на вопрос: зачем и кому это нужно? Конечно, самим ребятам: чтобы не закиснуть, чтобы было где людей посмотреть и себя показать, идеями обменяться. Для многих выставки и конкурсы — единственная возможность самореализации. А еще кому — в полуголодной столице полунесуществующего государства? Кому сейчас нужны метафизические «бумажные» фантазии А. Иванова, «голубые города» Н. Шабельниковой? А в наших — не найдется места пластичным и остроумным скульптурам И. Белова. Не до того.

Значит, некуда девать всю эту ярмарку талантов? Председатель оргкомитета Р. Хасиев считает: нужно сохранить фестивальный дух «Вернисажа», но необходим архитектурный маркетинг («маркет» — рынок, базар).

«Заграница нам поможет» — как мы привыкли к этой мысли! И помогает... Финский и голландский архитекторы участвовали в выставке вне конкурса. Скромно разместили свои планшеты на торцевой стеночке и помогли многим избавиться от эйфории, головокружения от собственных успехов: тем, что подняли профессиональную планку на такой уровень, на какой мы пока не тянем...

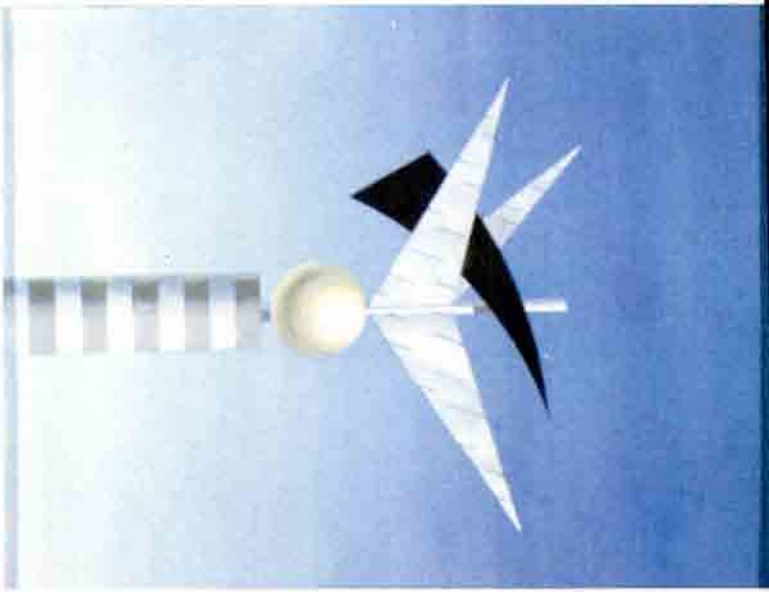
С. ТИМОФЕЕВ. Композиция.

А. ГАЕЦКИЙ. Золотой треугольник.

Н. ШАБЕЛЬНИКОВА. Башня.

В. КОЗЛОВ. Капитель.

МОНОЛОГ

ИГОРЬ ТАЛЬКОВ

Лет 10 тому назад меня впервые посетила мысль написать книгу, естественно — в «стол», никакой надежды на ее публикацию при жизни я не питал.

Книга эта должна была называться «Эпоха Вырождения». Я стал подбирать материалы, документы, высказывания знаменитых философов; совокупируя все это и пропуская через себя, я вырабатывал собственную концепцию в отношении той эпохи, в которую нам суждено было родиться, эпохи зла, насилия и тотальной деградации.

Но случилось непредвиденное: судьба неожиданно вынесла мое творчество на большую сцену, вывела на контакт с огромными аудиториями и предоставила возможность делиться своими мыслями и чувствами с людьми через песни, которые были написаны задолго до появления этой возможности и писались в процессе работы на больших площадках, в кино, на телевидении.

Песни — это кратчайший путь к сердцу и уму человека, но мне всегда казалось, что я не могу высказаться до конца в своих концертах, поэтому выступления на сцене перерастали порой в митинги, полемики, а иногда даже в лекции. Например, в Свердловске в 1988 году на одном из концертов шеститысячная аудитория, заполнившая Дворец спорта, в течение полутора часов слушала, как я рассказывал о 30-летнем правлении Екатерины II, но люди ждали песен, и это ожидание сбивало меня с мысли, торопило, не давало возможности выговориться до конца. Именно тогда я решил найти возможность для полного самовыражения и передачи людям информации, которой владею. Такую возможность может дать только книга, но поскольку книга «Эпоха Вырождения» должна была носить по большей части публицистический характер, ее написание было отложено до лучших времен, тем более что сейчас от публицистики все устали. «Книга должна быть живой,— подумал я,— написанной от первого лица, и чем она больше будет насыщена примерами из личной жизни, ситуациями, происходящими непосредственно со мной, тем она будет живее и интереснее».

Введение

Поэты не рождаются случайно,
Они летят на Землю с высоты,
Их жизнь окружена глубокой тайной,
Хотя они открыты и просты...

В моем «заплечнике» скопилось, на мой взгляд, немало интересного материала: мысли, догадки, предположения, факты, теоремы, доказанные жизненным опытом и временем, определенные выводы и аксиомы.

Я мог бы высказать свое мнение по конкретным вопросам политики и свое отношение к личности лидеров того или другого периода в истории нашей страны, но сейчас пресса наводнена такого рода публикациями, в частности о правлении и личности Ленина.

Мое отношение к Ленину и его последователям однозначно негативное, но я не хочу углубляться в подробности, дабы не утомить читателя. Всех, кого интересует эта тема, я приглашаю на мои концерты, где зрителю представляется программа, первая часть которой — музыкальный спектакль «Суд», социальные и политические песни. Песни и стихи из этого спектакля дают ясное представление о моем отношении к прошлому и настоящему многострадальной великой России.

Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты смогла себя отдать
На растерзание вандалам?
О, генеральская тетрадь,
Забитой правды возрожденье,
Как тяжело тебя читать
Обманутому поколенью. Россия...

(«Россия»)

Я изучал астрофизику и психологию, увлекаюсь философией, поэтому для начала поделюсь тем, что меня глубоко заинтересовало и взволновало.

Вот несколько выдержек из расшифровки трансцендентальных голосов, летящих на Землю из Космоса в вольном переводе человека-биопсихоприемника, экстрасенсора четвертой ступени Земного предела: «...Дела земные плачевны. В момент скатывания Земли в предыдущий неузловой микроярус столетней цикличности произошло событие непредвиденное и роковое — были повреждены защитные, установленные высшими силами инфернобарьеры и психополя, в результате чего над территорией России в предохраняющем слое образовалась дыра, связующая Земной Мир с Миром Потусторонним. В Сверхпространственный туннель, пробитый силами зла, хлынула материя инферно. Прокол был микроскопическим, но его хватило, чтобы разрушить треть Земного

Мира и уничтожить сотни миллионов людей. На территории пострадавших районов не было жителей, умерших своею смертью, во всех случаях живую плоть убивала инфернноматерия. Шаманы-ученые и полуграмотные астрологи-самоучки вселяли и продолжают вселять надежды Человечеству, которое уже занесло ногу над Пропастью. Из Пропасти инферно возврата нет, осталось лишь единое, легкое, почти неуловимое движение. Пространство отпустило для этого движения бесконечно малый срок — десятилетие. Сверхпространственный туннель не закрыт, дыра расширяется.

Инфернноматерия, изливающаяся на Землю из Космоса, проникает в тела и души, ведет к саморазрушению и братоубийственным войнам.

Силы зла действуют руками тех, в кого они вселяются, и любой, не отринувший их, становится одержим ими. Не тронутый пока силами зла Мир ликует, созерцая, как разваливается, гибнет, проваливается в адскую воронку некогда Великая и Могущественная Держава Российская.

Но адские вихри захватывают уже и этот радующийся Мир. Обрубить Россию, отрезать от себя — значит самому истечь кровью и умереть вслед за нею. Третичная земная цивилизация глуха. Добивая обескровленную, умирающую Россию, цивилизация убивает себя. Воронка Сверхпространственного туннеля расширяется, ужас и мрак затопляют Землю — и не видит этого только слепец.

Деполяризация земного сообщества отрицанием основного закона пространства перечеркивает все сущее на Земле. Несколько тысяч подвижников, пытающихся затянуть адскую воронку собственными психополями, противостоят Вселенскому Злу...»

Все на Земле продумано и закономерно. Ничто не происходит просто так, без ведома Космического Разума.

Природа мудра, и Всевышнего глаз
Видит каждый наш шаг на тернистой дороге.
Наступает момент, когда каждый из нас
У последней черты вспоминает о Боге.

(«Бывший подъесаул»)

Среди массы живущих на Земле людей есть посланцы Белой и слуги Черной сил.

Белая сила — Космический Разум — БОГ. Сила общая. В ее владении все бытие.

Черная — частная — Люцифер — дьявол — сатана — князь мира сего, хозяин Земли — пока что.

Кончен бал, погасли свечи (черные),
Не успевшие поджечь
Всю планету, и не вечным
Оказался Красный меч,
Пропитавший кровью землю
Невиновной стороны,
Что бельмом сияла белым
В черном глазе сатаны.

(«Бал сатаны»)

Люцифер, он же дьявол, отец лжи. Ложь — его стихия. Ему удалось обманным путем перевернуть мир, и перевернутый мир объявил войну законам природы. Отрицание Бога — атеизм, квинтэссенция лжи. И чем человечество дальше отдалялось от Бога, тем лживее оно становилось.

Разрушение храмов — Божьих обителей — привело к утверждению и беспределу дьявола.

Россия обескровлена, находится в коматозном состоянии. Выход из коматозного состояния зависит от того, как скоро люди, населяющие территорию России, прозреют и потянутся к Правде, к Свету, к Истине, к Богу.

Земля — Небо.
Между Землей и Небом — война.

Спев одну эту строчку, Виктор Цой мог уже больше ничего не петь. Он сказал все. Просто и гениально.

До сих пор мне непонятна смерть Цоя; предполагаю, что он был проводником Белых сил и явно не успел выполнить возложенную на него миссию. Он ушел внезапно. Я думаю, что, на какое-то мгновение расслабившись, он потерял контроль над собой и открыл таким образом брешь в энергетическом поле защиты, причем сделал это так неожиданно, что Белые не успели среагировать, тогда как Черные среагировали мгновенно. Цоя нет, как нет и Высоцкого.

Они уходят, выполнив заданье,
Их отзывают Высшие Миры,
Неведомые нашему сознанью
По правилам космической игры.
Они уходят, не допев куплета,
Когда в их честь оркестр играет туш —
Актеры, музыканты и поэты —
Целители уставших наших душ.

(«Памяти Виктора Цоя»)

«Вы не боитесь?» — часто спрашивают меня. Нет. Не боюсь.

Как человек наделяется той или иной силой?
Кому он служит — Белым или Черным?
Кем из них ведом?
Откуда приходит вдохновение?
Кто вкладывает в мои уста информацию?

Я долго пытался во всем этом разобраться, но ни на секунду не сомневался, что кем-то направляем.

Поскольку с детства не терпел ложь и сам ни при каких обстоятельствах старался не лгать, я пришел к выводу, что Черные не могут меня «вести», так как их тактика строится исключительно на лжи.

...В Щекино, где мы жили с родителями и старшим братом Володей, мы с мальчишками часто развлекались тем, что усыпляли друг друга. Однажды меня усыпили очень сильно. Что со мною происходило, мне

рассказали потом. Я же пребывал в совершенно незнакомом доселе состоянии блаженства.

Легкая спираль уносила меня все быстрее и быстрее по сужающемуся туннелю, в конце которого светилась белая точка. По мере приближения к ней я стал слышать сначала хаотичные и едва уловимые, а затем близкие, теплые, ласкающие слух, но совершенно непонятные звуки. Сейчас я мог бы назвать их полифоническим шепотом. Мне становилось лучше и лучше, а благозвучие заполняло всего меня. Вдруг в полифонию стали вкрапляться неприятные диссонирующие звуки, похожие на отдаленные удары железа о железо. Благозвучие постепенно переходило в какофонию, а движение замедлялось. Я на мгновение остановился и поплыл назад. Удары усиливались, и когда я ощутил головную боль (железо, казалось, било по моей голове), спираль растаяла, туннель стал красным, и сквозь его стенки я различил тени, склонившиеся надо мной, но не понимал, что это люди.

На моей груди сидел брат и бил меня наотмашь по лицу.

Как потом мне объяснили, это была последняя попытка привести меня в чувство, так как пульс уже не прощупывался, под глазами образовались черные круги, нос заострился, и изо рта пошла пена.

Несколько ведер холодной воды, вылитой на меня, не помогли. «Скорую помощь» вызывать было неоткуда, так как дело происходило на поляне за городом, а звать на помощь взрослых мальчишки побоялись. Несколько часов я не воспринимал окружающий мир и ничего не понимал, на вопросы не отвечал. Меня положили на траву и стали ждать, пока заговорю. Через три часа я ответил на первый вопрос.

«Ты меня узнаешь?» — кричал брат.

«Да, узнаю, ты мой брат Владимир»,— прошептал я.

Когда в черные дни, а их было немало, я пытался покончить с собой, мне это не удавалось, как не удавалось и тем, кто хотел меня убить. Во всяком случае, до сегодняшнего дня. «Уходить из жизни очень глупо, так и не успев ее понять». Может быть, я буду защищен до тех пор, пока не пройду предначертанный мне Земной путь?..

Я уязвим, как любой человек, меня терзают искушения, я грешу, как все. Но... нельзя переходить грань Божественного терпения. Уже дважды я умирал (и это было предупреждение), но был возвращен. Третьего раза не будет, и я это знаю!

Как ни странно, моей Ахиллесовой пятой оказалась любовь. Я влюблялся не однажды со всей силой земной страсти, но последняя была гибельной. Понял, что умру, если не смогу победить ее.

Скажи, откуда ты взялась,
Моя нечаянная радость,
Несвоевременная страсть,
Горькая, а сладость?

Вздрогнул, как от выстрела, мой дом,
Стены закачало,
Когда в окно твоим крылом
Счастье постучало.

(«Моя любовь»)

И я ее победил.

Память уже не жалит,
Мысли не бьют по рукам,
Я тебя провожаю к другим берегам.
Ты — перелетная птица,
Счастье ищешь в пути,
Приходишь, чтобы проститься и снова уйти.
Лети.

(«Летний дождь»)

«Верить надо в разум, ну а жить душой», но моя душа по возможности должна быть свободна от страстей, чтобы заниматься творчеством, телесная оболочка не должна износиться раньше, чем я успею... А успеть нужно много.

Все, все происходит в мире не так,
По чьей-то неведомой нам воле.
А так, как должно быть,— только в мечтах,
В наших мечтах, но не более.

(«Ты опоздала»)

Не могу сказать, что у меня все в порядке и в отношении дружбы, с этим тоже не все сложилось.

В 1988 году рано утром после ночной работы я гулял в районе Коломенского и, находясь на территории деревни Дьяково городище, увидел лежащий на земле крест, недалеко от полуразрушенного Храма Усекновения главы Иоанна Предтечи. Он, видимо, был сброшен с купола церкви, так как был изувечен и погнут у основания, наверное, от удара о землю. На несчастном, изуродованном кресте уже оставили свои «автографы» «Петя и Ваня» в виде «иксов» и «игреков», но от этого он не переставал быть символом Бога Живого.

У меня сжалось сердце при виде подобного кощунства, и я решил отнести крест к себе домой. Возможности сделать это немедленно не было, поскольку крест был огромен, и человека, обладающего подобной ношей, ротозеи могли принять за вора.

В поисках потайного места я вошел внутрь Храма Иоанна Предтечи, двери которого были распахнуты настежь. Хаос в Храме потряс меня: пол был загажен, и у заплесневелых стен явно вырисовывались следы его «прихожан» в виде консервных банок, пустых бутылок и остатков кильки в томатном соусе. Божья обитель служила притоном для местных алкоголиков. Оставить там крест было бы святотатством, и мне пришлось искать другое место. Я набрел на заброшенную монашескую келью и положил в нее крест, решив вернуться за ним ночью. Вернулся вместе с другом. В кромешной тьме, когда мы на ощупь стали пробираться к келье, раздался треск, и что-то тяжелое, просвистев над моим ухом, ударило друга по голове. Как потом выяснилось, створка двери сорвалась с петель. Дико закричав — больше от испуга, чем от удара,— мой спутник метнулся к выходу. Окровавленный, с выпученными от ужаса глазами, он пролепетал: «Это знак. Крест забирать нельзя!» «Но ты же получил по голове, а не я, значит, мне можно»,— ответил я.

Забрав крест, мы вернулись домой. С тех пор он является не только священным символом, но и «термометром» отношения ко мне людей.

Иногда, общаясь с людьми, которые называют себя моими друзьями и с которыми я делю порою стол и кров, в моей душе вдруг появляется отчуждение. В период постоянной загруженности, забывая о сне и еде и отдаваясь творчеству целиком, я невольно открываюсь для человеческой подлости.

Как раз находясь в подобном полуреальном состоянии я и совершал прогулку по Коломенскому, когда забрел в Дьяково городище и нашел крест.

Теперь ясно, что это была не просто находка. Это был *мой* крест! Недаром я нес его на себе два километра по темному ночному пути от места его поругания под крышу своего дома, вернув ему прежнюю святость омовением святой водой.

Тогда я подумал: возможно, крест был послан мне в защиту от лжедрузей и предателей. Одни перестали бывать у меня в доме, узнав об этой истории, другие чувствовали себя плохо, побывав у меня в гостях, и что самое интересное: тот «друг», который был в ту ночь со мной и «получил по голове», предал меня первым. Вот так. Вслед за этим предательством последовали и другие.

А верну я этот сброшенный крест в церковь Иоанна Предтечи только тогда, когда та епархия, в чьем ведомстве находится охрана исторических памятников русского зодчества, вспомнит о своих обязанностях и приступит наконец к восстановлению Храма Усекновения главы Иоанна Предтечи, как приступила Россия к реставрации душ человеческих, у последней черты вспомнив о Боге.

Часто в записках, присылаемых на концертах, встречаются одни и те же вопросы: «Что вас связывает с Джуной?», «Ваше отношение к людям, обладающим сверхспособностями?», а также к богочеловекам, человекобогам, к великим, святым, злым гениям и т. д., «Ваш идеал?»...

По поводу Джуны отвечу коротко — дружба, проверенная экстремальными ситуациями.

Мой идеал — Иисус Христос.

Что же касается сверхчеловеков...

Вопрос не простой, однозначно ответить невозможно. Приведу несколько примеров.

Александр Македонский — царь царей, стремившийся к совершенству. Воспитанник Аристотеля, великий полководец, философ, архитектор, поэт, провозгласивший еще в третьем тысячелетии до нашей эры истину: «Равенство возможно только по уму».

Итог: грехи человеческие перевешивают чашу Господнего терпения. Возведя себя в ранг Бога, Александр переоценил свои человеческие силы и глупо погиб в расцвете лет, завоевав полмира, но так и не достигнув Мирового господства, к которому он стремился с целью объединить враждующие государства в единое целое, уничтожив границы, но сохранив при этом культуры и обычаи объединенных народов. Он был отозван и покинул Землю в апогее своего величия.

Тщеславие, гордыня, порок наказуемы Господом.

А вот другой пример.

15 июля 1240 года на реке Ижоре в день Святого равноапостольного князя Владимира печально окончился грозный крестовый поход, предпри-

нятый Папой против Православия и Руси. Святой князь Александр Невский с немногочисленной ратью наголову разбил огромное войско шведского крестоносца Биргера. Всю ночь перед битвой Александр молился Господу и поутру, получив благословение епископа Спиридона, смело ринулся в бой и победил. И в дальнейшем наш великий предок одерживал победы над врагами земли Русской. Александр был глубоко верующим православным человеком, жил скромно, соблюдая заповеди Христа, умер в расцвете славы и величия, оставив по себе добрую память.

А что помогло победить Дмитрию Донскому на берегах реки Калки, когда уже казалось: ничто не может противостоять неисчислимой орде Мамая? Откуда взяла Россия силы победить полчища Наполеона? А разгром гитлеровской адской машины?

Как сказал Святой Александр Невский: «Не в силе Бог, а в Правде». И если Правда побеждает в невероятных условиях, значит, сильнее Правды нет ничего. Стремление к Правде — движение к победе над злом. Истинная вера в Бога — защита от зла.

Причина гибели Мамая, Биргера, Наполеона, Гитлера и других завоевателей — порок. Стремление к власти ради власти — порок.

Преступна слепота тех, кто считает, что цель сатаны — уничтожение России и Православия. Посвященные знают, что когда-то сатана носил имя Денница, обитая рядом с Богом в высших сферах бытия. Он был любимым ангелом Господа, но за грех был наказан и низвергнут на Землю для осознания и искупления греха. Вместо того, чтобы очиститься и повиниться, бывший Белый ангел Денница объявил Богу войну, став дьяволом.

Человек — создание Божье, и создан он по образу и подобию Создателя. Планета Земля существовала и процветала до появления человека около четырех с лишним миллиардов лет, ее населяли звери и птицы, на ней пышно разрастались леса, цвели и благоухали луга.

Земля — Голубая жемчужина Вселенной, и несколько сотен миллионов лет тому назад неописуемую красоту этой воплощенной мечты Господней должен был довершить человек, созданный Богом красивым, гармоничным и бессмертным.

Человек не должен был испытывать страха смерти, болеть теми или иными болезнями, человеческая плоть не должна была стареть и обращаться в прах.

Первые люди, созданные Богом, согрешили, открыв тем самым путь к плотской смерти. Этот первородный грех был подстроен Люцифером в стремлении доказать Богу, что он — дьявол — сильнее.

Орудие борьбы князя тьмы с Создателем — человек. Уничтожив одних представителей человечества руками других, дьявол уничтожит и последних. Победа над каждым человеком в отдельности, а значит, над человечеством в целом,— цель борьбы Люцифера с Богом.

Иногда по ночам в кошмарных снах я вижу дымящуюся Землю без единого человека и черную тень, проносящуюся над побежденной планетой, сладострастно восклицающую: «Ну что, Господь, так ли ты силен, коли я смог уничтожить твое творение!!!»

Но это, слава Богу, в кошмарных снах, а наяву я вижу, как люди тянутся к Богу, к Свету, к Правде и с каждым новым днем прозревают еще несколько слепых, поэтому верю, что Голубая жемчужина Вселенной никогда не превратится в черную глыбу, бессмысленно бороздящую космическое пространство.

«Природа не может творить по приказу...»

Однажды в г. Минске во время гастролей, посвященных памяти погибших в чернобыльской катастрофе, после одного из концертов ко мне подошел журналист и задал вопрос: «Почему сегодня вы пели только песни политического содержания? Разве проблемы экологии вас не волнуют?» «Волнуют,— ответил я,— именно поэтому я и пою о политике». Журналист меня не понял. Я не стал ничего объяснять, полагая, что человеку, прожившему полжизни и непонимающему, что экология и политика взаимосвязаны, объяснять что-либо бесполезно.

Я убежден в том, что если бы страной, на территории которой произошла чернобыльская трагедия, правили Люди, взрыва бы не произошло.

Природа объявила нам войну и правильно сделала! Еще древние предупреждали: «Живите в согласии с природой, любите ее, не противоречьте ее законам». Мы созданы природой, а не природа — нами, поэтому нет ничего глупее изречения: «Человек — хозяин природы».

17-й год объявил войну Богу, значит, и природе, а «природа не может творить по приказу, и совсем уж понятно, не может и Бог!». С того момента, как мир раскололся на две диаметрально противоположные системы, началась гонка вооружений, милитаризация космоса; следствие: нарушение воздушных течений, постоянное зондирование атмосферы, изобилие искусственного железа в ней, подземные испытательные взрывы и т. д. Результат: дисбаланс жизнестихии. Многочисленные химзаводы, как правило, наполовину засекреченные, губят отравленную выбросами атмосферу и водоемы, умерщвляют флору и фауну.

Убежден, мир, не разделенный на две системы-антиподы, больше бы думал о мире, нежели о войне, то есть о судьбе природы, о ее здоровье, об экологии, так что, как ни крути, политика и экология находятся в прямой зависимости друг от друга.

В юности я увлекался астрофизикой. Узнав о состоянии здоровья нашей планеты на 1978 год, написал песню, которая актуальна и по сей день.

«МАЛЕНЬКАЯ ПЛАНЕТА»

Черная бездна... Звездная пыль...
Холодом дышит вечность,
Переплетая сказку и быль,
Миг и бесконечность.
Кто-то когда-то задал маршрут,
Не объяснив секрета,
И совершает неведомый путь
Маленькая планета.

Крутится-вертится шар голубой,
Нас на груди качая.
Крутится-вертится не для того,
Чтоб все начинать сначала.

В окружении стаи вездесущих ракет
Так нелегко вращаться,
Все-таки 5 миллиардов лет

Отдано цивилизации(!!!).
Мелкою дрожью на полюсах
Дает себя знать усталость,
и застывает вопрос на устах:
А сколько еще осталось?!

Крутится-вертится шар голубой,
Нас на груди качая.
Крутится-вертится не для того,
Чтоб все начинать сначала.

Кто-то когда-то задал маршрут,
Не объяснив секрета,
И совершает неведомый путь
Маленькая планета.
На полюсах все сильнее дрожа,
Движется, бедолага,
Тщетно пытаясь нас удержать
От рокового шага.

Но я ее не пою, поскольку экология зависит от политики, а не политика от экологии, и в первую очередь нужно решать вопросы, связанные с доминирующей причиной.

В 1987 году я не пел песню «Чистые пруды», хотя она стала популярна, а вместо нее пел «Чистые пруды-2». На мой взгляд, текст этой песни достаточно понятно объясняет мое отношение к взаимосвязи политики и экологии.

«ЧИСТЫЕ ПРУДЫ-2»
Я хотел спеть песню «Чистые пруды»,
Но в прудах известных чистой нет воды.
Вместо «ив застенчивых» виснут провода,
«Друг мой» канул в вечность и не придет туда.
«Сон веков» нарушен, «пристань» сожжена.
Что произошло?! Война.

70 лет идет война.
Как тут будет петься про аккордеон
И про берег детства, если взорван он,
И казенной дланью бьет бульвар в лицо,
И базарной бранью захлебывается «Кольцо»,
Истекая кровью, мечется страна!
Что произошло?
Война!
70 лет идет война.
Да, я бы спел вам песню «Чистые пруды»,
Но, признаюсь честно, мне не до «воды».
Я на меч булатный и доспехов звон
Поменял приятный старый свой аккордеон,
И моя дорога определена.
Что произошло? Война.
70 лет идет война!

«На привале, а не в строю...»

А когда затихают бои,
На привале, а не в строю,
Я о мире и о любви
Сочиняю и пою.

Любовь — это принцип существования всего сущего на Земле. Ради нее и во имя ее рушатся и возрождаются государства, системы, миры, совершаются войны, люди становятся либо отпетыми негодяями, либо святыми.

Александр Сергеевич Пушкин устами одного из своих героев изрек: «Сладостное внимание женщин — почти единственная цель наших усилий».

Политики, которые ставят высшей целью своей деятельности не достижение любви и гармонии, а факт победы,— это лжеполитики, азартные, бездуховные игроки.

Зрителей, приходящих на мои концерты, удивляет сочетание несочетаемого в моем творчестве: мягкие, лирические песни о любви звучат на фоне резких политических, кричащих композиций. Хочу объяснить: и те, и другие суть компоненты моей души. Я не сочиняю специально, я пишу только тогда, когда меня что-то глубоко волнует.

Мы живем в самое страшное время для нашей многострадальной родины, в момент кульминации войны правительства со своим народом. Ни для кого не секрет, что все советские диктаторы и их приспешники — слуги черных и невидимых сил, деятельность которых направляется на уничтожение всего сущего на Земле, а в первую очередь — любви, поскольку черные силы знают лучше, чем кто-либо, что только Любовь может победить зло.

Для того, чтобы дать возможность произрасти и расцвести настоящему высокому чувству, нужно подготовить благодатную почву. На помойке, простите за столь неприглядное сравнение, цветы не растут. Настоящие политики занимаются по большому счету тем, что говорят и возделывают эту почву, очищая ее от сорняков и мусора.

Я перефразировал бы известное выражение «Добро должно быть с кулаками» в «Любовь должна быть с кулаками», не в буквальном смысле, конечно. Любовь должна быть защищена.

Православие — религия не воинствующая, но способная себя защитить, защитить Любовь друг к другу и к Богу.

Я русский православный человек. Этим и объясняется сочетание несочетаемого в моем творчестве.

Любовь — это стимул жизни, вечный поиск, единственная возможность роста и совершенствования.

Мне 34 года, 30 из которых я нахожусь в поиске.

Впервые я влюбился в 4 года... Она была старше меня лет на двадцать или тридцать, точно не помню. Целыми днями я ползал по траве и лазил по кустам, соблюдая все правила маскировки, следя за предметом своей любви. А предмет, не подозревая об этом, был окружен большими красивыми дядями. «Мне не светит»,— думал я, но однажды, решившись, выскочил из кустов и... резко объяснился. С тех пор стараюсь не объясняться! Надо мной посмеялись и отправили спать.

Так закончился мой первый серьезный роман, но... начался поиск. Порой мне казалось, что я нашел: «Скажи, откуда ты взялась, моя нечаянная радость?..» — но время все расставляло по своим местам, и я отправлялся дальше по пути вечного поиска.

Нет ничего горше и больнее разочарования, и раны, которые оно оставляет в душе, сочатся пожизненно. Мои песни о любви выполняли и продолжают выполнять функции врача-анестезиолога, частично вбирая в себя душевную боль. Может быть, поэтому они у меня такие грустные.

Люди, наделенные способностью влюбляться, как правило, фантазеры. Влюбленность — это еще далеко не любовь, хотя нам очень хочется считать ее любовью. Мы начинаем наделять тех, кто затронул струны нашей души, качествами, не присущими им. И когда чаша несоответствия переполняется, наступает пустота, вакуум, который ничем не заполнить. В такие минуты хочется уйти от мира, от себя, а порой и из жизни.

Плод моей фантазии,
Что с тобою стало?
Бьешься, как подстреленный,
В тине мертвых чувств.
Ты уж прости меня за то,
Что я в кого попало
Втискиваю образ твой
И, как дурак, молюсь.
Оживлять дыханием твоим хрупким души
Говорящих кукол я и сам не рад,
Но ты уже придуман мной, образ невезучий,
И невольно приглашен на жалкий маскарад.
Обряжать безликое —
Дело обреченное,
Все равно, что ласково
Гладить пустоту,
Окрылять воображение
Неодухотворенное
И пускаться в плаванье
На каменном плоту.
Эх, плот моей фантазии...
Плод моей фантазии,
Возвращайся в прошлое,
Где играют в «салочки»
Детские мечты,
Воплощайся в радугу
Над травой нескошенной,
В легкокрылых бабочек,
В первые цветы.

Но время лечит и вразумляет, мы теряем, опять находим и снова теряем, поддаемся власти воображения и вновь разочаровываемся.

Мне приходилось общаться с уфологами, которые старались убедить меня в том, что только на нашей планете, выбившейся из общего космического гармоничного ритма Вселенной, настоящая любовь — чудо, тогда как на других планетах — само собой разумеющийся жизненный фактор. Наши братья по разуму, существующие в более совершен-

ных сферах бытия, встречают друг друга своевременно и живут долго и счастливо.

Возможно, это и так. Но!

«Несвоевременность — вечная драма, где есть Он и Она» — это удел землян. Любовь легко придумать, но найти очень трудно.

По этому поводу очень хорошо высказался Николай Рерих: «Жить трудно, мой мальчик. Помни приказ: жить, не бояться и верить, остаться свободным и сильным, а после удастся и полюбить».

Возможно, после и удастся тем, кому не удается сейчас, но для этого нужно иметь много сил, терпения, воли, иметь неиссякаемый источник вдохновения.

Рядом со мной — женщина, которая роднее и ближе мне всех когда-либо окружавших и окружающих меня. Она не похожа ни на одну из придуманных мною, но она достойна большой и настоящей любви. Порой мне кажется: то, что я искал за горизонтом, всегда было рядом, только я этого не замечал. Успокаиваюсь одним: наших отношений никогда не касался обман.

Мне хотелось бы верить, что путь моих поисков пройден, но... что там, впереди, знает только Бог.

Когда устану уставать
От беспорядочных сомнений,
Я перестану воевать
И упаду в твои колени.
И пусть огнем горят дела,
Что толку в них? Одно расстройство,
От них ни света, ни тепла,
А только боль и беспокойство
сомнительного свойства.

Когда в последний раз сорвусь,
Он близок — этот раз последний,
Я знаю, что не разобьюсь,
Я упаду в твои колени.
И пусть простят меня стихи
И недописанные песни —
Немые спутники тоски
И затянувшихся депрессий...
Мои стихи и песни...

Ну, а когда порвется нить
И сгинут разом все волненья,
Меня не надо хоронить,
Я упаду в твои колени.

Люцифер — отец лжи. Берегитесь обмана — его детища. Где начинается обман, там заканчивается любовь. И как бы ни сложилась жизнь:

Расстаться можно и любя,
Боль рассосется понемногу,
Но только, обманув себя,
Мы обмануть не сможем Бога.

Мастера

Решительно утверждать, что имя Леонида Петровича Гроссмана (1888—1965) забыто, было бы, пожалуй, рискованно: его монографии «Пушкин» и «Достоевский» продолжают переиздаваться в популярной молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей». И тем не менее...

Тем не менее обе эти книги составляют лишь малую часть поистине огромного литературного наследия Л. Гроссмана. Изданное в 1928 году пятитомное собрание сочинений было только началом, и впереди оставалось еще тридцать семь лет работы — целая литературная жизнь. Мастерство его мужало, но времена менялись, требуя от пишущего прежде всего четкого разграничения картины мира на «черное» и «белое», а если конфликтов, то «хорошего» с «еще лучшим». Богатый цветовой спектр палитры мастера, полной к тому же тонких нюансов, приходился не ко двору, «не в масть козыри», как говорили тогда умные скептики. И Леонид Гроссман разделил участь тех своих современников, кто продолжал работать почти без помощи типографского станка — печатали его от случая к случаю и мизерным тиражом, чего не скажешь об уничижительных и разгромных рецензиях, обильно сопровождавших каждую редкую его публикацию. А между тем, перечислив только имена и эпохи, которых коснулось за эти годы умное, изящное перо мастера, нужно будет признать, что перед нами целый пласт русской и мировой культуры: кроме Пушкина и Достоевского, это Лермонтов и Лесков, Чехов и Лев Толстой, Тютчев и Аполлон Григорьев, Каролина Павлова, Тургенев, Гаршин, Блок...

Но обильный этот «русский» список должен быть дополнен именами Вольтера, Стендаля, Бальзака; впрочем, и тогда он не будет полон, ибо перу Л. Гроссмана принадлежат и труды о выдающихся мастерах сцены, исследования о русско-французских культурных связях, теоретические работы в области стихосложения... И вот тут пора ответить на простой, казалось бы, вопрос: кто же такой Леонид Гроссман?

Литературовед? Историк культуры? Популяризатор? Все это

так и все бесспорно. И все-таки в «послужном списке» его нет главного — ПИСАТЕЛЬ. А именно это многообъемлющее понятие как нельзя более точно соответствует всему, что создано Л. Гроссманом в различных жанрах литературы. Он представляет собой тот редчайший тип писателя, который — применительно к нему — Ираклий Андроников назвал ученым-беллетристом. Аналогия есть, но она коротка — Юрий Тынянов, Михаил Гершензон, Виктор Шкловский. Однако и здесь у Л. Гроссмана свое — особое и до сих пор никем не занятое — место, ибо как никто другой он сумел переплавить глубокое научное исследование в изящную, увлекательную прозу.

Из этого счастливого симбиоза ученого и писателя, свойственного таланту Л. Гроссмана, вышли его знаменитые и — теперь можно так сказать — незаслуженно забытые издателями романы «Записки д'Аршиака», «Рулетенбург», «Бархатный диктатор». В этом ряду и «История одного преступления».

Но, представив автора, несколько слов нужно сказать и о герое предлагаемого читателю произведения.

Вот уже сто тридцать пять лет не случалось сезона, когда бы не игрались на русской сцене пьесы Сухово-Кобылина. Однако, несмотря на сценическую популярность «Свадьбы Кречинского», «Дела», «Смерти Тарелкина», знали бы мы Александра Васильевича Сухово-Кобылина только как автора знаменитой театральной трилогии, этого, по слову современника, «русского Бомарше». «Блестящий представитель московского высшего круга, известный остроумец, театрал, богач и красавец, отмеченный двойной репутацией философа и донжуана», таил свою жизнь. И этому были причины.

Дело, о котором пойдет речь в «Истории одного преступления», тянулось семь лет и было даже подано «на высочайшее усмотрение». Большинство современников считало Сухово-Кобылина жертвой судебной ошибки, но тайна так и осталась тайной. Разгадать ее спустя много лет и взялся Леонид Гроссман.

ЛЕОНИД ГРОССМАН

ИСТОРИЯ ОДНОГО

ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рисунки Геннадия Новожилова

«Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?..»
А. С. ПУШКИН

Роман Сухово-Кобылина

У Сухово-Кобылина до конца его дней висела над кроватью бледная пастель французской работы в золоченой рамке. По свидетельству одного из его собеседников, хорошенькая женщина в светло-русых локонах и с цветком в руке глядела оттуда задумчиво и улыбалась загадочно-грустно.

— Вот это она! — сказал однажды лаконически драматург посетившему его театральному критику Юрию Беляеву. Он больше ничего не прибавил, отвернулся от портрета и стал говорить о другом.

Но драматург хотел сказать, и театральный критик понял, что речь идет о героине того страшного и незабываемого события, которое навсегда омрачило славу блистательного комедиографа несмываемым клеймом преступника.

В 1841 году в Париже Сухово-Кобылин познакомился с молодой француженкой Луизой Симон-Деманш. Ей было немногим больше двадцати лет и отличалась она замечательной красотой.

Через 60 лет сам Сухово-Кобылин рассказал об этой встрече В. М. Дорошевичу, который тогда же изложил это воспоминание в печати.

«...Дело происходило при крепостном праве.

В одном из парижских ресторанов сидел молодой человек, богатый русский помещик А. В. Сухово-Кобылин и допивал, быть может, не первую бутылку шампанского.

Он был в первый раз в Париже, не имел никого знакомых, скучал.

Вблизи сидели две француженки: старуха и молодая, удивительной красоты, по-видимому, родственницы.

Молодому скучающему помещику пришла в голову мысль завязать знакомство.

Он подошел с бокалом к их столу, представился и после тысячи извинений предложил тост:

— Позвольте мне, чужестранцу, в вашем лице предложить тост за французских женщин.

В то «отжитое время» «русские бояре» имели репутацию.

Тост был принят благосклонно, француженки выразили желание чокнуться, было спрошено вино, Сухово-Кобылин присел к их столу, и завязался разговор.

Молодая француженка жаловалась, что она не может найти занятий.

— Поезжайте для этого в Россию. Вы найдете себе отличное место. Хотите, я вам дам даже рекомендацию. Я знаю в Петербурге лучшую портниху Андрие, первую — у нее всегда шьет моя родня. Она меня знает отлично. Хотите, я вам напишу к ней рекомендательное письмо?

Сухово-Кобылин тут же в ресторане написал рекомендацию молодой женщине...»

Через год они встретились в России. Завязался роман.

Мы вступаем в полосу точных дат и фактов. 6 октября 1842 г. Луиза Симон-Деманш прибыла в Россию одна на пароходе «Санкт-Петербург». Путешествие она совершила отчасти на деньги Сухово-Кобылина, который дал ей на путевые издержки до 1000 франков. Пробыв некоторое время в Петербурге, она в самом конце октября или в начале ноября уже была в Москве. Здесь она определилась модисткою в магазин Мене на Кузнецком Мосту. Вскоре Сухово-Кобылин снял ей квартиру на Рождественке.

Близкий к семье Сухово-Кобылиных Е. М. Феоктистов, впоследствии начальник цензурного управления, в то время студент, служивший учителем у сестры Сухово-Кобылина графини Сальяс, сообщает в своих воспоминаниях следующие сведения об этом романе драматурга.

«Еще за несколько лет до того, как познакомился я с ним, он привез из Парижа француженку m-lle Симон, которая страстно его любила. Мне случалось встречаться с ней довольно часто. Она была женщина уже не первой молодости[1], но сохранила следы замечательной красоты, не глупая и умевшая держать себя весьма прилично. О такте ее свидетельствует то, что ей удалось снискать расположение всех родственников Кобылина, которые убедились, что ею руководит искреннее чувство, а не какие-нибудь корыстные расчеты. Вполне довольной своей судьбою она не могла быть, потому что Кобылин часто изменял ей, но так как каждые его увлечения длились недолго и он все-таки возвращался к ней, то после более или менее бурных сцен наступало примирение»[2].

В семье Кобылиных Симон-Деманш была действительно принята. Мать Александра Васильевича и другие родственники свидетельствовали официально, что они питали к m-lle Симон искреннюю симпатию и уважение, убедившись в ее бескорыстном чувстве к Александру Васильевичу. Сам Сухово-Кобылин сообщал, что его подруга питала «глубокое уважение и привязанность» к его матери и сестре и была с ними в «близком дружестве». Есть указание, что француженка вместе с гр. Сальяс убирала к венцу ее младшую сестру Душеньку в 1848 году.

Ровно восемь лет прожила Луиза Деманш в России. Положение ее было неопределенное, двойственное и странное. Принятая в семье Сухово-Кобылиных, она не считалась его женою и в обществе не могла с ним появляться. «Писала себя вдовою, но была девица». Сухово-Кобылин дал ей капитал на заведение винно-торгового магазина — около 60 тысяч рублей ассигнациями.

[1] Эти сведения Феоктистова относятся к самому концу 40-х годов, когда Симон-Деманш уже было около тридцати лет.

[2] С этим совпадает рассказ Сухово-Кобылина, записанный Дорошевичем: «Медовый месяц промелькнул, француженка влюбилась до безумия в своего русского друга,— а молодой человек стал скучать. Охлаждение молодого человека шло crescendo, и Симон-Деманш ревновала его безумно».

И вот блистательная парижанка получает тяжеловесное звание «московской купчихи», с которым она и сходит в могилу. Мало склонная к коммерческой деятельности, она ведет дело без особенного успеха и «по скудости доходов» прекращает его в 1849 году. Винную торговлю заменяет другая лавка на Неглинной, где изящная куртизанка ведает продажей патоки и муки из наследственных вотчин Кобылиных.

В это время Симон-Деманш уже живет на Тверской улице на углу Брюсовского переулка в доме графа Гудовича, почти рядом с домом военного генерал-губернатора Москвы. Двухэтажный дом Гудовича, одного из предшественников Закревского на посту московских военачальников, представлял некоторый историко-литературный интерес. Здесь, во дворе, в 1792 г., снимая комнату у кузнеца, Карамзин написал «Бедную Лизу». А через полстолетия — по странному совпадению случая — одноименница карамзинской героини пережила здесь в новых бытовых и психологических условиях аналогичный горестный роман.

Страстно влюбленная в Сухово-Кобылина, Симон-Деманш почти не имеет знакомых. Все ее общество — ее приятельница Эрнестина Ландерт, живущая с подпоручиком Сергеем Петровичем Сушковым (родным братом поэтессы Е. П. Ростопчиной) на Тверской, в Газетном переулке; семейство Кибер, постоянно проживающее в селе Хорошеве; управляющий фабрикой шампанского в деревне Сухово-Кобылина — Воскресенском француз Алуэн-Бессан с женою и, наконец, пользующий ее доктор Реми.

Она живет с полным комфортом и даже с некоторою роскошью. У нее большое количество белья, кружев и платьев, изящная обстановка, книги, немного драгоценностей. Имущество пополняется живым инвентарем: у француженки три собачки кинг-чарлей, лошадь и четверо слуг — крепостные Сухово-Кобылина, состоящие у нее в должностях повара, кучера и горничных.

«Образ ее жизни,— показывал Сухово-Кобылин,— был самый скромный, уединенный, наполненный домашними занятиями, довольно правильный, при самом малом числе знакомых».

Сухово-Кобылин обедал обычно у Деманш, она вела общее хозяйство, закупала провизию, приобретала столовое вино, «разливкою которого она и занималась даже перед последним днем своей жизни...».

Общий фон налаженного полусупружеского существования часто омрачался бурными вспышками ревности. Горячая натура Сухово-Кобылина беспрерывно бросала его в новые увлечения, сильно тревожившие его подругу. «Она весьма часто ревновала его,— читаем в показании Сухово-Кобылина (написанном в 3-м лице),— она всегда изъявляла ревность к тем домам, куда он ездил...» Подпоручик Сушков показывал, что она ревновала Сухово-Кобылина ко всем его коротко знакомым женщинам и мужчинам все равно, «опасаясь видеть его реже у себя и тем произвести ослабление в их дружеской привязанности».

С годами все реже становились минуты спокойствия и счастья. Один из таких моментов уже в конце сороковых годов, т. е. незадолго до развязки романа, запомнился писателем. В дневни-

ке его под 16 сентября 1857 года занесено живое воспоминание о далеком и неоцененном прошлом.

«Один только раз в жизни случилось мне вдохнуть в себя эту живую, живящую и полевым ароматом благоухающую атмосферу. Живо и глубоко залегло в глубине воспоминание. Это было в 1848—1849 году (т. е. мне было или 31 или 32 года), мы были с Луизой в Воскресенском. Был летний день, и начался покос в Пулькове, в Мокром овраге. Мы поехали с нею туда в тележке. Я ходил по покосу, она пошла за грибами. Наступал вечер, парило в воздухе, было мягко, тепло и пахло кошеной травой. Мерно и тихо шуркали косы. Я начал искать ее и невдалеке между двух простых березовых кустов нашел ее на ковре у самовара в хлопотах, чтобы приготовить мне чай и добыть отличных сливок. Солнце было уже низко, прямо против нас. Я сел, поцеловал ее за милые хлопоты и за мысль устроить мне чай. По ее белокурому лицу пробежало вольное ясное выражение, которое говорит, что на сердце страх как хорошо. Я вдохнул в себя и воздух и тишину этой мирной картины и подумал — вот оно где мелькает и вьется, как вечерний туман, это счастье, которое иной едет искать в Москву, другой — в Петербург, третий — в Калифорнию. А оно вот здесь, подле нас вьется каждый вечер, когда заходит и восходит солнце, и вечерний пар оседает на цветы и зелень луговую».

Но в то время Сухово-Кобылин недостаточно ощущал и мало ценил свое счастье. В конце сороковых годов он уже заметно отходит от своей верной спутницы.

В 1850 году Сухово-Кобылин начинает явно тяготиться своей долголетней связью. Новый роман с блистательной красавицей московского высшего круга торопит его ликвидировать затянувшиеся отношения с француженкой. Ему удается убедить Луизу вернуться во Францию. Понимая всю безнадежность дальнейшей борьбы, молодая женщина, видимо, уступает и готовится к отъезду. Надвигающийся разрыв не мог не переживаться ею крайне болезненно и мучительно.

К этому времени, по-видимому, относится ряд писем Симон к Кобылину, полных тяжелых упреков и резких обвинений, о которых адресат объяснял впоследствии следователям: «Симон-Деманш вообще отличалась живым и вспыльчивым характером и в выражениях своих всегда преувеличивала действительность, но вскоре потом, приходя в себя, примирялась с ним и просила забыть сказанные слова или писанные письма».

Очевидно, листки этой корреспонденции были полны горьких жалоб и тягостных осуждений. В позднейшей записке министра юстиции о ходе процесса совершенно определенно указывалось: «В письмах Сухово-Кобылина и Симон-Деманш замечается, что между ними в последнее время был совершенный разрыв».

Переписка эта, к сожалению, не сохранилась при деле, к которому она была приобщена. Представление о ней дают следующие замечания в записке министра: «В некоторых письмах Кобылина к Деманш выражаются неудовольствия, укор в неверности и даже угрозы. Равно и в письме к Кобылину Деманш просит его заехать к ней хоть на 1/4 часа. Она пишет, что, может

быть, беспокоит его в последний раз. Прощаясь, прибавляет: «Жизнь моя очень грустна. Вероятно, вы уже скоро не услышите обо мне в Москве».

Другой представитель суда — обер-прокурор сената в Москве К. Н. Лебедев — так характеризует записки Деманш: «Есть письма, дышащие невинною, страстною любовью; есть вопли упреков и отчаяния. В письмах самого любовника выражается какое-то самодовольство».

Летом и осенью 1850 г. Симон, видимо, тоскливо мечется, упрекает своего неверного друга, томится ревностью, то решается все порвать, то всячески стремится удержать Сухово-Кобылина. Происходят бурные сцены, тяжелые объяснения. По свидетельству одной из горничных Деманш Пелагеи Алексеевой, «иногда случалось, что она с Кобылиным что-то крупно говорила, и Кобылин, как бы с сердцем, хлопнет дверью и уйдет». Другая горничная, Аграфена Кашкина, нарисовала более подробную картину: «После праздника Покрова пресвятые богородицы (т. е. ровно за месяц до своей смерти) Симон-Деманш, возвратившись домой вечером, ужасно плакала, была в расстроенном положении, рвала на себе ленточки от чепчика и приказала приготовить для себя платье, чтобы уехать совсем в Хорошево по случаю ссоры с Сухово-Кобылиным». Когда он пришел на другой день, «она ссорилась по-французски, но Сухово-Кобылин успел ее уговорить остаться на той же квартире. Таковые ссоры бывали как летом, так и после упомянутого случая весьма часто; причиною ссор была ревность Деманш к Нарышкиной». По словам кучера, с которым по вечерам часто езжала Деманш, она все кружилась около дома той Нарышкиной, высматривая, не там ли Сухово-Кобылин и где сидит он. О любовной связи Кобылина с Нарышкиной нередко говорила ей и сама Деманш. Разлука, видимо, была решена, и роман вступал в свою ликвидационную фазу.

«В 1850 году,— рассказывает о героях этой любовной драмы Феоктистов,— одна из любовных его интриг возбудила в ней, между прочим, сильное беспокойство. В это время в московском monde'e засияла новая звезда — Надежда Ивановна Нарышкина, урожденная Кноринг, которая многих положительно сводила с ума; поклонники этой женщины находили в ней прелесть, на мой же взгляд, она далеко не отличалась красотой: небольшого роста, рыжеватая, с неправильными чертами лица, она привлекала, главным образом, какою-то своеобразною грацией, остроумной болтовней и тою самоуверенностью и даже отвагой, которая свойственна так называемым «львицам». Н. И. Нарышкина страстно влюбилась в Кобылина, и в обществе уже ходили слухи об интимных отношениях, а вскоре эти отношения перестали быть тайной для кого бы то ни было вследствие страшного события: за одной из московских застав, недалеко от кладбища, m-lle Симон была найдена убитой.

Кто совершил это преступление?..»

Попытаемся разрешить этот вопрос, на который судебные инстанции и литературные историки давали до сих пор одинаково уклончивые и неясные ответы.

Катастрофа

Итак, как мы знаем, 9 ноября 1850 года было обнаружено в сугробах Ваганьковского кладбища тело убитой молодой и нарядной женщины, которую крепостные Сухово-Кобылина по предъявлении им ужасной находки признали за разыскиваемую «исчезнувшую француженку».

Обширные следственные материалы точно восстанавливают последний день Симон-Деманш. 7 ноября Сухово-Кобылин не должен был у нее обедать, и она решила провести день у своей приятельницы. Выехав на своей лошади в 9 часов утра, она заехала в Газетный переулок к Эрнестине Ландерт, вместе с которой проехала в Охотный ряд за провизией для обеда, снова заезжала к Эрнестине и к себе домой, затем отправилась в книжный магазин Дюкло в Леонтьевском переулке, в контору Шепелевых на Никольской и, наконец, к портнихе Друве на Мясейке. К обеденному часу она была у Эрнестины, где обедали Сушков и его приятель С. А. Панчулидзев. После обеда все общество поехало кататься в двух санях по бульварам, от Тверских ворот к Мясницким, причем заезжали и на Кузнецкий Мост в кондитерскую Люке поесть мороженого.

Отметим мимоходом, что это была одна из лучших московских кондитерских. В сороковых годах в Москве было около сотни лавок с вывесками, на которых изображался рог изобилия, сыплющий конфеты, и стояла надпись: превосходное кондитерское сахарное производство. Лучшими из них считались Педотти, Дубле, Пера и Люке; «последняя роскошна и даже великолепна»,— отмечает современный обозреватель города.

Луиза была в хорошем расположении духа, хотя, видимо, говорила и о некоторых переменах в своей жизни. Она рассказывала о ликвидации своего винного погреба, о предстоящей получке денег за остатки вина, «радовалась, что у нее заведется свой капиталец («qu'elle serait rentiire»), и предполагала, наконец, что со временем и Кобылин что-нибудь сделает для обеспечения ее жизни». К вечеру, впрочем, она начала проявлять некоторую встревоженность. Заехав с катания к Эрнестине, она пробыла у нее не более пяти минут, отказалась пить чай, торопилась домой и, уезжая, обещала заехать на другой день.

Около 9 часов вечера Симон вернулась к себе домой и сейчас же спросила свою горничную Аграфену Кашкину, не приезжал ли Сухово-Кобылин. Получив ответ, что «барин не бывал», Симон сейчас же отправила с поваром Ефимом Егоровым записку к Сухово-Кобылину. Записка эта не была найдена. Кобылин показал только, что в ней француженка «просила у него на расход денег и в то же время в кратких словах упоминала, что давно его не видала...». Последнее, видно, и было главной темой записки. Отправив ее, молодая женщина около часу дожидалась ответа и читала книгу в гостиной комнате. «Спросив и узнав потом, что от Сухово-Кобылина ответа не было, она отправилась пешком неизвестно куда, сказав только, что скоро возвратится домой, не приказав даже гасить свеч». Это был

последний выход Луизы Симон. Женщины прождали ее с огнем всю ночь, но «более уже на квартиру свою она не возвращалась».

Здесь-то и начинается загадка этого темного дела. Куда отправилась Симон-Деманш, где провела она свой прощальный вечер, когда и где пробил ее последний час? Обо всем этом приходится гадать, соображать и строить умозаключения.

К фактам мы возвращаемся только через двое суток. 9 ноября вечером тело Деманш было обнаружено за Пресненской заставой.

Врачебный осмотр установил глубокий перерез горла и боковых сонных артерий, большую опухоль и кровоподтеки вокруг левого глаза; рубцы, ссадины и кровоподтеки на левой руке от плеча к локтю и на левом боку, перелом трех ребер с раздроблением кости[1]. Кто совершил это поистине зверское убийство?

Полиция всполошилась. Переполоху способствовало и то, что Симон-Деманш жила рядом с домом московского военного генерал-губернатора — всесильного и грозного Закревского. Но самый тщательный осмотр ее квартиры не обнаружил никаких следов преступления. Все было в образцовом порядке и не внушало никаких подозрений. В квартире даже оказались нетронутыми бриллиантовые и серебряные вещи. Произведенные вскоре после этого «наистрожайшие обыски» в имуществе служивших у Деманш четырех крепостных Сухово-Кобылина решительно ничего не обнаружили. Тем не менее все четверо были немедленно же арестованы вместе с камердинером Сухово-Кобылина Макаром Лукьяновым.

Одновременно по свежим следам обыск был произведен и на квартире Сухово-Кобылина. Но если осмотр дома графа Гудовича устранял всякие подозрения, обыск во флигеле на Страстном бульваре, где проживал при большом доме своих родителей Сухово-Кобылин, привел к неожиданным и ошеломляющим результатам.

«...Оказалось, что в комнате, называемой залой, видны на стене к сеням кровавые пятна, одно продолговатое на вершок длины в виде распустившейся капли, другое величиною в пятикопеечную серебряную монету, разбрызганное; на штукатурке видны разной величины места, стертые неизвестно чем, и самая штукатурка в некоторых местах обвалилась, вероятно, от ветхости; полы во всех комнатах крашеные желтою краскою и недавно вымытые, в сенях около двери кладовой видно на грязном полу около плинтуса кровавое пятно, полукруглое, величиною в четверть аршина и к оному потоки и обрызки кровавые, частью уже

[1]Анатомическое свидетельство тела, между прочим, указывало, что «начиная от передней части верхних ребер и до позвонков во весь левый бок находится большое осевшееся кровоизлияние, причем 7-е, 8-е и 9-е ребра этой стороны ближе к соединению их с позвонками переломлены, а девятое даже с раздроблением кости... Смерть Симон-Деманш последовала от чрезмерного наружного насилия... и в особенности от безусловно смертельной раны на передней части шеи».

смытые, на ступенях заднего крыльца также видны разной величины пятна крови, частью стертые или смытые»[1].

Эти потрясающие обстоятельства заставили следователей направить внимание в новую сторону. 16 ноября на квартире Сухово-Кобылина был произведен вторичный обыск, и сам он был вызван в следственную комиссию.

Во время обысков во флигеле были обнаружены и отобраны два кинжала. Одновременно в следственном производстве начало фигурировать французское письмо Сухово-Кобылина к Деманш, в котором он угрожал «неблагодарной и коварной женщине» своим кастильским кинжалом. Письмо носило шутливый характер, но шутка была характерной и небезразличной для следствия.

В обстоятельном показании Сухово-Кобылин изложил вкратце историю своего знакомства, деловых и денежных отношений с Симон-Деманш. По важнейшему пункту — о том, что он делал и где был вечером 7 ноября (т. е. в момент исчезновения француженки), Кобылин указал, что с 8 до 2 часов ночи он находился на вечере у Ал. Гр. Нарышкина. На другое утро в 9-м часу он, по его словам, зашел на квартиру Деманш и узнал, что она не возвращалась. После полудня он предпринял ряд поисков — отправил нарочного в село Хорошево к Киберам, заезжал к Эрнестине Ландерт, справлялся в Тверской части, наконец, обратился к обер-полицмейстеру. Только на другой день к вечеру он узнал от квартального поручика о найденном за Пресненской заставой теле зарезанной женщины.

Мимоходом Кобылин указывал, что «повар его мог иметь неудовольствие (на Деманш)» ввиду того, что столовый расход, первоначально на нем лежащий, был передан самой хозяйке. Наконец, по важнейшему пункту — о кровавых пятнах — Кобылин дал следующие разъяснения: пятна на стене могли произойти от того, что проживавшая недавно во флигеле его тетка Жукова ставила пиявки своим двум больным дочерям; что камердинер его подвержен кровотечению из носу; наконец, кровавые пятна в сенях и на крыльце «произошли от поваров, которые в сенях прикалывали живность для стола».

Дальнейшее следствие обнаружило всю несостоятельность этих объяснений Кобылина. Но уже 16 ноября, сейчас же после его первого показания, следователи вынесли постановление: «Сообразив ответы, отобранные от тит. советника А. В. Сухово-Кобылина, с ответами от камердинера его и повара и найдя разноречие в словах их (относительно обстоятельств вечера 7 ноября), а равно приняв в соображение кровавые пятна, найденные в квартире Сухово-Кобылина, и так как эти обстоятельства наводят сильное подозрение относительно убийства купчихи Де-

[1] Медицинская контора по физическом и судебно-химическом исследовании кровавых пятен заключила, «что крововидные пятна, находившиеся на кусках дерева, состояли из ссохнувшейся крови». На вопросы — человеческая ли кровь на кусках дерева и когда пятна появились, медики отвечали, «что решение этих вопросов лежит вне границ, заключающих современные средства науки».

манш, то постановили: титулярного советника Александра Васильевича Сухово-Кобылина арестовать».

На другой день Московский военный генерал-губернатор, «по важности обстоятельств, сопровождавших убийство», признал нужным нарядить особую следственную комиссию и предписал употребить самые строгие меры к открытию виновных в преступлении.

Все заключенные подверглись строгому аресту.

Сам Сухово-Кобылин показывал впоследствии, что с «16 числа он подвергнут заключению под строжайший секрет, а через два дня переведен в закрытом со всех сторон экипаже, в совершенно ему незнакомое место, в коем и был содержан с крайней строгостью до 22 числа».

За эту неделю в следственном производстве произошел ряд событий, изменивших ход всего дальнейшего дела, сильно осложнивших и запутавших первоначальную ясную картину преступления и приведших к ряду явно неправильных судебных приговоров, над которыми тогдашние инстанции бились в течение целых семи лет.

Первая стадия «Дела»

Прежде чем обратиться к этому переломному моменту процесса, задержимся на его краткой первой стадии, особенно важной по непосредственности собранных данных и их относительной точности. В первые дни заинтересованным лицам еще ничего не удалось организовать и изменить в естественном ходе следствия. Со второй недели, как мы увидим ниже, в дело вступает ряд мощных стимулов в виде подкупов, подговоров, пыток и ложных показаний, имеющих целью перебросить обвинение с преступника на совершенно невинных лиц и вполне успешно достигающих этой цели.

Огромную важность и крупнейший интерес представляют первые показания заподозренных крепостных и других слуг Сухово-Кобылина. Здесь все еще непосредственно, взято по горячим следам и не подвергнуто той несомненной обработке, какую испытали показания дворовых людей в дальнейшем процессе.

С этими первыми материалами следствия необходимо поэтому особенно считаться.

Слуги Симон-Деманш были крепостными Сухово-Кобылина. Они получали у нее некоторое жалованье, небольшое и весьма произвольно выдаваемое, назначались к ней на службу и увольнялись самим барином. В день убийства при ней состояли две горничные: молодая «дворовая женка» вдова Аграфена Кашкина, 27 лет, и пожилая «дворовая девка» Пелагея Алексеева, около 50 лет. Это были работницы ткацкой фабрики в Тульском имении Кобылиных, лишь за несколько месяцев перед тем привезенные в Москву и отданные на службу к Деманш. Повар Ефим Егоров, которому суждено было сыграть центральную роль в процессе и оспаривать у самого барина право на звание убийцы, готовил у Деманш, но собственно жил у Кобылина

и считался на службе у него. Это был молодой парень лет 20, недавно лишь завершивший свое кулинарное образование.

В то время дворянство имело своих знаменитых поваров, чьи имена пользовались почти артистической славой. Так, почетную репутацию заслужил повар Василия Львовича Пушкина Влас, которого специально ангажировали на чествования заезжих иностранцев и другие парадные торжества. У известного московского гастронома М. Ф. Рахманова был знаменитый повар Петр Дорофеев, которому Кобылины и отдали в обучение мальчика Ефима Егорова. Поваренок завершил свое образование в Петербурге на кухне у графа Воронцова-Дашкова. Пройдя такую школу, он стал достойным обслуживать «молодого барина», который в то время был главным представителем фамилии, имея от отца доверенность на управление всеми имениями. С октября 1849 года Ефим Егоров поступает в услужение к Александру Васильевичу.

Наконец, штат Деманш дополнял мальчик Галактион Козьмин, 18 лет, «чернорабочий по винной части», заменявший в интересующий нас период ее заболевшего постоянного кучера. Он-то и возил Симон-Деманш в роковой день 7 ноября с 9 часов утра до 9 вечера.

Все эти дворовые люди были допрошены 11 и 12 ноября и вполне единодушно дали показания о последнем дне и вечере Симон-Деманш, как и об общих условиях ее жизни. В полном согласии все четверо показывали, что француженка была строга, «бивала из своих рук», одежду давала недостаточную, «а пищею были довольны». Мстить ей за ее строгость никто намерения не имел, никто ей никогда и ничем не угрожал, злобы к ней слуги не питали, в убийстве не участвовали и подозрений ни на кого не имеют. Довольно обстоятельные показания четырех «дворовых» производят впечатление несомненной правдивости и непосредственной искренности, никаких намеков на утайку или подтасовку фактов в них нет. Все, по-видимому, обстояло именно так, как это показали слуги в первые же дни следствия.

Одновременно были допрошены и дворовые люди Сухово-Кобылина, его дворники, кучер, камердинер. Ответы их представляют первостепенный интерес для характеристики одного из важнейших моментов дела.

Огромное значение для Сухово-Кобылина представляло установление его alibi, т. е. отсутствие его из собственной квартиры в вечер исчезновения Симон-Деманш. В первых же показаниях он заявляет о своем пребывании 7 ноября с 8 часов вечера до 2 часов ночи на приеме у Нарышкиных. На этом обстоятельстве он настаивал до конца процесса.

Между тем кучер его Иван Тимофеев показал 12 ноября, что 7-го числа он возвратился с барином в четвертом часу пополудни, после того с ним никуда не ездил и не замечал, чтоб барин его куда-либо выезжал. Дворник Сухово-Кобылина, Иван Пахомов, допрошенный 14 ноября, показал, что «во вторник на среду 7 ноября на Михайлов день был дома на дворе и с оного никуда не отлучался; барин его с самого вечера и до утра Михайлова дня был дома и со двора никуда не отлучался». Другой дворник

Сухово-Кобылина, Андрон Павлов, сообщал, что «так как 7 числа, накануне Михайлова дня, к барину его приехала родная его сестра с зятем Петрово-Солововым, то барин его весь вечер и до утра был дома и из оного никуда не отлучался, да и карета его была в починке...» Наконец, и повар Малафеев показывал, что вечер 7 ноября Сухово-Кобылин «никуда не отправлялся и был безотлучно дома».

Таковы показания, отобранные по свежим следам, до вступления процесса в сложную стадию подкупов и всевозможных давлений.

Только 16 ноября, уже после опроса дворников, кучера и повара, Сухово-Кобылин выдвигает тезис о своем пребывании 7 ноября на вечере у Нарышкиных. Производится соответственное давление на слуг. Первоначальные естественные и правдоподобные показания отбираются самими свидетелями обратно. 30 ноября Пахомов, Павлов и Тимофеев без всякой мотивировки отказываются от своих прежних свидетельств о безотлучном пребывании Сухово-Кобылина 7 ноября вечером и ночью у себя дома.

Правда, дворовые люди Нарышкиных оказались более подготовленными. Они показали, что Сухово-Кобылин был у их господ 7 ноября с 4 час. дня до часу ночи вместе со своею сестрою гр. Сальяс. Показание это оказалось сбивчивым и противоречивым: Сухово-Кобылин указывал на свой приезд к Нарышкиным в 9-м часу и отрицал пребывание на вечере у них своей сестры Сальяс.

Полная сбивчивость показаний по этому вопросу обнаружилась и на очной ставке Сухово-Кобылина с его камердинером Лукьяновым 14 декабря 1850 г. «Сухово-Кобылин уличал своего камердинера в том, что 7 ноября на вечер к Нарышкину он отправился пешком». Но после категорического разъяснения камердинера он согласился, что «как припоминает теперь... он точно отправился на вечер на своих лошадях». Между тем кучер Сухово-Кобылина первоначально отрицал свой вечерний выезд с барином, а один из дворников даже уверял, что «карета была в починке».

Такой же полный отказ от первоначальных показаний обнаружился и среди других привлеченных к следствию. Одновременно совершенно новые, неожиданные и важнейшие обстоятельства, о которых раньше не было и тени упоминания, стали сообщаться слугами Деманш, начиная со второй недели процесса.

К этому моменту был уже, видимо, предпринят ряд энергичных и умелых шагов, приведших в движение скрытые и таинственные пружины доморощенного канцелярского судопроизводства.

Перелом процесса

19 ноября следственная комиссия выносит весьма странное постановление:

«Принимая в соображение обстоятельства дела, навлекающие сильнейшие подозрения на дворового человека Сухово-Кобыли-

на, Ефима Егорова, равно сбивчивость его ответов, смущение его и как бы нерешительность высказать нечто тяготеющее его совесть, признано необходимым подвергнуть Егорова строжайшему заключению в секретной комнате, дабы удалить от него возможность иметь с кем-либо сообщение и чрез уединение предоставить его суду собственной совести; почему отослать его для содержания в Серпуховский Частный дом».

Между тем в деле совершенно не имелось обстоятельств, навлекавших будто бы «сильнейшее подозрение на Ефима Егорова»; указание на его «нерешительность высказать нечто тяготеющее его совесть» относится, конечно, к чистейшему импрессионизму следователей и свидетельствует о такой чрезмерной психологической зоркости, которая фактами не может быть подкреплена. Совершенно непонятно, почему «секретная комната» вообще и аналогичная камера Серпуховского Частного дома в особенности должны были придать Егорову решимость высказаться по вопросам, тяготившим его совесть. Но следователям все это, конечно, было ясно, и действовали они безошибочно.

19 ноября Егоров отправлен в «секретную комнату» Серпуховской части, а на другой же день он сознается в убийстве Симон-Деманш. Совесть заговорила чрезвычайно быстро, и следователи получили нужное им сознание преступника.

20 ноября, по словам пристава Серпуховской части Стерлигова, Егоров принес ему следующее сознание: слуги Симон-Деманш ненавидели ее за то, что она наговаривала на них Сухово-Кобылину, который в таких случаях жестоко расправлялся с ними. А так как француженка и сама больно бивала своих слуг, они решили освободиться от нее. 7 ноября Егоров сговорился с двумя девушками Деманш «в ту же ночь убить ее». О том же он сообщил Галактиону Козьмину. В 2 часа ночи Егоров вернулся в дом Гудовича и вместе с Галактионом проник в спальню Деманш. Найдя хозяйку спящею, он начал душить ее сперва подушкой, а затем схватил за горло рукой, причем ударил ее кулаком по левому глазу; Галактион в это время бил ее по бокам утюгом. Убедившись, что женщина убита, они поручили девкам одеть ее, затем заложили сани и вывезли убитую за Пресненскую заставу, где и свалили тело в овраг. При этом Егоров, «опасаясь, чтоб она не ожила на погибель их», перерезал ей складным карманным ножом горло. Показание это, судя по записям следователей, во всех подробностях было подтверждено остальными слугами — Галактионом Козьминым, Пелагеей Алексеевой и Аграфеной Кашкиной.

На основании этих показаний Сухово-Кобылин и его камердинер Макар Лукьянов были на другой же день, 21 ноября, из-под стражи освобождены.

Таковы были единодушные показания четырех крепостных. Вполне согласные между собой, во всех подробностях воспроизводящие сложную картину убийства и вывоза тела, они производят при первом чтении сильное впечатление. Подробности создают ощущение подлинности рассказа. В показаниях крепостных записано, напр., как Аграфена выносит из спальной собачку и дает Егорову платок, чтоб заткнуть рот Деманш; как горничные

одевают убитую в «полный костюм» и сжигают в голландской печке ее салоп; как оба парня вывозят в санях тело, прикрытое полостью, и плутают по городу, не находя выезда к Пресненской заставе. Все это создает живую и реальную картину. Трудно не поддаться иллюзии правдоподобного изложения.

Таким образом, почва для нужного приговора была вполне подготовлена. Следственный материал поступил в первую инстанцию — в московский надворный суд. 13 сентября 1851 г. здесь был допрошен Сухово-Кобылин, категорически отвергавший свою любовную связь как с Нарышкиной, так и с Луизой Симон, отрицавший факт своего удаления от последней в 1850 г. и настаивавший на совершении злодеяния его людьми.

В тот же день надворный суд вынес первый приговор по знаменитому делу:

«1. Подсудимых Егорова, Козьмина и Иванову (т. е. Кашкину), лишив всех прав состояния, наказать публично через палачей плетьми: Егорова, как зачинщика, 90 ударами, а Козьмина и Иванову по 80 ударов каждого и, по наложении мужчинам клейм, сослать в каторжную работу: Егорова на 20, а Козьмина на 15 лет в рудниках, а Иванову на заводах на 22 года и 6 месяцев.

2. Девку Алексееву, по лишении всех прав состояния, наказать 60 ударами плетей и сослать в каторгу на заводах на 15 лет.

3. Сухово-Кобылина, ни в чем по делу сему невиновного, к суду не привлекать».

Торговая казнь, лишение прав, наложение клейм, долгосрочная каторга — вот что ожидало четырех, видимо, ни в чем не повинных людей. С подсудимыми крепостного состояния судьям эпохи особенно не приходилось считаться. Но зато Сухово-Кобылин, несмотря на все улики и противоречия в его показаниях, был признан «ни в чем по делу невиновным». Десятилетиями каторги четырех своих крестьян влиятельный помещик получал полную реабилитацию и свободу[1].

Но даже в этом знаменитом «дореформенном» суде — жестоком, продажном и лживом — голоса присутствующих разделились. Ряд судей подал особые мнения, предлагая по крайней мере оставить Сухово-Кобылина в подозрении. Из-за разногласия приговор не мог войти в силу. Дело начало восходить по инстанциям, пока, наконец, не дошло до Сената.

Одновременно туда же поступили прошения всех осужденных,

---

[1] Чтобы судить о тяжести наказания, присужденного крепостным, достаточно вспомнить, в чем заключалась публичная кара плетьми и клеймением. «Торговая казнь, или наказание кнутом, по допущении преступника к исповеди, совершается публично палачом; прежде совершения казни публично читается указ, содержащий в себе приговор, а место наказания окружается воинскою командою. Последующее затем наложение стемпелевых знаков, на лбу буквою В и на щеках, на правой О, а на левой Р, производится посредством железного стемпеля: эти знаки натираются порохом, дабы невозможно было вытравить их и чтобы они остались явственны на всю жизнь преступника». Я. БАРШЕВ. Основания уголовного судопроизводства. Спб, 1841.

снова круто видоизменивших установленную картину преступления и ход всего дальнейшего процесса.

Организация подложного сознания

Дело вступает в новую стадию. Понемногу всплывают на поверхность производства подлоги следователей, истязания крепостных, уговоры и угрозы, посулы и пытки. Развертывается вся сложная и страшная система мер и средств, пущенных в ход, чтобы подлинную картину убийства подменить искусственной и ложной версией, призванной спасти настоящего виновника.

Сухово-Кобылин никогда не отрицал, что дело стоило ему огромных денег. Феоктистов сообщает, что в самом начале процесса шурин Кобылина М. Ф. Петрово-Соловово передал ему, что главный следователь Троицкий запросил 30 000 рублей, чтоб снять с обвиняемого всякую тень подозрения. Система щедрых подкупов действовала широко и приводила к нужным результатам.

Уже 31 мая 1851 г. Пелагея Алексеева, выслушав отобранные от нее при следствии на вопросные пункты ответы и очные ставки, объявила, что, «с чего все это написано в ее ответах, показаниях и очных ставках, она не знает, ибо ничего не показывала и ни о чем ей известно не было».

9 ноября она подтвердила, что об умысле Егорова убить Деманш ничего не слыхала, ночь с 7 на 8 ноября 1850 г. спокойно спала и проснулась уже на заре; «когда убрала корову и приготовилась стряпать, то Аграфена сказала, что Деманш нет дома... Чтоб Деманш была убита Егоровым в ее спальне, она тогда не слыхала, тела убитой не видела и ни во что ни с кем его не одевала; салопа Деманш в печи не жгла; что в прежних показаниях, отобранных при следствии, написано, по безграмотству ее, ей неизвестно».

Вторая «дворовая девка» Аграфена Кашкина 6 июня 1851 г., выслушав отобранные от нее при следствии на вопросные пункты ответы и очные ставки, объявила, что она в убийстве иностранки Симон-Деманш ни с кем не участвовала, о намерении к убийству ни от кого не слыхала, убитую в ее платье не одевала, собаки из комнаты не выносила, кем она была одета — не знает, теплого ее салопа в печи не жгла, и с чего о сем в ответах написано, ей неизвестно, ибо она сего не показывала, и ответы были писаны не со слов ее, а со слов самих господ следователей, потому что они писали в ответах, что хотели».

Но если полиция и следователи совершенно не церемонились с двумя неграмотными женщинами, недавно лишь вывезенными из деревни, и вписывали все, что вздумается, в их «показания»,— с Козьминым и Егоровым дело обстояло сложнее. Оба, по-видимому, были грамотны, имели достаточный житейский опыт, пообжились в столицах, и взвалить на них попросту «сознание в преступлении» было невозможно. Этот прием и с женщинами становился осуществимым лишь при наличии каких-то веских показаний со стороны главных участников дела. Необхо-

димо было действительно создать их признание. Полиция применила ряд сложных приемов и добилась своей цели.

Один из обвиняемых, Галактион Козьмин, подробно показал, что «был он обольщен господином частным приставом Хотинским 1850 г. ноября 15, который ему показывал собственноручное письмо господина его Сухово-Кобылина; в оном письме он писал, чтобы он, Галактион, принял на себя участие в убийстве Деманш, за что обещал,— и писано было то в письме, и что оное письмо он сам читал из рук господина Частного,— за что обещано ему, Галактиону, вечную свободу и отпускную со всем его семейством, а именно с отцом, матерью, братьями и сестрами, сверх того денег 1500 руб. ассигн., и притом ему сказал, что будет скоро манифест... Когда он был посажен в Яузскую часть на содержание, то подсадили к нему их домового управляющего рядом с его нумером, в котором есть сквозь стены щель, и он, показывая ему письмо такое же, вначале обольщал, а потом угрожал, «что все равно, ежели ты не сознаешься и не примешь на себя, то пропал — ты и твое семейство пойдут на поселение, а ежели сознаешься и возьмешь на себя, то получишь награждение и свободу родных...»

Характерно было окончание бумаги: «Не имея более ничего прибавить к своему оправданию, он умоляет высокоименитых судей обратить свое милостивое внимание на все изложенные в сем рукоприкладстве доводы, облегчить сколько можно его страдания, не быть строгими в присуждении наказания за преступление, тайна коего известна одному всевышнему творцу, от которого не скрыто, что он жертва случая».

Такова была эта своеобразнейшая система следствия, искусно скрывающего истину в сложной и фантастической версии, сочиненной и детально разработанной «уголовными романистами» тогдашнего сыска.

Секретная комната

Но уговоры, подкупы и обещания всяческих благ были недостаточны для установления нужной версии об убийстве. Для того чтобы невинные люди приняли на себя тяжкое преступление, за которое полагались позорящие кары и бессрочные каторжные работы, необходимо было прибегнуть к более жестоким средствам. Создать главного виновника убийства можно было только беспощадным принуждением. Следственные и полицейские власти обратились к верному средству пыток и истязаний.

Ефим Егоров был изолирован и отправлен в часть, очевидно, известную искусной постановкой дела в «секретной комнате» и опытом пристава Стерлигова. В записке, поданной в Сенат, Егоров категорически заявляет, что «вследствие бесчеловечных истязаний частного пристава Стерлигова он дал вынужденное показание, что преступление совершено им».

Оказывается, при допросе его Стерлиговым в Серпуховской части «крутили ему самой тоненькой бечевкой руки столь крепко назад, что локти заходили один за другой, таким образом он оставался связанным от 2 часов пополудни и до 1 часу пополуно-

чи; связанного таким образом вешали на крюк, вбитый в стену, так что он оставался на весу по нескольку часов, не давали ему пить целые сутки, кормя его одной селедкой, и вдобавок, когда он находился связанным, в висячем положении, г. Стерлигов собственноручно наносил ему чубуком сильные удары по ногам, по рукам и голове. Сознавая свою невинность, он, сколько в силах был, переносил с терпением, но когда совершенно ослабел, то решился принять на себя то ужасное преступление, дабы избавиться от бесчеловечных истязаний», в чем и дал показание г. Стерлигову. «Для того чтобы склонить его к скорейшему сознанию при таких ужасных муках, г. пристав ему показал собственноручное письмо его господина, в котором он просил его сознаться, приняв все на себя, за что обещано ему было награждение 1500 руб. сер., свобода его родственникам и ходатайство об облегчении его участи. Вот почему произошло это вынужденное признание при всей его невиновности». Егоров добавлял, что «считает нужным отстранить от дела оговоренных им в соучастии крепостных его господина (Козьмина, Кашкину, Алексееву)».

Впоследствии, во время «преследования» дела высочайше утвержденной комиссией из виднейших петербургских чиновников министерства юстиции, Егоров на очных ставках со Стерлиговым и его помощниками подтвердил все свои показания, подробно указав, «что от пролома головы у него, Егорова, остался знак в виде шрама»; что «от истязаний сих по сильной боли в руках его он не мог даже надеть сюртука при отвозе его к обер-полицмейстеру и был одет тогда в шинели»; что, наконец, унтер-офицер Ефимов «приносил ему селедки и после не давал пить в продолжение всей ночи». Произведенный тогда же врачебный осмотр установил, что «у Егорова на левой стороне верхней части головы, где начинаются волосы, рубец длиною около одного дюйма, который не мог быть от рождения, но произошел от случившегося несколько тому назад времени повреждения общих покровов каким-либо ударом или ушибом».

Чрезвычайно любопытными оказались объяснения самого пристава Стерлигова; он с наивным цинизмом не скрывал, что повар Сухово-Кобылина взят лично им из Пятницкой части «для того, чтобы склонить и убедить Егорова к сознанию в убийстве Симон-Деманш, так как на него падало большое подозрение». Но с этой целью пристав применял средства почти материнской мягкости: «меры, употребленные им, были кроткие убеждения сказать истину и тем оправдать невинных, убеждения святостью и великостью дней, в которых производил он дознание» (по-видимому, намек на кануны большого церковного праздника).

Неудивительно, что у высших следователей создалось, как мы увидим ниже, незыблемое убеждение, что Деманш никоим образом не могла погибнуть от рук своих слуг.

Обвинительные заключения

Тогдашнее судопроизводство не знало прокуроров и защитников. Но обстоятельства дела, проходившего ряд инстанций, сум-

мировались и обобщались. Некоторые документы процесса имеют для нас такое значение синтетических оценок следствия и общих характеристик главных героев процесса. Таковы, напр., заключение управляющего министерством юстиции, представившего тонкий анализ всех обстоятельств первоначального следствия, или же мнения некоторых сенаторов, выступивших с обстоятельными критическими заключениями о всем ходе судебного дела.

Когда при первом слушании дела в Сенате (18 и 22 декабря 1852 г.) три «особы» предлагали утвердить решение уголовной палаты, т. е. освободить Кобылина от суда и следствия, признав виновными в убийстве крепостных его,— один сенатор И. Н. Хотяинцев остался при особом мнении. В чрезвычайно обстоятельной записке, подвергнув анализу все обстоятельства дела, он указывал на вполне вероятную виновность Сухово-Кобылина и полную непричастность к убийству его крепостных.

Опытный и беспристрастный юрист высказал ряд весьма дельных соображений. Он признал невозможным, чтобы девушки Деманш «занялись столь тщательным убранством убитой, в каком она была найдена в поле,— убранством, требовавшим много времени, тогда как убийство совершено пред рассветом; мало этого, они в уши вдели серьги, а на руки кольца, суперы, перстни, брошку и булавки — и все это для того, как показывал Егоров, чтоб полагали, что Деманш убита и ограблена извозчиком; как же это сообразить — заставить думать, что ограбил извозчик, и надевать на мертвую вещи, тогда как для внушения этой мысли требовалось оные снять, если бы до убийства на ней и находились». Сенатор заключает, что факт нахождения драгоценностей на трупе вполне подтверждает основное показание двух женщин, что Деманш вышла вечером в том платье и убранстве, в каком была в гостях, и более домой не возвращалась.

Далее он считает невероятным, чтобы глубокие и «огромные раны» на шее были нанесены перочинным ножиком. «Всего же менее можно принять за вероятное показание преступников, что убийство совершено было в доме гр. Гудовича, где не было бы возможности скрыть следов крови и в особенности перед Сухово-Кобылиным, который, как значится в деле, часу в 9-м утра 8 числа, то есть часа через три по совершении убийства, приходил в квартиру отыскивать следы пропавшей Деманш и продолжал поиски с таким усердием, с такою тоскливостью и нетерпением, что в течение этого дня и ночи приезжал в квартиру раз шесть и оставался там по нескольку часов один и вместе с зятем Петрово-Соловово, однако обоими ничего сомнительного не замечено...»

Несмотря на эти неопровержимые и убедительные соображения, обер-прокурор в своем заключении предлагал Сухово-Кобылина от следствия и суда освободить, а крепостных его наказать плетьми и сослать в каторгу. Но «по выслушании сего предложения» только двое сенаторов с ним согласились, двое же других остались при «данных ими мнениях». Вследствие этого дело было перенесено в общее собрание московских департаментов Сената. Но ввиду того, что здесь голоса сенаторов разделились,

все производство было представлено в министерство юстиции. Отсюда последовало обстоятельное заключение генерал-прокурора, т. е. самого министра юстиции В. Н. Панина, заслушанное в Сенате 2 октября 1853 года.

Это было подробное, беспристрастное и энергичное рассмотрение всех обстоятельств дела, решительно обнажавшее всю сложную систему заметания следов, обеления виновных и очернения невинных. По первому вопросу о виновности крепостных министр юстиции заключил, что «при явной неполноте и очевидных недостатках следствия, признание крепостных Сухово-Кобылина (в совершенном ими убийстве) не удовлетворяет требованию закона, а при разноречии на каждом шагу представляется весьма сомнительным и даже неправдоподобным». Министр категорически указывал на невозможность строить обвинение на таких шатких основаниях и, в частности, «осуждать безграмотных женщин к тяжкому наказанию по показаниям, никем из них незарукоприкладствованным». Столь же неосновательным представляется министру указание Сухово-Кобылина, что убийство Деманш совершено с целью воспользоваться имуществом. Драгоценности, оставленные на теле Деманш, а также найденные на ее квартире бриллиантовые и серебряные вещи, билеты сохранной казны на 800 руб. сер. и другое имущество решительно опровергает предположение об убийстве с целью грабежа.

По вопросу о месте убийства министр решительно опровергает версию о совершении преступления в доме гр. Гудовича. Ведь «из медицинского осмотра оказывается, что Деманш, имея от роду 35 лет, была телосложения крепкого и здорового; следовательно, не могла не бороться с убийцами и не кричать при нападении на нее спавшую. Жившие в одном с Деманш флигеле дома графа Гудовича князь Радзивилл, его люди и дворник утверждают однако же положительно, что в квартире Деманш ночью на 8 число ноября крику, визгу и никакого шуму не слыхали, а дворник видел ночью огонь в ее квартире, и тогда говорили, что ее ожидают домой...». Из расположения квартир во флигеле «заключить должно, что всякий крик, не только вопль отчаяния, был бы и в ночь на 8 число (как неоднократно раньше) услышан или самим князем Радзивиллом или его людьми, если бы убийство было совершено действительно в квартире Деманш». Незаметно вывезти тело было еще затруднительнее: «Из дела видно, что лошадь Деманш стояла в одной конюшне с лошадьми князя Радзивилла... Никто однако же, равно и дворник, не видал, как Козьмин выводил из конюшни лошадь, запрягал в сани, как вынесли тело убитой, изложили оное в сани, отворили ворота и выехали; не видали даже и того, когда Козьмин на лошади возвратился домой, распрягал лошадь и убирал сани», что «было уже утром часу в 6-м», когда «все рабочие люди, и в особенности дворники, не спят».

Далее записка министра устанавливала непримиримые противоречия и явные несообразности в рассказах Егорова и Козьмина о совершении ими убийства. Не могло быть никакой цели «резать шею мертвой женщине. По осмотру тела оказалось, что горло около перереза завернуто волосами распущенной косы, что

могло служить для одного лишь удержания стремительного течения крови; принятие подобной меры в поле, в овраге, было бы излишним и даже опасным для убийцы, которому надлежало торопиться уехать и не оставить на себе кровавых следов преступления. Если бы шея была перерезана на месте отыскания тела в овраге, то кровь истекала бы в более значительном количестве не на платье, а на снег, особенно, когда тело найдено лежащим вниз лицом; но по осмотру оказалось, что под самым перерезанным горлом имеется на снегу кровь в небольшом количестве, между тем как манишка, сорочка и платье в верхнем конце спереди довольно много окровавлены и залиты кровью, юбка и шапочка также запятнаны кровью». Все это давало основание автору записки категорически утверждать, «что Де-

манш зарезана не в поле и не в ее квартире».

Обращаясь к Сухово-Кобылину, министр юстиции отмечал ряд серьезнейших и словно намеренных упущений следствия в отношении этого лица. Объяснения им происхождения кровавых пятен в его флигеле явно неудовлетворительны, но следователи не нашли нужным установить более точно причины этого важнейшего факта; ими не установлена дата письма Сухово-Кобылина к Деманш, в котором он угрожает «пронзить кастильским кинжалом неблагодарную и клятвопреступную женщину»; не переведены и не изучены прочие письма Кобылина к Деманш, из которых видно, «что между ними в последнее время был почти совершенный разрыв»; не разыскана последняя записка Деманш к Кобылину, писанная за несколько часов до ее убий-

ства и на которую ответа она не получила. Сбивчивы и уклончивы все показания слуг Сухово-Кобылина о его времяпрепровождении 7 ноября вечером. Не установлено, был ли Сухово-Кобылин 7-го после 8 часов у Нарышкиных и вообще был ли у них в то время званый вечер. Не обратили следователи внимания и на подозрительное поведение Кобылина в день после убийства (здесь министр отчасти повторяет аргументацию сенатора Хотяинцева):

«Из дела видно, что Сухово-Кобылин, бывший по собственному его показанию у Деманш днем 7 ноября, приходил и на другой день 8 числа часу в 9-м утра, т. е. часа через три по совершении убийства, в квартиру отыскивать следы пропавшей Деманш и продолжал поиски с таким усердием и нетерпением, что в течение этого дня и ночи приезжал в квартиру раз шесть и оставался там по нескольку часов один и с зятем Сололовым. Он, по словам камердинера Лукьянова, возвратясь 8 ноября в свою квартиру часов в 10 вечера, был в смущенном виде и говорил: «Верно, Деманш убита». Между тем, как видно из показаний дворовых людей, Аграфены Кашкиной и кучера Игнатия Макарова, Сухово-Кобылин не показывал прежде никакой тревоги об отлучке Деманш, уезжавшей на два и на три дня; но следователи не обратили на сие обстоятельство никакого внимания».

Эта обстоятельная записка, возвращаясь в заключение к крепостным, указывала, что, «опасаясь произнести решительный приговор к тяжкому наказанию над лицами, в виновности которых законного убеждения, по его мнению, не представляется, он, управляющий министерством юстиции, признает ныне невозможным разрешить настоящее дело по существу и полагал бы подвергнуть сие дело строгому преследованию по всем обстоятельствам...»

Это заключение управляющего министерством юстиции было утверждено в общем собрании Государственного совета 17 декабря 1853 года и затем «удостоено высочайшего утверждения» 11 января 1854 г. Новая следственная комиссия приступила к производству 27 февраля. Ее энергичная и весьма рациональная деятельность выяснила ряд темных вопросов, установила многие важнейшие факты, умышленно затушеванные прежним следствием, и почти непререкаемо перенесла обвинительные тенденции с крепостных людей на самого Сухово-Кобылина.

Общественная версия

Необходимо отметить, что приведенные мнения министра юстиции и одного из сенаторов вполне соответствовали впечатлению, создавшемуся в московском обществе.

На вопросы следователей поверенный Шепелева (дяди Сухово-Кобылина) отвечал, что причины убийства Деманш ему неизвестны, но вся Москва говорила, что убийство совершено Сухово-Кобылиным; однажды, когда он сидел у ворот дома Сухово-Кобылина, проходившие два студента сказали: «Вот дом убийцы».

Уже 20 ноября 1850 года А. И. Васильчикова писала в Тверь своей дочери А. А. Барановой: «Все в городе заняты уголовным делом, в котором замешан г. Кобылин, очень умный и, казалось, очень достойный человек. Эти дела не делают чести Москве». В таком же духе сообщал об этом происшествии Л. Н. Толстой в неизданных его письмах к тетке.

Наконец, и генерал-губернатор Закревский, по свидетельству Феоктистова, «не сомневался в виновности Сухово-Кобылина».

В цитированной нами записи Е. М. Феоктистов сообщает, что по Москве ходили две версии об убийстве: одна соответствовала той стадии следствия, которая отразила сознание крепостных в убийстве; но, по свидетельству Феоктистова, это мнение разделялось не всеми, многие утверждали, что убийца был Кобылин, и дело, по словам их, происходило таким образом:

«Дом свой на Страстном бульваре отдал он в распоряжение своей сестры, г-жи Петрово-Соловово, приезжавшей на зимние месяцы в Москву, а сам поместился во дворе того же дома, во флигеле, куда и приезжала к нему по вечерам m-me Нарышкина. Однажды m-lle Симон (она жила на углу Тверской и какого-то, кажется, Газетного, переулка), давно уже следившая за соперницей, сумела в поздний час проникнуть к своему возлюбленному, с проклятиями и ругательствами набросилась она на них, и Кобылин пришел в такую ярость, что ударом подсвечника или чего-то другого уложил ее наповал. Затем склонил он прислугу деньгами вывезти ее за город. Для всякого, кто имел понятие о необузданной натуре Кобылина, не представлялось в этом ничего необычайного».

Если принять во внимание, что Феоктистов весьма близко и длительно знал Кобылина, последние слова приобретают особенный вес и убедительность.

Напомним, что будущий начальник управления по делам печати состоял в начале 50-х годов домашним учителем у детей гр. Сальяс. Ему пришлось принять весьма деятельное участие в организации похорон Симон-Деманш. По просьбе сестер Сухово-Кобылина и Нарышкиной он трижды был у католического пастора, которому, между прочим, десятого ноября, т. е. на другой же день по обнаружении трупа, привез записку Нарышкиной с просьбой не допускать Сухово-Кобылина к телу Деманш, если бы тот приехал в костел. На эту записку следователи не обратили никакого внимания и Нарышкину вообще почти не допрашивали, несмотря на постоянное упоминание ее имени в главных показаниях. Между тем очевидно, что подобная письменная просьба раскрывала богатейшую психологическую картину, уходящую всеми своими корнями в только что пережитую трагедию.

Феоктистов дополнял свои соображения описанием поведения Сухово-Кобылина в критические ноябрьские дни 1950 года.

«...Но при этом возникает предо мной его фигура в те дни, когда было обнаружено преступление. Нельзя представить себе, какое страшное отчаяние овладело им при известии о насильственной смерти женщины, которая в течение многих лет питала к нему безграничную преданность. Этот суровый человек

рыдал, как ребенок, беспрерывно повторялись у него истерические припадки, он говорил только о ней, и с таким выражением горя и любви, что невозможно было заподозрить его искренность. Неужели все это была только комедия, которую он с утра до ночи разыгрывал перед матерью и сестрами? И затем, когда его требовали к допросу, когда прямо высказали ему, что считают его убийцей, он отнесся к этому с негодованием и яростью, едва ли свойственными преступнику. Но если даже и заподозрить его в притворстве, хотя самый лучший актер не сумел бы с таким искусством в течение столь продолжительного времени разыгрывать роль, что сказать о Нарышкиной? С того дня, как огласилось убийство, она почти не покидала Кобылина, находилась в обществе его родных и ни единым словом, ни единым мускулом своего лица не обнаружила, что была сколько-нибудь знакома с этим делом. Неужели и она могла с таким поразительным самообладанием носить личину?»

Это ценное описание ближайшего очевидца, сообщающего здесь факты и обстоятельства, нигде не зафиксированные, представляет крупнейший интерес. Лишь выводы мемуариста сомнительны; ни отчаяние Сухово-Кобылина, ни самообладание опытной светской «львицы» Нарышкиной не могут, конечно, служить опровержением известной версии. Как бы ни был суров будущий драматург, все же разразившаяся над ним катастрофа не могла не ввергнуть его в глубочайшее отчаяние; помимо позора и грозного возмездия, ожидавшего его, Сухово-Кобылин не мог не быть искренно потрясенным кровавым эпилогом своего романа, неожиданно раскрывшим в родовитом, культурнейшем дворянине, считавшем себя джентльменом и рыцарем, инстинкт и нравы темных подонков. Гибель Луизы Деманш, если только правильна была версия обвинителей Сухово-Кобылина, не могла не вызвать в нем сильнейшего внутреннего потрясения. Горе его в эти черные дни его биографии было искренним, и рыдать истерически ему было о чем.

Родные и близкие позаботились, чтобы Сухово-Кобылин не видел тела убитой Деманш, боясь, по-видимому, какого-то непоправимого эксцесса. Мы знаем, что труп был почему-то предъявлен не ему, столь энергично предпринявшему поиски, а его крепостным. Даже в церковь к открытому гробу он не был допущен. Сухово-Кобылин только присутствовал на самих похоронах в воскресенье 12 ноября.

Мы увидим ниже, что версия Феоктистова об убийстве Симон-Деманш Сухово-Кобылиным сохранилась в семейных преданиях его рода и однажды даже всплыла на поверхность печати.

Три характеристики

Сделаем здесь небольшое отступление. Отметим, что в маленьком флигеле на Страстном бульваре столкнулись вечером 7 ноября три совершенно необычайные человеческие натуры, трагически связанные запутанным узлом ненависти, вражды и неукротимых страстей.

Мы знаем, что чертами пылкости, заносчивости и жестокости

отличался прежде всего сам Сухово-Кобылин. От предков своей матери, от Баташевых и Шепелевых, он унаследовал властную и буйную натуру грозных крепостников XVIII века.

Черты их патологически разнузданных и глубоко преступных характеров отразились на его облике. Мы знаем, что 17-летним юношей он с исключительной жестокостью отнесся к увлечению сестры разночинцем. «Если бы у меня дочь вздумала выйти за неравного себе человека,— говорил он,— я бы убил ее или заставил умереть взаперти». Эти слова оттолкнули от него Константина Аксакова, его университетского товарища. По словам С. Т. Аксакова, молодой Сухово-Кобылин был весь «напитан лютейшей аристократией...». Жестокость его натуры развернулась впоследствии, когда он безжалостно «бивал из своих рук крепостных», награждал их пощечинами и даже однажды — незадолго до своего процесса — так тяжко избил немолодую уже служанку Деманш Пелагею Алексееву, что несчастная женщина потеряла сознание от побоев[1].

О Нарышкиной у нас немного сведений. Вспомним все же свидетельство Феоктистова: «Она приковывала главным образом какою-то своеобразной грацией, остроумной болтовней и тою самоуверенностью и даже отвагою, которая свойственна так называемым «львицам». Н. И. Нарышкина страстно влюбилась в Кобылина...»

Есть основание предполагать, что эта женщина не была чужда тщеславия. Уехав через месяц после убийства Симон в Париж, Нарышкина сошлась с братом Наполеона III, герцогом Морни, бывшим одно время послом в Петербурге. Этот виднейший государственный деятель Второй империи был отчасти и драматургом. Первые чтения его водевилей происходили, по словам его биографа, в интимной обстановке, при закрытых дверях, у г-жи Нарышкиной, рожденной баронессы Кноринг.

«Во время чтения герцог просил отзывов об отдельных эпилогах и сценах у этой знатной русской дамы, отличавшейся оригинальными привычками, вечно оживленной, превращавшей ночь в день, проводившей время за книгой, курением или беседой, в полном согласии со своим веселым характером, возбужденным и шаловливым умом».

Нарышкина, по словам биографа Морни, была начитанной, образованной, красивой женщиной с замечательными «ручками и ножками ребенка», весьма ценившей людей и дела театра. Ибо после ее сотрудничества с водевилистом Морни она вышла замуж за одного из первых мастеров французской сцены — Александра Дюма-сына. Французскому биографу осталось неизвестным, что в ряду поклонников Нарышкиной находился также один из первых мастеров русского театра.

[1] Пелагея Алексеева, судя по материалам дела, отличалась особенной безответственностью и незлобивостью. Тяжести свалившегося на нее несчастья она не вынесла и тихо скончалась в тюрьме. На обстоятельные расспросы следователей она отвечала, «что Деманш ее бивала; на нее никогда никому не жаловалась, а она на нее раза два жаловалась Кобылину за то, что будто бы без приказания ее истратили сливки, тогда как она сама оные истратить велела, за что барин бил ее, Алексееву, так что она без памяти была. Это было сего года (1850) летом».

Такова была одна из героинь «дела».

Она отличалась, видимо, особенными изломами характера, которые одно время определялись у нас терминами «демоничности» или «инфернальности». Желание мучительно ранить соперницу было ей, видимо, весьма свойственно.

Нет основания не доверять в основном рассказу Сухово-Кобылина, переданному нам Дорошевичем. Здесь имеется и такой эпизод.

«Сухово-Кобылин безуспешно ухаживал в эту зиму за одной московской аристократкой.

В один из вечеров у этой аристократки был бал, на котором присутствовал Сухово-Кобылин.

Проходя мимо окна, хозяйка дома увидела при свете костров, которые горели по тогдашнему обыкновению для кучеров, на противоположном тротуаре кутавшуюся в богатую шубу женщину, пристально смотревшую в окна.

Дама monde'a узнала в ней Симон-Деманш, сплетни о безумной ревности которой ходили тогда по Москве.

Ей пришла в голову женская злая мысль.

Она подозвала Сухово-Кобылина, сказала, что ушла сюда, в нишу окна, потому что ей жарко, отворила огромную форточку окна и поцеловала ничего не подозревавшего ухаживателя на глазах у несчастной Симон-Деманш.

В тот вечер, вернувшись, Сухово-Кобылин не нашел Симон-Деманш дома...».

Можно не доверять здесь, ввиду противопоказаний других материалов, заявлению о безуспешном ухаживании Сухово-Кобылина за московской аристократкой; мы не допускаем, чтобы Луиза Симон исчезла в самый вечер рассказанного эпизода. Но в подлинности его сомневаться не приходится — Сухово-Кобылину нечего было измышлять через 50 лет эту сцену. Она подтверждается отчасти и следственными материалами.

Мы видели, что, по словам кучера Деманш, он часто езжал с ней по вечерам, «и все кружились с нею около дома Нарышкиной; при этом Деманш высматривала, не у Нарышкиной ли Сухово-Кобылин и где сидит он там...».

Наконец, горячностью, порывистой пылкостью и даже жестокостью отличалась и Симон-Деманш. Как ни грустна ее судьба и ни пленителен ее внешний облик, необходимо и на нем отметить теневые стороны. В деле сохранились весьма красноречивые указания на вспыльчивый, строптивый и даже жестокий нрав Деманш. «Со своими людьми она обращалась очень строго, за всякую безделицу взыскивала и даже бивала из своих рук весьма больно».

Обратим внимание на этот старинный оборот. Он выразительно живописует барские нравы эпохи. Помещик мог просто послать крепостного на конюшню для соответственной экзекуции. Но нередко вспыльчивые российские самодуры не отказывали себе в непосредственном удовольствии «бить из своих рук». Это право широко присвоила себе иностранка Деманш и даже подчас настолько злоупотребляла им, что однажды жалоба на нее взошла к самому военному генерал-губернатору Москвы.

Из наряженного дознания обнаружилось, что в январе 1850 г. Симон-Деманш нанесла жестокие побои половой щеткой своей прислуге Настасье Никифоровой. Лекарский осмотр «дворовой девки» обнаружил на ней опухоли, царапины и синяки таких размеров и в таком количестве, что по распоряжению генерал-губернатора с Деманш была взята подписка обращаться впредь с людьми «как следует». Сама француженка нашла нужным при этом вознаградить избитую девушку 10 руб. серебром (по тем временам довольно значительною суммой).

Вот какие характеры столкнулись во флигеле на Страстном бульваре 7 ноября 1850 г. Можно представить себе силу происшедшего отсюда психологического взрыва.

Приведем из «Русского Архива» 1910 г. следующие справки, проливающие обильный свет на тайну нашего дела:

«В майской книжке Русской Старины г. А. М. Рембелинский, ближайший сосед А. В. Сухово-Кобылина по имению в Чернском уезде, Тульской губернии, рассказывает слышанное им от бывшего начальника управления по делам печати Е. М. Феоктистова, именно: «Сухово-Кобылин охладел к француженке и заменил ее новым предметом страсти[1]. Француженка была крайне ревнива. 7 ноября 1850 г. вечером она, придя на квартиру Сухово-Кобылина, застала там госпожу Н. Между двумя соперницами произошла бурная сцена, пылкая француженка оскорбила Н. действием, ударив ее по лицу. Не менее пылкий Сухово-Кобылин вне себя схватил первый попавшийся ему под руку тяжелый канделябр с камина, пустил им во француженку, попал ей прямо в висок и убил ее наповал. Тогда что делать? Он якобы призывает своих крепостных людей и, подкупив их деньгами и обещанием выдать вольные, убеждает их вывезти труп за заставу и принять вину на себя, обещая сверх всего свое покровительство и заступничество перед судом».

Феоктистов был прикосновенен к делу Сухово-Кобылина. По г. А. М. Рембелинскому,— это «маловероятная версия» и вздорная болтовня. Что делать! А, мы опираясь на свидетельство родственного А. В. Сухово-Кобылина и по сейчас здравствующего лица, верим, что наш известный писатель действительно был убийцей француженки Симон. И не одна только эта родственница знает про «драму в жизни писателя»: эта драма не тайна и для многих других сухово-кобылинских родственников, но им ли поднимать завесу над печальной былью, почти поросшей травою забвения?

«Убийство Симон совершено, как мы слышали, в «состоянии запальчивости и раздражения, без заранее обдуманного намерения». Это, конечно, весьма смягчает вину, но не уничтожает были. Перед отправлением на бал в квартире А. В. Сухово-Кобылина у него произошло крупное объяснение с ревнивой француженкой. Слово за слово, и Сухово-Кобылин, не владея собою, с такой силой толкнул Симон, что она ударилась головой о камин и мертвою упала на пол. Будущий

[1] Н. Нарышкиной.

писатель-сатирик мгновенно пришел в себя и почувствовал весь ужас только что содеянного. Тут на помощь злополучному барину явился любивший его и рабски ему преданный повар Ефим Егоров, который принял вину на себя. Он был за это щедро награжден. Уж он готов был к путешествию «по Владимирке», и не один, и с «соучастниками», но правда восторжествовала: невинные не пострадали... Касательно того, что у убитой Симон «зияла рана на голове» и т. д., не постарались ли для барина крепостные? В награду обещано более 10 тысяч[1]».

Версия Феоктистова о встрече трех героев романической истории вечером 7 ноября в сухово-кобылинском флигеле и о происшедшей здесь бурной сцене с дикими и жестокими вспышками представляется наиболее вероятной.

Свидетельство Боборыкина

Писатель Боборыкин находился в отдаленном родстве с Сухово-Кобылиным. Род Боборыкиных тоже восходил к тому Гланду Камбиле, или Кобыле, от сына которого Боборыка произошли боярские роды: Шереметевы, Романовы, Колычевы, Яковлевы, Сухово-Кобылины и Боборыкины.

В общей среде дворянских родственников, интересовавшихся уголовной судьбой одного из представителей своей фамилии, Боборыкин мог почерпнуть немало сведений о самом событии. К моменту окончания сухово-кобылинского процесса Боборыкин был студентом, уже сильно интересовавшимся литературой и мечтавшим о писательстве. Через несколько лет, в 1862 г., Боборыкин печатает свой первый роман и даже становится редактором «Библиотеки для чтения». К романической обработке материалов кобылинского процесса он приступает, впрочем, позже, когда впечатление от «дела» в обществе несколько сгладилось. Только в 1869 г. в журнале «Всемирный Труд» появляется роман Боборыкина с характерным названием «На суд». Фабула этого произведения в основном совпадает с кобылинским процессом.

Известное свойство Боборыкина рисовать с натуры, изображать подлинные события и реальные фигуры сказалось здесь в полной мере. При всех необходимых изменениях художественного письма дело об убийстве Симон-Деманш здесь изложено с достаточной протокольностью. Необходимо заключить, что и сама сцена убийства передает те сведения о нем, которые были распространены в московском обществе, в среде лиц, достаточно близких к Сухово-Кобылину или Нарышкиной.

Герой боборыкинского романа знакомится в Париже за табльдотом с эффектной иностранкой мадам Болюско. Он увлекается своей соседкой и собирается жениться на ней. Но, узнав, что его подруга — авантюристка дешевого типа, он бросает ее и бежит в Россию. Здесь он знакомится с юной красавицей, впервые

---

[1] Павел Россиев. «Сухово-Кобылин и француженка Симон». «Р. Арх.», 1910, VI, 316 — 319.

вывезенной на бал, и женится на этой строгой, величественной и спокойной девушке с классическими формами Ниобеи и строгим характером пуританки. После венчания молодые отправляются в подмосковное имение невесты. В тот же вечер, как снег на голову, к счастливому новобрачному является его парижская любовница.

«Мной овладел неиспытанный еще ужас перед той, кого я признал моей наставницей, моим неосязаемым идеалом,— рассказывает герой романа.— Всего меня охватило зверское и мгновенное чувство. Я видел, что эта пройдоха — уже не знаю как (я и до сих пор этого не смекну) — явилась произвести скандал. И прежде нежели она раскрыла рот, я так ужаснулся возможности чего-нибудь похожего на такой скандал, что все мое существо вскипело одним порывом уничтожить ее тут же на месте. Из сеней шла лестница в несколько ступенек. Я кинулся на незваную гостью. Она увидала, должно быть, по моему лицу, на что я был способен, и не то хотела крикнуть, не то оттолкнуть меня, я уже в этом не мог дать себе отчета. Левой рукой схватил я ее за горло, а правой пустил ей в голову бронзовый подсвечник...»

Появляется новобрачная — Ольга Петровна. С изумительным самообладанием она овладевает положением и решает спасти мужа. Мгновенно создается план сокрытия убийства. При помещике двое крепостных — человек Григорий и кучер Сергей, всемерно преданный господам. «Григорию Ольга Петровна обещала вольную и тысячу рублей, если он убедит (Сергея) спасти барина. Переговоры были не долгие. Сергей оказал такое чувство безусловного повиновения барской воле, что если бы даже он получил простой приказ без всяких посулов, то сделал бы все на свете. Ольга Петровна обдумала в несколько минут целый план мнимого преступления. Сергею приказано было заложить карету. В эту карету часу в первом ночи положили тело гостьи; платье было в нескольких местах нарочно замарано и разорвано, браслет и серьги вынуты, вынуто было также и портмоне из кармана. Тело по дороге в город было брошено у опушки небольшого леска...»

Вначале все идет как по маслу. Сергей всецело предается мысли спасти барина и готовится к роли преступника.

«Если гостья наша отправлена была на наших лошадях в Москву и найдена мертвою на дороге, то кто же мог убить ее кроме кучера? За него принялись». Признание было как бы вырвано у него, и сознавшийся преступник был посажен в острог. «Дело было решено в первой инстанции. Тогда признание имело самое важное значение. (Сергей) рассказывал в таких подробностях, как он совершил убийство, что искать другого виновника показалось совершенно бесполезным...» Но дело запутывала жена осужденного, показывая, что ее хотели подкупить. «Ну и началась многолетняя канитель преследования и перерешения... Григорий, по натуришке своей трусливой и блудливой, сначала держался прежних показаний, а потом начал вилять, говоря, что он был «раб» и делал, что ему прикажут господа».

«Да, второй акт был куда посерьезнее. Ольга Петровна неутомимо действовала не только около лиц, власть имеющих, но и по

всем подробностям судейской процедуры. Много было спущено тут денег. (Сергей) стоял все на прежнем показании, но он не мог выгородить меня от подозрения в том, что я, если сам не совершил убийства, то по крайней мере склонил своего крепостного к совершению...

Я не был оправдан. Я остался неприговоренным только потому, что меня признали поврежденным в рассудке...»

Сергей идет на каторгу после ударов плетьми, жена его следует за ним.

Так, очень близко к действительности изложил кобылинское дело Боборыкин. Призывая своего героя на суд, романист тщательно оттеняет его психологическое состояние. Сам убийца клеймит себя: «Я так был жалок, так любил свою грешную плоть, что в сердце моем не выплыло ни одного порыва честной самоотверженной натуры». «Этот человек,— думает о нем его невольная исповедница,— был способен сознательно и не теряя рассудка играть такую унизительную, пассивную роль в деле, где другое человеческое существо шло на казнь и ссылку за него».

Таково обвинительное резюме Боборыкина по делу Сухово-Кобылина. Весьма вероятно, что оно было знакомо Кобылину. В этом случае он уже при жизни присутствовал при некотором пересмотре дела об убийстве Симон-Деманш и видел, как оправдательный приговор Сената был категорически отменен новым решительным осуждением.

Таким образом, свидетельство Боборыкина, имевшего возможность собирать сведения в среде лиц, близких к Сухово-Кобылину и Нарышкиной, рисует в следующем виде таинственную картину убийства. Если перевести романическое изображение на язык действительности — Сухово-Кобылин, придя в ярость от появления своей старой и уже опальной любовницы в месте его свидания с предметом новой любви — юной и прекрасной великосветской женщиной, не помня себя от гнева, убивает Симон-Деманш шандалом. Нарышкина спешно вырабатывает план и организует сокрытие тела. Призываются двое преданных слуг — это могли быть только Макар Лукьянов и Ефим Егоров, которым за обещание денег и вольных, играя на их преданности и необходимости «спасти барина», поручается пока лишь вывоз тела на дорогу в Хорошево. Мгновенно создается версия об убийстве француженки с целью ограбления наемным извозчиком по пути к Киберам. Ни Кобылин, ни Нарышкина, конечно, не взяли на себя соответственную подготовку трупа, т. е. снятие с него драгоценностей, богатой одежды и проч. Второпях об этом могли и не подумать; возможно, впрочем, что понадеялись на людей, которые по пути заберут для себя драгоценности. Это была, конечно, со стороны укрывателей убийства грубейшая ошибка, сразу подорвавшая первую версию (об ограблении извозчиком) и сыгравшая первостепенную роль в разрушении второй версии (убийства крепостными в доме Гудовича).

Но, во всяком случае, крепостные, вывозившие тело своей госпожи, не пожелали грабить его. Они выполнили поручение и оставили тело по пути в село Хорошево, но, может быть, не без

умысла сделали это близ кладбищенского вала, в виду церкви и могильных крестов.

Таково было первое погребение Деманш— какое-то случайное, неполное и в то же время не лишенное некоторой красоты, как все ее неверное и ускользающее бытие: не в черную яму, а в сугроб девственного снега были опущены ее останки, не лопаты могильщиков, а вольные метели два дня и две ночи заносили легкой белоснежной порошей стройное и нарядное тело одной пылкой, отвергнутой и верной любовницы. Что-то напоминающее погребение Манон Леско есть в этом эпилоге Симон-Деманш. Пескам пустыни вполне соответствуют подмосковные оснеженные равнины. Так начались посмертные странствия Симон-Деманш. Ей еще пришлось вернуться в Москву, побывать в полицейских моргах, пролежать три дня под сводами костела, прежде чем направиться, наконец, на место своего действительно «последнего» успокоения — на Введенское кладбище, где высится до сих пор мраморный памятник, намекающий беглой надписью на ее печальную участь.

A la chère et triste mémoire
de Louise Elisabeth Simon,
nèe le 1 avril 1819 + le 7 novembre 1850.

Чрезвычайная следственная комиссия

27 февраля 1854 г. началось новое дополнительное следствие или по старинному термину преследование. В этот день комиссия, «учрежденная по высочайшему повелению», допросила арестованных крепостных — Козьмина, Егорова и Кашкину. Все трое (Пелагея Алексеева уже успела скончаться в заключении 16 августа 1853 г.) подтвердили в полной мере свои первоначальные показания, настаивая на своей непричастности к убийству. Кашкина категорически утверждала, что никаких показаний об участии в убийстве она никогда не давала.

Козьмин также решительно заявил, что показание его об убийстве Деманш утюгом написано было под диктовку пристава Хотинского и по склонению его разными обольщениями, в том числе и собственноручным письмом его господина.

Аналогичное показание дал и Егоров, заявивший дополнительно по вопросу о кровавых пятнах во флигеле на Страстном бульваре, что «на заднем крыльце никакой дичи он никогда не резал».

Новое важное обстоятельство было согласно установлено крепостными и подтверждено дальнейшим следствием. Оказывается, уже 8 ноября вечером, т. е. за сутки до обнаружения трупа, Сухово-Кобылин приказал своим крепостным — столяру Савину Карпову, дворнику Пахомову, камердинеру Лукьянову и Галактиону Козьмину заложить ломовую лошадь в простые сани, взять с собой стамеску, клещи, отвертку и молоток и доставить к нему на квартиру комод, шкаф и кровать Деманш. На квартире француженки люди уже застали частного пристава, которым и были задержаны. Таким образом, в первый же день своих тревожных розысков Сухово-Кобылин предпринял такой энергичный шаг, как перевозку к себе громоздкой мебели исчезнув-

шей женщины, смерть которой еще не была установлена (в шкафу и комоде хранились его письма к погибшей).

На допросе следственной комиссии Сухово-Кобылин настаивал на убийстве Деманш его дворовыми людьми с целью воспользоваться ее имуществом и утверждал, что в продолжение следствия он не мог иметь и не имел никаких сношений ни с частными приставами, ни с самими преступниками. По всем прочим обстоятельствам дела (кровавые пятна, вечер 7 ноября у Нарышкиных и проч.) он подтвердил свои прежние показания, заметив в заключение, что «ревности у Нарышкиной Луиза Деманш не изъявляла».

Между тем раскрывались новые обстоятельства, важные для обвинения. Повторное следствие обнаружило, что в 1851 г. Сухово-Кобылин перестроил черные сени и парадное крыльцо флигеля, в котором в ноябре 1850 г. были обнаружены кровавые пятна.

Показаниями смотрителя дома графа Гудовича, часовых, будочников на Овражках (т. е. у скрещения Брюсовского и Чернышевского переулков) было установлено, что «в ночь с 7 на 8 никто из подозрительных лиц не проезжал и во флигеле дома Гудовича все было совершенно спокойно». Тщательный осмотр дома и местности совершенно опроверг гипотезу об убийстве Деманш на ее квартире.

Наконец, осмотр комиссией платья Деманш, которое было сильно залито кровью по направлению сверху вниз, доказал, «что перерез горла Деманш совершился тогда еще, когда она была жива», причем в этот момент «Деманш находилась вовсе не в том лежачем положении, как объяснил Егоров»; поэтому, «судя по обагрению крови платья», предшествовавшему вывозу Деманш из места убийства, следует безошибочно заключить, что местом убийства Деманш не могла быть занимаемая ею во флигеле графа Гудовича квартира, в которой никаких кровавых знаков решительно не было найдено».

Вот почему уже 30 апреля некоторые члены комиссии признали, что «обнаруженные уже факты, ниспровергающие первоначальное следствие об убийстве Деманш в квартире ее, не могут, судя по ходу дела, измениться дальнейшим следствием». Петербургские следователи предлагали подвергнуть Сухово-Кобылина содержанию под стражею до окончания следствия.

Необходимо отметить, что комиссия, действовавшая вообще весьма планомерно и рационально, с должным вниманием отнеслась и к двум важнейшим обстоятельствам первоначального следствия: к кровавым пятнам в квартире Кобылина и к заявлению о его пребывании 7 ноября на вечере у Нарышкиных.

По обоим пунктам факты свидетельствовали против Кобылина. Его ссылка на больных родственниц, живших до него во флигеле, отпала. Тетка его, Жукова, показала, «что болезнь ее дочери состояла в расстройстве нервов и желудка, причем пользовалась она внутренним лекарством».

Прислуга Жуковой подтвердила, что «хотя барышня была больна, но ей никаких кровопусканий не делали».

Еще решительнее обнаружилась шаткость знаменитого alibi 7 ноября. Комиссия допросила, наконец, ряд лиц, которые по указанию Сухово-Кобылина были на вечере у Нарышкиных. Результаты получились для него мало благоприятные. Некоторые из опрошенных (Ермолов, поручик Шеншин) отказались подтвердить ссылку на них Сухово-Кобылина. Два-три лица дали весьма неопределенные справки. Так, некая Бахметьева показала, что она видела Сухово-Кобылина у Нарышкиных «накануне того дня, когда по Москве пронесся слух о смерти француженки Симон». Слух этот мог пронестись не раньше 10 числа, так что и это показание ни в коей мере не могло относиться к 7 ноября.

Другой допрошенный — статский советник Бутовский — показал, что у Нарышкиных был вечер в ноябре 1850 г.— числа он не упомнит,— на этом вечере был Сухово-Кобылин. При отсутствии указания на число и это свидетельство теряло всякое значение.

У нас имеется и косвенное свидетельство о том, в каких условиях приходилось многим из опрошенных давать свои показания. Как раз о приведенном ответе Бутовского рассказывает в своих воспоминаниях П. Д. Боборыкин, интересовавшийся делом об убийстве Симон-Деманш.

«...А. И. Бутовский (тогда директор департамента мануфактур и торговли) рассказал мне раз, как он был прикосновенен в Москве к этому делу.

Он служил тогда председателем коммерческого совета в Москве и попал как раз на тот вечер у г-жи Н., когда в квартире Сухово-Кобылина была убита француженка, его любовница[1].

От Бутовского обвиненный хотел иметь на следствии показание, что он видел его еще на вечере, когда сам уезжал домой.

Такого показания Бутовский не мог дать потому, что не хотел утверждать этого положительно, а для обвиненного это нужно было, чтобы доказать свое alibi».

Только одна опрошенная — Теплова — показала, что видела Сухово-Кобылина у Нарышкиных вечером 7 ноября. Тем не менее Сухово-Кобылин в дальнейших своих бумагах настаивал, что Шеншин, Бутовский и другие «за присягою показали, что в ночь совершения преступления с 7 на 8 ноября 1850 г. он был с ними на вечере у Нарышкиных». И любопытнее всего, что судебные инстанции приняли это толкование.

Пересмотр всех показаний по этому вопросу не оставляет сомнений в том, что вечер 7 ноября 1850 г. Сухово-Кобылин провел безотлучно дома, как показали в ближайшие же дни его дворники, кучер и повар. Попытки установить alibi следует признать неудавшимися, хотя суд ими впоследствии и воспользовался.

Но следственная комиссия оказалась все же на высоте беспристрастия. На ходатайство матери Сухово-Кобылина об освобож-

[1] Таким образом, близкий к Нарышкиным Бутовский не сомневался, что любовница Сухово-Кобылина была убита в его квартире.

дении сына в мае 1854 г. комиссия указала, что еще 20 апреля она признала себя обязанною подвергнуть Кобылина аресту до окончания следствия; при последующем производстве обнаружены еще другие улики и доказательства против него, что вполне исключает возможность его освобождения.

Завершение процесса

Мы переходим к последней стадии процесса.

Комиссия по доследованию, как мы видели, действовала энергично и собрала ряд новых ценных материалов. Дополненное таким образом дело об убийстве Деманш было представлено следственной комиссией в министерство юстиции и 15 сентября 1854 г. доложено Правительствующему сенату, который препроводил его московскому генерал-губернатору для нового пересмотра в суде первой инстанции.

Процесс снова попадает в московскую обстановку, в атмосферу домашних интимных воздействий на суд через клубы и салоны. Неудивительно, что явные признаки новых закулисных влияний сказываются на дальнейшем ходе дела.

Уже 2 ноября 1854 г. московский надворный суд постановляет освободить Сухово-Кобылина и Лукьянова от стражи, отдав их на поручительство полковнице Сухово-Кобылиной. За полгода перед тем, как мы знаем, следственная комиссия в этом категорически отказала просительнице. Еще разительнее, после произведенного доследования, новый приговор, вполне воспроизводящий первоначальные решения судебных инстанций. Впрочем, необходимого единогласия снова никак нельзя было получить.

В феврале 1855 г. ввиду разногласия «по произведении диспута», был приглашен законодатель другого департамента, голос которого решил дело в смысле полного оправдания Сухово-Кобылина и присуждения крепостных к каторжным работам: Егорова бессрочно, Козьмина к 20 годам, Кашкину к 22 годам и шести месяцам. Все трое должны были подвергнуться наказанию плетьми в Москве через палачей (от 80 до 100 ударов), а мужчины и наложению клейм.

Московская палата уголовного суда, приняв в основном это решение, лишь незначительно уменьшила сроки каторжных работ и число плетей. К этому моменту изменил свой взгляд на дело и сам Закревский. Военный генерал-губернатор рапортом от 30 июня 1855 г. признал решение уголовной палаты правильным и представил дело в Правительствующий сенат.

Но Сенат, не соглашаясь снова с приговорами низших инстанций, заключил, что «сознательные показания Егорова, Козьмина, Кашкиной и Алексеевой об убийстве ими Деманш столь неправдоподобны, что не могут служить основанием к осуждению их как убийц». Многие же обстоятельства дела «навлекают на Сухово-Кобылина подозрение если не в самом убийстве Деманш, то в принятии в оном более или менее непосредственного участия, как также в том, что он, воспользовавшись влиянием, которое имел как помещик на своих крепостных людей, склонил их разными обещаниями принять на себя учиненное преступление».

Ввиду таких соображений Сенат в своем определении постановлял: «Оставить Сухово-Кобылина в подозрении по участию в убийстве Деманш, Кашкину освободить от всякой ответственности, Егорова же и Козьмина, неприкосновенных к убийству, но давших ложные показания, отвлекшие внимание следователей от настоящих следов преступления, лишить всех прав состояния и сослать на поселение в отдаленные места Сибири». В заключение Сенат признавал вероятным обвинение Сухово-Кобылина крепостными в подговоре их к принятию на себя убийства через частных приставов Стерлигова и Хотинского.

Таким образом, несмотря на сомнительную санкцию, теоретически Сенат решал дело совершенно правильно: крепостные в убийстве неповинны, все подозрения как в убийстве, так и в подговоре крепостных к ложным показаниям остаются на Сухово-Кобылине.

Дело снова принимало серьезный оборот. Семейство Сухово-Кобылиных предпринимает ряд новых энергичнейших шагов к устройству нужного приговора. Вероятно, к этому моменту дела относится факт, сообщенный нам Феоктистовым: «Сестра его (Сухово-Кобылина) Софья Васильевна получила доступ к великой княгине Марье Николаевне, которая отнеслась очень сочувственно к несчастью, постигшему ее семью». Во всяком случае, весной 1856 г. Сухово-Кобылин вместе со своей матерью приезжает в Петербург для непосредственных хлопот. В дело были сразу пущены все крупные связи богатой дворянской семьи, окончательно запутавшие карты суда.

Марья Ивановна Сухово-Кобылина обращается с письмом к императрице и добивается высочайшего приказа министру юстиции прекратить дело. Происходит совершенно беспримерный факт: в гостиную к обвиняемому приезжает для окончательного допроса сам министр юстиции, рассыпающийся в любезностях и обещаниях. Безграничная сила золота и сословных связей сказались в полной мере.

Сам Сухово-Кобылин рассказал нам этот невероятный эпизод. В дневнике его сохранилась следующая запись.

«Петербург. 1856 г. Май 12. Суббота. Утро сидели вместе с маменькой. В 12 часов доложили, что директор департамента Танильский желает ее видеть. Его приняли — он объявил, что министр юстиции желает ее видеть и будет сам по окончании заседания в Государственном совете. Я бросился сказать Голицыным, и остались дожидаться министра. Были оба в волнении. Условились, чтобы маменька начала говорить о деле, а я буду ей помогать и что тем самым войду в разговор. В пять часов министр приехал. Вот его слова: «Сударыня, вы изволили писать ее величеству? Императрица передала мне ваше письмо вместе с приказом закончить дело... Оно будет закончено... также и с указанием, чтобы я принял во внимание подробности этого дела, они будут приняты во внимание. Имеете ли вы что-либо прибавить к этому, сударыня? Я готов вас выслушать».— «Граф, вот мой сын...»

«Я раскланялся. Граф тоже встал и раскланялся и повторил мне те же слова. Я начал...» и т. д.

Эта сцена, записанная самим Сухово-Кобылиным,— сильное обвинение против него. Этот министр юстиции, который, стоя и с поклонами, получив определенный приказ от императрицы, выслушивает на дому обвиняемого его сбивчивые и смущенные показания, заранее предупредив, что дело его будет прекращено,— какое разоблачение сущности и характера знаменитого процесса!

В силу таких же категорических императивов свыше обер-прокурор Сената по поручению министра юстиции предложил 21 июня 1856 г. новое компромиссное решение, которое в конечном счете и восторжествовало. Это примирительное предложе-

ние сводило сущность дела к следующему тезису: «как дворовые люди, Ефим Егоров, Галактион Козьмин и Аграфена Кашкина не могут по правилам закона быть признаны изобличенными в убийстве Деманш, так равно нет основания оставлять в подозрении и помещика Сухово-Кобылина по предмету означенного убийства или содействия к оному, а потому господин министр юстиции полагал: титулярного советника А. В. Сухово-Кобылина, а равно дворовых людей его... от всякой ответственности по вышеозначенному предмету оставить свободными».

Это первая формула приговора, который после ряда вариантов вскоре получил окончательную силу. При этом Сенат, принимая во внимание, что дворовые люди Сухово-Кобылина «давали показания против своего помещика и тем могли возбудить к себе негодование владельца», поручал их «особенному попечению местного предводителя, без разрешения коего не подвергать их каким-либо взысканиям или переменам в месте жительства».

Это мнение и было положено в основу окончательного приговора Государственного совета, куда на последнее решение дело и поступило из общего собрания московских департаментов Правительствующего сената.

25 октября 1857 г. соединенное заседание департаментов гражданских и духовных дел Государственного совета 28 голосами признавало, что сознание крепостных в убийстве «явно противоречит обнаруженным при следствии фактам». В силу этого

Государственный совет полагал: «Дворовых Сухово-Кобылина и Аграфену Иванову от всякой ответственности по предмету убийства Симон-Деманш оставить свободными, поручив их особенному попечению местного предводителя дворянства, Сухово-Кобылина от ответственности за убийство освободить, а за «любодейную связь подвергнуть церковному покаянию для очищения совести».

На представленной мемории государь 3 декабря 1857 г. написал против мнения 28 членов: «и я». Это означало окончательное завершение дела.

Таким противоречивым приговором, оставлявшим при изумительном богатстве и красноречивости следственных данных преступление нераскрытым, заканчивался этот знаменитый в свое время процесс. И если в результате разорительных подкупов, инквизиционных истязаний, царской протекции и бесчисленных других мер, предпринятых Сухово-Кобылиным и его родными в целях обвинения дворовых людей, они все же были оправданы и даже поручены особенному попечению предводителя дворянства, чтобы не стать жертвой «негодования владельца», если в результате всех высочайших приказов и министерских визитов обреченные на каторгу жертвы были объявлены «от всякой ответственности по предмету убийства Симон-Деманш свободными»,— не ясно ли, что высшие инстанции суда тем самым признавали убийцей Сухово-Кобылина, хотя и были лишены возможности произнести во всеуслышание свой приговор?

Так по крайней мере воспринял это решение главный герой процесса. Получив в Москве копию постановления, он записывает в своем дневнике: «Оказывается, что и преступники равным образом оправдываются. Вот и решение!.. Весь день я им был поражен».

И действительно, Государственный совет своим молчаливым приговором ясно указывал на убийцу.

Итоги

Итак, дело, возникшее 9 ноября 1850 г., столько лет волновавшее барскую и чиновную публику обеих столиц, закончилось 3 декабря 1857 года.

За эти годы Россия пережила целую эпоху. Рухнула правительственная система страшного тридцатилетия. Показательные фигуры и деятели целой исторической полосы ушли из жизни; умерли Николай I, Гоголь, Грановский, Чаадаев, братья Киреевские; по слову современника, «в один прекрасный день авангард Европы очутился в Крыму» — и старая Россия зашаталась. Впервые после хвалебных патриотических од славянофил Хомяков, как раз в момент самого разгара сухово-кобылинского процесса, произнес негодующие стихи о николаевской России, которые могли бы послужить превосходным эпиграфом к изучаемому нами делу:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена...

Это «иго» и эта «неправда» только и могли привести Сухово-Кобылина к оправдательному приговору.

Если бы мы основывались только на общем впечатлении современников, на молве, на преданиях, на устных версиях и сообщениях мемуаристов, в заключение нашего обзора мог бы возникнуть вопрос пушкинского художника-отравителя:

...Или это сказка
Тупой бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?

Но перед нами обширный перекрестный опрос целого общества в протоколах следствия и в свидетельствах современников. Мы точно знаем, к каким безотрадным выводам приходили немногие правдивые следователи и судьи этой мрачной эпохи, как подставленный, сложно организованный и щедро купленный приговор, обеляющий преступника и осуждающий его невинных рабов, неизбежно встречал во всех инстанциях возражения, «особые мнения», протесты и, несмотря на тягчайшие обременения судейской совести подкупами снизу и распоряжениями свыше, никак не мог осуществиться в намеченном направлении и объеме. Компромисс последнего приговора Сената уже явственно указывал на подлинного преступника, безусловно оправдывая и заботливо оберегая группу оговоренных крепостных. Наконец, через 50 лет после преступления его главный участник, потративший в свое время столько сил и средств на осуждение невинных, в обстановке другой эпохи, на склоне своих дней, когда вся острота события давно миновала и, вероятно, никто из его участников уже не был в живых, сам заявил о полной невиновности своих слуг.

Эти поздние свидетельства Сухово-Кобылина, решительно опровергающие многие из его следственных показаний, представляют для нас высокий интерес.

Беседовавший с Сухово-Кобылиным незадолго до его смерти С. Сухонин передал заявление старого драматурга: «Не будь у меня связей, да денег, давно бы я гнил где-нибудь в Сибири... Вот она, дореформенная Русь!..» И далее: «А. В. подробно рассказал мне дело об убийстве Деманш, в которое он и несколько его крепостных людей были вовлечены, о пытках, которым подвергали несчастных крепостных, дабы вырвать у них сознание в мнимом совершении ими преступления.— Накануне каторги я был...»

Совершенно аналогичное, но более обстоятельное показание дал Сухово-Кобылин в 1901 г. и Дорошевичу.

«Следствие обнаружило, что сознание (крепостных) было вынуждено у людей в квартале пытками.

Квартальный надзиратель кормил их селедками и не давал пить, подтягивал допрашиваемых на блоках к потолку, так что у несчастных плечевые кости выходили из суставов, и требовал:

— Сознайтесь, что убили.

Так было добыто «сознание».

— Имейте в виду,— говорил при этом «сознавшимся» квартальный надзиратель,— и следователям и судьям показывайте

точно так же. Измените показание — опять вас к нам пришлют, и мы вас опять так пытать будем.

Крепостные и повторяли всем от страха «оговор на себя».

Только на одно не шли эти несчастные в своей «рабьей верности»: как ни пытал их квартальный надзиратель «показать на барина», они и под пыткой твердили: «Барин ни при чем!»

«Собственное признание есть высшее всего мира свидетельство»,— невольно вспоминаются слова из «Смерти Тарелкина» при чтении этих оправдательных заявлений старика Сухово-Кобылина, вполне равносильных собственному признанию.

«Истина в пути, и ее ничто не в силах остановить!»— вспоминаются вдохновенные слова Эмиля Золя по поводу одного возмутительного осуждения невинного. История многих загадочных и темных процессов действительно показывает, что истина властно пробивается наружу сквозь самую непроницаемую толщу лжи, насилия и подлогов. В этом есть нечто глубоко утешительное для всех поколений, для всех жертв истории. Их оправдание намечено и должно наступить.

Но в этой конечной победе много грустного. Этот процесс реабилитации невинных бывает бесконечно медленным. Часто момент этого справедливого приговора наступает лишь тогда, когда заинтересованные в нем лица уже не могут его услышать. Таков и рассказанный нами случай. Восемьдесят пять лет прошло уже с того дня, как одна пленительная парижанка, словно сошедшая со страниц бальзаковского романа, прибыла в узорную северную столицу. Более 75 лет миновало с того вечера, когда обнаружение закоченевшего тела в сугробах у Ваганьковского кладбища отметило печальный эпилог этой короткой, беспечной и трагической жизни.

Немногим короче срок, протекший с момента чудовищной социальной несправедливости — с первого судебного приговора по этому жуткому делу, осудившему четырех невинных крепостных на тяжкие и позорящие наказания, чтобы одновременно торжественно заявить о полной невиновности их владельца, против которого громогласно свидетельствовали все улики следствия. Невиновность Сухово-Кобылина была официально признана и окончательным приговором.

Но в архивной пыли дремлют нелицеприятные свидетели минувших тайн — подлинные документы забытого дела. Несмотря на окончательный приговор высшей судебной инстанции, пересмотр неправого дела неизбежен в будущем. И, всемерно подтверждая мнение старого Сената о полной невиновности четырех крестьян, годами томившихся в застенках дореформенных российских тюрем, новый приговор произносит блестящему русскому драматургу свое непоколебимое: «Да, виновен!»

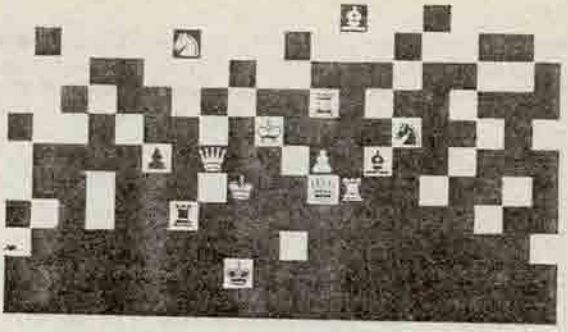
«Да, виновен!» Но более даже, чем в убийстве, виновен Сухово-Кобылин в оговоре своих неповинных слуг, каторгой которых он хотел купить свою свободу. В этом его подлинное преступление. Само дело, за которое он судился свыше семи лет,

имело все же свои смягчающие вину обстоятельства. В обстановке гласного суда Сухово-Кобылин мог даже легко получить оправдание: преступление, совершенное в состоянии аффекта, в придачу, вероятно, в момент защиты любимой женщины от физического оскорбления, могло бы настроить присяжных достаточно милостиво. Практика уголовных процессов в пореформенном русском суде с блистательными защитниками и культурными общественными судьями свидетельствует об обычных оправданиях подобных «преступлений по страсти». Необходимо учесть и то обстоятельство, что сознание Кобылина вовлекло бы неизбежно в судопроизводство и Н. И. Нарышкину, то есть опозорило бы в глазах целого общества женщину, с честью которой Сухово-Кобылин особенно считался. Узел событий, завязавшийся на Страстном бульваре вечером 7 ноября, было чрезвычайно трудно распутать, и нужно принять во внимание крайне сложную психологическую проблему, возникшую в этот вечер перед Сухово-Кобылиным. До некоторой степени она смягчает его вину, но, конечно, не устраняет ее.

Каковы бы ни были осложнения и трудности создавшейся ситуации, поступок Сухово-Кобылина, решившегося сбросить свое тяжкое преступление на темных, беспомощных и подвластных ему людей, не может найти себе оправдания. Глубокий аморализм даровитого человека здесь раскрывается во весь свой рост. Как ни печален такой вывод, приходится признать, что среди знаменитых имен русской литературы значится также имя замечательного драматурга и философа, на совести которого лежала глубокая тень от совершенного им преступления.

Это объясняет многое в творчестве русского Бомарше. Судебное дело об убийстве Симон-Деманш — вот необходимая предпосылка к изучению жуткой драматической трилогии о Варавиных, Расплюевых и Тарелкиных. Сквозь их комические маски, гротескные образы, плутовские выходки, шутки и буффонаду неизменно и фатально просвечивают глубокое убожество, неизбывная боль и обидная нелепость человеческого существования. Эти иронические комедии-шутки не могут скрыть от нас своей трагической основы, ибо театр Сухово-Кобылина — это драмы на крови.

33-Я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

РЕШЕНИЯ ЗАДАНИЙ

I ТУР

1. В. Чепижный, 1990. Мат в 2 хода. 1. Ф:f3! (1 балл)

2. В. Чепижный, 1990. Мат в 3 хода. 1. Крс5! К∾ 2. Кр(Ф): К. 1. Кр:с3? g6! 2. Ф:g6 — пат (2 балла)

3. И. Крихели, 1989. Мат в 3 хода. 1. Са5! ∾ 2. с8Ф+ Кр:с8 3. Фс7х, 1...Крс8 2. Фе6+ Kd7 3. Фа6х, 1...Ке8 2. Ф:f5+ Крe7 3. с8Кх. 1. Cg3? Ke8!, 1. Крb6? Крс8! (2 балла)

4. А. Олейник, 1989. Мат в 3 хода. 1. Ле8! Крf3 2. Ле1 g3 3. Kde5х, 2...Крg3 3. Ле3х, 1...Крh3 2. Ле3+ g3 3. Kf2х (2 балла)

II ТУР

1. Д. Эббен, 1949. Мат в 2 хода. 1.Cd6!; 1.Лf7? d1Ф! 1.Крg7? d1K! (1 балл)

2. К. Райнис. 1930. Мат в 3 хода 1. Cb6! Крb8 2. O-O-O, 1...b3 2. Cc7 (2 балла)

3. В. Паули, 1904. Мат в 4 хода. 1. Ла4 Крd5 2. Крd7 Крс5 3.Лb1, 1...Кр:e5 2.Крe7 Крd5 3. Лс1, 1...Крf5 2. Крf7 Крe5 3. Лd1 (3 балла)

4. В. Соловьев, 1989. Мат в 4 хода. 1. Cg2! f3 2. Ch1! f2 3.Cf3 f1Ф 4. g5х (3 балла)

5. Е. Халстрем, 1926. Мат в 5 ходов. 1. Лh6! Кр:c5 2. Лh5+ Крd6 3.Лg6+ Крe7 4. Лh7+, 1...Кра5 2. Лс4! Крb5 3. Лс1 Крb4 4. Лb6+ (3 балла)

6. А.д'Орвиль, 1837. Мат в 5 ходов. 1. Kh5 h6 2. Ke7 Крh7 3. Kg6 Кр:g6 4. Cg8 Кр:h5 5. Cf7х (3 балла)

III ТУР

1. Я. Гартонг, 1965. Мат в 2 хода. 1.Фd4! (1 балл)

2. Д. Меллер, 1918. Мат в 3 хода. 1.Лg8! C:g8 2. a8Ф+ Са2 3. Фh8х (2 балла)

3. Р. Рупп, 1952. Мат в 3 хода. 1. Лh6! Kg6 2. Лfh5. 1. Лfh5? Kg6 ! — 2...Kh4! (2 балла)

4. К. Манн, 1901. Мат в 3 хода. 1. Крс8! Кр:d6 2. Ф:f5, 1...ed 2. Фе2, 1...e6 2. Фс4+, 1...e5 2. Крd7, 1...Крс6 2.Фе6, 1... Крe5 2. Ch2+ (3 балла)

5. Г. Бойм, 1962. Мат в 4 хода. 1. Се5! Сс3 2. Kf5 С:е5 3. Крс8. 1. Kf5? С:с7 2. Крс8 Се5! (4 балла)
6. Граземанн, 1950. Мат в 4 хода. 1. Фd5+ Крg1 2. Фh1+! Кр:h1 3. Крf2. 1. Крf2? — пат! (4 балла)

IV ТУР

1. Н. Хуг, 1920. Мат в 3 хода. 1. h8С! Cg2 2. Cd4, 1...Cf1 2. Се5 (2 балла)
2. С. Лойд, 1869. Мат в 3 хода. 1. Кра5! Кре7(d6) 2. Cf5 (3 балла)
3. О. Бренандер, 1891. Мат в 4 хода. 1. Cg1! Крg4 2. e3 Крh4 3. Cf2+, 1...g4 2. Се3 g3 3. Cg5+ (3 балла)
4. Д. Мостерт, 1962. Мат в 4 хода. 1. Лf1 Крh2 2. Л:f3 Крg1 3. Лh3, 1...Кр:g4 2. Лg1+ Крf5 3. Се7, 1...f2 2. Л:f2 Кр:g4 3. Кре4 (3 балла)
5. М. Либуркин, 1940. Выигрыш. 1. h6 Сс3 2. Cf8 b4 3. Cg7 Крf1 4. Крh2 Крf2 5. Крh3 Крf3 6. Крh4 Крf4 7. С:с3! bc 8. h7 c2 9. h8Ф c1Ф 10. Фh6+ (3 балла)
6. В Каландадзе, 1989. Выигрыш. 1. g7 Ла3+ 2. Крf2! (2.Крf4? Лf3+ 3. Крg4 Лf1) e3+ 3.Кре2! Ла2+ 4. Крf3! Лf2+ 5. Крg3 Лf1 6. Крg2 e2 7. g8Ф 8. Фа2+ (8. Фh7+? Крb6 9. Фg6+ Кра5 10. Фg5+ Кра4 11. Фg4+ Кра3 12. Фh3+ Кра2!) Крb6 9. Фb3+ Крс5 10. Фа3+ и т. д. (4 балла)

V ТУР

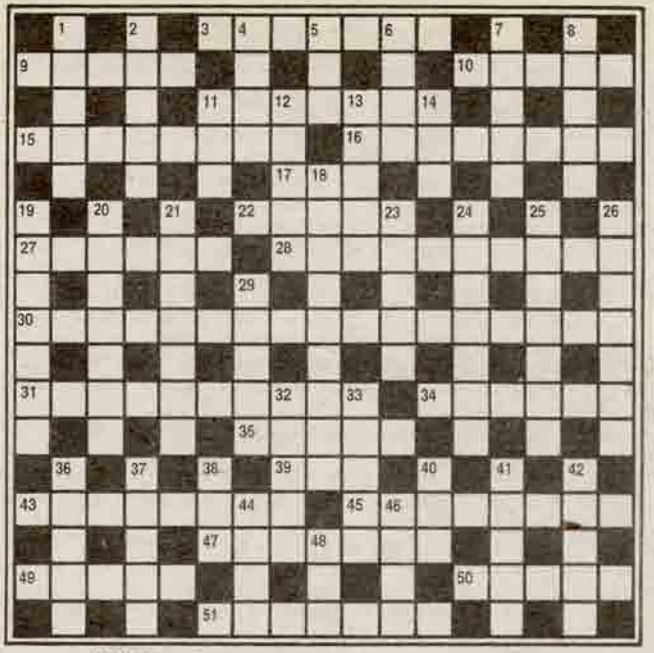
1. Я. Албарда, 1964. Мат в 3 хода. 1.Фg1 Кр:с6 2. Kd6 cd 3. Фb6х, 1... Крс 8 2. Фb6! cb 3. Kd6х (3 балла)
2. Х. Корнелис, 1900. Мат в 4 хода. 1. Kf4 d3 2. K:d3 d4 3. Ке5 3 балла)
3. Я. Грикен, 1932. Мат в 5 ходов. 1. Ch4 Ле3 2. Са8 Ле2 3. Cg3 Лd2 4. Сс7 Лd6 5. С:d6х (3 балла)
4. Л. Прокеш, 1939. Ничья. 1. Крg4 e2 2. Лс1+ Крd4 3. Крf3 d2 4. Лс4+! Крd3 5. Лd4+ Кр:d4 6. Кр:e2 Крс3 7. Крd1 Крd3 — пат. 1...d2 2. Крf3 Крd3 3. Ла1 e2 4. Ла3+ Крс2 5. Ла2+ Крс1 6. Ла1+ (3 балла)
5. Я. Гартонг, 1959. Мат в 7 ходов. 1. Kh6 Ca1 2. Kf5 Cf6 3. Ке3 Cg7 4. Kd5 Cf8 5. Kf6 Сс5 6. Kd7 (4 балла)
6. Т. Даусон, 1924. Выигрыш. 1. Kd4+ Кре3 2. K:f3 Кр:f3 3. Крf8 d2 4. e8Ф d1Ф 5. Фh5+. 1. Kf4+? Кре3 2. K:d3 Кр:d3 3. Крd8 f2 4. e8Ф Крd2! и в дальнейшем Крh1! (3 балла)

VI ТУР

1. О. Деллер, 1909. Мат в 3 хода. 1. c7 Кр ∾ 2. Ка7 (1 балл)
2. Х. Лепушутц, 1941. Мат в 3 хода. 1. Сс6! К ∾ 2. Фf3, 1...Ке2 2. Фf1+!, 1...f1К 2. Cb5 (2 балла)
3. Н. Маклеод, 1985. Выигрыш. 1. Ла8+ Лd8 2. Л:d8+ С:d8 3. Лb8 Кре7 4. Ла8!; 1.Лb8+? Лd8 2. Л:d8+Cd8 3. Ла8 Кре7 4. Лb8 Са5! (1 балл)
4. В. Кос, 1986. Ничья. 1. Лg3 Сс4 2. Крс7 Кра7 3. Ла3+ Са6 4. Ла2 Кb2 5. Л:b2 d1Ф 6. Лb7+ С:b7 — пат. (2 балла)
5. А. Корани, 1983. Выигрыш. 1. Kf4 Kf8 2. Kd3 Крg8 3. Ке5 Крh8 4. Са6 Kh7 5. Сс4 Kf8 6. Cf1 Kh7 7. Ch3 Kf8 8. Cg4 Крg8 9. Ch5 Kh7 10. Cf7+ (3 балла)
6. В. Петрович, 1984. Выигрыш (белый Кр на d7) 1. Крс8 Са7 2. b8Ф С:b8 3. Крb7! Крb5 4. Кс2 Кра5 5. Kd4 (3 балла)
Баллы за это задание засчитываются всем участникам олимпиады.

VII ТУР

1. В. Шпекманн, 1969. Мат в 3 хода. 1. Фg6+ Кр:е7 2. Са5, 1...Крd7 2. d8Ф+ (1 балл)
2. В. Шпекманн, 1956. Мат в 3 хода. 1. Ла3! Крf2 2. Кс3, 1...Кр:d2 2. Лb2+ (2 балла)
3. И. Крихели, 1985. Выигрыш. 1. d7 Фа8 2. Ке5 Фg8 3. d8Ф Ф:d8 4. g3+ Крh 5 5. g4+ Крh4 6. Kf3х (3 балла)
4. А. Гуляев, 1939. Ничья. 1. Kg3 Ле1 2. Крb3 Лd1 3. Kh1! Л:h1 4. Cd4+ Крb1 5. Се5 Крс1 6. Крс3 Крd1 7. Крd3 Кре1 8. Кре3 (3 балла)
5. Р. Гуи, 1938. Выигрыш. 1. Kb2 Лh1 2. Крg7 Лg1+ 3. Крf7 Лf1+ 4. Кре7 Ле1+ 5. Крd6 Ле2 6. Кс4 Ле4 7. Kb6! (7.Крd5? Ле7 8. d8Ф Лd7+ 9. Ф:d7 — пат!) (3 балла)
6. П. Джота, 1981. 1.Kh6+ Крf4 2. Cg3+ Крg5 3. Kf5 Лd2+ 4. Крh4 Лf6 6. Kf3+ Л:f3 — пат, 5...Лh6 6. Cf4+ Кр:f4 — пат (3 балла)

По горизонтали:

3. Войска, в которые был зачислен Г. Державин за успехи в чертежах и рисунках в Казанской гимназии. 9. Музыкальный инструмент. В XIX веке в Западной Европе были академии, объединяющие исполнителей на нем. 10. Адский огонь. 11. Обычный сюжет в живописи И. Айвазовского, В. Верещагина. 15. Художник, автор знаменитой серии «53 станции Токайдо». 16. Император, изображенный на известной византийской фреске в соборе Сан-Витале (Равенна). 17. Живая вещь в античные времена. 22. Огромный «полигон» для испытания человеческого духа. 27. Трунила в «Войне и мире» Л. Толстого (охотничье название). 28. Итальянец, автор теории «хорошо примененных жестокостей». 30. Состояние пасечника, провоцирующее пчел на агрессивность. 31. Один из двух инструментов, для которых написано начало «Реквиема» В. Моцарта. 34. Богатырь, побежденный в 1022 году князем Мстиславом Владимировичем. 35. Французская ракета, нить названия которой тянется к героине греческой мифологии. 39. Книга В. Шульгина, в первых строках которой упомянута газета «Киевлянин». 43. Отличие Тартальи — маски в комедии Дель Арте. 45. Сестра В. Моцарта, знавшая, брат был уверен, что Сальери отравил его. 47. Центр самого пшеничного района Перу. 49. Город в Бельгии. Здесь 6 ноября 1792 года французские республиканские войска одержали блестящую победу над австрийцами, после чего заняли всю страну. 50. Старинное название дерева с листьями. 51. Самая исхоженная альпинистами вершина.

По вертикали:

1. Профессия создателей первого в нашей стране студенческого строительного отряда. 2. Каждый в Латинской Америке из ставящих надгробия в форме предмета, с которым ближе всего ассоциируется деятельность усопшего. 4. Совершенно необходимый для тоталитаризма объект. 5. Старинное название болота с бурой водой. 6. Цветок, «геральдическая лилия» французского королевского двора. 7. Тупая, малообразованная толпа в русской поэзии пушкинского времени. 8. Писатель, о котором в византийском словаре «Свида» сказано: «Родом из италийского города Пренесты, жрец и софист, по имени Клавдий, по прозвищу «Сладкоречивый» или «Сладкогласный», подвизался в Риме в послеадриановское время». 11. Сбор в Турции на подарки султану в XVI—XVIII веках. 12. Название балдахина в «Хожении за три моря Афанасия Никитина». 13. Один из городов, объединенных в XV веке в Ганзейский союз. 14. Буква, которую мечтал упразднить А. Чехов. 18. Самоцвет, чьи синонимы: жад индийский, искряк, сандастрос, собрание любви. 19. Недомогание. Этим словом прежде в народе называли грипп. 20. Луи Армстронг как музыкант. 21. Житель исторической провинции с главным городом По. 23. Трехкратный чемпион Венгрии по шахматам. 24. Ансамбль, где два альта или две виолончели. 25. «Русский аэроход», сконструированный и испытанный в 1913 году Василием Каменским. 26. Сказавший о себе: «Мне выпала горькая слава быть человеком, который идет на рожон. И еще горькая слава мне выпала — долг мой — быть русским писателем и быть честным с собой и с Россией». 29. Название двух рек в Архангельской области. 32 Награда А. Чехова за инициативу по возведению памятника Петру I в Таганроге. 33. Пушкинская героиня, надменно сказавшая: «Пастух, я не люблю тебя!» 36. «Бубновый...» — объединение, участников которого называли «московскими сезаннистами». 37. Украшение, почти загораживающее икону, ее живопись. 38. Африканское животное. Для телят, потерявших мать, в национальном парке Найроби есть «сиротский дом». 40. Ночлежка в общественном смысле в популярной пьесе М. Горького. 41. Два раза родится, ни разу не крестится, а черт его боится (загадка). 42. ...не укора, да сума не хороша (русская пословица). 44. Третья наряду с Гигиеей и Панакеей (Панацеей) дочь Асклепия. В переводе на русский ее имя значит «лечение». 46. Южное дерево. Его плоды весят до трех килограммов. 48. Сосуд, в котором так и не родился «философский камень».

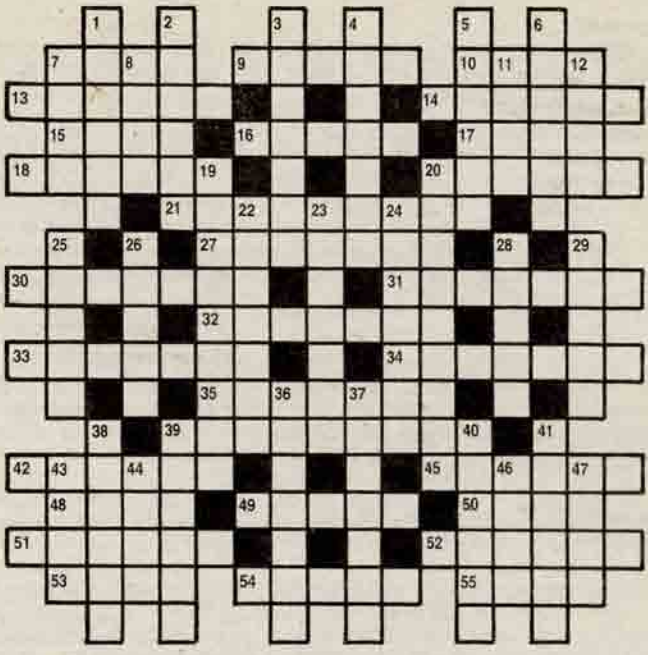
ОТВЕТЫ НА «ЭРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

2. Лафон. 5. Сумах. 9. Вено. 10. Волк. 11. Коневодство. 12. Блэк. 14. Язва. 17. Тагимасад. 22. Дворяне. 23. Клубень. 24. Же. 25. Стильб. 26. Асасе... 28. Изгон. 29. Лист. 30. Акын. 31. ...Клото... (названы мойры греческой мифологии). 33. Уэльс. 35. Велень. 37. Ош. 38. Пикколо. 39. Пскович. 40. Земляника. 43. Рапс. 46. Панг («Турандот» Д. Пуччини). 48. Чиноначалие. 49. Басё. 50. Часы. 51. Тукан. 52. «Юдифь» (Джорджоне).

По вертикали:

1. Шерл. 2. Локк. 3. Фонтане. 4. Нивхи. 5. Саджа. 6. Миткаль. 7. Хвоя. 8. Улов. 12. Будка. 13. Эзофагоскоп. 15. Змееголовка. 16. Амьен. 17. Тяжеловес. 18. Ге. 19. Мита. 20 ...склока... 21. «Дубинушка». 27. Псалом. 31. Купер. 32. Иния. 34. Сычуг. 36. Елейник. 37. «Осколки» 39. Пи. 41. Лунин. 42. «Ночью». 44. Агат. 45. Счет. 46. Печь. 47. Наст.

КРОССВОРД составил М. СТАРОБИНЕЦ, Нижний Новгород

По горизонтали:

7. Красочно описанная Н. Гоголем достопримечательность Миргорода. 9. Время, с которым связана фамилия поэта из села Константиново. 10. Протока между озерами. 13. Молодой холостой крестьянин в Древней Руси. 14. Предмет, с каким Киса Воробьянинов покушался на жизнь Остапа Бендера. 15. Была бы спина, будет и... (пословица). 16. Правый приток Печоры. 17. Первый город и первая столица Японии. 18. Одна из организаторов журнала «Работница», первый номер которого вышел в 1914 году. 20. Страница газетного текста. 21. Постановщик фильма «Лев Толстой», где он исполнил заглавную роль. 27. Состояние. 30. Самое питательное кондитерское изделие. 31. Центр международных шахматных турниров, ежегодно с 1977 года проходящих в Нидерландах. 32. Актер, исполнивший роль алчного хапуги Димы Семицветова в фильме «Берегись автомобиля». 33. Существо, которое днем с огнем искал греческий мудрец Диоген. 34. Свидание. 35. Шахматист, первый советский чемпион мира в игре по переписке. 39. Советский дирижер и композитор. Как пианист много лет выступал с А. Неждановой. 42. Представитель группы арабов, у которой свадебный деликатес — жареный верблюд с начинкой: яйца — в рыбе, рыба — в курах, куры — в баранах, бараны — в нем. 45. Работник пропускного пункта. 48. Север. 49. Больше моря —... 50. Устройство для вылавливания мин. 51. Окно в потолке. 52. Советский математик и механик. 53. Родная среда карасей. 54. «Золотая»

мера. 55. Пристань на Большой Белой в Иркутской области.

По вертикали:

1. Форма стихотворения, возникшая во Франции в XVII веке, когда поэт Дюло потерял рукопись с тремястами сонетов, вернее, с рифмами для них. 2. Вьетнамский порт. 3. Шутливое название врача. 4. Еще не бронзовый, но уже и не каменный век. 5. Один из основателей отечественной науки об обитающих в воде организмах. 6. «Брат» мандарина. 7. Дерево, «роняющее» листья в суп. 8. Невеста после свадьбы. 11. Сорок букшей или сто динаров. 12. Русский слабоалкогольный напиток. 19. Самая знаменитая книга эпохи итальянского гуманизма, среди героев которой — художник Джотто, поэт Кавальканти. 20. Советский востоковед, участник разработки письменности для бесписьменных народов. 22. Сторонник решительных действий. 23. Писатель, утверждавший «Дни и ночи», что «Товарищи по оружию» «Солдатами не рождаются». 24. Фамилия русских литейщиков — колокольных и пушечных дел мастеров. 25. Английский крестьянин в средние века. 26. Последняя, ставшая роковой должность А. Грибоедова. 28. Стукач в детстве. 29. На дворе трава, на траве... (скороговорка). 36. Английская территория в Азии с массовым производством пластмассовых игрушек. 37. Упражнение, урок. 38. Горицвет, лекарственное растение. 39. Соединение вещества с водой. 40. «Партизанская» одежда. 41. Спортивный снаряд. 43. Дальневосточный зверь, порой, по свидетельству В. Арсеньева, спускающийся к морю отведать соленой воды. 44. Металл, которому Д. Менделеев первым напророчил великое будущее. 46. Самый неприхотливый овощ. 47. Украшение праздника.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

1. Пятак. 4. Егоза. 11. Жаворонок. 12. Увлечение. 15. Расписание. 16. Топонимика. 18. Случай. 19. Дроздов. 20. Шошоне. 23. Юстиция. 24. Фиктивность. 26. Чинквеченто. 31. Разнотравье. 32. Антиген. 36. Оратай. 37. Небытие. 38. Ангкор. 41. Стратостат. 42. Пироксенит. 43. Узурпатор. 44. Удивление. 45. Тягач. 46. Инвар.

По вертикали:

2. Яровизация. 3. Аромат. 5. Глебов. 6. Звенигород. 7. Гансвурст. 8. Колибри. 9. Автопортрет... 10. Видимость. 13. Гросс. 14. Лазер. 17. «Язвительный». 21. Министр. 22. ...святыня. 25. Экзаменатор. 27. Парафраза. 28. Инфантерия. 29. Хионосфера. 30. «Щелкунчик». 33. Хонсю. 34. Цилиндр. 35. Бритт. 39. Эспада. 40. Болван.

Окончание. Начало на 210-й стр.

Оттаявший смех «ЛАДАМАНАЗА»

будущие друзья, Дэн и Пит, проживая на окраине Дамферлайна, вместе пели в церковном хоре мальчиков на свадьбах и похоронах, приобретя тем самым интерес к шоу-бизнесу. Что касается религиозности, то, по признанию Пита, «его бы мама убила, если бы он не верил в Бога». «А если бы я не верил в Бога, то мама Пита убила бы и меня»,— отметил при этом Даррелл.

Самой любимой своей пластинкой группа всегда считает... следующую. А если серьезно, то лучшей признана двойная концертная, записанная во время гастролей по Канаде и США в 81-м году. В определении самого неудачного альбома расхождения мнений тоже не получилось. Таковым признан альбом «Упражнения», который, по признанию Пита, хранится только у его матери.

Первая сольная пластинка Дэна появилась, когда Пит временно не мог работать в группе.

Что до предугадывания успеха песни, то, по мнению Дэна, во время записи он каждый раз надеется, что получится хит, но в большинстве случаев этого не происходит. Именно поэтому, очевидно, в ведущих рок-энциклопедиях «Назарет» едва упоминается. «Объективно мы не можем назвать себя большими звездами»,— признаются музыканты и, самокритично считая, что они уступают, например, «Роллинг Стоунз», отводят себе в списке самых лучших рок-групп всего лишь... третье место.

«Мне нравилась эта группа, когда я в ней играл раньше, нравится и сейчас. Мы все — одна большая семья»,— говорит Билли. Значительная разница в возрасте его не смущает. Кстати, на вопрос, относятся ли к Билли в группе по-товарищески или по-отечески, Даррелл заметил, что они ему скорее дяди, хотя среди них есть и два его отца. Конечно, живя такой семьей, невозможно провести вместе столько лет и не ссориться, особенно когда они получают счет в баре. Но гармония в отношениях по-прежнему существует. Уж не способствует ли ей общая тяга к курению?

Весь квартет тут же раскашлялся, после чего объявил себя коллективом очень здоровых людей, регулярно увлекающихся спортом в качестве поклонников футбола на самом высоком, олимпийском, уровне. Даррелл к тому же любит кататься на водных лыжах и уверяет, что у него очень хорошо получается. И вообще все они делают зарядку, быстро сбегая, например, по лестнице из гостиничного номера в бар и обратно, да еще по нескольку раз кряду!

Свободное время хотели бы проводить с женщинами, но в дороге обычно смотрят телевизор, а дома стараются подольше побыть с семьями. У Пита, между прочим, есть список из шестисот наименований того, что ему необходимо сделать, когда он дома.

Возвращаясь от темы виски к музыке, хотя, по мнению «назаретян», это одно и то же, отмечу, что из музкультуры нашей страны участники квартета имеют представление только о Большом театре. Кстати, на готовящейся сейчас новой пластинке «Назарета» предполагается появление песни о его пребывании в СССР. Возможно, мы услышим ее и в концертном исполнении, ведь на следующий год Дэн, Даррелл, Пит и Билли снова собираются к нам.

Николай БЕРЕЗИН

НАЗАРЕТ

ИНДЕКС 70820. 1 р. 85 коп.

БХАГАВАД-ГИТА
как она есть
УЧЕНИЕ НАСТУПАЮЩЕГО ЗОЛОТОГО ВЕКА

Если вы уже успели разочароваться в окружающей действительности, если вы больше не находите утешения в своих друзьях и близких, если вы устали от всего –

НЕ ПАДАЙТЕ ДУХОМ! Бхагавад-гита принесет вам истинный покой и счастье, она укажет вам путь и поможет найти себя.

Книги издательства «БХАКТИВЕДАНТА БУК ТРАСТ» можно заказать по телефону для организаций – 945-48-35; 945-48-12, для индивидуальных заказчиков – 176-96
Наш адрес: 125284, Москва, Хорошевское шоссе, д. 8, корп. 3.